Геро фон Мергарт

ДАЛЁКО

КАРТИНЫ ИЗ СИБИРСКИХ БУДНЕЙ

Красноярский краевой
краеведческий музей

Gero von Merhart

DALJOKO

Bilder aus sibirischen Arbeitstagen

Innsbruck
Privatdruck
1960

Геро фон Мергарт

ДАЛЁКО

Картины из сибирских будней

Красноярск
Поликор
2023

УДК 94(571.51)
ББК 63.3(2Рос-4Крн)
М 52

М 52 Мергарт, Г. фон. Далёко: картины из сибирских будней / Красноярский краевой краеведческий музей ; сост., пер. с нем. Е. В. Детловой ; комм., примеч. Е. В. Детловой, С. В. Кузьминых. — Красноярск : Поликор, 2023. — 336 с. : ил. — Пер. изд.: Daljoko / Gero von Merhart. — Innsbruk, 1960.

ISBN 978-5-6049181-5-9

Мемуары «Далёко: картины из сибирских будней» принадлежат перу известного европейского археолога Геро фон Мергарта (1886–1959), который попал в Сибирь как военнопленный офицер Первой мировой войны и провел здесь почти 7 лет. Последние два года он возглавлял отдел археологии Музея Приенисейского края (ныне Красноярский краевой краеведческий музей). Эта книга — своего рода путевой дневник, серия очерков о нашем крае, людях, условиях жизни и работы в самое непростое для страны время Гражданской войны. На русском языке мемуары публикуются впервые. Повествование органично дополняют «Воспоминания о Советской России» Геро фон Мергарта, а также его письма в красноярский музей.

ISBN 978-5-6049181-5-9

Издание осуществляется
при поддержке
государственной
грантовой программы
Красноярского края

© Е. В. Детлова, перевод, вступительная статья, 2023
© Е. В. Детлова, С. В. Кузьминых, комментарии и примечания, 2023
© КГАУК «Красноярский краевой краеведческий музей», иллюстрации, 2023

Оглавление

От составителя и переводчика
Геро фон Мергарт: «Обыкновенная биография в необыкновенное время» 7
«Сибириада» Геро фон Мергарта 7
Путь в Марбург 12
«Картины из сибирских будней». История создания 15
Вторая жизнь «Далёко» и история иллюстрирования 16
Русское издание «Далёко» и «трудности перевода» 18
«Воспоминания о Советской России» и письма Г. Мергарта в Красноярск 19
Благодарности 20
P. S. Две картины 23
Эрнст Шпрокхоф
В напутствие 25

Геро фон Мергарт. Далёко: картины из сибирских будней

Предисловие 35
Глава первая
Наконец-то! Первая рабочая зима 39
Глава вторая
Весна и отъезд 78
Глава третья
Степь и могилы 98
Глава четвертая
Татары и их железная дорога 114
Глава пятая
Вниз по Енисею 124

Глава шестая
С оси на ось 156
Глава седьмая
По деревням и избам 168
Глава восьмая
Новая зима 194
Глава девятая
Калейдоскоп возвращения на родину 224

Приложения

Геро фон Мергарт
Воспоминания о Советской России 260
I. Приключение в Красноярске 260
II. Разрушенный большевистский идеал 267
III. Музей в Красноярске 272
Письма Геро фон Мергарта в Музей Приенисейского края . . . 276
I. Минусинск, 14.07.1920 276
II. Москва, 25.07.1921 280
III. Петербург, 24.08.1921 284
IV. Мюнхен, 16.05.1922 287
V. Мюнхен, 22.04.23 293
VI. Майнц, 31.08.1927 298
Листовки Енисейской губернии 300
Работы военнопленных художников 313

Основные даты биографии Геро фон Мергарта 321
Литература 323
Список сокращений 329
Список иллюстраций 331

От составителя и переводчика

Геро фон Мергарт: «Обыкновенная биография в необыкновенное время»

«Сибириада» Геро фон Мергарта

Имя Геро фон Мергарта, на заслуги которого может претендовать все европейское научное сообщество и которого в равной степени можно назвать русским, австрийским и немецким ученым, хорошо известно каждому, кто когда-либо соприкасался с историей археологических исследований. Выдающийся европейский ученый, первый штатный профессор древней истории Германии, он известен в первую очередь благодаря своим исследованиям и работам в области сибирской археологии в 1920-е гг. Как и почему этот незаурядный человек, «русский археолог с нерусской фамилией», оказался в Сибири, за многие тысячи километров от родной Австрии? Для того чтобы ответить на этот вопрос и проследить перипетии «трудной, но прекрасной», по его собственному выражению, судьбы, отмотаем время назад и вернемся в прошлое, к истокам.

Огромное значение на формирование личности ученого оказала среда, обстановка и люди, которые окружали его с ранних лет. Геро Мергарт фон Бернегг родился 17 октября 1886 года в семье Вальтера Мергарта фон Бернегга и его супруги Каролины Бир в фамильном имении в городе Брегенце (Австрия). Среди его предков по материнской линии — писатели, поэты, чье творчество стало национальным достоянием в этом уголке Австрии. От них он унаследовал склонность к гуманитарным наукам, любовь к истории родного края и художественному слову. Отец — кадровый офицер Вальтер Мергарт — привил сыну чувство долга, понятие о чести, готовность защищать свою страну. Обучение в одной из престижных школ — иезуитской гимназии

«Стелла Матутина» в Фельдкирхе неподалеку от родного Брегенца, воспитание в духе свободомыслия и либеральности не только дали качественное образование, но и сформировали самостоятельность, нетрафаретность и критицизм мышления. В 1907 году, после окончания гимназии, Мергарт сдает экзамены на аттестат зрелости, после чего проходит годичную военную подготовку. Свой путь в науку он начинает в 1908 году, когда поступает в Мюнхенский университет. Здесь он специализируется в области естественных дисциплин и в 1913 году защищает диплом по геологии. Обучение под руководством лучших академических преподавателей того времени заложило прочный фундамент знаний в области естественных наук. Но уже в годы учебы зародилось увлечение начинающего ученого первобытной историей, которое позже переросло в глубокий и непреходящий интерес. Одну из своих студенческих работ Мергарт посвятил керамике железного века альпийского региона. Тесно он соприкасался с археологией и после окончания учебы, когда работал в качестве ассистента Мюнхенского государственного антрополого-археологического государственного собрания.

Однако отпрыска одного из самых известных аристократических семейств Австрии, получившего отменное воспитание и образование, ждало совсем не такое будущее, которое, казалось, было ему уготовано по праву рождения. Блестящее будущее молодого ученого, как и многих его сверстников, исковеркала Первая мировая война, в которую он вступил как истинный патриот своего Отечества, с убежденностью в ее правильности. В августе 1914 года Геро Мергарта призвали на военную службу, однако повоевал он недолго — 10 декабря того же года в Галиции (Западная Украина) он попал в русский плен. Эйфория и патриотический настрой, с которыми он отправился на фронт, вскоре сменились разочарованием и депрессией. В 1915 году Мергарт оказался в Сибири, и с этого времени начался новый этап его жизни, его «сибириада».

Первые два года плена, 1915–1916 гг., ученый находился в лагерях для военнопленных офицеров в поселках Антипиха и Даурия под Читой (Забайкалье), не имея возможности заниматься научной деятельностью. Не случайно эти годы без науки Геро Мергарт считал «выброшенными из жизни» и редко упоминал о них в мемуарах и в письмах. Однако он не оставлял надежды когда-нибудь вновь вернуться на научную стезю. В 1916 году его перевели в Канск — небольшой город Енисейской губернии, где тем не менее был музей и где он получил возможность время от времени совершать вылазки с целью археологической разведки в окрестностях города. В результате знакомства с археологическими коллекциями местного музея, ряда разведочных

экскурсий в окрестностях Канска у ученого постепенно сформировалось представление о богатстве сибирской археологии и широком поле для научной деятельности. Однако небольшой провинциальный городок не имел серьезной базы для исследовательской работы. Мергарт начал хлопотать о переводе в университетский город или город, в котором есть крупный научный центр. Так, он обращался в Иркутский университет к профессору Бернгарду Эдуардовичу Петри, заведующему единственной в Сибири кафедрой древней истории. К сожалению, в Иркутске не нашлось возможности оплатить услуги Мергарта или обеспечить ему хотя бы минимальные средства к существованию. Аналогичный запрос ученый направил в 1919 году в Музей Приенисейского края в Красноярск. В то время музеем руководил Аркадий Яковлевич Тугаринов. Будучи талантливым и разносторонне одаренным человеком, он старался привлечь к работе в музее специалистов из разных областей науки, невзирая на их национальность и статус. На просьбу австрийского археолога он ответил положительно.

Летом 1919 года Мергарт прибыл в Красноярск. Приезд ученого совпал с одним из самых трагических событий Гражданской войны — мятежом в красноярском лагере для военнопленных в военном городке. Последствия этого восстания и расправа над его участниками усугубили мрачную атмосферу и царящее в лагере гнетущее настроение. Долгожданное начало работы в музее, вследствие бюрократических и иных проволочек, также отодвинулось на неопределенное время. Только спустя три месяца, 3 ноября 1919 года, австрийский археолог смог приступить к своим занятиям. Сначала он трудился в качестве реставратора, а с января 1920 года состоял в должности заведующего отделом древней истории музея.

В музейных занятиях не было недостатка. Хаотично нагроможденные археологические коллекции требовали долгой кропотливой работы по их сортировке, классификации и реставрации. Для археологов, помимо заданий в самом музее, весной прибавились полевые исследования, прежде всего в окрестностях Красноярска, в частности на Афонтовой горе. А летом 1920 года вместе со своими спутниками Георгием Петровичем Сосновским и Владимиром Петровичем Ермолаевым Мергарт совершил продолжительную поездку на юг края в Минусинскую котловину, которая давно являлась объектом пристального внимания русских и зарубежных ученых. Целью экспедиции была разведка археологических памятников различных эпох. Продолжением экскурсии на юг края стала поездка по Енисею на север, до Енисейска, которую Мергарт осуществил в компании А. Я. Тугаринова. Подводя итоги летней экспедиции, ученый отмечал, что при его непосредственном участии было проведено обследование в общей сложности

«40 дюнных и 10 лессовых стоянок палеолита, раскопано два кургана с 14 погребениями и четыре отдельные могилы, измерен курганный могильник с 76 курганами, обследовано пять городищ и зарисован глазомерный план одного из них (Туран), констатированы и частью срисованы три группы писаниц и раскопана одна плавильная железная печь»[1].

По возвращении в Красноярск Мергарт узнаёт о том, что эвакуация бывших военнопленных на родину уже началась, а состояние его здоровья позволяет ему рассчитывать на отправку в одной из первых партий. Но, несмотря на огромное желание поскорее увидеть родных и «землю, дороже которой ничего нет», Мергарт принял непростое для себя решение остаться еще на некоторое время в Сибири, чтобы завершить начатую в музее работу.

Рабочий процесс тормозили и затрудняли различного рода помехи, в первую очередь неблагоприятные внешние обстоятельства: чехарда, связанная со сменой правительств, вмешательство властей, полуосадное положение, в котором находился музей в условиях военного времени, и, наконец, пристальное внимание со стороны Чрезвычайной комиссии к «подозрительным» персонам вроде бывших военнопленных, к числу которых относился и Мергарт. Практически парализовало работу в музее отсутствие нормальных бытовых условий. Научные исследования перемежались с насущными заботами о пропитании и отоплении. Неотъемлемым спутником жизни ученого на протяжении всего времени пребывания в Красноярске стал голод. Адаптация к чуждой для его воспитания и культуры среде также протекала не всегда безболезненно.

Неоценимую помощь и поддержку в это непростое время оказали иностранному коллеге красноярские музейщики. С красноярцами он продолжал поддерживать отношения в переписке на протяжении 1920-х гг., им же он посвятил свой самый известный научный труд — «Бронзовый век на Енисее»[2] (1926).

Вторая зима, еще более трудная и голодная, чем первая, окончательно подорвала здоровье ученого. На фоне физического истощения, усугубленного изнуряющими приступами малярии, стала развиваться острая болезнь глаз, которая к концу жизни привела к почти полной слепоте. Более того — стремление Мергарта выполнить долг перед сибирской наукой и для этого отсрочить возвращение на родину на полгода в Германии было расценено фактически как акт измены:

[1] НА КККМ. Оп. 1. Д. 357. Л. 17. Отчет по Музею Приенисейского края за 1920 г. Составлен А. Я. Тугариновым.

[2] *Merhart G.* Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien: Anton Schroll & Co, 1926. 189 s.

он был уволен с прежней должности в Мюнхене и, таким образом, оставлен без средств к существованию.

Однако время, проведенное в Красноярске, не было потеряно напрасно. За короткий срок (меньше двух лет) ученому удалось сделать многое. В числе его заслуг перед красноярским музеем и сибирской наукой можно назвать следующие:

- Под его руководством и при его непосредственном участии была проведена инвентаризация, классификация, обработка и реставрация археологических коллекций красноярского музея, а также частично приведены в порядок фонды минусинского и енисейского музеев. Известными в России специалистами (например, С. А. Теплоуховым и Б. Э. Петри) было отмечено высокое качество произведенных австрийским коллегой реставрационных работ.
- Значительно пополнен фонд древностей красноярского музея, в том числе и личными коллекциями Мергарта из его ранних сборов и из сборов, сделанных им и его коллегами в 1920 году. Кроме того, ученый способствовал снабжению специальной литературой библиотечных фондов музея: 27 июня 1921 года, за день до отъезда на родину, он передал музею ряд немецких книг, а по мере появления в Европе и Америке его работ «сибирского цикла» он также пересылал их в дар красноярскому музею.
- Разработана концепция, прописаны основные принципы, даны практические рекомендации по подготовке будущей экспозиции по древней истории для нового здания музея. Экспозиция 1922 года создавалась в соответствии с этими указаниями.
- Намечена и частично воплощена в жизнь перспективная программа археологического изучения Приенисейского края. Бесспорной заслугой Мергарта можно считать первенство в открытии новых палеолитических стоянок летом 1920 года, которые наметили вехи для дальнейших исследований российских ученых. Если ранее в отчете ученый указывал, что в красноярском музее имеются сборы из 12 пунктов, то в результате его работ и совместных исследований с коллегами их количество возросло до 20 и существенно расширился ареал палеолитических памятников в долине Енисея.
- Заметное влияние Мергарт оказал на формирование взглядов красноярских археологов (Н. К. Ауэрбаха, Г. П. Сосновского и др.). В сибирскую археологию он также привнес методику и технику раскопок европейской школы и сделал ряд важных наблюдений (например, относительно своеобразия палеолита Афонтовой горы, андроновской культуры, путей распространения неолитических культур по территории Сибири и др.), которые позднее развил в ряде своих публикаций.

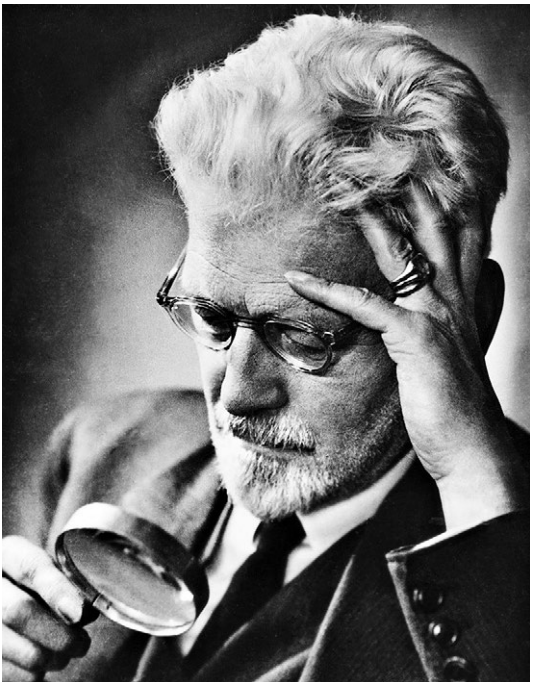
29 июня 1921 года Мергарт покинул Красноярск. В последние месяцы своего пребывания в России он продолжил по крупицам собирать материал для своих исследований, рассеянный по различным российским музеям. Для этого он выбрал гораздо более длительный и сложный путь возвращения на родину: через всю страну, с посещением музеев Казани, Москвы, Петрограда.

Путь в Марбург

Осенью того же года ученый вернулся на родину, разлука с которой затянулась на семь лет. Отчизна встретила его неласково: родные уже потеряли надежду когда-нибудь увидеть его снова и считали погибшим, а его прежняя должность была занята. С этого момента вплоть до 1927 года Мергарт был вынужден существовать на свои скромные средства. Положение отца семейства (в 1922 году Мергарт вступил в брак, а год спустя у него родился сын) налагало обязательства содержать не только себя самого, но и своих близких. На фоне царящего в Германии финансового кризиса и безработицы занятие такой «бесперспективной» наукой, как первобытная археология, не приносило никакого иного дохода, кроме морального удовлетворения. Должность хранителя доисторических коллекций в Музее Фердинанда в Инсбруке и в Форарльбергском краеведческом музее (Австрия), как и чтение лекций по древней истории в Инсбрукском университете, исполнялись ученым абсолютно безвозмездно, хотя ему вновь досталась самая трудоемкая работа — приведение в порядок коллекций, их систематизация и описание.

Несмотря на все трудности, 1920-е гг. были чрезвычайно плодотворными в плане научных достижений. В эти годы пристальное внимание Мергарт уделял сибирской археологии. Сразу по приезде на родину он начал работать над диссертацией о бронзовом веке в Приенисейском крае, которую защитил в 1924 году в Инсбрукском университете. Впоследствии эта работа легла в основу его книги «Бронзовый век на Енисее» (1926). Мергарт, кроме того, является автором ряда других публикаций по сибирской археологии, охватывающих обширный хронологический период от палеолита до раннего железного века.

Для самого ученого «сибирский этап» карьеры был не менее важен: именно в Сибири окончательно завершилось становление его как археолога, определился спектр его интересов в древней истории, отчеканился научный метод, который прослеживается во всех его



Геро фон Мергарт в Марбурге. 1945 г. Фотограф В. Ден.
Архив Форарльбергского краеведческого музея

дальнейших трудах. До конца 1920-х гг. «сибирский вектор» оставался приоритетным в его исследованиях.

Финансовая ситуация несколько изменилась к лучшему лишь в 1927 году, когда немецкое правительство предложило Мергарту оплачиваемое место ассистента директора Римско-Германского центрального музея в Майнце. В этом качестве Мергарт проработал недолго, так как через год ему поступило более выгодное предложение — должность штатного профессора на впервые учреждаемой в Германии кафедре древней истории Университета Филиппа в г. Марбурге-на-Ланне. 1 мая 1928 года Мергарт приступил к исполнению своих новых обязанностей. В Германии он стал известен не только благодаря научным достижениям, но и как выдающийся педагог и основатель своей научной школы. «Однажды обо мне скажут: „Он был учитель и человек, но до ученого ему не хватило ни душевных, ни физических сил“. И если скажут только это, я буду горд, так как уже за учителя и человека я сражался со всей отдачей сил <...> мои ученики станут когда-нибудь моими книгами. Увы, но и моими трудами тоже», — признавался он в письме своему финскому другу и коллеге Арне Михаэлю Тальгрену[3].

[3] Мергарт Тальгрену, 06.04.1934. Письма Мергарта Тальгрену хранятся в Рукописном архиве Национальной библиотеки Финляндии.

Отрадой и утешением служили ученому не только научные достижения питомцев Марбургской семинарии, но и доверие, уважение и глубокая симпатия, которые они питали к нему как к человеку. Отпечаток «школы Мергарта» остался в трудах всех его учеников, которые унаследовали от своего учителя не только характерный научный стиль, но и подход к организации исследований, скрупулезность, точность, критицизм, высокий уровень подготовки, масштабность в постановке задач, независимость взглядов и суждений.

Такое положение вещей, неприятие Мергартом постулатов нацизма, несоответствие обучения в Марбургской семинарии догмам и духу новой идеологии — все это не могло остаться незамеченным. Тучи начали сгущаться над Марбургской кафедрой и ее руководителем с начала 1930-х гг. Формальных поводов к гонениям на Мергарта было несколько: в вину ему вменялось и заступничество за коллегу-археолога еврейского происхождения, и воспитание сына в католической гимназии. Конфликт с действующим режимом привел к тому, что в итоге ученого заклеймили как «самого опасного, но самого трудноуловимого врага доистории»[4], в 1938 году отстранили от преподавания, а в 1942 году без должных почестей отправили на пенсию.

Более сокрушительным ударом, нежели опала властей, послужила для Мергарта смерть многих его учеников, в которых он видел своих преемников, в годы Второй мировой войны: «Многие из моих молодых людей погибли на Западе и Востоке, а для учителя это значит — похоронить все надежды. <...> Словно теряешь собственных детей»[5], — с горечью писал он в одном из писем.

Мергарту суждено было вернуться в Марбург еще раз, после окончания войны. В 1945 году его вновь пригласили возглавить кафедру. Он преподавал еще четыре года и за это время подготовил новое поколение археологов. Ученики Мергарта стояли во главе исследовательских институтов и музеев в ФРГ и ГДР, а также за рубежом — в Европе и Азии, плодотворно трудились как академические учителя, музейщики и специалисты по охране памятников. Особой заслугой Мергарта перед мировой наукой, помимо всего прочего, является и то, что при сложнейших политических обстоятельствах, когда в Европе царила ненависть к «большевистской России», интерес к Сибири и к совместной с русскими коллегами работе он сумел передать своим ученикам в Германии. Начатое им почти девять десятилетий назад плодотворное российско-германское сотрудничество продолжается до сих пор.

[4] *Kossak G.* Prähistorische Archäologie in Deutschland im Wandel der geistigen und politischen Situation. München, 1999. S. 70.

[5] Мергарт Тальгрену, 03.01.1943.

В 1949 году Мергарт покинул Германию и переселился в родовое имение Бернегг в Швейцарии, где вплоть до своей смерти 4 марта 1959 года продолжал заниматься научной работой.

«Картины из сибирских будней». История создания

Все связи Мергарта с Россией оборвались еще в 1930-е гг., но «восточный вектор» на долгое время оставался в поле его зрения. Все это время ученый не забывал о Красноярске и музее. Еще в своих ранних письмах он неоднократно высказывал намерение вернуться сюда. Мечте когда-нибудь вновь поработать в Сибири не суждено было сбыться, однако она воплотилась в работах ученого: помимо научных публикаций сибирской тематике он посвятил несколько литературных произведений. К работе над мемуарами под названием «Далёко: картины из сибирских будней»[6] Мергарт приступил в 1923 году, то есть вскоре после своего возвращения на родину. В письме Тальгрену он писал, что «...одно издательство заказало мне популярную книгу о моей сибирской жизни, каковую я сейчас и описываю»[7].

В течение следующих двух лет Мергарт продолжал работу над книгой, которую завершил к 1925 году: «Когда я читал, как Вы плыли вверх по Волге-матушке, я как раз закончил свое повествование о том, как я плыл там же. Вы же знаете, что я уже третье лето занимаюсь тем, что пишу свои путевые заметки. Если издатель, который в свое время заказал эту книгу, еще захочет ее опубликовать, тогда Вы сможете прочитать, как я жил тогда, и также о моих поденных работах в Питере, которыми „можно гордиться“ и которые состояли в том, что я, пропустив корабль, с которым должен был отправиться, остался без денег, а следующий не приходил слишком долго, из-за этого я был вынужден трудиться угольщиком, пильщиком, упаковщиком мебели и дворником; причем с прискорбием вынужден констатировать, что так я зарабатывал на свое содержание гораздо лучше, нежели когда-нибудь первобытной историей. И теперь эти мемуары господина Страленберга-второго закончены...»[8].

Некоторые детали заставляют, однако, думать, что в процессе создания первоначально задуманный вариант книги претерпел некоторые изменения. К примеру, в своих более ранних письмах Мергарт, повествуя о пребывании в столичных городах Москве и Петербурге,

[6] *Merhart G.* Daljoko: Bilder aus sibirischen Arbeitstagen. Privatdruck Innsbruck, 1960. S. 208.
[7] Мергарт Тальгрену, 05.09.1923.
[8] Мергарт Тальгрену, 19.09.1925.

значительное место уделяет описанию встреч с одним из ведущих археологов России Василием Алексеевичем Городцовым. Но, несмотря на значимость этой персоны и на то, что Мергарт подробно описывает фигуры других российских коллег, в «Далёко» имя Городцова не упоминается вовсе. Объяснить это можно тем, что во время работы над произведением между Мергартом и Городцовым в 1924–1925 гг. произошел серьезный профессионально-личностный конфликт, бросивший тень на их дальнейшие отношения и ставший, по-видимому, причиной того, что этот эпизод в окончательный вариант мемуаров включен не был.

Название для «Далёко» автор выбрал не случайно, об этом он сам говорит в предисловии. «Далёко» представляет собой многослойное повествование, в котором нашли отражение различные сюжеты. Помимо событий политических большое внимание уделяет автор описанию уникальной природы Сибири, рек, ландшафтов, а также быта, жилищ, одежды, питания, досуга сибиряков. В последней главе Мергарт повествует о городах европейской части России: Казани, Москве, Петрограде, через которые пролегал его путь на родину.

Эта «ненаучная», по его выражению, книга не вызывала большого восторга среди ближайшего окружения автора в силу непонятности темы[9]. При жизни ученого произведение оставалось неизданным. Лишь после смерти Геро Мергарта его сын Ульрих опубликовал рукопись на собственные средства. В то время книга вышла небольшим тиражом и не предназначалась для широкого распространения. Долгое время она оставалась известной лишь скромному кругу читателей на родине автора. В России о ней до начала 1990-х гг. ничего не знали, как и о многих других произведениях ученого, в силу отрицательного отношения к представителям «буржуазной науки» в советское время.

Вторая жизнь «Далёко» и история иллюстрирования

В начале XXI века, когда интерес к незаслуженно забытым фигурам прошлого переживает свое второе рождение, возникла идея переиздания этих мемуаров, представляющих несомненную ценность для истории науки. Новое издание на немецком языке, снабженное иллюстрациями, комментариями, которое вышло в свет в 2008 году, — результат совместных усилий ученых, научных и культурных учреждений

[9] Племянница Геро Мергарта г-жа Барбара Штро-Чарнер рассказывала, что тому очень хотелось поделиться с близкими своими сибирскими воспоминаниями, но они, увы, не вызывали у них особого интереса, и это очень расстраивало «дядю Геро».

нескольких стран. Однако идея проиллюстрировать текст оригинальными фотографиями, которые бы наилучшим образом соответствовали содержанию книги, была не нова. В свое время она пришла в голову и самому автору. В одном из писем Тугаринову Мергарт обращался к тому с просьбой прислать несколько фотографий сибирских видов для иллюстрирования его сибирских мемуаров. Конкретно — «сгоревший музей, лодку на Енисее, типичную сибирскую деревню, бор, вид Красноярска от кладбища, дюны, может быть, кое-что иное по выбору Аркадия Яковлевича»[10].

Не все из перечисленного удалось отыскать: «Приветствую Вашу мысль издать свои воспоминания о сибирских годах, о нашем крае и работе в музее. К сожалению, я не могу исполнить целиком сейчас Вашей просьбы о фотографиях, некоторых сюжетов у меня с собою нет, но бóльшую часть посылаю вместе с этим письмом. Те, которые не пригодятся, пусть останутся у Вас на память. Всего посылаю 14 штук»[11].

«Посылаю Вам еще несколько снимков. К сожалению, у меня нет снимка лодки на Енисее, который Вы просите. Некоторое представление дает снимок Енисея против речки Караульной — это наша экскурсия туда в августе прошлого года»[12].

За присланные фото Мергарт благодарит Тугаринова в ответных письмах: «Дорогой Аркадий Яковлевич! Я должен просить прощения за то, что так долго оставлял без ответа Ваше большое письмо. Тем более что оно содержит так много прекрасных изображений, которые я приветствовал с неописуемой радостью. Для меня при всей нужде и лишениях это было великое время, и любое воспоминание об этом времени мне дорого. Так что для меня эти снимки прежде всего важны как воспоминания, а удовлетворенность издателя — уже второй вопрос. Потенциальные читатели моей книжицы тоже вряд ли поймут, что означало это время для меня. Книга будет называться „Далёко“, и Ваши снимки будут лучше всяких слов. <...> Думаю, что включу все присланные до сих пор фотографии, так как они все хороши. Только черная тайга, к сожалению, имеет блик. Может быть, у Вас также есть еще отличный „буек“? И мне просто необходим челнок. Совершенно превосходна Бирюса! Ну, дальше я не распространяюсь, Вы меня понимаете»[13].

«Дорогой Аркадий Яковлевич! Ваше письмо вместе с фотографиями и протоколом я получил. Большое спасибо. Добрый старый

[10] НА КККМ. Оп. 1. Д. 372. Л. 46 «З». Письма, имеющие отношение к деятельности музея.
[11] Тугаринов Мергарту, 28.05.24. Письма красноярских коллег Мергарту хранятся в личном архиве ученого в Марбургском университете Филиппа.
[12] Тугаринов Мергарту, 08.03.25.
[13] Мергарт Тугаринову, 26.08.1924.

Енисей! Не могу его забыть и все время живу надеждой когда-нибудь вновь его увидеть»[14].

Загадкой остается то, почему всё же фотографии не были использованы. Быть может, дальнейшее изучение архивного наследия Мергарта поможет прояснить этот факт. Однако приятно сознавать, что пусть и с опозданием на несколько десятилетий, но мы смогли выполнить желание Геро Мергарта, проиллюстрировать и достойным образом оформить это замечательное произведение, которое было дорого не только самому автору, но и не в меньшей степени всем нам.

В оформлении книги и создании иллюстративного ряда использованы преимущественно фотографии из фондов Красноярского краевого краеведческого музея, а также из семейного архива ученого. Предваряет основной текст вступительная статья коллеги и друга Геро Мергарта Эрнста Шпрокхофа, которая была и в первом, и во втором изданиях.

Русское издание «Далёко» и «трудности перевода»

Перевод мемуаров на русский язык занял почти 10 лет, так как не был непрерывным процессом. К работе над «Далёко» я возвращалась по мере наличия времени и сил. Должна признаться — с более сложным переводным материалом я до сих пор не сталкивалась. Перевод с немецкого языка обширного эпистолярного наследия ученого таких трудностей не вызывал: письма пишут, если так можно выразиться, «человеческим» языком, то есть более простыми, разговорными фразами. Разве что профессиональная «археологическая» терминология вызывала затруднение. Но в этом можно было положиться на помощь и консультации коллег-археологов. Художественный текст за авторством австрийского ученого, несмотря на все его достоинства — великолепный, живой, образный, богатый выразительными средствами, приправленный юмором и нотками сарказма язык повествования, — неожиданно оказался твердым орешком, который было трудно разгрызть не только мне. Многие выражения ставили в тупик и носителей языка, в том числе и земляков ученого. Во-первых, с точки зрения современной лингвистики язык «Далёко» устарел, многие архаичные слова уже не используются в обиходе и исчезли даже со страниц словарей. Во-вторых, Геро Мергарт рос, воспитывался, жил и работал на границе нескольких языковых сред. «Литературный немецкий» наслаивался на южнонемецкий, баварский, австрийский диалекты:

[14] Мергарт Тугаринову, 05.04.1925.

ткань повествования испещрена вкраплениями диалектизмов, свойственных только этой области и не имеющих в принципе аналогов в русском языке. Кроме того, она пестрит транслитерациями русских слов, некоторые из которых уже укоренились в немецком языке, «обросли» артиклями, изменяемой формой и производными от них, но часть из них (которым можно было с чистой совестью подобрать немецкий аналог) Мергарт ввел в очерк, видимо, для вящего придания соответствующего колорита. В-третьих, «линейная» интерпретация текста, однозначное истолкование фраз или целых фрагментов автором, так часто прибегающим к «игре слов», явно не предусматривалась. Подстрочный перевод не смог бы в полной мере раскрыть двойной смысл, подтекст этого семантически сложного, многозначного, насыщенного идиомами повествования.

Одним словом, в ходе работы над русским переводом периодически подмывало бросить эти мучения. И только светлый образ Геро Вальтеровича и сознание того, что книга будет читаема, интересна и важна для красноярцев, музейщиков и в целом сибирского краеведения, вдохновляли на дальнейший штурм запутанной вязи словесных рун. Все ошибки, огрехи и несуразности — на совести переводчика, но никак не автора оригинального текста.

«Воспоминания о Советской России» и письма Г. Мергарта в Красноярск

Помимо научных статей Сибири Мергарт посвятил три литературных произведения. Одно из них — небольшой очерк-воспоминание, которое он написал по просьбе японского коллеги-археолога. Оно было напечатано в японском журнале «Палеология» в 1958 году[15]. С Сибирью связано еще одно литературное произведение Геро Мергарта — «Воспоминания о Советской России», которое в свое время было опубликовано в трех выпусках газеты «Мюнхенские новейшие известия»[16] в 1921–1922 гг. Это сочинение можно охарактеризовать как «Далёко» в миниатюре. События и последствия Гражданской войны в Красноярске, окончательное установление советской власти, изменения в социально-экономической ситуации, перемены в облике города, быте и настроении населения, работа в красноярском музее

[15] *Merhart G.* Einige Erinnerungen an Sibirien // Palaeologia 7. Japan: Osaka, 1958. S. 227–229.

[16] *Merhart G.* Erinnerungen an Räte-Rußland // Gero von Merhart. Ein deutscher Archäologe in Sibirien 1914–1921 (Deutsch-Russisches Symposium 4.-7. Juni 2009 Marburg) / Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg, Heft 59. Marburg, 2010. S. 29–37.

в тот период — ключевые темы повествования. Последняя глава, значительно более короткая, чем предыдущие, будто обрывается на полуслове. Можно только догадываться, почему так произошло. Мюнхенская газета, которая изначально выразила намерение опубликовать воспоминания ученого о Сибири, вскоре потеряла к этому интерес. Серия очерков осталась неоконченной.

В фондах Красноярского краевого краеведческого музея, помимо нескольких рукописей ученого и его публикаций, связанных с сибирской археологией, также сохранились его письма, которые органично дополняют его воспоминания. Четыре письма были опубликованы в 2006 году на немецком языке на родине ученого в Брегенце, в «Ежегоднике Форарльбергского музея»[17], на русском языке — в Красноярске, в альманахе «Енисейская провинция»[18]. Несколько лет назад копилка писем Мергарта в красноярский музей пополнилась еще двумя посланиями 1922–1923 гг. из Мюнхена. Все шесть писем «собрались вместе» в издании «Воспоминания о Советской России. Письма»[19]. Однако книга вышла небольшим тиражом, тогда как ее востребованность убедила в необходимости ее переиздания или печатания дополнительного тиража.

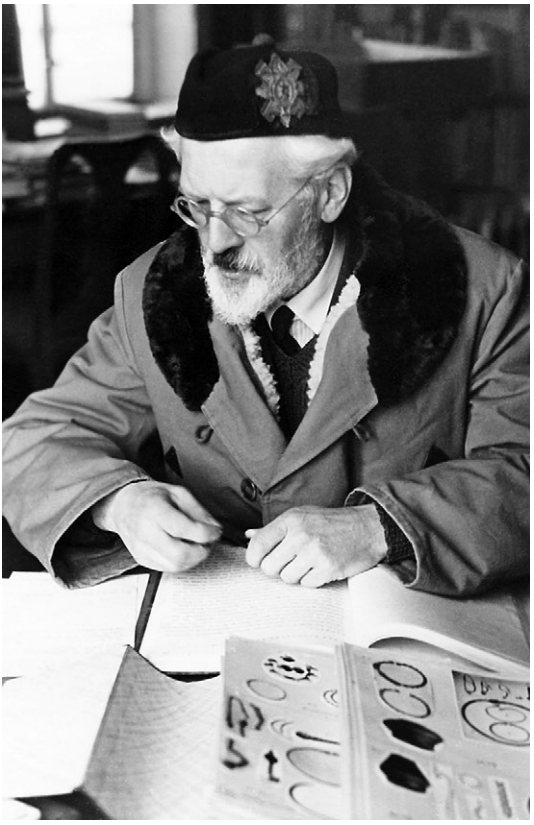
Благодарности

Сердечная благодарность всем специалистам, которые приложили руку и приняли активное участие в подготовке книги, консультировали, помогали словом и делом. В первую очередь — моим добрым знакомым, землякам Геро Мергарта из Брегенца: экс-директору Форарльбергского музея доктору Гельмуту Своцилеку, который щедро делился своими обширными знаниями в области австрийских реалий, а также бывшему секретарю Форарльбергского музея г-же Трауде Прегеттер за неоценимую помощь при переводе. Не меньшая благодарность за преодоление языковых трудностей адресуется мною первоклассному ученому, специалисту в области евразийской археологии и просто замечательному человеку и другу доктору Анатолию Наглеру и его супруге Иде.

[17] *Detlowa K., Swozilek H.* Briefe des Gero v. Merhart nach Krasnojarsk und ein Vorschlag betreffs der Organisation der archaeologischen Erforschung des Jenissei-Gebietes // Sonderdruck aus dem Jahrbuch des Vorarlberger Landesmuseumsvereins — Freunde der Landeskunde 2005. Bregenz, 2006. S. 7–45.

[18] *Детлова Е. В.* Письма Геро Мергарта в Красноярский музей // Енисейская провинция: Альманах. Вып. 3. Красноярск: КГПУ, 2007. С. 76–87.

[19] *Мергарт Г.* «Воспоминания о Советской России». Письма / Сост. Е. В. Детлова, С. В. Кузьминых. Красноярск: КККМ, 2019. 100 с.



Геро фон Мергарт за работой, Марбург-на-Ланне. 1947 г. *Архив Марбургского университета*

Искренняя признательность сотрудникам и руководству Германского археологического института, особенно директору Евразийского отдела г-ну профессору Свенду Хансену и его секретарю г-же Эльжбете Рыбковской за проявляемый ими интерес к истории науки, за их коллегиальность, поддержку и готовность к сотрудничеству с российскими учеными, невзирая на все политические контроверзы.

Огромный вклад в развитие и укрепление российско-германского сотрудничества на протяжении многих лет вносит президент Фонда Прусского культурного наследия г-н профессор Германн Парцингер, который не меньше, чем мы все, интересуется жизнью и деятельностью Геро Мергарта. Он является прямым «научным потомком» ученого, учеником известного немецкого археолога Георга Коссака, который, в свою очередь, был одним из самых талантливых и преданных учеников Геро Мергарта. Г-ну Парцингеру мы обязаны немецким переизданием «Далёко» 2008 года.

Русский перевод появился с одобрения и согласия прямых потомков Геро Мергарта — его внуков Мартина и Флориана Мергартов и Йохена

Квандта, которые являются достойными продолжателями и хранителями семейных традиций и памяти о деде. Они же предоставили часть документальных и фотоматериалов и поделились семейными воспоминаниями. К сожалению, племянница Геро Мергарта г-жа Барбара Штро-Чарнер, которая также наполнила живыми деталями о дяде лакуны моего представления о нем, умерла несколько лет назад, однако живы ее потомки Вальтер и Екатерина Кюнг, благодаря усилиям которых на отчем доме ученого в Брегенце отныне красуется мемориальная доска в его честь.

Книга, которую вы держите в руках, появилась как итог слаженной работы команды профессионалов своего дела, энтузиастов, которые глубоко прониклись этой темой. Это мой постоянный соавтор, коллега, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН Сергей Владимирович Кузьминых, краевед и книжный дизайнер Александр Викторович Ульверт, краевед, знаток истории края Александр Николаевич Тимофеев, старшие научные сотрудники отделов письменных источников и археологических памятников Государственного исторического музея в Москве Ирина Валентиновна Белозерова и Екатерина Александровна Кашина.

Нельзя не отметить участие и вклад моих коллег-музейщиков, которые помогали советами, консультировали по различным вопросам и предоставили возможность ознакомиться с материалами из фондов музея: это Николай Поликарпович Макаров, Михаил Семенович Баташев, Александр Сергеевич Вдовин, Тамара Семеновна Комарова, Ольга Николаевна Миронова, Елена Юрьевна Торопова, Виктория Евгеньевна Синегуб, Михаил Юрьевич Новоселов, Виктор Львович Нециевский, Юлия Григорьевна Нециевская, Надежда Федоровна Гаврилова, Татьяна Вениаминовна Благодатова, Ирина Ивановна Кузнецова, Илья Владимирович Куклинский.

Посвящаю русское издание памяти моей матери Ирины Павловны, которая не имела абсолютно никакого отношения к Геро Мергарту, но которая всегда поддерживала и вдохновляла меня своим присутствием и заботой и, к сожалению, не дожила совсем немного до выхода книги в свет.

Завершая краткий вступительный очерк о Геро Мергарте, я должна еще раз повторить, что его биография и научное творчество — уникальны, как и его личность. Талант педагога органично сочетался в нем с профессионализмом, серьезностью и скрупулезностью исследователя. Фигура Мергарта являет собой пример ученого и человека, который смог обратить себе на пользу неблагоприятные жизненные обстоятельства. Исключительность «случая Мергарта» заключается также в том, что это один из немногих «западников», кто успешно

трудился в нашей стране в годы Гражданской войны — самый сложный и трагический период ее истории. Его деятельность на долгое время оставалась единственным примером столь глубокой интеграции западноевропейского ученого в сибирскую науку.

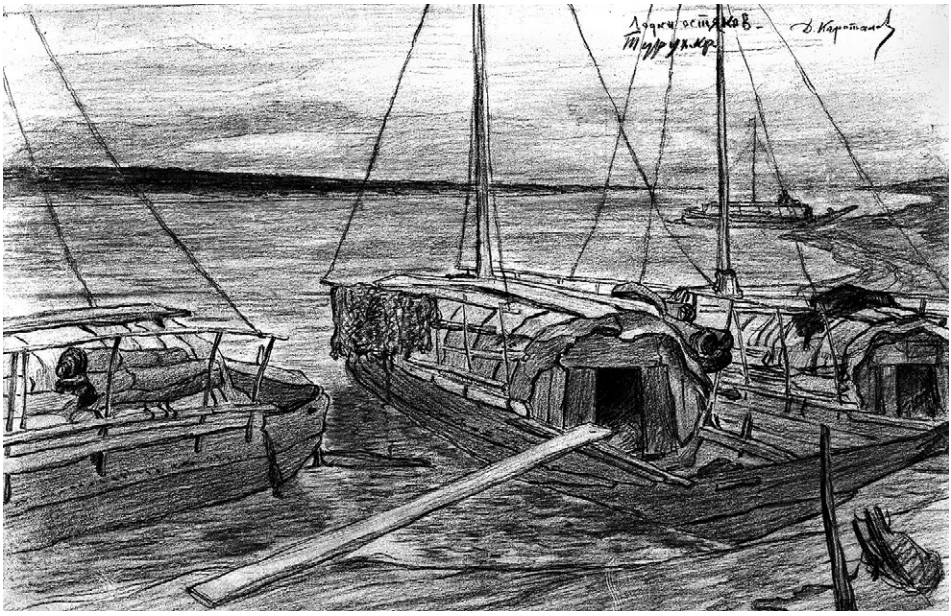
P. S. Две картины

В русском издании книги читатель увидит две практически идентичные иллюстрации[20]. Это два варианта картины известного красноярского художника и музейщика Дмитрия Иннокентьевича Каратанова «Лодки остяков». Оригинал хранится в фондах Красноярского краевого краеведческого музея. Копия картины неожиданным образом обнаружилась за шесть тысяч километров от Сибири, в родовом имении Геро фон Мергарта Бернегге в Швейцарии. Почти век она висит на стене в его домашней библиотеке, связывая века и расстояния, суровые годы Гражданской войны — с нашим временем, Сибирь — с далекой Европой. Я ясно вижу, как Геро Мергарт, отыскивая в библиотеке нужную для работы книгу, порой задумчиво устремлял свой взгляд на этот, вероятнее всего, прощальный подарок красноярских музейщиков. И вспоминал о стране, которую никогда не забывал, и людях, которые были столь дороги его сердцу.

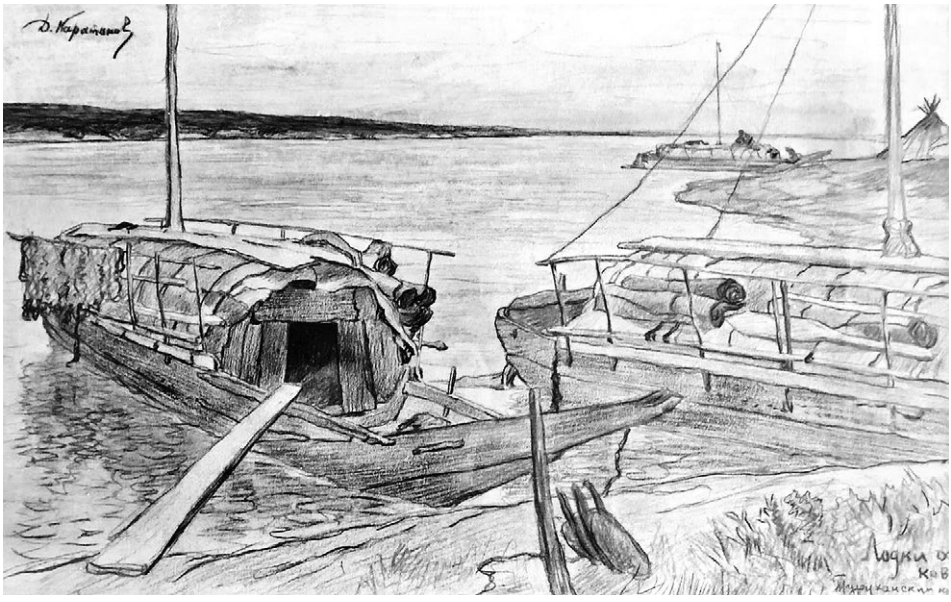
«Но сегодня, годы спустя после возвращения на родину, кто-то из тех, кого долг или необходимость удерживают в машине, у верстака, переключателя или за рабочим столом, задумается на мгновение о прошлых временах и, быть может, разок-другой тихонько вздохнет, когда вспомнит широкие степи, которым неведомы ограды и запрещающие знаки, рубежи и границы, или вспомнит огромные, чудесные девственные леса, из глубин которых солнце тянет дурманящекрепкие ароматы, те леса, которые едва ли слышали звук топора или видели пытливого лесничего, в которых лесной пожар дни и недели напролет затмевает дневной свет и озаряет багрянцем ночное небо. <...> Мысли возвращаются к оглушительной, неистовствующей, грохочущей могучей мощи грозы в глуши или к магии лунной ночи у тихой, широкой, уединенной полноводной реки, к ярко пылающему бивачному костру и пестрой веренице татар, остяков, бурятов, русских лесных бродяг и китайских купцов, которые когда-то были действительностью в его жизни. Далёко!»

Екатерина Детлова

[20] См. с. 24 настоящего издания.



Лодки остяков. Туруханский край. Художник Д. И. Каратанов. [1920 г.]. *ККККМ*



Лодки остяков. Туруханский край. Художник Д. И. Каратанов. [1920 г.]. *Частная коллекция семьи Мергарт фон Бернегг*

Эрнст Шпрокхоф

В напутствие

4 марта 1959 года в фамильном имении Бернегг в Кройцлинге на Боденском озере в возрасте 72 лет скончался профессор д-р Геро фон Мергарт, которого похоронили, в соответствии с его волей, известной узкому кругу лиц, на выбранном им самим месте погребения близ церкви Бернрейн и установили там камень с эпитафией, которую он определил для себя. Продумав все до мелочей, не поднимая шумихи и не привлекая внимания, приведя в порядок все земные дела, покинул этот мир человек, который в течение пятнадцати лет был штатным профессором первобытной истории в Университете Марбурга и чье прибежище на склоне лет в Бернегге стало, как метко окрестил его один из его земляков, «Меккой доисториков».

Для всех, кто скорбит о нем, его семьи, друзей, учеников, публикуется эта книга — поступок, за который мы благодарны и который делает честь его сыну. «Далёко», очерк о русско-сибирском плене в Первую мировую войну, написанный для сына и до сей поры известный лишь немногим близким, стал подарком и для круга тех, кто его уважал и любил. Это воистину бесценный дар, поскольку Мергарт воссоздал не что иное, как биографию столь решающего для своей дальнейшей судьбы периода с 1914 по 1921 г., который охватил с 28-го по 35-й годы его жизни.

На праздновании своего 70-летия в кругу учеников в Марбурге он в своей незабываемой для всех слушателей благодарственной и прощальной речи подразделил свою жизнь на фазы «Мергарт А. Б. В. Г.»: «Мергарт. Азы», «Мергарт. Будущий ученый», «Мергарт. В науке», «Мергарт. Глубокая благодарность».

Фаза А охватывает Мергарта-ребенка, школьника, солдата и студента. Отчий дом, Кароленхоф в Брегенце, где 17 октября 1886 года он появился на свет, расположен на месте кельтского оппидума с видом на Боденское озеро и на три страны, в которых протекала его жизнь. После народной школы и муниципальной гимназии в Брегенце он

посещал колледж «Стелла Матутина»[1] в Фельдкирхе, из стен которого вышел в 1906 году с аттестатом зрелости. Затем последовали годичная служба в армии в Императорском и королевском пехотном полку № 14 с присвоением ему 1 января 1908 года звания лейтенанта и изучение геологии, географии, антропологии и первобытной истории в Вене, Мюнхене и Цюрихе, где его учителями были Обермайер[2], Гернес[3] и Мух[4] в Вене, Биркнер[5] и Ранке[6] в Мюнхене, Хайерли[7] в Цюрихе. В 1913 году в Мюнхене он защитил диссертацию «Меловой и третичный период между Хохбланкеном и Рейном»[8], а после окончания уни-

---

[1] *Stella Matutina* — иезуитский колледж в Фельдкирхе, неподалеку от Брегенца.

[2] *Обермайер Гуго* (*Obermaier Hugo*) (1877–1946), немецкий археолог, ведущий исследователь палеолита, доцент на кафедре древней истории в Венском университете (1909–1911), профессор в Институте палеонтологии в Париже (1911–1914), жил и вел исследования в Испании (1914–1936), затем в Италии, Швейцарии, с 1939 г. штатный профессор древней истории в университете Фрайбурга (Германия). Автор известного труда „Der Mensch der Vorzeit“ (Berlin, 1912) («Доисторический человек», СПб, 1913). См.: *Filip J.* Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. Bd. II (l-z). Prag: Verlag der Tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften, 1969. S. 944.

[3] *Гернес Мориц* (*Hoernes Moritz*) (1852–1917), австрийский археолог, директор Естественно-исторического музея в Вене (с 1885), основатель кафедры первобытной истории Венского университета и Венского общества древней истории, первый в Австрии штатный профессор первобытной истории, автор около 170 научных трудов. См.: *Filip J.* Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. Bd. I (a-k). Prag: Verlag der Tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften, 1966. S. 491.

[4] *Мух Рудольф* (*Much Rudolf*) (1862–1936), профессор германистики и древней истории в Венском университете, признанный специалист в области языкознания, древней истории, этнографии, кельтологии. См.: *Filip J.* Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. Bd. II (l-z). Prag: Verlag der Tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften, 1969. S. 862.

[5] *Биркнер Фердинанд* (*Birkner Ferdinand*) (1868–1944), немецкий археолог, ученик известного антрополога И. Ранке, ассистент (с 1897), хранитель археологической коллекции (с 1908), директор Мюнхенского антрополого-археологического государственного собрания (до 1934), профессор Мюнхенского университета, с 1920 г. возглавлял кафедру антропологии и археологии. См.: *Filip J.* Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. Bd. I (a-k). Prag: Verlag der Tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften, 1966. S. 125; *Glowatzki G.* Zur Geschichte der Anthropologischen Staatssammlung München // Festschrift 75 Jahre Anthropologischen Staatssammlung. München, 1977. S. 16–17.

[6] *Ранке Иоганн* (*Ranke Johannes*) (1836–1916), доктор медицины, профессор всеобщей естественной истории (1869), заведующий первой в Германии кафедрой антропологии в Мюнхене (1886), первый председатель основанного им Мюнхенского общества антропологии, этнологии и первобытной истории (с 1888), руководитель Мюнхенского государственного антрополого-археологического собрания, с 1892 г. внештатный, с 1902 г. штатный член Баварской академии наук. См.: *Filip J.* Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. Bd. II (l-z). Prag: Verlag der Tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften, 1969. S. 1121; *Glowatzki G.* Zur Geschichte der Anthropologischen Staatssammlung München // Festschrift 75 Jahre Anthropologischen Staatssammlung. München, 1977. S. 15–16.

[7] *Хайерли Якоб* (*Heierli Jacob*) (1853–1912), швейцарский археолог, доцент Цюрихского университета. См.: *Filip J.* Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. Bd. I (a-k). Prag: Verlag der Tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften, 1966. S. 471.

[8] Kreide und Tertiär zwischen Hochblanken und Rhein.

верситета приступил к работе в качестве ассистента в Мюнхенском государственном антрополого-археологическом собрании[9].

Так началась фаза «Мергарт Б» и его собственно научная деятельность. Годом позже разразилась война, во время которой старший лейтенант запаса Мергарт в августе 1914 года поступил на военную службу и в декабре 1914 года попал в русский плен. Но и там он оставался «студентом». Его самодисциплина и внутренняя стойкость, его любознательность исследователя, желание работать и образцовое сознание своего долга позволили ему выдержать жестокие испытания. Он добровольно отсрочил свое возвращение на родину, чтобы завершить начатую научную работу. По прибытии в Москву он едва не пропустил последнее судно до наступления зимы, потому что намеревался посетить еще музеи в Москве и Ленинграде.

Его видимыми воочию достижениями стали благоустроенный музей в Красноярске и непревзойденная до сих пор книга о бронзовом веке на Енисее. Последствием этого стало неизлечимое заболевание глаз, которое с тех пор все больше осложняло ему жизнь.

Возвращение домой обернулось тяжелым разочарованием: отец умер, рабочее место занято.

Но в личной жизни в это время он обрел счастье в женитьбе в 1922 году на Барбаре Нюшелер из Цюриха и в рождении сына Ульриха в 1923 году. Но, как это часто случалось в его судьбе, рок тяготел над тем, за что он брался. Едва он поверил, что ухватил птицу счастья за хвост, она тотчас же вырвалась из рук. Из-за тяжелой болезни его молодая жена была вынуждена вернуться в Цюрих, и только на каникулах Мергарт мог быть вместе с семьей.

В Инсбруке тем временем ему предложили новую работу — с 1923 по 1927 г., после смерти заведующего отделом древней истории Визера[10],

---

[9] Мюнхенское государственное антрополого-археологическое собрание (Münchner Anthropologisch-Prähistorischen Staatssammlung) было открыто 1 мая 1889 г. Его история тесно связана с именем его основателя и первого директора И. Ранке, который занимал этот пост практически до самой кончины 26 июля 1916 г. Фундаментом собрания послужили личные коллекции ученого. Основную часть собрания составляли археологические артефакты, найденные на территории Баварии, а также копии, слепки, выполненные в мастерской Римско-Германского центрального музея в г. Майнце, фонды этнографического музея, антропологические материалы. См.: *Glowatzki G.* Zur Geschichte der Anthropologischen Staatssammlung München // Festschrift 75 Jahre Anthropologischen Staatssammlung. München, 1977. S. 15–19.

[10] *Фон Визер Франц* (*von Wieser Franz*) (1848–1923), штатный профессор географии в Университете Инсбрука и заведующий отделом первобытной и древней истории в Тирольском музее Фердинанда (Tiroler Landesmuseum Ferdinandeum). Провел первые систематические раскопки в Тироле и сопредельных районах и начал планомерную опись и каталогизацию своих сборов. После смерти ученого в 1923 г. эту работу продолжил его преемник, заведующий археологическим отделом музея Геро фон Мергарт. См.: *Lippert A.* Zur Geschichte des Innsbrucker Institutes für Ur- und Frühgeschichte // Festschrift

он проработал в Музее Фердинанда[11]. В Инсбруке в 1924 году он также защитил свою работу о «Бронзовом веке на Енисее». Тем самым завершился его переход от геологии к первобытной истории.

Во время короткого периода его деятельности в качестве ассистента директора в Римско-Германском центральном музее в Майнце[12] в 1927/1928 гг. ему поступило приглашение занять должность на только что основанной первой кафедре первобытной истории в Университете г. Марбурга-на-Ланне[13], и так начался (в летний семестр 1928 г.) новый, самый важный этап в жизни Мергарта, фаза B: «Мергарт. В науке».

«Изучение первобытной истории — не культурная роскошь благополучных, духовно развитых народов; древняя история — это почетная обязанность нации, дело чести каждого народа, который измеряет ценность культуры не только материальными вещами». Такими словами приват-доцент Мергарт распрощался с Инсбруком, такая принципиальная позиция определила его преподавательскую деятельность в Марбурге. В этой формулировке обнаруживается кардинальное различие с тем политизированным мнением о немецкой древней истории как исключительной национальной науке, которое

---

zum 50jährigen Bestehen des Institutes für Ur- und Frühgeschichte der Leopold-Franzens-Universität Innsbruck (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie). Bd. 8. Bonn: In commission bei Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1992. S. 1–3.

[11] С Тирольским музеем Фердинанда (основан в 1823 г.) Мергарт сотрудничал в 1924–1927 гг., исполняя там обязанности заведующего археологическим отделом.

[12] Римско-Германский центральный музей в г. Майнце (Römisch-Germanisches Zentralmuseum) был основан в 1852 г. Задачи, поставленные перед музеем, были гораздо шире, нежели изучение культуры бывших римских провинций, и предполагали обширные исследования в области древней истории всей Германии. Т. е. фактически он был призван стать национальным музеем археологии и крупным исследовательским центром древней истории Германии (см.: *Krämer W.* Fünfundsiebzig Jahre Römisch-Germanische Kommission. Vortrag bei der Festsitzung des Deutschen Archäologischen Institutes in Frankfurt am 13. April 1977 // Festschrift zum 75-jährigen Bestehen der Römisch-Germanische Kommission. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 1979. S. 7). 15 июля 1927 г. Мергарт стал ассистентом директора Римско-Германского центрального музея в Майнце, но вскоре оставил эту должность в связи с приглашением его на должность штатного профессора на впервые учрежденной в Германии кафедре древней истории. К сожалению, во время Второй мировой войны плоды его работы в музее Майнца были уничтожены в результате бомбардировки.

[13] Решение об учреждении первой в германоязычном пространстве штатной кафедры первобытной истории было принято Прусским правительством на торжественном заседании по поводу 400-летнего юбилея Марбургского университета Филиппа 1 октября 1927 г. У истоков основания кафедры стояли немецкие археологи Вальтер Бремер и Пауль Якобсталь. Однако первым штатным профессором первобытной истории Германии стал Геро фон Мергарт, который вступил в должность 1 мая 1928 г. См.: *Sangmeister E.* 50 Jahre Vorgeschichtliches Seminar des Philipps-Universität Marburg // Festschrift zum 50-jährigen Bestehen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Marburger Studien zu Vor- und Frühgeschichte. Gladenbach: Verlag Kempkes, 1977. Bd. 1. S. 1–44. О первых годах существования кафедры, ее обустройстве, организации учебного процесса, проблемах см. также: *Merhart G.* Der neue Lehrstuhl für Prähistorie an der Universität Marburg // Nachrichtenblatt für deutsche Vorzeit. 4. Jahrgang. Heft 10. 1928. S. 145–149.

к началу войны 1914 года исходило с другой стороны. Мергарт с юности был великогерманцем, и что такое немецкая нация, он понимал лучше, чем многие из немецкого рейха времен Бисмарка.

Со «всей самоотдачей» он, по его собственному высказыванию, «добросовестно, не щадя сил и времени» стремился воздать должное своему новому поприщу. Притягательность его сильной личности глубоко влияла на круг его учеников, которым он помогал советами не только как ученый, но и как человек. Серьезность и пыл его поиска истины воодушевляли их на то, чтобы следовать за ним «по пятам», в то время как он, «затаив дыхание, гнался за новыми данными, чтобы на корпус опережать тявкающую свору». Лекции, в которых он излагал эти знания, были уникальны, они охватывали время и пространство всей доисторической Европы и заставляли мертвые находки оживать и в красочных формулировках повествовать о жизни первобытного человека. С радостью и гордостью он начал вглядываться в успехи своих учеников, но наступил роковой 1933 год, последствия которого не могли кардинально не отразиться на «марбургской лавочке»[14].

Два поступка Мергарта ввергли его в опалу правящей власти: во-первых, личный конфликт с одним из партийных протеже; во-вторых, исполняя данное своей супруге незадолго до ее смерти в 1931 году обещание, он позволил принять швейцарское гражданство своему родившемуся и выросшему в Цюрихе сыну, последнему отпрыску старинного цюрихского рода, а позже послал его в школу религиозной направленности, иезуитскую гимназию в Фельдкирхе, которой он сам был обязан своим образованием. Как следствие — помехи различного рода его деятельности в качестве преподавателя вуза и как доверенного лица по культурно-историческим памятникам древности, статьи в «Фелькишер беобахтер» и «Германенербе»[15], упрек в «политическом католицизме, иезуитстве, реакционной мировоззренческой позиции и научной недостаточности». В том, чтобы «открыто выступить против общественного поношения и непрекращающихся коварных пересуд», ему было отказано. Все эти унизительные для такого справедливо мыслящего человека с обостренным чувством чести процессы привели в 1936 году к его первому серьезному заболеванию. Так как теперь ему казалось бессмысленным работать по своей профессии при постоянных личных жертвах, до истощения всех сил, но при этом,

[14] Так в шутку окрестили Семинарию первобытной истории в Марбургском университете сам Мергарт и его студенты.

[15] *Völkischer Beobachter* («Народный обозреватель»), немецкая газета, печатный орган НСДРП с 1920 г.
Germanen-Erbe («Германское наследие»), ежемесячный журнал по немецкой древней истории, печатный орган Союза немецкой древней истории, издавался с 1936 г.

так сказать, «солдатом второго класса», он предпринял шаги к уходу с активной службы и в качестве хранителя исторических памятников, и в качестве воспитателя молодых профессиональных кадров.

На третий год войны, в 1942 году, наконец последовало увольнение Мергарта на пенсию. Это был тот год, когда одно за другим поступали известия о смерти учеников, в том числе и о смерти его только что назначенного преемника Фридриха Хольсте[16]. Кафедра снова осиротела. Пенсионер, как официально именовался Мергарт, само собой разумеющимся считал принять на себя обязанность — странный парадокс — продолжать руководить ею и после окончания войны, до тех пор, пока его второй преемник, Вольфган Ден[17], не вернулся из плена и не смог вновь принять на себя руководство кафедрой. Еще одну нелегкую миссию Мергарт добровольно возложил на себя в годы войны: руководство Римско-Германской комиссией во Франкфурте-на-Майне[18]. Его самоотверженное участие в спасательных работах в горящих руинах после бомбовой атаки в марте 1944 года — особая славная страница в его богатой событиями жизни[19]. Награждение большим правительственным крестом за заслуги перед отечеством за его мужественное участие в спасении подвергшегося бомбежке института по случаю освящения нового здания в 1956 году стало высшим знаком благодарности человеку, который неизменно, отставляя в тени собственную

---

[16] *Хольсте Фридрих* (*Holste Friedrich*) (1908–1942), немецкий археолог, один из первых учеников Геро Мергарта. В 1934 г. окончил обучение в Марбурге, в 1939 г. защитил докторскую диссертацию в Мюнхенском университете. Доцент, позднее — профессор Мюнхенского университета, сменил Мергарта на посту заведующего кафедрой в Марбурге. Добровольцем ушел в армию, погиб на Восточном фронте, неподалеку от Харькова, 22.05.1942. См.: *Merhart G.* Friedrich Holste // Nachrichtenblatt für Deutsche Vorzeit. 18. Jahrgang. Heft 5–6. 1942. S. 113–115.

[17] *Ден Вольфганг* (*Dehn Wolfgang*) (1909–2001), известный немецкий археолог, один из первых учеников Геро Мергарта. В 1934 г. окончил обучение в Марбурге, в 1941 г. там же защитил диссертацию. В 1942 г. перенял кафедру археологии в Марбургском университете, внештатный (с 1943), штатный профессор (с 1952). В 1941–1943 гг. в рядах Вермахта служил на Западном фронте, в 1944 г. попал в плен и до 1947 г. находился в американском лагере для военнопленных. В 1949 г. был восстановлен в должности заведующего кафедрой в Марбургском университете, в 1974 г. ушел на заслуженный отдых, но продолжал входить в состав руководства кафедры. Электронный ресурс: https://www.lagis-hessen.de/pnd/118679252.

[18] *Римско-Германская комиссия* (*Römisch-Germanische Kommission*) Германского археологического института. 20 июля 1901 г. правительством было одобрено учреждение Римско-Германской комиссии Императорского Германского археологического института. Первым директором комиссии с момента ее открытия в 1902 г. был Ганс Драгендорф; в разное время комиссию возглавляли друзья и единомышленники Г. Мергарта Герхард Берсу, Эрнст Шпрокхоф, а также его ученик Иоахим Вернер. См.: *Krämer W.* Fünfundsiebzig Jahre Römisch-Germanische Kommission. Vortrag bei der Festsitzung des Deutschen Archäologischen Institutes in Frankfurt am 13. April 1977 // Festschrift zum 75-jährigen Bestehen der Römisch-Germanische Kommission. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 1979. S. 5–15.

[19] Из горящих руин Мергарт спасал главную ценность комиссии — библиотеку.

персону, делал больше, чем того требовали его обязанности, часто — свыше своих сил. Но только годом позже, в 1957 году, последовало наконец исправление причиненной ему в прошлом несправедливости, восстановление его чести почетной отставкой.

Мергарт в Марбурге в вопросах воспитания и образования подрастающего поколения значительно пожертвовал тем, что он вообще воздерживался от крупных собственных публикаций. Когда с полным основанием говорят, что о величии человека мы судим не по одному произведению, а по его работе в целом, то в связи с этим можно лишь указать на количество и судьбу его учеников. «Мои книги — мои ученики!» Это были его слова.

Когда Мергарт покидал Марбург, оглядываясь на пройденный путь, он смог видеть плоды своих усилий — «не слишком плодотворные и слишком длинные годы», как он однажды назвал их. Он воспитал 33 ученика, круг же тех, кто ощущал себя его учениками, гораздо шире защитившихся у него; девять из них пали жертвами войны. Боль от этой потери сильно потрясла его; от этого он никогда по-настоящему не оправился.

В апреле 1949 года Мергарт покинул Марбург и переселился в Бернегг, вступив во владение сеньоратом, где ему было отпущено еще почти десять лет жизни. Это была фаза Г: «Мергарт. Глубокая благодарность». Это было время, когда он чувствовал себя обязанным выразить свою благодарность всем тем, кто ему самому были глубоко признательны; время, когда его пристанище на склоне лет стало «Меккой доисториков»; время, когда своими последними работами он смог достичь значительных успехов, прежде чем был вынужден окончательно отложить в сторону перо; время, когда несколько значительных событий дали возможность еще раз ощутить всю мощь его личности.

Это столетний юбилей Римско-Германского центрального музея в Майнце в 1952 году и праздничный доклад, призыв к высшим инстанциям о высоком значении Римско-Германского центрального музея для европейской науки[20].

Его 70-й день рождения собрал в Марбурге сонм его учеников со всей Европы; исполненный гордости, он мог констатировать, что его работа, его жертва не были напрасными, а дали богатый урожай. И, быть может, он также осознавал и то, что всех старых марбуржцев объединяет в крепкий союз уважение к их старому учителю и любовь к Мергарту-человеку.

[20] *Merhart G.* Das Römisch-Germanische Zentralmuseum, Rückblick und Ausblick. Festvortrag zur Hundertjahrfeier am 30. September 1952 // Festschrift Römisch-Germanisches Zentralmuseums. Mainz, 1952. Bd. 3 (1953). S. 194–200.

Его последний публичный доклад в его родном городе Брегенце, к столетнему юбилею Форарльбергского союза краеведческих музеев, в 1957 г.[21], правда, затрагивал только историю союза. Но при этом он наглядно показал, как отразилось крупное исследование через призму маленького окружного музея под руководством сменяющих друг друга директоров и стало педагогическим шедевром во взгляде на историю нашего исследования и образцом искренней благодарности потомков по отношению к предшественникам.

Мергарт чувствовал, что это была его лебединая песня. Его заболевание глаз не позволило продолжать дальнейшую научную работу.

То, что мы чувствовали, пока он был жив, после его смерти переросло в уверенность: это был великий человек. То, как он думал о самом себе и чего он требовал от себя самого, он выразил в своей простой эпитафии. Это слова, нравственный посыл которых основан на долге и справедливости: «Он пережил суровую и прекрасную судьбу своей жизни и обрел покой».

Эрнст Шпрокхоф[22], друг и попутчик

---

[21] *Merhart G.* Die urgeschichtliche Erschließung der Alpen und der Vorarlberger Landesmuseumsverein // Jahrbuch des Vorarlberger Landesmuseumsvereins 1958/59. Bregenz: Selbstverlag vom Vorarlberger Landesmuseumsverein, 1959/60. S. 177–184.
С Форарльбергским краеведческим музеем в Брегенце (Vorarlberger Landesmuseum) (основан в 1857 г.) Мергарт сотрудничал на протяжении всей жизни. В 1921, 1926–1927 гг. на общественных началах он руководил отделом археологии музея. С 1935 г. и до конца жизни был почетным членом Форарльбергского союза краеведческих музеев. В дар музею он передал часть своей библиотеки — около 95 изданий, преимущественно по археологии. Эти книги, снабженные автографом Мергарта или его экслибрисом, до сих пор хранятся в библиотеке Форарльбергского музея. См.: *Swozilek H.* Zum Büchergeschenk des Prähistorikers Gero von Merhart (Bregenz 1886 — Kreuzlingen 1959) im Vorarlberger Landesmuseum // Vierteljahresschrift für Geschichte und Gegenwart Vorarlbergs. Monrfort. 60. Jahrgang, 2008. Heft 4. S. 297–316.

[22] *Шпрокхоф Эрнст* (*Sprockhoff Ernst*) (1892–1967), немецкий археолог, в 1935–1945 гг. первый директор Римско-Германской комиссии во Франкфурте-на-Майне, штатный профессор археологии в университете г. Киля (с 1947 г.). См.: *Filip J.* Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. Bd. II (l-z). Prag: Verlag der Tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften, 1969. S. 1360.

ДАЛЁКО

Картины из сибирских будней

Геро фон Мергарт. 1930-е гг. *Архив Марбургского университета*

Предисловие

Далёко — русское слово и означает «далеко», «вдали». Это очень просто можно узнать из словаря. Но для нас, военнопленных, в течение долгих лет живших в Сибири, это слово имеет особое и незабываемое звучание, в котором таится намного большее, чем это может поведать словарь.

«Далёко» — это та мера, одна из бесчисленных мер, которыми измеряют на просторах Северной Азии, от континента к континенту.

Как-то раз в одной степной деревне на Енисее нам дали повозку. Одетый в длинную полотняную рубаху, пущенную широко поверх таких же брюк, возница сидел на телеге с высокими решетчатыми боковинами. От лаптей до колена его ногу оплетали соломенные шнуры. Жалкие веревки служили поводьями, образовывали постромки и вместе с тонким хомутом составляли всю упряжь лохматой, маленькой лошаденки.

— Где ваша родина? — спросили мы, так как было ясно, что наш кучер — переселенец из какой-то части европейской России.

— Далёко, — сказал он, — в Крыму.

Другой прибыл с Балтийского моря, третий отрекся от своей родины на Амуре, чтобы попытать счастья на Енисее, а еще одного армия изгнала из родного дома на польско-немецкой границе.

Конечно, эти расстояния можно выразить в градусах долготы, скорости поезда или километрах, то есть в понятных, точных цифрах; но возникающие против воли мучительные воспоминания, безнадежные мысли о будущем, трагедия непреодолимого разрыва с родиной и ее жизнью звучат в меланхолическом «далёко» более сильно и более проникновенно, нежели трезвые числа.

Так и мы, военнопленные, в иной тяжелый миг употребляли это слово, когда речь шла о нашей родине.

Но сегодня, годы спустя после возвращения на родину, кто-то из тех, кого долг или необходимость удерживают в машине, у верстака, переключателя или за рабочим столом, задумается на мгновение о прошлых временах и, быть может, разок-другой тихонько вздохнет, когда

вспомнит широкие степи, которым неведомы ограды и запрещающие знаки, рубежи и границы, или вспомнит огромные, чудесные девственные леса, из глубин которых солнце тянет дурманяще-крепкие ароматы, те леса, которые едва ли слышали звук топора или видели пытливого лесничего, в которых лесной пожар дни и недели напролет затмевает дневной свет и озаряет багрянцем ночное небо... И вспоминающий путешествует в мыслях дальше, к избам и юртам, в которых гостю оказывается непринужденное гостеприимство. Мысли возвращаются к оглушительной, неистовствующей, грохочущей могучей мощи грозы в глуши или к магии лунной ночи у тихой, широкой, уединенной полноводной реки, к ярко пылающему бивачному костру и пестрой веренице татар, остяков, бурятов, русских лесных бродяг и китайских купцов, которые когда-то были действительностью в его жизни. Далёко!

История собственно плена, может быть, никогда не будет описана подробно. Ее можно отфильтровать из общей судьбы многих. Но это была бы горькая книга, книга, полная нужды и скорби, и человечество поступит правильно, не оставив своим потомкам подобной книги.

Но вне обезличенной, замученной, угнетенной толпы многие военнопленные переживают собственную судьбу, и описаний этих отдельных судеб хватило бы на целую библиотеку путешествий и приключений, дикую и разнообразную, веселую и страшную, свидетельство упорнейшей воли, осмотрительного рвения и беззаботной отваги, изнуряющих лишений и живительной радости в их пестром чередовании. Сколько таких судеб оканчивалось насилием и смертью, но иные из них — созданием новой счастливой жизни.

Листки воспоминаний археолога, из которых состоит наша книжица, нельзя поставить в этот ряд. Их содержание, если измерять масштабом таких особенных судеб, слишком «нормально», слишком прямолинейно, чтобы оно могло претендовать на внимание из-за некоторого авантюризма.

Здесь вслед за Беном Акибой можно повторить: «Все уже было»[1], так как ровно за двести лет до автора тем же путем и с такой же целью через степи-могильники на Енисее странствовал другой военнопленный офицер, господин Филипп фон Страленберг[2], швед. Его превосход-

[1] Изречение, приписываемое иудейскому богослову и законоучителю I–II веков н.э. Акиве бен-Иосифу. В оригинальном тексте автором он упомянут как «Бен Акиба».

[2] *Страленберг Филипп-Иоганн* (*von Strahlenberg Philipp Johann Tabbert*) (1676–1747), шведский подполковник, участник Полтавской битвы, был взят в плен и сослан в Сибирь, где пробыл 13 лет. Получив позволение путешествовать по Сибири, он составил подробную ее карту. После Ништадтского мира вернулся в Швецию. В 1730 г. издал в Любеке на немецком языке книгу «Историческое и географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии». На русском языке сочинение было напечатано впервые в 1879 г. под заглавием «Историческое и географическое описание полуночно-восточной части

ная для того времени карта Сибири, его богатая новыми и ценными сведениями книга никогда полностью не утратят своей значимости, настолько они опережают и наши знания.

О том, как тогда путешествовали, немецкий читатель узнает подробно из бессмертного «Путешествия по Сибири» ученого шваба Гмелина[3], который менее чем через два десятилетия после Страленберга посетил таинственные свидетельства глубокой древности в краю на Енисее. За ним последовал Паллас[4], также по официальному заданию правительства, столетием позже был Кастрен[5], восторженный финский филолог и патриот. Работы его послужили основанием для череды финских экспедиций[6], которые были посвящены поискам прародины

Европы и Азии». См.: Энциклопедический словарь // Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 31. СПб.: Тип. акц. об-ва «Издательское дело», Брокгауз-Ефрон, 1901. С. 723.

[3] *Гмелин Иоганн Георг* (*Gmelin Johann Georg*) (1709–1755), немецкий ученый, врач, ботаник, этнограф, путешественник, исследователь Сибири и Урала, профессор и действительный член Петербургской академии наук. Натуралист академического отряда Великой Северной экспедиции. В 1751–1752 гг. в Геттингене были изданы его дневники сибирских путешествий в четырех томах (Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Göttingen, 1751). Этот труд дал обширный материал о природе и населении Сибири и до сих пор остается важным историческим источником. См.: Сибирская советская энциклопедия. Т. 1: А–Ж. Новосибирск: Сиб. краев. изд-во, 1929. С. 666.

[4] *Паллас Петр Симон* (*Pallas Peter Simon*) (1741–1811), немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник, член Петербургской академии наук. В 1768–1774 гг. возглавил экспедицию Академии наук в центральную область России, районы Нижнего Поволжья, Прикаспийской низменности, Среднего и Южного Урала, Южной и Восточной Сибири, результаты которой опубликовал в труде «Путешествие по разным провинциям Российского государства» (ч. 1–3, 1773–1788). См.: Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск: Русская энциклопедия, 1998. С. 456.

[5] *Кастрен Матиас Александр (Матвей-Александр)* (*Castren Matias Aleksanteri*) (1813–1852), финский лингвист, этнограф, исследователь языков и фольклора народов Северной Азии, автор первого перевода «Калевалы» на шведский язык. В 1845–1849 гг. совершил ряд научных поездок по Уралу, Сибири и Дальнему Востоку, изучал язык коренных народов этих территорий, собрал богатые этнографические коллекции, на среднем Енисее и в Саянах раскопал 30 курганов различных эпох, зарисовывал изваяния, копировал с высокой точностью наскальные рисунки и надписи (у горы Оглахты, деревень Абакано-Перевозная, Тесь, Улазы, Красный камень, Майдаши, на реках Сисим и Бирюса). См.: *Решетов А. М., Кузьминых С. В.* Кастрен Мариас Александр // Большая российская энциклопедия, 2009. Т. 13. С. 300.

[6] В 1870 г. было основано Общество древностей Финляндии, главной фигурой в котором был известный финский археолог Йоганн Рейнгольд Аспелин. Он был убежден, что древние корни финно-угров можно обнаружить с помощью археологических исследований, прежде всего в Западной и Южной Сибири. При содействии общества были предприняты финские археологические экспедиции в европейской России, Сибири, Туве и Монголии в 1872, 1874, 1883, 1884, 1887–1889, 1893, 1897–1899, 1909 и 1915 гг., особенно крупные в 1887–1889 гг. под руководством И. Р. Аспелина в Енисейскую губернию с целью отыскать прародину финно-угров и древние следы их письменности. См.: *Уйно П.* Исследования финских археологов на территории Минусинской котловины в XIX — начале XX в. // Мартьяновские краеведческие чтения (2003–2004 гг.). Сборник докладов и сообщений. Вып. III. Минусинск, 2005. С. 80–84.
В 1915 г. в Минусинской котловине проводил раскопки известный финский археолог, профессор университетов Дерпта (Тарту) и Хельсинки, автор многочисленных

финского народа, и последняя из них трудилась здесь в то время, когда автор уже вел свое бесполезное и бесцельное существование обломка войны в лагере для военнопленных в Чите по ту сторону озера Байкал[7].

Здесь не будет написана история исследования сибирских древностей более чем нужно для того, чтобы эта книжица могла претендовать на научность. Без основательной подготовки, без серьезного снаряжения автор шел по стопам таких замечательных предшественников, и то, что он при таких обстоятельствах смог сохранить для науки, было и будет опубликовано в другом месте.

Но именно эти внешние обстоятельства, которые препятствовали полному использованию моих работ и путешествий, волнения сотрясаемой революцией и Гражданской войной страны, скудность всех материальных вспомогательных средств, обособленное положение пленного чужеземца, который тем не менее состоял на государственной службе, стали поводом для этого непритязательного изображения пережитого. Быть может, пестрые картины тех дней все же дороги не только моим воспоминаниям, а могут, при всей их простоте, расцениваться как документ нашего времени, в котором совсем не пустяком было служить столь непрактичной науке.

И еще одно! Сибирь давно уже больше не чужда и безынтересна нам. Свыше полумиллиона наших собратьев по оружию покоится там вечным сном, и мы не должны забывать, что они умерли за родину! Ну а мы жили там за родину, переносили тяжелые, нескончаемые дни плена, а позже и труда, часто изнурительного, требующего жертв, и никогда не забывали страну и народ, сынами которых мы имеем честь быть.

Но мы, пожалуй, забыли, что пришли в страну как враги и нашли на чужбине братьев, делили с ними горе и радость, боролись с ними против нужды тягостных будней и за будущее культуры и науки. Чувство сплоченности при служении идее, которое взросло на такой будто бы неплодородной почве, не может угаснуть.

Нет, мы надеемся и верим, что и наша работа, сблизившая два богатых внутренними и внешними ценностями народа, послужила родине.

трудов по медному и бронзовому векам Северной Евразии Арне Михаэль Тальгрен (Aarne Michaël Tallgren) (1885–1945). См.: *Кузьминых С. В., Детлова Е. В., Салминен Т.* Геро фон Мергарт и его последнее воспоминание о Сибири // Археологические материалы и исследования Северной Азии древности и средневековья. Томск: ТГУ, 2007. С. 160–173.

[7] После взятия в плен 12 декабря 1914 г. Мергарт, как и многие военнопленные, был отправлен сначала в Новониколаевск (нынешний Новосибирск), затем отбывал плен в лагерях для военнопленных офицеров в поселках Даурия и Антипиха близ Читы, позднее попал в лагерь в г. Канске Енисейской губернии. В 1919 г. ему удалось перевестись в красноярский лагерь и получить работу в Музее Приенисейского края. В Красноярске он жил и работал вплоть до своего возвращения на родину в 1921 г.

Глава первая

Наконец-то! Первая рабочая зима

Наконец-то! Этот вздох облегчения, с которым я ступил на вокзал Канска, чтобы ехать в Красноярск на работу в музей, мне не нужно далее пояснять, если упомянуть, что это событие произошло на 2051-й день моего плена.

Правда, мое будущее пока вовсе не казалось мне столь ясным, так как сначала меня просто должны были поместить в новый лагерь, откуда я должен был ходить на работу в музей Русского географического общества[1]. По опыту это значило — поработать пару дней на усмотрение коменданта лагеря, потом отсидеть в заключении, как это бывало порой, в конце концов потерять разрешение, восемь дней спустя получить его снова и так далее в загадочной неопределенности. Но если ты пережил военную кампанию, эпидемию холеры и полдюжины эпидемий тифа без существенных увечий, был военнопленным при шести правительствах и при этом был дважды захвачен в качестве военного трофея, если перенес побои от казаков, видел сотни приговоренных на пути к эшафоту, где их от имени белого или красного либо чешского закона или просто из-за сознания власти расстреливали, топили или рубили, тогда уже привыкаешь к определенному воздержанию в изображении будущего и находишь более выгодным переживать события, чем предвосхищать их. «Поживем — увидим» — гласит русская пословица.

Два гения стояли у райских врат моей работы. Один из них был, несмотря на мою явную неопасность, серьезно вооружен и снабжен

[1] Ныне — Красноярский краевой краеведческий музей. В 1903–1920 гг. музей находился в ведении красноярского подотдела Императорского Русского географического общества. См.: Двадцатипятилетие Красноярского городского музея (1889–1914). Красноярский подотдел Восточно-Сибирского отдела РГО. Красноярск, 1915.

инструкцией доставить меня живым или мертвым лагерному командованию в Красноярск. Иными словами, конвоир. А другим была Эльза Брендстрём[2], делегат Шведского Красного Креста, «наша Эльза», как ее называли и называют тысячи и тысячи военнопленных. «Счастливый случай сделал ее моей спутницей», — написал бы я, если бы не знал этого лучше сейчас, чем тогда, когда мы до двух часов ночи сидели на платформе и беседовали в ожидании поезда, снова и снова прерываемые военнопленными, которые с просьбами, пожеланиями или просто, стосковавшись по нескольким дружеским словам, подходили к «нашей Эльзе».

Благосклонность случая стала для меня сомнительной, когда я услышал, что в Красноярск сестру вызвала срочная телеграмма и что она боялась: некоторые из военнопленных, которые были захвачены в плен белыми как коммунисты, будут расстреляны. «Эльза» обещала им в любом случае посетить их перед их смертью. «Поживем — увидим!»

В первой половине дня в Красноярске мы залезли в две дрожки, и только я начал получать удовольствие от настоящей поездки в телеге по незнакомому городу, как мой кучер — как оказалось, вернувшийся из Германии военнопленный, — доверительно сообщил мне вполголоса,

---

[2] *Брендстрём Эльза* (*Brändström Elsa*) (1888–1948), дочь посла Швеции в России, делегат Шведского Красного Креста. В общей сложности она провела в России пять с половиной лет, бóльшую часть этого времени — в Сибири, которую покинула летом 1920 г. Эльза Брендстрём делала все, чтобы облегчить участь иностранных военнопленных в сибирских лагерях: помогала больным, разыскивала близких на родине, способствовала налаживанию переписки военнопленных с их семьями. После заключения мира она принимала участие в депортации бывших военнопленных на родину. Именно Эльза Брендстрём во многом поспособствовала переводу Мергарта в г. Красноярск, а также тайно вывезла и передала его семье в Австрию его рукопись, в которой тот описал свое участие в Первой мировой войне (Kriegstagebuch. I Teil. Bregenz: VLM, 1986). См.: *Brändström E.* Unter Kriegsgefangenen in Rußland und Sibirien. 1914–1920. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1922.

что ночью в красноярском лагере был «бунт», мятеж[3] и что как раз сейчас казаки вместе с артиллерией в три цепи окружили восставший лагерь, чтобы навести там порядок[4].

Порядок в этом случае был тождественен кровопролитию, быть может, кровопролитию с некоторой видимостью военного суда, а быть может, и в более урезанном виде.

Даже когда я соответственно сократил сенсационное сообщение извозчика, в нем осталось еще достаточно тревожного для меня, и я не находил слишком заманчивым во время децимации прибыть туда как раз десятым.

«Наша Эльза» никогда не теряла головы, даже едва не лишившись ее «по законам военного времени», как это случилось с ней однажды, когда она во имя служения военнопленным преступила фронт Гражданской войны. В то время, пока мой конвоир вместе со своим оружием исчез в консульской кухне, не выражая намерения скоро возвратиться, а я вел довольно малокровную беседу с крайне растерянными служащими Красного Креста, «Эльза» пошла в лобовую атаку на неприятеля, то есть она посетила напрямую коменданта города. С вероятностью в девяносто процентов это означало подвергнуть саму себя угрозе ареста.

---

[3] В оригинале текста приведено русское слово, написанное латиницей (*Bunt*).

[4] В ночь с 29 на 30 июля 1919 г. в красноярском лагере для военнопленных произошло крупное революционное выступление, в котором приняли участие венгерские интернационалисты, поддержавшие восставших русских солдат. Мятеж был подавлен. В результате расправы над участниками восстания было убито и осуждено на различные сроки заключения более 700 человек, в числе расстрелянных было 40 венгерских подпольщиков. См.: Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922 гг. К истории советско-венгерских интернациональных связей. М.: Наука, 1980. С. 7; Интернационалисты. Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России. М.: Наука, 1987. С. 266.

Вид на Красноярск с северо-востока. Конец XIX — начало XX в. *ККМ*

Поэтому камень свалился у нас с души, когда она вернулась. Правда, комендант города подтвердил сообщение моего кучера, описав ситуацию примерно так: восстание русского гарнизона лагеря при подстрекательстве военнопленных, штурм лагеря казаками и чехами, трибунал в действии.

— Военнопленный Мергарт может, если он пожелает, поехать обратно в Канск, либо он должен отправиться в лагерь.

Получив твердое заверение, что больше не будет казни каждого десятого — один барак уже подвергся этой участи, — а красноярский лагерь был все же ближе к музею, чем канский, я решился на горькую дорогу в лагерь.

Когда едешь в расположенный высоко, не видный снизу городок[5] (военный городок) в получасе езды от города, то сначала взбираешься на одну из старых речных террас, на которой находится кладбище, а потом пересекаешь ровный участок степи, и только вблизи лагеря, преодолев еще более крутой подъем, видишь городок с его красными кирпичными казармами. У подножия террасы нам повстречался штабс-капитан Мезин[6], честный, верный долгу и добродушный человек, который прежде был комендантом лагеря для военнопленных в Канске. Он был заметно удручен, зная наверняка, что подстрекательство со стороны военнопленных было фикцией, а бунт русского гарнизона — фактом показательного значения, но все же высказывался очень осторожно, после того как поприветствовал меня серьезными словами: «Вы прибыли в ужасный момент». Его доброе напутствие звучало совсем не обнадеживающе для реализации моих планов. Так что едва ли я смог тогда оценить прекрасный вид с кладбища на город. В воинственные времена русской колонизации защищенный со всех сторон треугольник между речкой Качей и Енисеем показался достаточно заманчивым для того, чтобы воздвигнуть здесь острог. Три столетия прошло с тех пор, и столица губернии уже давно заняла всю пригодную для заселения местность между руслами рек. Квартал за кварталом коричневые низкие деревянные дома обрамляют пересекающиеся перпендикулярно улицы; прижатые к прямой, как стрела, единственной мощеной главной улице, там и сям возвышаются каменные здания, а с восточного края купол старого собора[7] приветствует

[5] В оригинале текста приведено русское слово, написанное латиницей (*Gorodok*).

[6] Сведений об этом человеке отыскать не удалось.

[7] Воскресенский собор. Первое каменное здание в г. Красноярске, его строительство продолжалось с 1761 по 1773 г. Находился на Старобазарной площади. В 1937 г. собор был закрыт, в 1960-е гг. — разрушен. На его месте построен Большой концертный зал. См.: Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск: Русская энциклопедия, 1998. С. 114.

своего преемника на большой новой рыночной площади на западе[8]. Еще дальше, почти на краю длинного, узкого парка дымит вокзал, а там, где Енисей из горного района вступает в открытую долину, легко и изящно парит, а в действительности — мощно опирается на тяжеловесные быки железнодорожный мост[9], первый и единственный, который пересекает Енисей на всем его протяжении — от истока до устья, от Монголии до Ледовитого океана. Где-то там, на западном краю, у подножия горы, лежит одна из целей моих устремлений, Афонтова гора[10], историческое место, где Иван Тимофеевич Савенков 34 года назад нашел первые орудия человека каменного века на североазиатской земле.

Так близко я наконец подошел к этой точке! Но суждено ли мне достичь ее? Перед нами, на проходящей по степи в городок дороге, как раз появилось острие длинной процессии, повозки с мертвыми, повозки с ранеными, а позади, в угрюмом молчании, казаки верхом. Завоеватели лагеря сопровождали своих павших. Кучер и конвоир с тревогой наблюдали за этим. Но объездного пути не было, и мы были вынуждены пропустить процессию. Угрожающе поднялись нагайки, один схватился за саблю... короткий, с неохотой, оклик офицера в тот момент, когда я уже было подумал, что лошади не досчитаются своих пассажиров, и колонна прошла мимо.

Восемнадцать венгерских офицеров и рядовых, сотни молодых русских новобранцев были в эти дни посланы трибуналом на смерть. Виновных среди них было мало.

Так как лагерь снова был герметично заперт — правда, сестре Брендстрём удалось 2 августа, день спустя после нашего прибытия, положить конец расправе над военнопленными, но ужас пережитого еще довлел над обезоруженными, — то я должен считать удачей, что меня

---

[8] Богородице-Рождественский кафедральный собор. Построен по проекту известного архитектора К. А. Тона. Заложен в 1845 г., но первоначальное здание разрушилось. В 1861 г. собор был отстроен на средства купца и мецената И. Г. Щеголева. Собор располагался на Новобазарной площади. В 1937 г. разрушен. На его месте ныне находится здание краевой администрации. См.: Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск: Русская энциклопедия, 1998. С. 77.

[9] Железнодорожный мост через р. Енисей строился в 1896–1899 гг., 28.03.1899 сдан в эксплуатацию, в 2002 г. демонтирован. См.: *Ульянов Г. В.* Красноярск. Справочник краеведа. Красноярск: Офсет, 2018. С. 29.

[10] Первая по времени открытия палеолитическая стоянка в Сибири, расположенная на левом берегу Енисея у г. Красноярска. Первые находки грубых каменных и костяных орудий вместе с костями мамонта, северного оленя, дикого быка и других вымерших животных были сделаны в 1884 г. археологом, педагогом, директором Красноярской учительской семинарии И. Т. Савенковым (1846–1914). См.: Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. А–Ж. Новосибирск: Сибирское краевое издательство, 1929. С. 173.
В 1919–1920 гг. исследования Афонтовой горы вел Геро Мергарт, в 1923–1925 гг. и позднее масштабные раскопки стоянки организовали Н. К. Ауэрбах, В. И. Громов и Г. П. Сосновский.

поместили за пределы лагеря в карантин. Здесь также было немало неприятного: разразился сыпной тиф, нам нанесла визит чешская тайная полиция, в камере рядом с нашей прогулочной тропой разместили офицера, которого недавние события лишили разума. И было ужасающе скучно в большом зале, единственную меблировку которого составляли два ряда нар.

Постепенно собралось несколько прибывших. Один попал сюда с золотого рудника, откуда его в силу каких-то причин выдворили под охраной и добросовестно воспользовавшись всеми расположенными по пути местными тюрьмами, другой был прикомандирован к нам из иркутского лагеря для отправления евангелических церковных служб, третьего доставили из тюрьмы[11] Енисейска, которую он не по своей воле занимал во время правления большевиков[12], а при белых по ошибке продолжал обитать там. Таким образом, не было недостатка в темах для беседы; и между этим я старался учить русский.

Я терплю.

Ты терпишь.

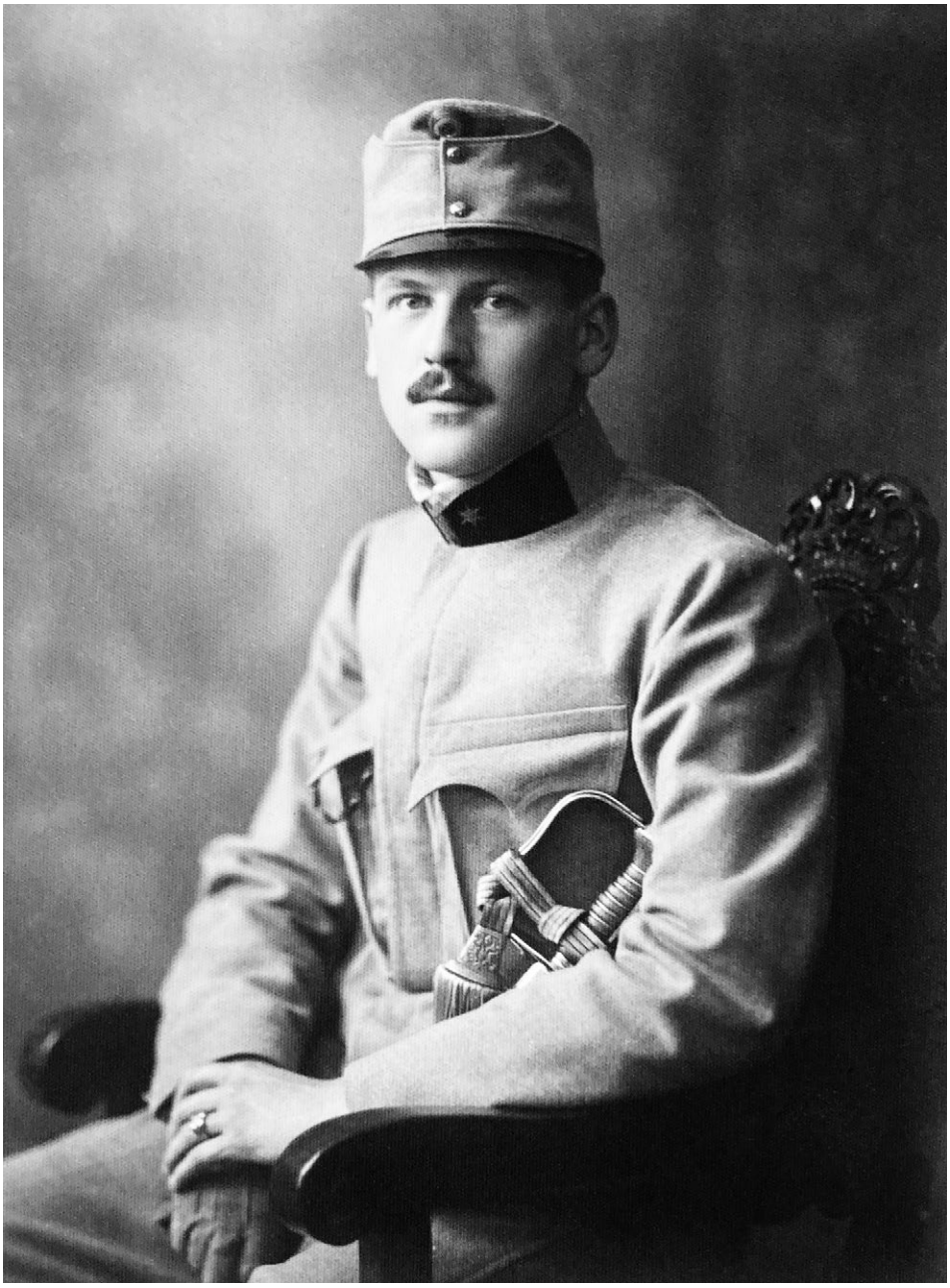
Он терпит.

«Завтра[13], — я учил, — значит: завтра». Позже я понял, что это означает примерно то же, что итальянское «немедленно», а именно: в неопределенное время. Только лишь словаря и грамматики не хватит, чтобы проникнуть в суть языка. Пребывая до поры до времени в радужном оптимизме, день ото дня я надеялся, что «завтра» я приступлю к работе в музее, но в действительности это случилось тремя месяцами позже.

Чтобы быть точным, на службу в музей я поступил на 2146-й день плена. В соответствии с некоей астрономической математикой военнопленного плен длился 2146 + x дней, в x дней потерянные 2146 должны были быть по возможности наверстаны, а x был предположительно меньше, чем 2146. Тем самым у меня была хорошая причина ежедневно командовать самому себе по нескольку раз: «Время! Время!»

Переезд из лагеря, где я провел последние два месяца, в музей не представлял собой чересчур помпезной картины. Впереди на санях — это было 3 ноября — лохматый меховой тюк, который говорил по-венгерски и управлял лошадью, позади, в тонкой австрийской офицерской шинельке, — автор, прижимающий одной рукой к сердцу геральдический символ всея Руси, Грааль военнопленного, чайник[14], другой — не давая

[11] В оригинале текста приведено русское слово, написанное латиницей (*Tjurma*).
[12] В оригинале текста приведено русское слово, написанное латиницей (*Bolschewiki*).
[13] В оригинале текста приведено русское слово, написанное латиницей (*Saftra*).
[14] В оригинале текста приведено русское слово, написанное латиницей (*Tschainik*).



Геро фон Мергарт в день мобилизации перед отправкой на фронт. 1914 г.
Архив семьи Мергарт фон Бернегг

сползти крохотному чемоданчику, огромному тазу и трухлявому соломенному тюфяку.

Святой Филипп фон Страленберг, помоги нам!

Так мы подъехали к музею. Он располагался перед давно исчезнувшими воротами первого укрепленного поселения на Старой Базарной площади Красноярска, голое, вытянутое здание, которое на первый взгляд производило впечатление каменной постройки на сваях. Выстроенное в качестве гостиного двора[15], городского торгового дома, со дней былого великолепия оно сохранило внушительные погреба и солидный цокольный этаж из складских подвалов, каждый из которых упирался тяжелой железной дверью в мощеную кирпичом аркаду, выделяющую обе продольные стороны. На этом мощном фундаменте покоилось что-то вроде полуэтажа, а затем все оканчивалось плоской железной крышей. Карниз крыши в былые времена венчала деревянная балюстрада колонн, значение которой для археологической исследовательской работы стало ясно несколько позже.

В меньшей половине «полуэтажа» был размещен музей. Шесть комнат и маленьких залов, которые должны были вмещать коллекции и библиотеку, канцелярию, тесное жилье для консерватора и кухню для домоправителя и одновременно для всех других жильцов, составляли все апартаменты. Я бы очень хотел отделаться от опасения, что успеют вымереть туземцы Сибири и разрушиться богатые свидетельства их доисторической культуры, пока за пределами Красноярска наконец признают высокую ценность уже проделанной собирательской работы здешнего музея и ее основополагающее значение для всей дальнейшей исследовательской работы и позаботятся о том, чтобы ценные коллекции были размещены достойно и пригодно для использования.

Ко времени моего вступления в должность те мужчины и женщины, которые в своем местном патриотизме и с твердым осознанием своего долга и задач передового научного поста направили силы на службу географическому обществу и здешнему музею, могли еще с некоторой уверенностью верить в развитие их дела. На Енисее поднимался вчерне законченный, просторный, хорошо продуманный новый дом для собранных сокровищ[16], там и рассеянные архивы содержались бы

[15] В оригинале текста приведено русское словосочетание, написанное латиницей (*Gostinni dwor*).

[16] Строительство нового здания музея в «египетском стиле» по проекту архитектора Л. А. Чернышева началось в 1913–1914 гг., было прервано в связи с начавшейся Первой мировой войной. В военные годы здесь размещались солдатские казармы и военный госпиталь. Во время дезинфекции помещений в 1920 г. в здании произошел пожар, в результате которого выгорел деревянный каркас и деформировались стальные балки перекрытий. Вернуться к ремонту и завершению работ удалось только в 1927 г. Работы

в надлежащем состоянии, а большой лекционный зал в будущем стал бы достойным центром интеллектуальной жизни губернии.

Пока что во временно оборудованных залах обитали военные. Но в старом музее вся работа была нацелена на тот день, когда можно будет пожинать плоды десятилетних усилий и наглядно продемонстрировать всем успехи упорной, трудоемкой и часто не понимаемой и высмеиваемой работы.

К этому труду я тоже должен был приложить руку. Моя задача гласила — сделать доисторическую коллекцию пригодной для выставки, это значит — сначала провести необходимые реставрационные и консервационные работы, а потом помудрить, как все упорядочить систематически.

Мне отвели маленький зал, один угол которого, мою «спальню», отделяли штабель ящиков, стеллаж и старая сценическая декорация. Хрупкая символика морозного зимнего ландшафта на театральном холсте была пока скрыта от моих глаз, так как самое ценное убранство помещения являли собой две огромные, сложенные из камня печи, а мой наметанный глаз уже обнаружил при въезде обнадеживающий дровяной склад перед зданием.

Тот, кто читает путевую литературу о Сибири, неизменно встречает описание приятного изумления, когда иной, утомленный долгой поездкой по негостеприимной стране, по убогим улицам, с давних пор привыкший к избам со скошенными стенами, кишащим паразитами ночлегам и непроветриваемым тесным комнатам, вдруг попадает в дом, который вкус и богатство обставили с уютом роскоши и превратили в островок человеческой культуры среди почти нетронутой глуши. Из подобного убранства, вероятно, была родом моя кровать, чей богато украшенный, с многочисленными завитушками, чудовищный остов тяжелого металлического литья был покрыт блестящей бронзой. Прочее оснащение этого монументального ложа образовывали, кроме прочего, три доски и шкура северного оленя. Почти излишне говорить, что мне был также выделен чайник.

В честь празднества по случаю вступления в должность консерватор пригласил меня на ужин. Для меня это был званый пир. Не только потому, что я впервые за долгое время снова видел белоснежную скатерть и настоящий столовый прибор и даже сидел за столом с дамой, а потому что отныне начиналась новая жизнь, отныне начиналась работа, отныне заканчивалась неописуемая, заполняемая в лучшем

продолжались до 1929 г. См.: *Гринберг Ю. Г.* Л. А. Чернышев — архитектор и строитель здания красноярского музея // Век подвижничества. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1989. С. 16–23.

случае подручными средствами духовная безысходность лагерной жизни.

В музее Красноярска были предусмотрительны. Среди военнопленных были лаборанты с ученой степенью кандидатов наук по химии, портье «с многолетним опытом преподавания языка», монтер «с дипломом инженера». Но до этого в музее был зоологический препаратор, который предположительно учился на живодерне[17]. Так что сначала в самой учтивой форме убедились, умею ли я отличать булыжники от каменных орудий, кости носорога от бронзовых топоров, слоновую кость от дерева и китайские чайные чашки от погребальной керамики. С некоторой опаской мне доверили ряд пакетов; из их замазанного глиной содержимого путцгольцы[18] и щетки, вода и соляная кислота постепенно извлекали узнаваемые камни и кости, которые при помощи клейкой жидкости, рыбьего клея и гипса срастались в пригодные для выставки находки; в итоге эти великолепные коллекции культурных остатков древнекаменного века, распределенные по местонахождениям, возрасту и типам, можно было искусно смонтировать проволокой на больших досках и снабдить этикетками. Появились следующие грязные пакеты и явили жалкие кучи черепков. Я потребовал глину, после чего принесли настоящую глину для лепки, из-за которой скульптор разразился бы слезами радости. Я потребовал гипс, и появился очаровательный алебастровый гипс, который я не только опробовал, а безотлагательно применил, чтобы полностью восстановить большой неолитический котел. Этот исполинский сосуд полуметровой высоты имел во всей Сибири только одно подобие — в Канске[19], где я нашел, восстановил и подарил местной коллекции один такой котел. Итак, мой авторитет реставратора рос одновременно с горшком и рухнул, когда волшебный гипс оказался обожженным намертво, а мой шедевр превратился в размазанные руины.

Аркадий Яковлевич Тугаринов[20], консерватор, был заметно озадачен, а Энрика Павловна[21] торжествовала. Энрика Павловна вела

---

[17] К сожалению, доподлинно установить, о ком идет речь, не представляется возможным.

[18] Древесная щепа для очистки металлических изделий.

[19] Данный котел в канском музее не обнаружен.

[20] В 1905–1926 гг. музеем руководил Аркадий Яковлевич Тугаринов (1880–1948), профессор, д-р биологических наук, географ, орнитолог, директор Музея Приенисейского края (1905–1926 гг.). См.: *Яворский А. Л., Макаров Н. П.* Двадцать лет во главе музея // Век подвижничества. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1989. С. 24–42.

[21] *Миклашевская Генрика Павловна* (1871–1930), научный сотрудник Музея Приенисейского края с 1915 г. Занималась ботаническими сборами, определяла накопленный к тому времени ботанический материал. Позже заведовала отделом сельского хозяйства и экономики. См.: *Детлова Е. В.* «Глава и вождь» музейного дела в Красноярске // Аркадию Яковлевичу Тугаринову посвящается... Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2011. С. 93–127.

Военнопленные на демонстрации в Красноярске. 1917 г. *ККМ*

во время господствующего тогда белого режима замкнутую жизнь, что она в силу политических причин делала хорошо. Она приводила в порядок гербарий и при этом заметно высохла сама. Меня она с самого начала считала аферистом, вовсе не потому, что была как-то способна проверить мои познания в первобытной истории, а потому что ее чисто гувернантский немецкий язык не совпадал с моим мюнхенским студенческим. Лицезрея жалкую кашу из кучи черепков, глины и гипса на моем рабочем столе, она была совершенно убеждена, что я в лучшем случае был служкой в доисторическом институте университета. Однако несколько дней спустя во чреве моего горшка застыло последнее жесткое крепление из нового гипса и марли, и моя профессиональная честь была спасена.

В это время в нашем музее расквартировали тридцать солдат, для которых нужно было освободить один зал. И вся археологическая коллекция была перенесена ко мне; в ящиках, сундуках и коробках, на стеллажах, столах и на полу вокруг меня были сложены остатки почти неизвестного мне доисторического времени, грудилось богатое, но еще неодушевленное и немое наследие уникальных, канувших в Лету культур. Инвентаризация была проведена добросовестно, но была бедна сведениями. Отчеты о находках были скудны — и только недавние. Это означало, что надо было проявить находчивость, привести в порядок, изучить, сравнить и упорядочить все по-новому. Литература по древней истории Сибири столь же незначительна, сколь чрезмерно богатство находок, а Енисейская губерния занимает первое место среди ранее заселенных областей Северной Азии. Здесь великая Сибирская низменность Запада граничит с гористой восточной страной, здесь Енисей, выйдя из древнейшего центрально-азиатского котла бесчисленных кочевых народов, течет по отрезанной от мира, спокойной, окруженной валом гор Минусинской котловине с ее плодородными пашнями, широко раскинувшейся пастбищной степью, рудным богатством гор и через широкий пояс девственных лесов достигает северной тундры и, наконец, Ледовитого океана. А между более благоприятной, жаркой летом Минусинской котловиной и не слишком пригодными для заселения краями девственных лесов и мхов севера сюда вторгается лесостепь Канска и Красноярска, менее плодородная, чем юг, бедная рудами и с более длинной зимой, но зато связанная через равнину Томска, через Чулым и Кеть, с реками запада, досягаемая и уже достигнутая в доисторическую эпоху с Урала и из далеких киргизских степей[22]. Среди восточных притоков Енисея Ангара, почти вдвое более широкая в устье, чем ее реципиент, образует естественную

[22] Речь идет о степях Казахстана.

Выступление Я. Е. Богра́да на первомайской демонстрации в Красноярске. 1918 г. *ККККМ*

Первомайская демонстрация в Красноярске. 1918 г. *ККККМ*

магистраль к озеру Байкал, чаще всего используемую дорогу севера между востоком и западом, западом и востоком. Бессчетные тысячелетия назад на Афонтовой горе уже горели ярким пламенем бивачные костры, на которых жарилось мясо мамонта и шерстистого носорога. Много позже, но все же задолго до нашего летоисчисления, вдоль рек передвигались орды рыболовов и охотников, носители еще одной богатой самобытной культуры, которые уже формовали сосуды и умели шлифовать камень. Сюда с Байкала они получали твердый и прочный, высоко ценимый нефрит, с Россией и даже с Финляндией их связывала еще неясная культурная общность, узнаваемая по тождественности производственных форм и декоративных мотивов. Только потом начал играть свою роль металл, и древняя бронзовая утварь вновь указывает на существующую связь между Волгой, Уралом и Енисеем. И наступило время расцвета доисторической культуры на нашей реке, выросшей без помех в окруженной горами Минусинской чаше, прочно обосновавшейся на богатстве местных руд, оплодотворенной мирными отношениями с соседями через Алтай, с далекими народами на востоке России и даже на Кавказе и Черном море. Тысячи и тысячи бронзовых предметов оставило то время в степях и пашнях, десятки тысяч курганов куполами возвышаются над этими искусными литейщиками и пастухами Северной Азии. Вал из вечно волнующейся смеси народов среднеазиатских высоких степей пробился сквозь горные стены, которые так долго обеспечивали защиту, и воинственные, вооруженные железом завоеватели нарушили покой страны, использовав без остатка усердие и мастерство выживших ее обитателей вплоть до окончательного упадка тех; были разорваны нити, которые до сих пор тянулись между Сибирью и западными культурными областями. Если раньше существовали слабые связи с Китаем, то теперь китайские товары грудились среди находок. Зеркала, плуги, а в дальнейшем и монеты с китайскими буквами во множестве собирались на Енисее. Отныне здесь господствовал Восток, царила Азия, а то, что в Европе из остатков культур тех времен сравнимо с находками на Енисее, с собой принесли кишевшие отряды всадников, которые время от времени снова посылала Азия.

Но я пока был далек от того, чтобы знать хотя бы только эти изобилующие пробелами контуры древней истории моей новой области работы. Они были известны половине дюжины исследователей Европы, двое, трое из них, быть может, могли бы мне непосредственно указать на важнейшие нерешенные вопросы. А так я сидел среди моих сокровищ, как Али-Баба в пещере разбойников, и не знал, за что хвататься. С утра до вечера я ломал голову, как упорядочить хаос, и до поздней ночи штудировал немногочисленные доступные мне труды моих

Военнопленные на митинге в Красноярском военном городке. 1917 г. *ККМ*

предшественников, расшифровывал русские отчеты, справляясь в словаре относительно почти каждого слова.

Но от меня долго не могло ускользать то, что кроме древней истории существует еще и современная. Сначала это было скорее благоприятно, так как среди многочисленного люда, который предпочел и смог избежать приближающейся Красной Армии и воинственных крестьянских отрядов юга губернии, нашлись и обладатели двух коллекций доисторических древностей.

Более значительная коллекция фабриканта Данилова[23], переданная музею, была вдвойне ценна точным реестром поступлений, который вместе с тем довольно полно отражал способ, каковым на Енисее собирались подобные коллекции. Господин Данилов приказал уполномоченному объехать деревни Минусинского округа. Каждая экскурсия, маршрут которой можно было легко прочитать из перечня поступлений, вела к приобретению нескольких дюжин разрозненных находок, так как их находили крестьяне при вспашке, строительстве изб, при

[23] Согласно отчету о работе отдела доисторической археологии за 1920 г., самой большой из известных частных коллекций минусинских древностей была коллекция В. А. Данилова, которая поступила в музей в 1920 г. Коллекция насчитывала 1024 предмета, из них — 490 бронзовых предметов, а также орудия из кости, камня, железа. См.: НА КККМ. Оп. 1. Д. 357. Л. 32–33. Отчет по Музею Приенисейского края за 1920 г. Составлен А. Я. Тугариновым.

Казначейский знак Сибирского Временного правительства. 1920 г. *ККМ*

установке какой-нибудь сваи или просто на своем пути и при удобном случае продавали проезжающему торговцу металлическим ломом или иному любителю. Платили самое большее рубль за совершенно замечательный бронзовый топор, половину или меньше — за приличный нож, несколько копеек за железные наконечники стрел. Хорошей платой за китайские зеркала был рубль, а средний скифский котел на высокой, цилиндрической пустотелой ножке, пузатый и с массивными ручками, отлитый из бронзы, доходил, пожалуй, до десяти рублей. Но чаще всего цены колебались только между десятками копеек, и за такие «суммы» можно было приобрести всевозможные мотыжки, уздечки, серпы, украшения, простые зеркала и другую бронзу. Общинный пастух, который день позагорает на солнце на песке дюн у реки и между делом соберет пригоршню глиняных бусин, сломанный бронзовый нож, несколько пряслиц из черепков сосуда и два-три железных наконечника стрелы, был рад любому побочному барышу, который можно было обменять на водку или махорку. За полный мельничный жернов железного века, о который случайно споткнулся, можно было, пожалуй, приобрести новый, а если ступицу своего колеса обить вместо старого меча полированным, новым полосовым железом, то явно совершишь хорошую сделку.

Времена, когда доисторические находки центнерами переплавлялись в церковные колокола, хотя и прошли, но все-таки скупщик Данилов за неполных пять лет собрал около пяти тысяч отдельных находок, а расходы на приобретение коллекции составили, за исключением

немногих оплаченных более дорогих уникумов, далеко не по сто рублей в каждый такой год.

Под Рождество по нашему календарю в мой зал поступило пополнение, и, восхищенно созерцая неожиданные подарки, впервые за долгие годы я снова испытал что-то вроде блаженства детских дней.

Добрая рука испекла мне каравай белого хлеба, и откуда-то мне перепало немного сахара. Так разительно отличался мой рождественский ужин от обычного куска черного хлеба с пустым чаем. Но чтобы насладиться немного и теплом, мне пришлось прижаться, подняв ноги, к печной стенке.

Наши дрова подходили к концу. Сколько раз с тех пор выходили по утрам Аркадий Яковлевич и я, чтобы распилить позаимствованное в соседнем школьном дворе бревно.

Едва сводить концы с концами я давно привык. Но, как известно, и этот метод выполним, пока рука, которая направляется в рот, не пуста[24]. И это время пришло.

Сибирь — эльдорадо для рачительных домохозяек. Можно было осенью купить половину быка и почти до апреля топором и пилой ежедневно отделять нужную порцию. Иметь подвал было необязательно, подходило любое неотапливаемое помещение. Если прислонить еще несколько метров рыбы к стене, прибавить к этому несколько кругов молока, подвесить кошелку яиц, кинуть в угол несколько кочанов капусты, ну и еще запастись тонной муки — что еще было нужно. Немногим более хлопотно считается изготовить зимний запас пельменей. Это рубленое мясо в оболочке из теста, известные любому австрийцу «фляйшкрапферль». Но сибиряки считают эти штуки своим национальным блюдом. Их производят массово, выставляют полные доски с ними ненадолго на холод, а затем ссыпают весь запас в мешок. Пока живут честные русские люди, всегда и везде в избытке имеется кипяток. Достаточно путешественнику порыться в своей кошелке с пельменями, бросить пригоршню в воду, и тотчас блюдо готово. Для домохозяйки не менее удобно использовать такие «консервы». Также есть хозяйки, которые варят зараз целый бельевой котел супа из капусты с мясом, чтобы зимой просто отламывать уже готовый суп от куска. Сибирские морозы позволяют такие премудрости.

Но мой кошелек не допускал ничего подобного. Я был счастлив, пока ежедневно мог извлекать из него горячую пищу. До того дня, когда появились плакаты, что с этого момента деньги ни сибирского

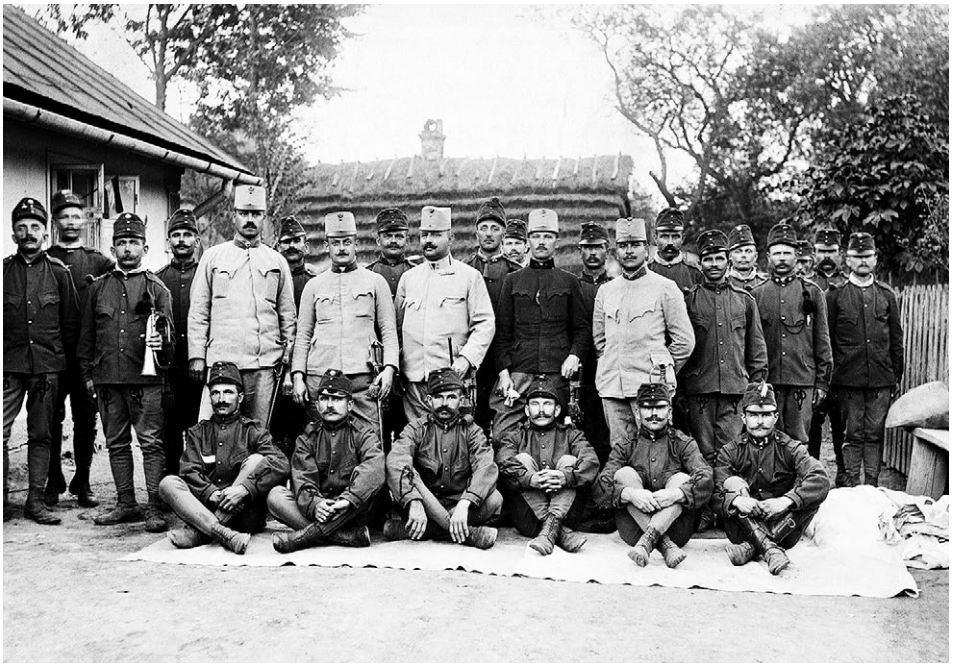
[24] В оригинальном немецком тексте идет игра слов. Дословно фраза «сводить концы с концами» звучит как «жить с руки в рот». Автор обыгрывает это словосочетание в следующей фразе.

правительства, ни адмирала Колчака, ни генерала Дутова[25], ни различных городов не имеют какой-либо законной силы. Точка!

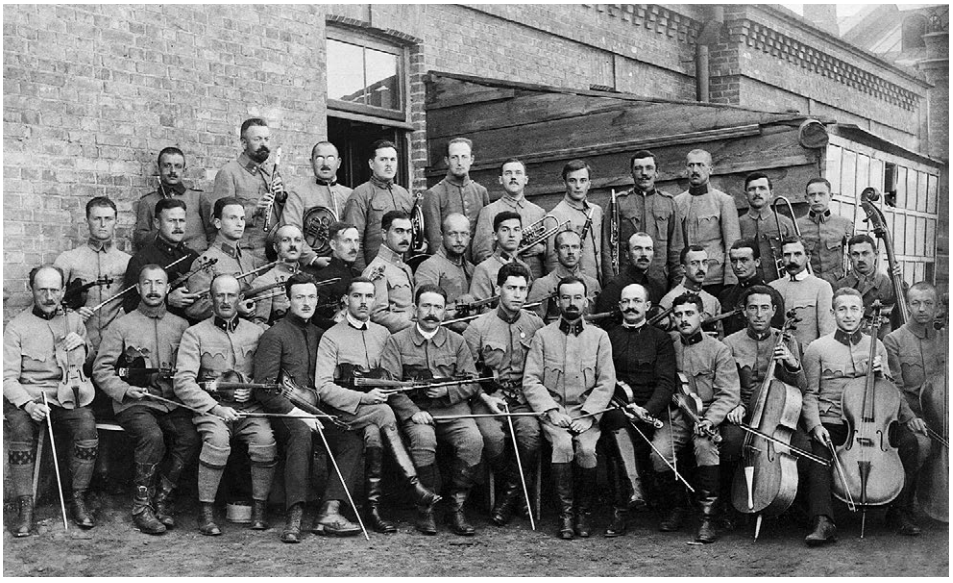
С педантичностью ученого я осмотрел мою скромную коллекцию банкнот — она состояла из трех лоскутов, которые в соответствии с моим опытом скрывали среди множества склеенных бумажных полос фрагменты красноярских городских банкнот, и из двух тонких картонок, которые господин Дутов в Оренбурге временно возвел в ранг платежного средства. Через день мне подарили тарелку супа, а на третий меценаты науки в лагере организовали добровольный сбор кусков хлеба для меня.

Как было сказано, давала о себе знать современная история. Красная Армия безостановочно гнала отряды адмирала Колчака на восток. Западнее Красноярска еще собиралась сибирская армия. Из хаоса отмежевывались некоторые немногочисленные соединения, которые последние свои силы использовали для проведения более или менее упорядоченного отступления, но бóльшая часть терялась в деревнях, катилась навстречу городу, распадалась в голодающие, замерзающие, недисциплинированные людские толпы. Это были тревожные дни. В новогоднюю ночь наши расквартированные потребовали от Аркадия Яковлевича ключи от музея, чтобы подготовить здание к обороне. Волна отступления еще не достигла города, но гарнизон уже перешел на сторону революции и готовился к отражению атак как со стороны запертых остатков колчаковской армии, так и со стороны местных офицерских подразделений. До последнего не дошло, и мы избежали того, чтобы на взрывной волне нашего заполненного бензином и нефтью подвала влететь в новый год. Но пока мы фотографировали обработанные коллекции, чтобы когда-нибудь позже их можно было бы привести в прежний порядок, с западной окраины города загрохотали орудия, застучали пулеметы, отражавшие атаку попавших меж двух огней колчаковцев. Никто не обладал ясным представлением о ситуации. Колчаковские казаки нападали, революционные гарнизоны оборонялись. Но за ними на вокзале стояли польские легионы адмирала, артиллерия которых была направлена на город, а на севере полз длинный черный червяк, который каждое мгновение мог вторгнуться на почти неприкрытый городской фронт. Наконец мы уяснили, что где-то у кладбища орудия открыли огонь по угрожающему червю, и снова были в замешательстве, когда внезапно на площади перед музеем появились пушки, которые очень недружелюбно глазели на наши окна. Если бы они вдруг начали грохотать, то повылетали бы

[25] Имеются в виду бумажные денежные знаки и облигации, выпускаемые при Временном правительстве в 1917–1919 гг.



Группа австро-венгерских военнослужащих. 1913–1915 гг. *ККМ*



Оркестр военнопленных австрийцев в Красноярске. 1916 г. *ККМ*

все стекла, а во-вторых, мы должны были бы прервать фотографирование. И, думаю, дольше мы не могли скрывать от самих себя, что нам было очень страшно. К счастью, все обошлось, и моя работа продолжалась без существенных помех. Правда, на площади перед музеем собрали завоеванный транспорт, возле которого кипела бивачная жизнь с кострами и голодающими, одетыми в шубы кучерами; сотни отпущенных на волю лошадей табунами с шумом носились по улицам, а околевшие дюжинами лежали вокруг, войска приходили и уходили, расквартированные всех видов добрались до нашей конторы, сыпной тиф перерос в эпидемию неслыханных размеров, которая вскоре не оставила без больных ни одного дома, питание города с внезапно почти удвоившимся населением смогли организовать только в самом скудном объеме; одним словом, Красноярск на несколько недель сам оказался отчасти в военной зоне, отчасти в тыловом районе, изнывая под бременем всех последствий такого переворота, но все это бушевало только до стен моего зала.

Был введен новый государственный и общественный режим. Земляку-коммунисту, к которому я случайно попал при перерегистрации всех военнопленных, доставило такое глубокое и искреннее удовольствие искоренить воинское звание, дворянство и степень доктора с моего удостоверения, что я пожалел о том, что не был генералом, князем и ректором магнификусом[26]. Видимо, тем самым я доставил человеку искреннюю радость, так как моей работе больше не препятствовали, как это случалось порой. Впрочем, канцелярию я покинул не совсем уж без титулов, а как «бывший военнопленный империалистической войны», и был теперь хотя и «иностранным пролетарием», но также и полноправным гражданином России. По случаю реорганизации музея я к тому же продвинулся по службе до заведующего археологическим отделом[27] и до конца моего пребывания так и остался советским служащим, обладающим правом голоса, равноправным членом музейной коллегии. И с тех пор я голодал не за свой, а за казенный счет.

Но реорганизация нашего предприятия также обеспечила меня практикантом, который в дальнейшем стал спутником в моих

[26] В оригинале текста — *Rector magnificus* (лат.). «Почетный ректор», глава университета.

[27] После восстановления советской власти в губернии была проведена реорганизация управления и перестройка работы многих учреждений. В январе 1920 г. с образованием Енисейского губернского отдела народного образования музей перешел в его ведение. Губнаробразом были «ассигнованы суммы на содержание персонала, хозяйственные и др. надобности» и утверждена структура и штат музея. Заведующим отделом доисторической археологии был назначен Геро фон Мергарт, который «состоял на службе в музее с октября 1919 г.». См.: НА КККМ. Оп. 1. Д. 357. Л. 1–3. Отчет по Музею Приенисейского края за 1920 г. Составлен А. Я. Тугариновым.

Дом купца И. Т. Савельева в Красноярске, в котором находился Енисейский губернский отдел ГПУ. 1920 г. *ККККМ*

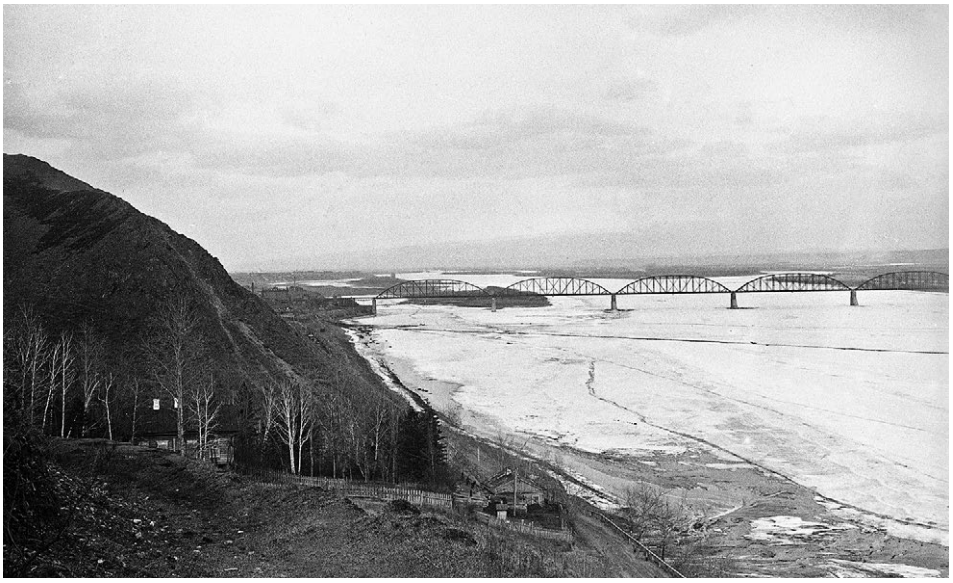
У здания казарм в Красноярском военном городке. 1915–1920 гг. *ККККМ*

странствиях, а до поры до времени выполнял различную письменную работу, прежде всего ему было поручено ведение инвентарной описи в надлежащем объеме. Георгий Петрович[28] был археологом по призванию. Он читал и реферировал то, что ему было доступно. Не отягощенный тормозами предусмотрительности, критики к себе и другим, он хватался за сложнейшие задания, чтобы снова и снова сетовать на то, что ему больше нечего делать, если я ему предлагал на пробу то или иное решение проблемы. Он с пристрастием задавал мне вопросы относительно новейших проблем нашей науки, которые могли лишить сна специалиста, и дрожал перед интересным местонахождением, как добрая легавая собака перед дичью. Он был неутомим, невзыскателен, любознателен и припадал к древней истории, как мучимый жаждой лебедь — к воде. На самом деле окончание торговой школы оставило его довольно сухим в том, что касается нашей науки. Но если новая Россия, к теориям которой все же относится отбор и требование специалистов, обеспечит его, со всей его молодой энергией, приличным руководством, то мы еще услышим его имя.

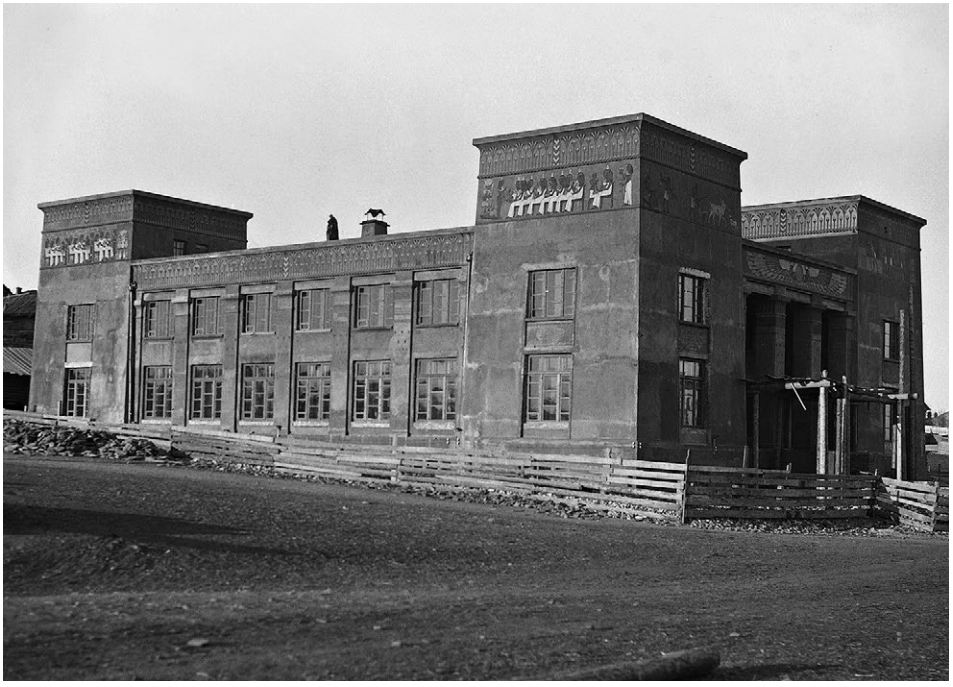
Хорошо было уже то, что я смог как следует использовать свое время, теперь уже довольно бегло читал и мог устно объясняться. Частые заседания способствовали моему знанию языка, но также и поглощали время. Заботы о пропитании понуждали к тягостным изнурительным поездкам. Различные помехи затрудняли работу. Так, например, один день полностью мы были заняты тем, что выгребали снег из фондохранилищ. Зал, в котором располагались наши расквартированные, слабо отделяли от остальных только дощатая перегородка и парусина. В то время как мы выполняли нашу работу в непрестанной борьбе с холодом, солдаты не отказывали себе в температуре, которой могла бы позавидовать пальма. Точно так же у них не было недостатка в чаде на любой вкус, и все это непрерывно просачивалось через перегородку, оседало на холодных потолке и стенах, и набитые до отказа хранилища превратились в сверкающие хрустальные гроты. Протесты в штабы командования белых приносили такую же пользу, как и позже при красных, а именно: никакой. И в один прекрасный день это сверкающее великолепие обрушилось неповторимым обильным снегопадом, и мы могли понаблюдать, как стали хозяевами свинства.

Впрочем, это не было единственной уборочной работой, к которой привлекали музейщиков. Однажды где-то на одной из уральских фабрик несколько коммунистов-энтузиастов, которых задел

[28] *Сосновский Георгий Петрович* (1899–1941), археолог, исследователь палеолита Сибири, сотрудник Музея Приенисейского края в 1919–1920 гг., ассистент и ученик Геро Мергарта. См.: *Детлова Е. В.* «Глава и вождь» музейного дела в Красноярске // Аркадию Яковлевичу Тугаринову посвящается... Красноярск: КККМ, 2011. С. 93–127.



Окрестности Красноярска, вид на железнодорожный мост. 1927 г. Фотограф А. С. Сыромятников. *ККМК*



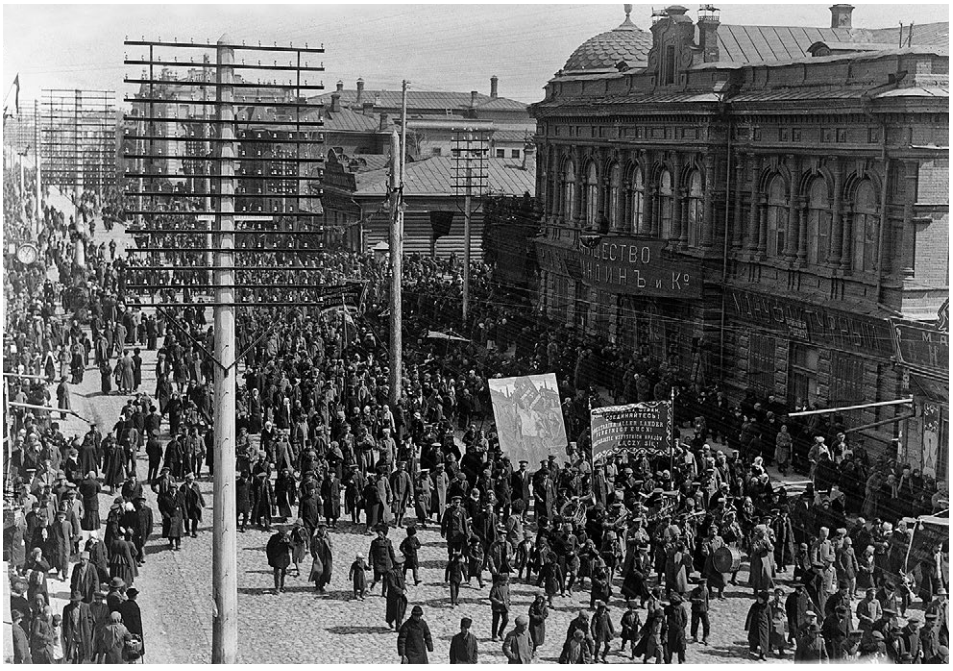
Завершение строительства здания красноярского музея. 1929 г. *ККМК*

за живое упадок всей экономической жизни, согласились на добровольную сверхурочную работу. Идея один раз сделать что-то сверх необходимого минимума без личной материальной выгоды и во имя великих целей была приведена в систему, прикинули, что пять человек за один день смогут сделать то, на что одному человеку потребуется пять дней, а солдатский полк, умело орудуя однажды во время стихийной катастрофы, совершил чудо по стоимости выполненных работ. Так был изобретен «субботник»[29], работа в свободное время. Возникла эпидемия субботников, в которой разумное зерно было затравлено до смерти в своей лихорадочной стадии. В качестве первого массового задания Красноярску была поручена уборка вокзала, который многонедельное пребывание эшелонов с войсками и беженцами потопило в глубоком навозе, засорил хаос отступления, буйство дерущихся за возможность бегства наполнило завалами. Более двух сотен одних только лошадиных трупов лежало на железнодорожных рельсах и в вагонах. Нечистоты, от анализа которых я хоть и могу уберечь читателя, но не могу избавить себя, лежали полуметровым слоем между глубокими канавами, на фоне которых рельсы едва ли были различимы, и, замерзшие до твердости дерева, плотной массой заполняли многочисленные вагоны там и сям до буквально метровой высоты. Работал весь Красноярск, чередуясь по сменам, дольше недели, коллективный Геркулес перед одной Авгиевой конюшней. Была проделана большая работа, в которой Музей Приенисейского края — так назывался наш музей географического общества — принял почетное участие. Конечно, многие дамы и при сгребании снега не расстались с шубой и муфтой, и можно спокойно посчитать, что каждая загрузка лопаты была брошена за три раза. Также я видел людей, которые упорно старались вырубить скобы из шпал, так как они принимали их за примерзшие куски железа. Другие махали мотыгами с такой силой, что раскалывались крыши и пол вагонов, а один задумчивый старый господин рядом со мной, у которого случайно взорвался замерзший патрон, осмеливался только чуть-чуть царапать гору нечистот. Расточительство сил, времени и материала было велико, но цель была достигнута.

Благоухая медленно распространяющимися от моей оттаивающей одежды ароматами, я доложил Энрике Павловне, что честно выполнил свою долю работы и могу только надеяться, что в следующий раз золотарь сделает за меня работу археолога. Она возразила, что в такие

[29] Первый коммунистический субботник был проведен на Московско-Казанской железной дороге 10 мая 1919 г. 1 мая 1920 г. был организован массовый Всероссийский субботник.

Лагерь для военнопленных в Красноярском военном городке. 1916 г.
Частная коллекция А. Ульверта (г. Красноярск)



Первомайское шествие рабочих союзов в Красноярске. 1918 г. *ККККМ*

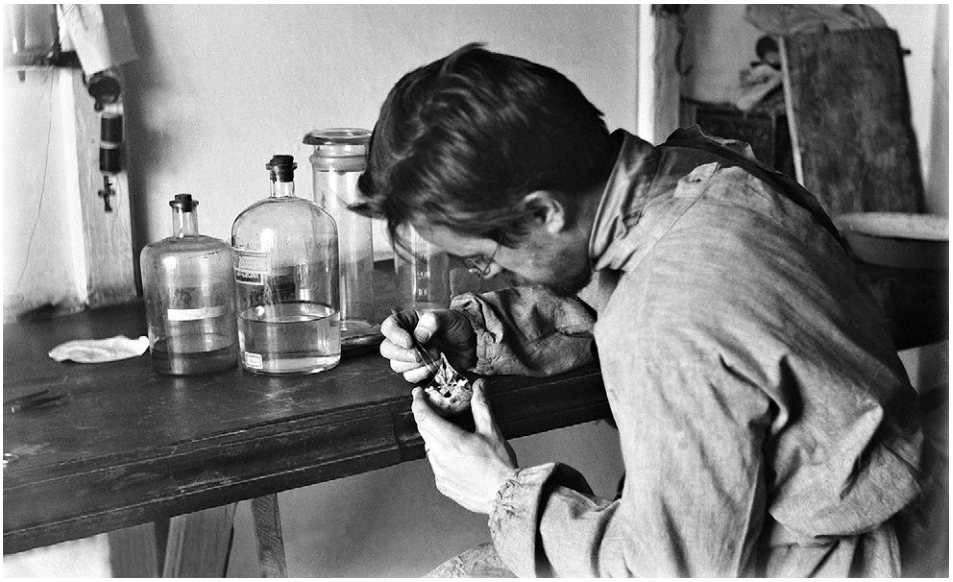
времена трубочист — несравнимо более нужный человек, нежели археолог. Надеюсь, она никогда не станет наркомом просвещения.

Первого мая я работал вместе с тысячей людей на копке рва вокруг проектируемого ботанического сада. Годом позже ров был засыпан. Затем до этого никому больше не было дела. Настоящей потемкинской деревней оказался далеко простиравшийся, прелестно засаженный сквер у вокзала, который возник точно так же первого мая и нашел свой конец в печи в виде кучи хвороста. Когда однажды женская школа мела главную улицу, один остряк заметил, что субботник — это выполнение работы на седьмой день немощными, после того как она не делалась в течение шести дней мóгущими. Так что старая здравая идея умерла, как было сказано, от чрезмерности. Я вспоминал с удовлетворением собственно только один день, когда колол дрова для вдов и детей казненных.

Возможно, стоит на мгновение задержаться на этих двух словечках. За исключением свергнутых с престола монархов, теноров и даже директоров банков, конечно, есть люди, которые считают заготовку дров здоровой и даже не скучной работой. Делаешь непривычные и поэтому требующие именно здоровья движения, потеешь и устаешь, теряешь излишний жир, приобретаешь гибкость и покидаешь наконец поле деятельности еще и с завидным аппетитом. И при этом выполняешь полезную работу.

Наша заготовка дров была лишена позитивной составляющей таких сопутствующих явлений. С самого начала среди дрожащих от мороза фигур, которые в то воскресное утро сгрудились около какой-то канцелярии, не было ни одного, которому врач прописал бы для здоровья колку дров в качестве источника вечной молодости. Нас было в общем восемь человек, и в отношении шести из них осталось совершенно неясным, застегнули ли они свои сомнительные одеяния пряжками и пуговицами или только повесили на собственные кости. Сухие, ввалившиеся лица — от этого казалось в высшей степени проблематичным, можно ли и у них добиться хоть капли здорового пота, а что касается усталости и аппетита, то этого каждый из нас принес с собой вполне достаточно для того, чтобы хватило на целый санаторий. Что побудило других присутствующих «буржуев»[30] (буржуа) принять участие в экспедиции, я не знаю. Я сам был здесь, чтобы уплатить один долг, которым я был стеснен, потому что принял кое-что из съестного от моей противницы Энрики Павловны. Прежде чем сильные духом читатели упрекнут меня в слабоволии,

[30] В оригинале текста приведено русское слово, написанное латиницей (*Burschui*).



Консерватор Красноярского городского музея А. Я. Тугаринов за работой. 1908 г. *ККМ*

А. Я. Тугаринов с супругой в экспозиции красноярского музея. 1905–1910 гг. *ККМ*

ПРОПУСК №

Предъявитель сего тов. .....

имеет право свободного хождения по гор. Красноярску в течении всей ночи.

Передача сего пропуска в пользование другому лицу повлечет за собою предание суду Военревтрибуналу.

Комендант города

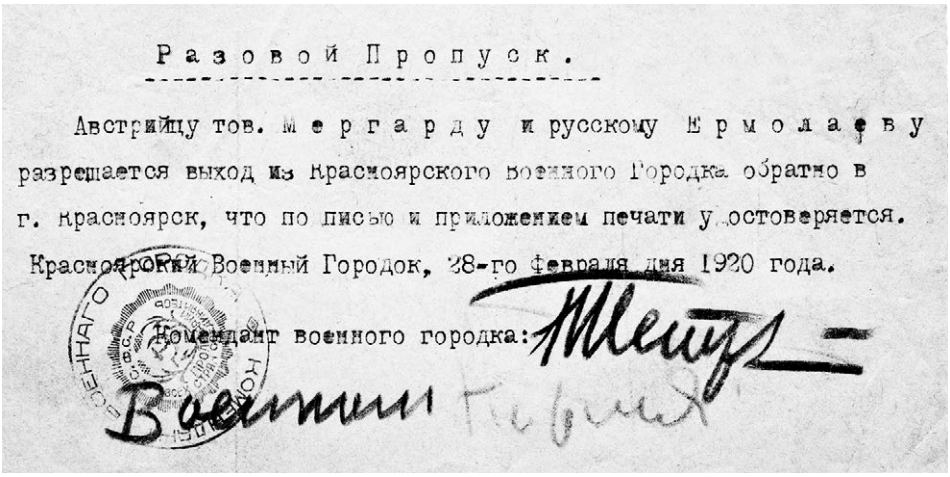
Пропуск на право передвижения по Красноярску. 1920-е гг. *ККМ*

пусть они сначала как-нибудь несколько недель подряд ежедневно поедят по пригоршне неразмолотой вареной пшеницы в качестве основной или даже единственной трапезы. Если они потом в течение нескольких месяцев еще еженощно повстают от холода восемь или десять раз, чтобы наконец признать себя побежденными и после короткого умывания в ледяной воде снова возвратиться к жизни горячим чаем из моркови или подобного родственного чаю овоща, только тогда они, может быть, могут как-то более-менее компетентно выступать судьями в вопросе, допустимо ли раз принять из рук противницы благодеяние. Каждый раз я не мог противостоять искушению несколькими картофелинами, однако мне было все же неловко чувствовать себя чем-то обязанным Энрике Павловне, и я собирался уплатить этот долг коммунистке тем, что заготавливаю дрова для семьи других погибших коммунистов.

Остаток нашей партии состоял из одного еще довольно свежего «организатора» и пяти настолько опустившихся, оборванных и изголодавшихся товарищей, что я ни мгновения не сомневался, что вижу перед собой настоящих идейных коммунистов, а именно: людей, которые в твердой вере в золотое будущее человеческого достоинства вынесли такую долю бедствий, которая в другие времена неизбежно привела бы к самой кровавой и ожесточенной революции. Мы вооружились пилами, баграми, мотыгами и ломами, скатились вниз по крутому берегу реки и напротив нас во льду нашли бугор, под которым, по уверению нашего предводителя, был погребен плот. «Заготовка дров» началась в соответствии с этим с примерно трехчасовой колки льда. Сражение с мотыгами и ломами даже извергло холодный пот из кожи наших черепов, и когда мы наконец освободили одно бревно, с наших лохматых бород отставали сосульки. А на опушках шапок вилась корона изморози, которая снова и снова пыталась

Археологический отдел и склад газет красноярского музея. 1920 г. *КККМ*

Сотрудники красноярского музея братья А. П. и В. П. Ермолаевы. 1914 г. *КККМ*



Разовой Пропуск.

Австрийцу тов. Мергарду и русскому Ермолаеву разрешается выход из Красноярского военного Городка обратно в г. Красноярск, что по писью и приложением печати у остоверяется.

Красноярский Военный Городок, 28-го февраля дня 1920 года.

Комендант военного городка:

Пропуск, выданный Г. Мергарту и В. П. Ермолаеву для свободного передвижения по Красноярску. 1920 г. *ККМ*

примерзнуть ко лбу. К ломам нужно было добросовестно прикладывать разорванные перчатки, так как каждое прямое соприкосновение с металлом приводило к кровавым пузырям. При этом казалось, что эти ломы постепенно приобретают центнеровый вес, и когда первое бревно успешно лежало на берегу, мы все были измучены настолько, что я серьезно сомневался, дойдет ли дело еще до «заготовки дров». Вечером организатор поблагодарил нас за нашу хорошую работу, но по виду ледяного чурбана мне казалось сомнительным, использовали ли одаренные вдовы и сироты нашу древесину для отопления.

Со вступлением Красной Армии и связанными с этим переворотами не было недостатка во всевозможных нарушениях спокойной работы. Правда, свою крепость я отстаивал со всеми уловками, тратил столь необходимый минимум времени на чаще всего безрезультатное снабжение продовольствием, нашел экономию времени в том, что руины моих рубашек и простыней отчасти из-за дефицита мыла, отчасти из-за их ветхости можно было стирать максимум раз в четыре недели — промежуток легко позволял себя удвоить, — и был счастлив, если в моей комнате не оставалось никаких устойчивых ледниковых образований, по меньшей мере выше уровня человеческого роста, но всегда возникали еще непредвиденные случаи, которые нарушали покой моей деятельности. Однажды я даже был близок к тому, чтобы признать игру проигранной. Это было тогда, когда внушающая страх Чека́, Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и дезертирством, удостоила меня своим вниманием.

Сотрудник красноярского музея Г. П. Миклашевская за работой. 1925 г. Фотограф А. В. Кудрявцев. *ККККМ*

Сотрудник красноярского музея М. В. Красноженова. 1936 г. *ККККМ*

> Сотрудник красноярского музея Н. К. Ауэрбах на раскопках. 1920-е гг. Фотограф А. В. Кудрявцев. *КККМ*

< Уборка снега в помещении красноярского музея. 1920 г. Фотограф В. П. Ермолаев. *КККМ*

У нас была латышская домоправительница[31], глава настоящей миниатюрной семьи, состоящей из сына и дочери, которые, поставленные друг на друга, едва достигали моего роста. Дочь закончила гимназию с золотой медалью, сейчас служила в одном из примерно трех тысяч учреждений и собиралась стать садовницей. А пока укоротила волосы на три миллиметра. Сын был убежденным членом коммунистической молодежной организации; подобно членам своей семьи женского пола, честный, прилежный человек, относительно которого я могу предположить, что он, по крайней мере в своей организации, боролся за чистоту словом и делом. Отца расстреляли во время революции после японской войны[32].

[31] Возможно, имеется в виду Эмилия Анцевна Жураусская, которая работала в качестве курьера в 1920–1921 гг. в Музее Приенисейского края и проживала, как и Мергарт и семья А. Я. Тугаринова, в здании музея.

[32] Имеется в виду Русско-японская война 1904–1905 гг.

Эта славная домоправительница разбудила меня однажды ночью в три часа словами: «К Вам пришли люди!»

Голос: «Немедленно включите свет!»

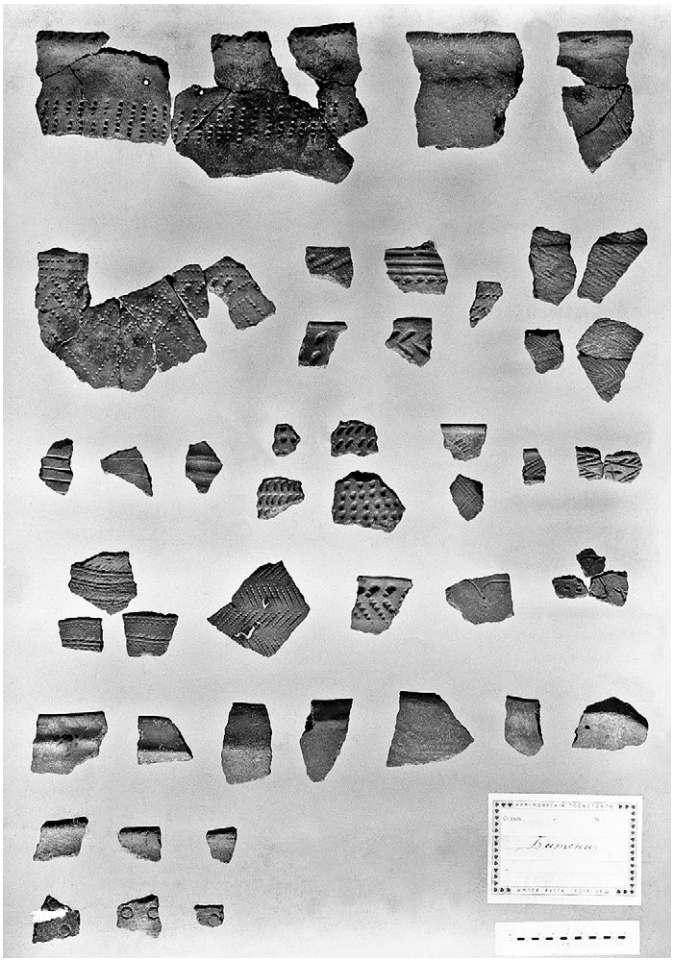
Я слез с соломенного тюфяка и встал перед шестью мужчинами с револьверами напротив.

— Ваши бумаги!

Короткий осмотр, шепот, потом: «Вы арестованы!»

Размышлять или даже спрашивать — почему, — было абсолютно бесполезно. Чека не дружила с бесполезной тратой времени.

Во всех анкетах, которых, вероятно, заполнил две дюжины, не имея возможности спросить — зачем, — в неизменной графе «партийная принадлежность» я с чистой совестью писал «беспартийный». С таким же успехом я мог бы написать «археолог», но за это на меня могли обидеться, так как если власть предержащим на что и не хватает времени, то это на чувство юмора. Они знали только коммунистов, беспартийных и в крайнем случае еще анархистов. Весь прочий народ, называй он себя как угодно, был злом. Это действовало и в отношении жалкого податного народа беспартийных. Но так как под этой маркой в обществе я знал примерно сто двадцать миллионов сограждан, можно было допустить, что невеселый интерес Чека ко мне привлекла не беспартийность, а любое другое злодеяние, по всей видимости, еще не содеянное.



Черепки сосудов с Батеневской стоянки. 1921 г. Фотограф В. П. Ермолаев. *ККМ*

Итак, я повязал мои жалкие одеяния, быстро надел шинель и нацепил старую фуражку. Комиссия торопила, и я не мог побороть мучительного чувства, что этим людям неважно, буду ли я брошен в могилу в шинели или без нее. Меня провели в прихожую и поставили в угол напротив солдата, который держал ствол своей винтовки прямо у моего живота. Комиссия снова исчезла в музее.

Вдруг перед домом прогремело пять выстрелов, один за другим. Я довольно бесцельно напомнил себе о дате моего сегодняшнего дня смерти, которая, впрочем, не могла иметь для меня существенного интереса. И когда сразу за этим по лестнице с шумом поднялся второй вооруженный, я больше не сомневался в событиях следующих пяти минут. Сознаюсь, что любое пари о продолжительности моей жизни я бы отверг, однако человек ни словом, ни жестом не показал, чтобы

я его сопровождал, а сказал что-то по-венгерски и ушел без меня. Тогда я набрался мужества и по-русски спросил ружейный приклад напротив, что произойдет со мной. И смотри-ка, он ответил:

— Значит, Вы военнопленный?

— А кто же иначе? — я указал на остатки моей униформы.

— Тогда Вас потом снова отпустят.

Шальмаи[33] иногда имеют неповторимое звучание.

Я узнал позже, что застрелили «только» русского солдата, который, ничего не подозревая, появился перед нашим оцепленным домом и в сонном оцепенении прослушал оклик.

Из здания музея под строгим конвоем вывели около тридцати людей на ночной трибунал, который, как и партизанские патрули, состоял из интернационалистов, то есть из бывших военнопленных, которые вступили в Красную Армию.

Освободившись от первого страха перед неизбежным, я смог в относительном спокойствии созерцать дальнейшее развитие событий. Сначала нас привели в какой-то двор, который быстро наполнился бледными или, по меньшей мере, неуверенно выглядящими людьми[34]. Едва ли что-то говорилось. Даже патрульные, которые стояли на каждом углу и у каждой двери, отдавали свои распоряжения вполголоса. У одной двери вооруженные образовали своего рода воронку, через которую молчаливая людская очередь медленно продвигалась в дом. Рывками она поднималась по лестнице, по коридору, через пустую комнату и до двери, которая то и дело открывалась и проглатывала где-то по десять арестованных. Одним из последних в такой партии в покои с тремя или четырьмя выходами, перед каждым из которых стоял часовой, заглянул и я. На одной стороне за длинным столом сидело несколько людей в униформе, прежде всего трое на стульях с высокими спинками и со свечами перед собой, невольно образуя некую театрализованную группу с невидимой надписью «Тайное судилище».

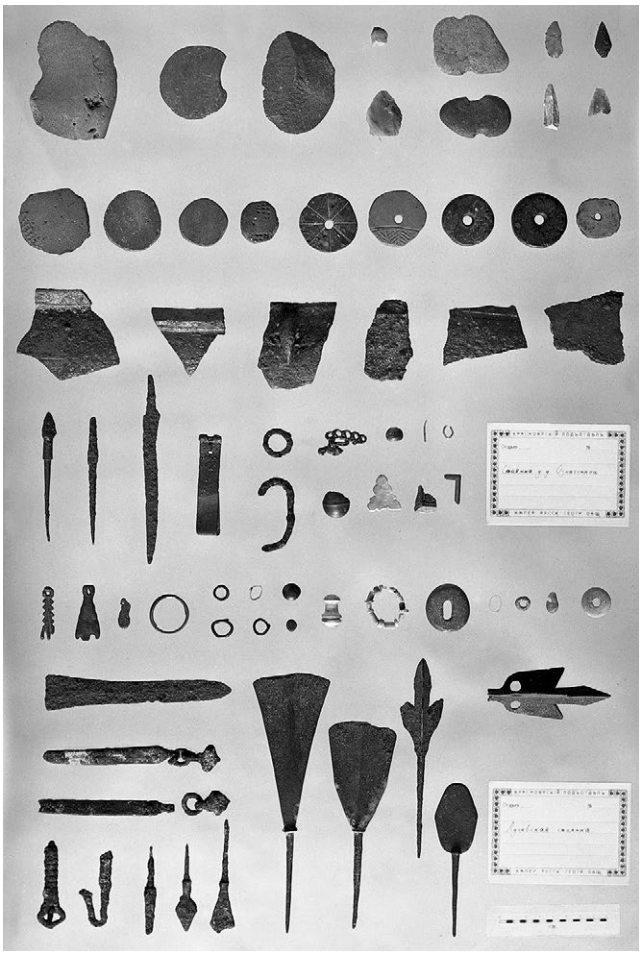
Председателя в любом случае следует обозначить как интересную фигуру в это интересное время[35]. Не прикрепленный к генеральному штабу выпускник военной школы, старший лейтенант австрийской армии, он много лет был в плену и свое время посвятил всем возможным доступным наукам, не в последнюю очередь экономике и социологии.

---

[33] Немецкий деревянный духовой музыкальный инструмент наподобие свирели.

[34] Вероятно, речь идет о современном здании управления ФСБ по Красноярскому краю на ул. Дзержинского, 18, в котором в 1920 г. находилась ГубЧК Енисейской губернии (см. фото на с. 59).

[35] В свете имеющихся фактов нельзя с уверенностью утверждать, о ком из интернационалистов, воевавших на стороне советской власти в Красноярске, идет речь. Сведения из биографий наиболее известных персон этого периода (Мате Залка, Ференц Патаки, Иштван Варга) не вполне совпадают с приведенными автором данными.

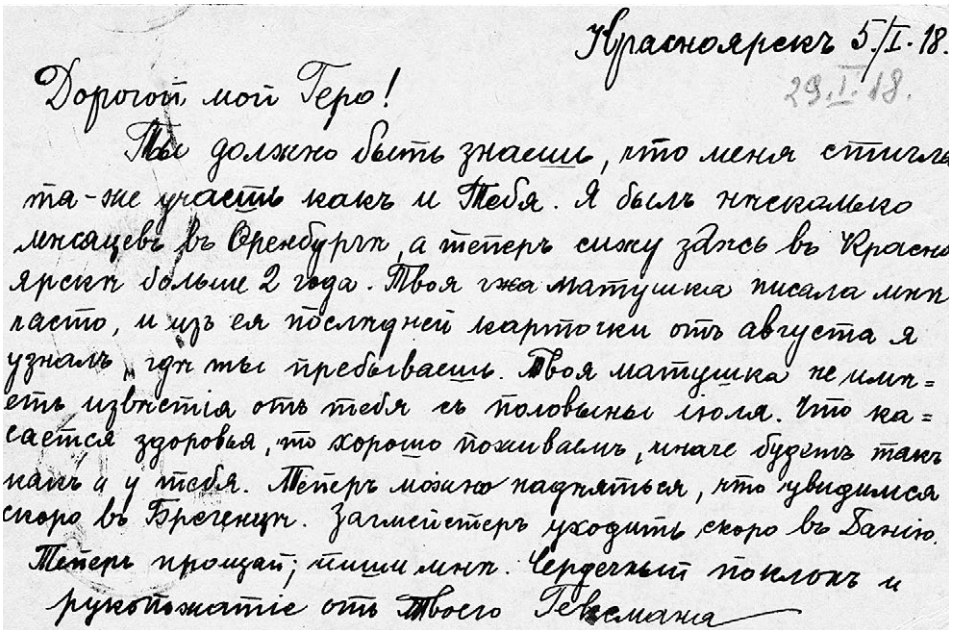


Археологические коллекции красноярского музея: сборы со стоянок у деревни Означенной и села Лугавского. 1921 г. Фотограф В. П. Ермолаев. *ККККМ*

Чего он смог достичь во время чешского господства и белой реакции[36] в тайных махинациях, мне неизвестно; точно то, что в тот черный день 1 августа он был среди первых арестованных, а вечером последним из выживших сидел в тюрьме. Новую группу задержанных при попадании в его клетку он сразу приветствовал, ухмыляясь, сообщением, что до этого их было больше, однако другие уже казнены. Когда такое сообщение у некоторых новичков отдавалось в желудочных нервах, он демонстрировал далеко не изысканный лексикон и представлял это с замечанием, что предвидел подобные проявления и поэтому обеспечил себя при аресте бумагой. Этот примечательный хладнокровный

[36] Под «белой реакцией» Мергарт имеет в виду период правления А. В. Колчака и временного свержения советской власти в Енисейской губернии в 1918–1920-х гг.

Военнопленные Первой мировой войны на строительстве Ачинско-Минусинской железной дороги. 1915 г. Фотограф Н. В. Федоров. *МКМ*



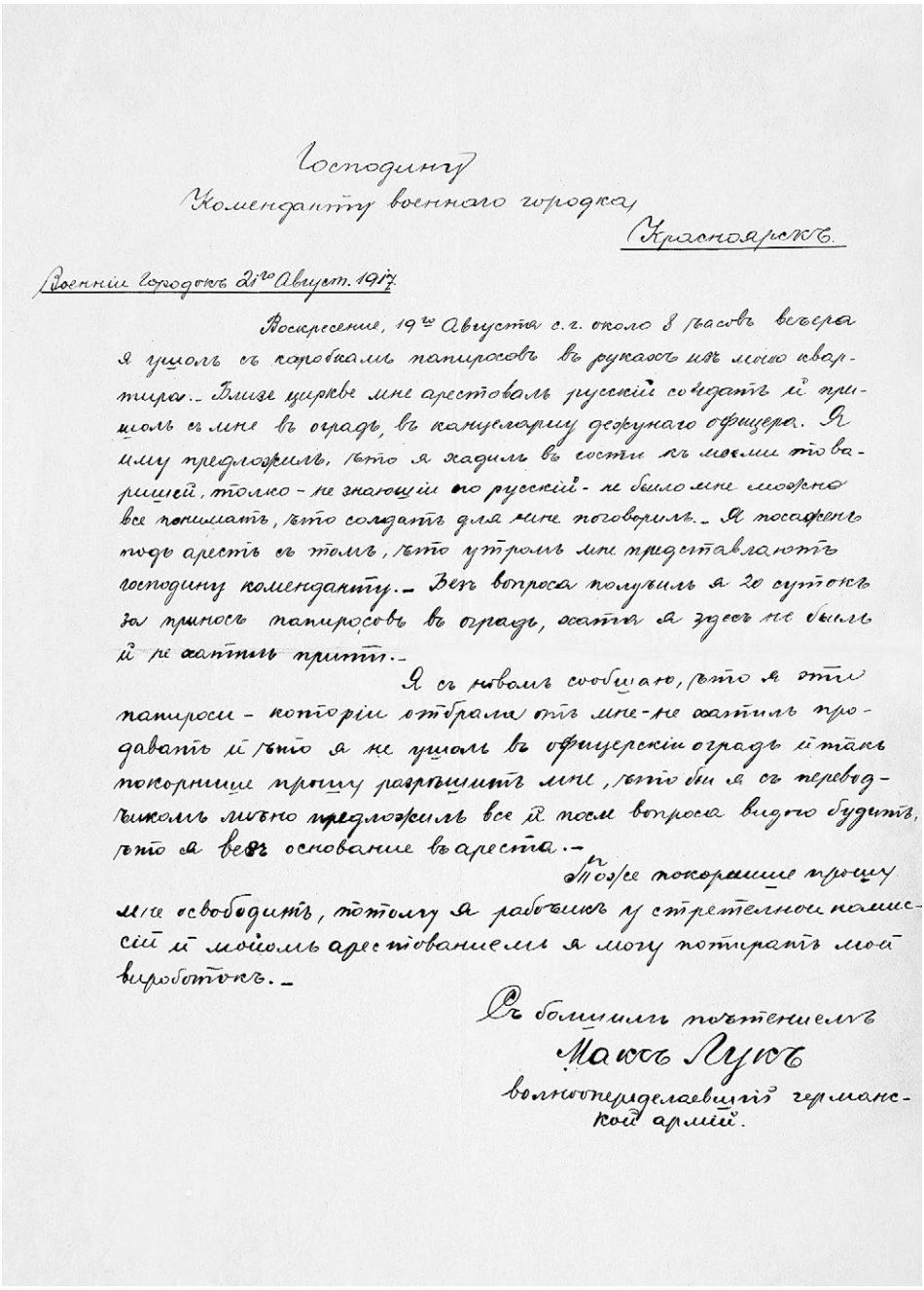
Красноярскъ 5/I. 18.
29.I.18.

Дорогой, мой Геро!

Ты должно быть знаешь, что меня спасли та-же участь какъ и Тебя. Я былъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Оренбургѣ, а теперь сижу здѣсь въ Красноярскѣ больше 2 года. Твоя жена матушка писала мнѣ часто, и изъ ея послѣдней карточки отъ августа я узналъ, гдѣ ты пребываешь. Твоя матушка не имѣетъ извѣстія отъ тебя съ половины іюля. Что касается здоровья, то хорошо поживаешь, иначе будетъ такъ какъ и у тебя. Теперь можно надѣяться, что увидимся скоро въ Бременѣ. Здѣсь теперь уходитъ скоро въ Баню.

Теперь прощай; пиши мнѣ. Сердечный поклонъ и рукопожатіе отъ твоего Германа

Письмо, полученное Г. Мергартом от знакомого военнопленного. 1918 г. *ККМ*



Господину
Коменданту военного городка
Красноярск.

Военный городокъ 21го Август. 1917

Воскресенье, 19го Августа с.г. около 8 часовъ вечера я шелъ съ коробками папиросовъ въ рукахъ изъ моею квартиры. Близъ церкве мне арестовалъ русскій солдатъ и принесъ съ мне въ ограду, въ канцелярию дежурнаго офицера. Я имъ предложилъ, что я ходилъ въ сопровождении съ моими товарищей, только - не знающій по русскій - не было мне можно все понимать, что солдатъ для мне поговорилъ. - Я посаженъ подъ арестъ съ тѣмъ, что утромъ мне представляютъ господину коменданту. - Весь вопроса получилъ я 20 сутокъ за принесъ папиросовъ въ ограду, хотя я здесь не былъ и не хотятъ притт. -

Я съ новымъ сообщаю, что я эти папироси - которіе отбрали отъ мне - не хотятъ продавать и что я не шелъ въ офицерскій ограду и такъ покорнице прошу разрешить мне, что бы я съ переводчикомъ лично предложилъ все и после вопроса видно будетъ, что за всѣ основание въ ареста. -

И после покорнице прошу мне освободить, потому я работникъ у стрелочной комиссіи и моимъ арестованиемъ я могу потирать мой выработокъ. -

Съ большимъ почтеніемъ
Макс Лук
военнопленный германской армии.

Объяснительная записка военнопленного германской армии Макса Лука коменданту Красноярского военного городка о своем необоснованном аресте. 21 августа 1917 года. *ККМ*

человек сразу после переворота вступил в Красную Армию, организовал интернациональную бригаду и быстро продвинулся в карьере до командира. При случае его, впрочем, свергли, он предстал перед военным судом и попал в тюрьму, но вскоре вынырнул из этого злоключения в новом блеске, и сегодня он то ли генерал, то ли расстрелян.

Тогда он сидел, как было сказано, в качестве председателя трибунала и распределял движущуюся человеческую очередь к различным выходам. Взгляда на бумаги каждого было достаточно, чтобы обладатель безмолвно исчезал в указанных дверях, и проверялся следующий.

Когда я передвинулся ближе к зловещему столу, один из снующих там интернационалистов подступился ко мне с вопросом, не читал ли я в лагере лекции по геологии. Как военнопленный офицер он был моим слушателем.

— Почему Вас арестовали?

— Это я Вас должен спросить!

— Люди имели приказ арестовывать всех офицеров колчаковской армии. У Вас бумаги не в порядке?

— Нет, — сказал я, — бумаги в порядке. Но их у меня отобрали. Я лишь думаю, что в комиссии были русские, которые хоть и говорили по-русски, но не умели читать, и военнопленные, которые хоть и могли читать, но не по-русски.

Товарищ казался немного задетым. Но остался вежлив, забрал мои бумаги с судейского стола и указал мне на еще едва ли использованные двери в казармы интернационалистов. Да, он даже принес мне сигарет и немного со мной пообщался. Кульминацией его речей стало предложение вступить в качестве метеоролога в летный отряд интернациональной бригады. Но я должен был, к сожалению, отказаться, так как был очень занят. Затем я был предоставлен самому себе, но не забыт, так как в восемь часов утра мой покровитель принес мне магический треугольный листок бумаги с подписью упомянутых власть предержащих. Я миновал полдюжины постов, неизменно с запиской в руке, и покинул дом, из которого сотни русских офицеров и по ошибке также несколько военнопленных были отправлены в концентрационные лагеря или в еще более безнадежные места. Некоторым нашим потребовались недели, прежде чем они получили свободу. Но я должен поблагодарить Чека, что она отняла у меня времени только с трех до восьми часов утра, то есть вне моего рабочего графика.

Глава вторая

Весна и отъезд

Говорить о весне, по сути, не к месту. Хотя мы уже в марте совершили несколько прогулок, чтобы познакомиться с ближайшими окрестностями, и также смогли провести поверхностные наблюдения там, где медленно набирающее силу солнце слизывало снег, но замерзшая почва оставалась твердой, как железо. Ведь средняя температура весь апрель по-прежнему составляла ноль градусов! К концу этого месяца начинает обращать на себя внимание молодая зелень, преобладающие солнечные деньки делают пребывание под открытым небом весьма приятным, и ледоход, который наступает на рубеже мая, можно с наслаждением наблюдать, лежа на траве. Природный ковер, конечно, еще большей частью соткан из сухой зимней травы, но глаз, привыкший к монотонности пейзажа за семь долгих месяцев зимы, радуется первым свежим оттенкам там и сям в излюбленных уголках. Полевые работы начинаются в мае, урожай приходится на сентябрь. При таком коротком лете, которое собственно переходит в осень, нужны по-настоящему хорошие температуры и благоприятные метеорологические условия, чтобы добиться приличного роста. Так что неурожаи тоже нередки. Но в хорошие годы сибирская земля родит солидный урожай, а на плодородных полосах дальних пашен созревают лакомые, сочные арбузы. Только скоротечное теплое лето может совершить чудо такой вегетации, лето, которое почти без перехода уводит из мороза в жару. Едва снимешь зимнюю шубу — если имеешь таковую, — как уже оказываешься в разгаре лета, когда ходить в рубашке сподручнее, чем в кителе. Но не ликующие птицы, пробивающаяся трава, первые хрупкие цветочки и не журчание освободившихся ото льда ручьев приносят сибирскую весну, а — не сердитесь на меня, мои тамошние друзья, любящие свою страну, — только грохот и треск ледохода и непролазная, бездонная, парализующая все движение, сверх всего мыслимого гигантская грязь. Распутицей[1], временем бездорожья, зовется

[1] В оригинале текста приведено русское слово, написанное латиницей (*Rasputiza*).

этот период в сибирском календаре, и «зима», «распутица», «лето» — так по праву нужно было бы назвать времена года Сибири.

От музея до Афонтовой горы пять километров пути. Моя упитанность весной была такова, что после преодоления этих пяти километров мне требовался получасовой отдых, чтобы быть в состоянии хотя бы вести наблюдения. Но Георгий Петрович чуял тающую землю, и речи не могло быть о привале, даже если бы я и хотел. Окрестности Красноярска кишели доисторическими местонахождениями. Коренные жители оставили следы в лессе террас, в береговых изломах, на песчаных дюнах вверх и вниз по реке. В степях возвышаются курганы, валы укреплений окружают соответствующие возвышенности. Как мог среднеевропейский профессионал бездействовать, когда случай привел его в эту сибирскую волшебную страну, где находки, как говорится, лежат на улице, где каждый неспешный шаг приносит пригоршню каменных орудий, полный мешок черепков, возможно, даже бронзу, мельничный жернов, монету, где ветер так тщательно просеивает материал, что можно найти вместе бусины целое ожерелье, черепки целого горшка и даже целое захоронение.

Итак, мы ползли, искали, собирали, наблюдали и копали. Порой Георгий Петрович весь день таскал с собой наш жидкий суп, который выдавали в государственной столовой, и если мы его где-нибудь разогревали и съедали с, ах, каким тонким кусочком хлеба, скорчившись от пронизывающего ветра в песчаной яме и изучая по карте, какой путь мог приблизить нас к хорошему обнажению[2] и тем самым, может быть, к прояснению вопроса, тогда с обманчивым теплом в желудке мы забывали о нашем плачевном состоянии, приходили в азарт и простирали наши планы все дальше и дальше. Вечером или на другой день мы отматывали длинные-предлинные километры обратного пути с урчащими желудками, уставшими конечностями и притупленной головой. 20 апреля нам еще удалось перейти Енисей прямо у музея, так как оттаявшие края расщелины были перекрыты деревянными мостками. Но когда мы вечером снова пришли в затон пароходной флотилии, ледовый покров реки на многие километры и по всей километровой ширине совершил значительный рывок, и мостки пропали. С гудящими ногами мы тогда сидели на набережной и наблюдали, как заходящее солнце уплывало от белых стен нашего музея. 1200 шагов до отдыха! А теперь

[2] *Обнажение* — геологический термин, обозначает выход горных пород на поверхность. Мергарт, будучи дипломированным геологом, во-первых, часто прибегал к геологической терминологии в своих трудах, во-вторых, придавал важное значение в археологических исследованиях геологическому строению местности. Кроме того, использованное им в оригинальном тексте слово имеет и второй смысл: «объяснение», «решение». В данном случае мы вновь имеем дело с излюбленной автором игрой слов и двойным значением одного и того же понятия.

нам надо было проделать двенадцать километров в обход. И при этом мы должны были радоваться, если на железнодорожном мосту встречали часового, который бы пропустил нас на ту сторону. В тот день, как нарочно, я нашел мельничный жернов! И нес его в рюкзаке.

В кромешной тьме неосвещенных улиц я ковылял поздно вечером к музею. Я имел все причины торопиться, так как передвижение ночью было запрещено, и если меня поймает первый патруль, то вместо столь вожделенного соломенного тюфяка я окажусь под арестом. Вдруг в мой отупевший мозг ворвалось: «Стой, или буду стрелять!» И потом: «Смотри, когда идешь по улице, здесь нельзя ходить!» Человеку легко было сказать: «Смотри!» Не так-то просто во мраке ночи пересекать сибирскую улицу, так как деревянные доски «тротуара» хоть и стараются удерживать известную соразмерность в покатостях и плоскостях, но эта похвальная тенденция, к сожалению, совершенно чужда самой улице. Та представляет собой намного большее, чем простое произведение ландшафта и тележных колей. В моем случае ландшафт был горбатым, и в соответствии с этим тротуар то покоился на столбах неопределенной высоты, то пролегал по небольшой канаве. Я сразу же упал в яму, носом в песок, с жерновом на затылке. С уверенностью ожидая, что постовой отреагирует на эти подозрительные манипуляции стрельбой, я поспешно укрылся под мостками. Вслед за тем, однако, последовал лишь краткий разговор. Если я и не испытывал чувства особого достоинства, сидя на корточках под досками, от меня не ускользнуло и то, что постовой точно так же чувствовал себя немного неуверенно. Таким образом, мы достигли своего рода перемирия, и я смог удалиться с ощущением, что жизнь исследователя в Сибири имеет свое очарование.

В другой раз, когда миновал ледоход первых майских дней, мы возвращались вечером в затон, чтобы попасть на плашкоут. Вдруг пристань разорвал пароходный гудок, беготня и крики: «Пожар! Пожар! Пожар! Музей горит».

Мы помчались к ближайшему открытому виду, взгляд направо — благодарение небу, наш старый музей нетронуто и спокойно возвышался в отблесках заходящего солнца. Но там, где в центре длинной береговой линии крупно члененная колода нового здания безраздельно властвовала над городским ландшафтом, все окутал глубокий черный дым, и языки пламени высотой с башню праздновали свой триумф над древесными массами временных внутренних сооружений. Новостройка, наша надежда на будущее, цель всех наших планов и творчества, заветный памятник упорной культурной работе выгорел до раскаленных руин. Даже железные балки не выдержали бушующей, неистовствующей мощи огня.

Бедный Аркадий Яковлевич, твое творение, твое детище пало жертвой глупости, некомпетентности и халатности человека, которому было приказано продезинфицировать зараженное тифом здание[3].

Мне самому было грустно. Сомнительно было, что когда-нибудь я увижу плоды моей работы в образе готового отдела. Но тогда еще не было речи об эвакуации военнопленных, и лишь недавно Аркадий Яковлевич сообщил мне, что существует надежда на частичное расширение нового здания. Так что при случае я позволял себе помечтать о том, чтобы систематическим построением коллекции создать достойное завершение бессмысленно потерянных лет и воздвигнуть скромный памятник немецкой работе.

Но все это было в прошлом. Ну, научных-то задач оставалось более чем достаточно, и в самой коллекции были большие пробелы, которые можно было восполнить только упорной и длительной полевой работой. Для работающего почти без вспомогательных средств и физически обессиленного чужестранца было бы зазнайством считать себя способным заложить хоть один-единственный краеугольный камень в эту постройку. Военнопленные товарищи отговаривали меня от путешествия, чтобы, таким образом, не пропустить еще один транспорт. Материально они нуждались так же отчаянно, как и я сам, и многие изворотливо пристраивались к какой-нибудь государственной кормушке, которую можно было корыстно эксплуатировать через воровство, спекуляцию и обман. Воровалось буквально все, так как в конце концов все имело реальную ценность и могло быть обращено в ценность пищевую. Мне не раз поступали предложения на металл, слоновую кость, даже на клей и гипс, и на мой ответ, что я музейный служащий и считаю себя связанным так же, как если бы принес служебную присягу, получал снисходительную улыбку. Но никогда я не наблюдал ни малейшей тени смущения у того, кому отказал. Упадок общественной морали был всеобъемлющим, и ставшая твердой идеей исключительная ориентация пленных на освобождение из этого телесного и духовного бедствия была понятна. Но я, с одной стороны, еще не верил в эвакуацию, и бредовая идея, будто бы возможно организовать в скором времени даже самый наспех организованный вывоз

[3] В годы Гражданской войны недостроенное здание музея в «египетском стиле» использовалось как военный лазарет для тифозных больных. После того как помещение освободили, было решено произвести дезинфекцию. Для этой цели использовали серу. Зажженная сера воспламенила деревянный пол, начался пожар. Пламенем были уничтожены деревянные перекрытия, деформированы несущие железные балки, пострадала кирпичная кладка. Дезинфектор, по вине которого произошло возгорание, был приговорен Ревтрибуналом к нескольким месяцам ареста. См.: НА КККМ. Оп. 1. Д. 357. Л. 4 об. Отчет по Музею Приенисейского края за 1920 г. Составлен А. Я. Тугариновым.

почти полумиллиона пленных — столько их, вероятно, еще оставалось между Уралом и Амуром, — не имела надо мной власти, а с другой стороны, я видел, вероятно, никогда больше не повторившуюся бы возможность принять участие в археологическом изучении Сибири. Возможно, я немногого достиг, возможно, я даже не продержусь до конца — все равно я сидел перед вратами доисторически богатейшей части Сибири, и меня не должны были обвинить в том, что, подняв руку, я хотя бы не постучался.

И у моих русских друзей были свои опасения. Только что по югу края прокатилась волна крестьянской войны против белых, и уже снова слышалось о брожении среди людей, которые боролись за учредительное собрание и против единовластия одного диктатора и которые, несмотря на их участие в победе, должны были покориться тирании Советов. Банды разогнанных белых войск внезапно возникали тут и там. Возможность снабжения продовольствием считалась крайне незначительной. Мы телеграфировали — это была практически единственная надежная связь — директору минусинского музея[4] и получили в ответ: «В городе жить невозможно, в селе, при наличии меновых товаров, возможно». Прекрасно, туда с меновыми товарами! С выставки ремесел оставалось несколько вещей, топор, подкова, пара сапог, кусок мыла. Я пожертвовал свою единственную целую рубашку; Георгий Петрович, по-моему, кальсоны. Можно было раздобыть мешочек соли. Как бы отрадно это все ни было, для четырехнедельного путешествия с двумя участниками для найма рабочих и, возможно, необходимого приобретения лодки этого было недостаточно. Правда, существовали деньги, так как наша воистину обширная предварительная смета была одобрена без купюр. Но над нами бы посмеялись, если бы мы рассчитывали на деньги, так как на протяжении многих месяцев ни одному крестьянину не пришло в голову ехать на базар и там продавать свои хорошие продукты за плохие деньги.

Георгий Петрович и я не видели препятствий. О случаях голодной смерти не сообщалось, так что мы бы тоже не умерли от голода. Итак, я приступил к научному оборудованию. Основу образовывал альбом с миллиметровой бумагой. Нашлись блокнот, карандаш, компас, рулетка, даже бинокль. Не хватало фотографического материала, но Ермолаев[5],

---

[4] *Кожанчиков Василий Дмитриевич* (1866–1931), энтомолог, в 1915–1929 гг. директор Минусинского музея им. Н. М. Мартьянова, вплоть до 1929 г. вел переписку с Г. Мергартом. См.: *Детлова Е. В.* В. Д. Кожанчиков и Геро фон Мергарт: штрихи к портрету // Мартьяновские краеведческие чтения (2014–2015 гг.): Сб. докл. и сооб. Минусинск: Издательские решения, 2016. Вып. IX. С. 323–326.

[5] *Ермолаев Владимир Петрович* (1892–1982), сотрудник Музея Приенисейского края с 06.01.1920 по 15.08.1920 г., директор Тувинского государственного музея в 1929–1934 гг. Вместе с Г. Мергартом и Г. П. Сосновским участвовал в экспедиции в Минусинскую

член нашего музея, уже в течение нескольких недель пытался попасть через границу в полурусский, полумонгольский Урянхай[6], чтобы отыскать там вещи, которые в свое время были оставлены при бегстве перед мятежными монголами. Если бы ему это удалось, то были шансы на пластинки, если нет, то у него все-таки было три или четыре штуки. Так что нам нужно было только разыскать Ермолаева в Минусинском округе, или, чтобы было понятнее, встретить его в краю размером с Голландию, чтобы располагать как минимум тремя пластинками. Я нашел, что дело великолепно продвигается вперед, увязал лопаты и мотыги. Пехотную лопатку удалось заткнуть за пояс.

Оставались еще предметы личного снаряжения. Моим ботинкам было пять лет, но в лагере они всё же не сильно износились. На полотняных штанах при внимательном осмотре обнаружились места, которые при латании поддерживали полотно; матерчатые брюки хотя и были потрепаны, но еще имели солидное основание, которое только по цвету сильно отличалось от остальной ткани. Довольно того, что в описании отсутствующее соответствовало упомянутому, и если еще заметить, что моя фуражка осенью состояла только из козырька и околыша и даже у бедного остяка вызывала сострадательную улыбку, то я охарактеризовал все достаточно полно.

Легче всего было решить вопрос с продовольствием. Четыре с половиной дня поездки на пароходе до Минусинска, три маленькие ковриги черного хлеба. Я не хотел экономить и решил прокутить все, чтобы в Минусинске быть в форме. Незадолго до поездки в Красноярске была объявлена мобилизация, что сподвигло Георгия Петровича на досрочный отъезд.

Поднявшаяся на борт парохода 2 июня экспедиция состояла вследствие этого только из одного меня. У левого бедра у меня была охотничья сумка, за поясом — лопатка, через плечо — мешок картофеля, связанный с кирками и лопатами. Очки и бинокль придавали всей истории научный облик.

Но нос парохода был направлен вверх по течению, а там лежали чудеса доисторической Сибири[7].

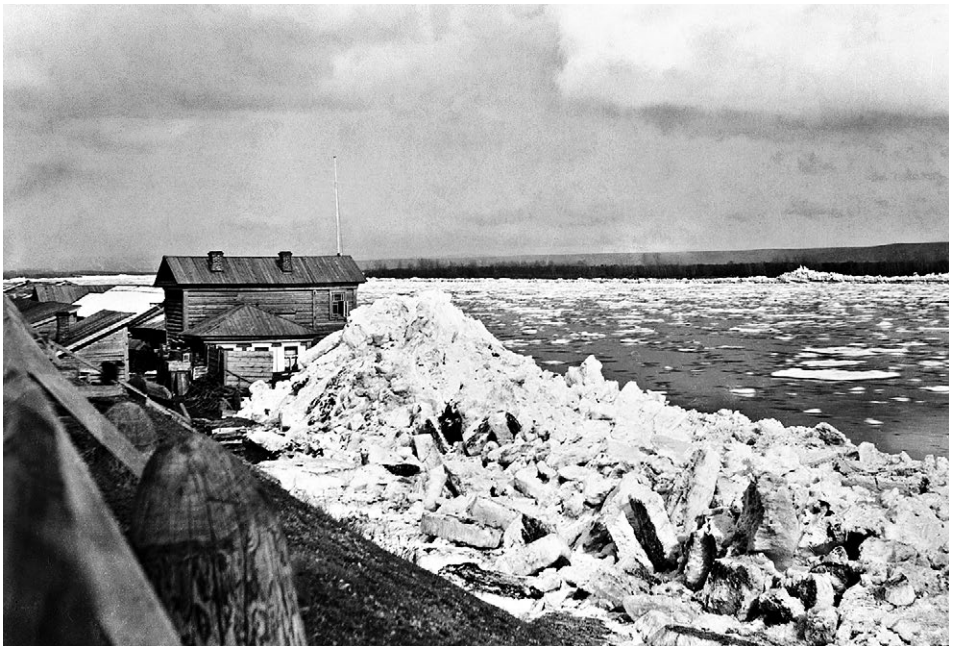
котловину летом 1920 г. См.: *Салчак Л. М.* В. П. Ермолаев — организатор музейного дела в Туве // Мартьяновские краеведческие чтения (2010 г.): Сб. докл. и сооб. Минусинск: Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова, 2010. Вып. VI. С. 61–63.

6 *Урянхай* или *Урянхайский край* — русское название Тувы в 1914–1921 гг.

7 «В начале июня этого же года Г. К. Мергарт, Г. П. Сосновский и В. П. Ермолаев выезжают в Минусинск, откуда совершают сплав на лодке по Енисею до Красноярска. В ходе работ были осмотрены уже известные стоянки и открыты новые. Наиболее древние горизонты на открытых памятниках — Аешки, Кокорево, Лигостаево, Бузуново, Лепешкино, Борки, Потрошилово — датировались эпохой палеолита. На четырех последних стоянках и на поселении у Лугавского, Батени, Шушь, Биря, Тагарское озеро, Комарково,

В 9 часов вечера канаты были отвязаны и якорь поднят. «Сокол» тащил две большие баржи, с которыми он делал примерно четыре километра в час, и так он плыл день и ночь, пережидая только короткое время при полной темноте. Минимум раз в день он останавливался рядом с огромными штабелями дров и набивал чрево кормом. Дровяные склады пополняются постоянно, ибо обычно сплошная вырубка в ближайшей лесистой местности покрывает потребность, а как только зона вырубки становится столь обширна, что подъездные пути до места складирования становятся более протяженными, продвигаются немного дальше в середину девственного леса. Если вырубленная область пригодна для этого, то деревней или новыми поселенцами она расчищается под пашню и распахивается для возделывания сельскохозяйственных культур. Если она кажется неподходящей или отсутствуют желающие, тогда она предоставляется самой себе, так как никому не приходит в голову и думать о лесопосадках. Тайга, девственный лес, снова и снова отвоевывает обратно то, на что не претендует человек. И будущим поколениям не надо заботиться об истощении даже прибрежных полос. Но если вдруг это случится — в шахтах Минусинской котловины залегают угольные богатства, которые едва ли слегка поцарапаны, исследованы лишь настолько, что можно возлагать живейшие надежды на их обширность. Так что это капля в море, когда «Сокол» поглощает целую гору леса. И он действительно это делает. Конечно, при этом отсутствует какое-либо обустройство места погрузки. То сходни отвесно взлетают до высоты берега, то перед грузчиками — ровный путь, то снова приходится преодолевать несколько метров почти вертикального обрыва и с тяжелым грузом скатываться с грохотом вниз, так что в следующий момент невольно ожидаешь увидеть унесенных в реку раздавленных людей, переносные жерди и несколько дюжин метровых расколотых поленьев. Был один маленький толстый мужик, который со своими товарищами брал настоящие рекордные грузы. «Ну, ну, папаша, на этот раз ты не выдюжишь», — говорили грузчики. Но он хватал две не связанные друг с другом штанги и отправлялся в путь. Несколько осторожных шагов под уклон, пока его помощник еще наверху, один подъем плеча вправо, один — влево, толчок, когда второй человек ступил на кручу,

Означенное, Каменка верхние культурные горизонты фиксировались под дерном и датировались эпохой бронзы, железа и средневековья. Тогда же Мергарт и Сосновский скопировали писаницы на плитах могильника у горы Туран, на скалах Тепсей и Георгиевской горы на р. Тубе. В ходе разведки Мергартом были раскопаны погребение у с. Лугавского и два тагарских кургана близ улуса Откина. Две поздние могилы XVII–XVIII вв. участники маршрута исследовали у д. Означенной». См.: *Макаров Н. П.* К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1989. С. 144.



После ледохода на пристани у Красноярска. 1921 г. Фотограф В. П. Ермолаев. *ККККМ*

Плашкоутная переправа через Енисей в Красноярске. 1913 г. Фотограф Л. Ю. Вонаго. *ККККМ*

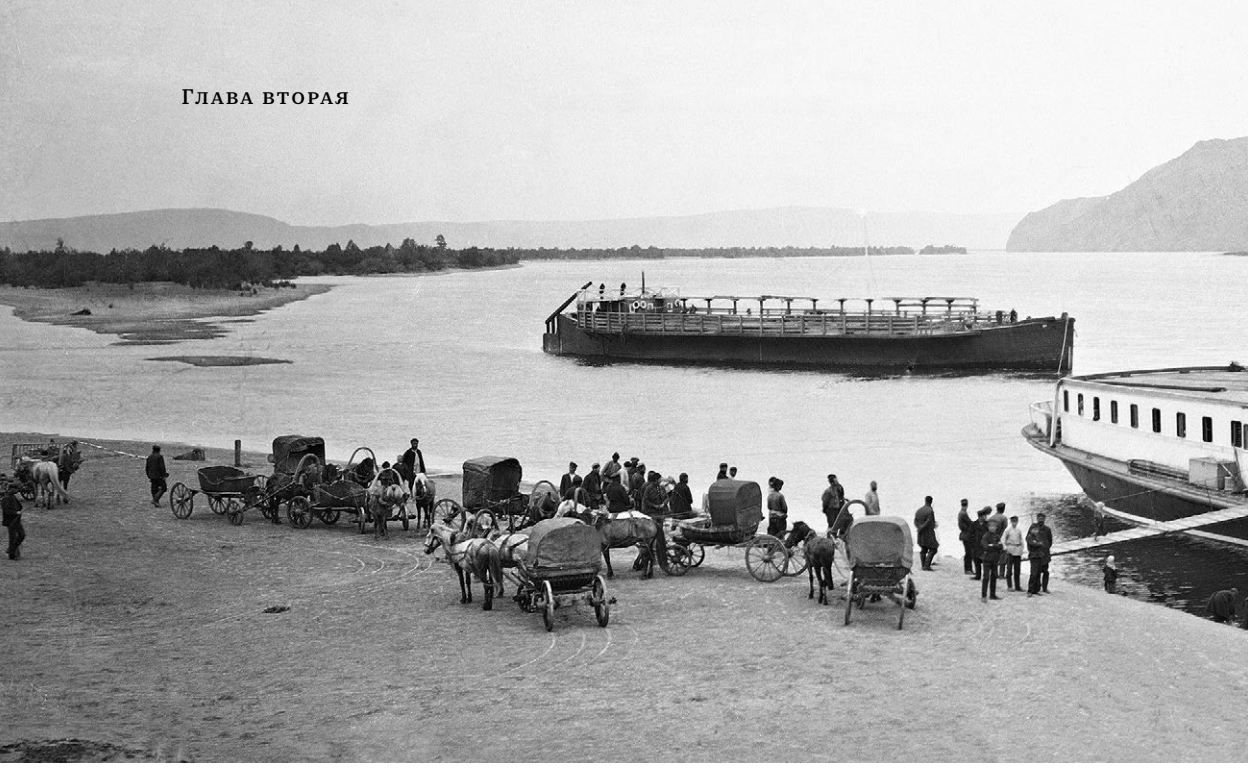
поленья соскользнули, вся связка криво и угрожающе застряла за его спиной — но вот уже оба мужчины быстрым шагом шумно спускаются по сходням, и «бес!», «давай!» — торжествующе ревет толстяк. Груз грохочет по железному настилу, руки, ноги и жерди съезжают вниз, и хлоп — «Сокол» снова сделал глоток, штабель исчез во чреве люков.

Перед тем как покинуть лесную зону, обе баржи нагрузили целым складом дров, и наш пароход пополз вперед в степной регион, как полярник, который тянет свои сани с продовольствием.

От Красноярска до южной оконечности Манской горной страны, около трети всего пути до Минусинска, по обоим берегам нас сопровождал девственный лес. Запертая в глубоком желобе, течет река, скалисто, часто сплошной стеной, вздымаются берега. Редкие плоские насыпи несут поселения. Но и деревня с просторами пашен и склонами лугов остается всего лишь затерянным островком в море леса. Главная транспортная магистраль — водное полотно реки летом, ее ледовый покров — долгой зимой. Редкие тропинки, едва наезженная дорога пересекают леса в глубине края. По сплавным рекам в дебри проникает разве что лесоруб. Тогда в течение нескольких недель дымятся бивачные костры, звенит топор, трещат поваленные деревянные исполины, но с последним готовым плотом исчезает шум и движение, тихая жизнь девственного леса снова вступает в свое извечное право, и разрушенные хижины навещают лишь бродячий охотник, золотоискатель, исследователь. Пробуждаются воспоминания детства, старые мечты о путешествиях и приключениях на Диком Западе. Я сплю наверху на палубе, завернувшись в бурку, большое цельнокроеное войлочное пальто, мешок под головой, ботинки привязаны к руке. Звон якорной цепи будит меня, и мой первый взгляд встречает золотой свет утренней зари, которая играет высоко вверху в деревьях и медленно-медленно сползает в темные от леса котлованы, по дну которых мы плывем. Преобладает темный хвойный лес, и многие-многие из ветеранов этого леса уже были стариками, когда первые пароходы пожирали их братьев. Однако здесь распахан только небольшой пятачок, вырван узкий лоскут из пальто склонов. Еще несколько хижин, узкие пашни, несколько светлых клочков луга. Если не смотреть на глубоко протоптанную ложбину, которая прорезает крутой берег, и не замечать покосившихся, седых от старости изб, то можно поверить, будто находишься близ селища, которое десять, самое большее — двадцать лет назад было отвоевано первопроходцем у глухомани. Сибирь не Дикий Запад, обитатели этого клочочка не будут собираться в дорогу через двадцать лет после первого удара топора, чтобы продвинуться в нетронутую глушь, не будут ждать вечно спешащей, мчащейся во весь опор культуры со спекулятивными

Енисей в окрестностях Минусинска. 1910-е гг. *ККККМ*

Пристань Батени. 1924 г. Фотограф Л. Ю. Вонаго. *ККККМ*



ценами на землю. Здесь 180 лет назад делал привал Гмелин, и картина, которую он тогда наблюдал, почти точь-в-точь та же самая, что мы видим сегодня. Сибирь пока спит со всеми своими богатствами, еще сохраняет романтику нетронутой природы, это все еще крестьянская земля, насколько уж волна поселенцев проникла в ее необъятные просторы. Время битв с воинственными аборигенами давно минуло, прошло время, когда на соседнем континенте краснокожие выходили на тропу войны. Но декорация та же самая, что и тогда, изменилась только в незначительных чертах. Число поселенцев возросло. Но вид поселков, их устройство, их форма хозяйствования, их жители, даже сама их одежда почти не изменились. Узкоколейка железной дороги пока не смогла присоединить край к локомотиву мировой экономики, тот еще покоится и дышит медленно, глубоко и равномерно, словно спящий, каковым он и является. При этом не меняются и сельскохозяйственные машины, которые здесь используются даже в большем количестве, чем в европейской России. Они служат не для того, чтобы ускорить темп, освободить руки, которые могут охватывать всё бóльшие площади; можно сказать, они в значительной мере способствуют тому, чтобы сократить и сделать более комфортным рабочее время. Нет современного вокзала, нет элеватора, едва ли одна паровая мельница жадно ждет плодов, чтобы перекачивать их по мировым артериям. Тот же самый извоз, те же паромы, тот же плот перевозят их, как и две сотни лет

Прибытие парохода «Сокол» на пристань Батени. 23 июля 1908 г. Фотограф Л. Ю. Вонаго. *ККМ*

назад, принимает их старый амбар, перерабатывает старая водяная мельница или топчак. Вероятно, излишек и отправляется на баржах к железнодорожной линии, но его продавец едва ли ждет ответных даров, каковые мог бы предложить большой мир с его промышленностью. Ему хватает немногих ручных орудий и нескольких аппаратов. Так незначительна его зависимость от продукции машин, что сибирского крестьянина лишь ненадолго озадачил отрыв от товаропотока, который наступил вследствие длительной изоляции Сибири и экономического краха России. Вскоре он уже снова производил полотно и ткань, высекал огонь сталью и кремнем, зажигал свои керосиновые лампочки, и было достаточно ковки кос и иголок, чтобы он мог почти беззаботно наблюдать за ходом вещей, пока ему не угрожали неурожай и насильственные вмешательства в его семенной фонд.

Сибирь спит. Пусть она переживет свой экономический рассвет здоровой и в покое. До поры до времени она страдала лишь из-за политической лихорадки, и тайга снова видела — только в новых обличьях — картины из былых времен. Так, киргизы Минусинской области с семьями, скотом и имуществом отправились когда-то через лес и горы на юг, на свою новую родину. Это звучит как легенда, этот переход целого народа через необжитую, суровую, бедную пропитанием и дорогами тайгу. Но восставшие крестьяне, которые в 1919 году осаждали сибирскую железнодорожную линию, вновь сделали тот легендарный поход историческим фактом, когда они под предводительством

своих знаменитых вождей Щетинкина и Кравченко проникли в девственный лес, который отделял их от юга, от новой отправной точки их удара[8]. Люди и лошади, женщины, телеги и скот, настоящее переселение народов — все растворилось в огромном, молчаливом море девственного леса, и так трудно было поверить, будто когда-нибудь снова они выступят сплоченными рядами, что их белые противники даже серьезно не подготовились к встрече. Но тайга поглощает слабого и защищает храбреца. Так и вооруженное шествие вышло невредимым из тьмы на свет южной степи, и вскоре белые уступили житницу губернии своему более смелому врагу.

И сейчас, когда пароход нес нас через этот кажущийся таким дружелюбным мир леса, здесь хозяйничали скрытые в его тьме лихие банды, враги нового государственного порядка, то есть на сей раз белые, которые на свой страх и риск продолжали войну против красных. На лесных опушках повторялась игра в нападения и разбои, резню захваченных противников, засады и карательные экспедиции. На последнем рейсовом пароходе была стрельба, а подоспевшая тотчас охрана не нашла преступников. Было понятно, почему отряд интернационалистов, который был откомандирован, чтобы рубить лес для своей бригады, сошел на берег в полном вооружении и с ручными гранатами на поясе.

Во второй половине следующего дня мы оставили позади горные леса и вступили в обширную Минусинскую котловину. Привольно раскинувшись, охватывая бесчисленные острова, иногда распадаясь целой сетью текущих и высохших рукавов, проходит Енисей по впадине между Саянами на юге и Манской горной страной на севере. Его полноводные притоки поступают с востока, с горной гряды, которая тянется от Саян

[8] После падения советской власти летом 1918 г. на юге края, как и по всей Енисейской губернии, установился режим колчаковской диктатуры. Репрессии со стороны колчаковской администрации привели к сопротивлению местного крестьянства. В начале ноября в с. Дубенском Шушенской волости началось крестьянское восстание, поводом которого послужили избиения крестьян казаками. Вскоре повстанческим движением были охвачены 15 из 38 волостей Минусинского уезда. К концу ноября основное сопротивление крестьян было сломлено, однако оно дало толчок и другим вооруженным выступлениям в губернии. В конце 1918 г. возникло три очага партизанской борьбы в Канском и Ачинском уездах. Центром крестьянского движения стал Степной Баджей (Канский уезд), одним из его организаторов, а с марта 1919 г. — главнокомандующим повстанческой армии был назначен А. Д. Кравченко. В апреле 1919 г. к армии Кравченко присоединяется отряд П. Е. Щетинкина из Ачинского уезда. К маю 1919 г. партизанская армия занимала весь юг Канского и юго-восток Красноярского уездов. После ряда тяжелых сражений в середине июня было решено отступить тайгой в Минусинский уезд, а потом через Саянский хребет двинуться в Урянхайский край. Появление партизан в Минусинском уезде стало полной неожиданностью для представителей колчаковской администрации. К сентябрю 1919 г. партизанами были освобождены города Белоцарск (совр. Кызыл) и Минусинск. См.: Энциклопедия Красноярского края. Юг. Красноярск: Буква С, 2008. С. 118–120.

Команда конных разведчиков в лесу. 1917 г. *ККМ*

Командный состав партизанской армии Степного Баджея, в центре — А. Д. Кравченко. 1919 г. *ККМ*

к Мане. Здесь также простирается плодородный, лучше возделанный край, который делает Минусинск житницей губернии. Обширное пространство между западным пограничным валом, Кузнецким Алатау и главным потоком, однако, занимает степь. Вероятно, русские поселенцы обосновались и здесь, но их деревни сохранились только в областях, где грунтовые воды, осадки и пригодная для культивации почва позволяют заниматься земледелием, главным образом вдоль водотоков и на опушке горного леса. Сама степь земледельцев не кормит. Она принадлежит скотоводам, это страна всадников, непригодная для оседлого, прекрасная для кочевника. Сначала в борьбе, а затем в бессильной слабости отступили аборигены перед земельным голодом русских, отреклись от лесостепи у Красноярска и Канска, северной части Минусинской котловины, края на Сыде, Тубе, Ое[9], то есть ото всей восточной части юга, и им осталась западная степь, истинная, жалкая, сухая, безлесая травянистая область, которая еще и сегодня остается родиной, достоянием и просторной ареной действий для остатков всех татарских племен губернии.

Нередко встречаешь мнение, что степь — это равнина. Но это столь же верно, как думать, что лес растет только в горах. Разумеется, в гигантской Минусинской котловине горы образуют высокую окантовку, а степи занимают добрую часть низины внутри, но эта низина — настоящий мир холмов, и отдельные горы, как и более длинные горные кряжи, возвышаются на несколько сотен метров над уровнем реки или над более ровной местностью, отчасти искрошенные выветриванием, сглаженные, задушенные собственными осыпями, отчасти, особенно по краям широкого речного желоба, поднимающиеся крутой стеной в дерзких, изрезанных ущельями формах. Ландшафт далек от монотонности равнины, напротив, он большей частью подвижен и полон перемен в своих уникальных очертаниях. Но из растительности деревья и кустарник окаймляют только области водотоков. Всю остальную страну покрывают если не сплошь голые скалы, то жиденькая луговая дернина, которая лежит коротко подстриженным ковром на горах, холмах и котловинах, не скрывает ни мельчайшей черточки в рельефе и при низко стоящем солнце добивается удивительно ясного и контрастного сосуществования освещенных и тенисто-темных участков.

При таком обнажении поверхности любое, пусть и незначительное отклонение от привычного ландшафта притягивает глаз. Крошечная темная точка, которая движется в самой дальней дали, врезается в сознание, потому что она нарушает совершенный покой, становится заметной даже незначительная выпуклость, так как ее небольшая

[9] Реки на юге Красноярского края.

симметрия противоречит более крупным, но неправильным чертам окрестностей, несколько едва ли метровой высоты камней становятся заметными далеко-далеко на склоне, так как они выхватывают маленький, четырехугольный клочок из нетронутой площади.

Именно это обставленное камнями четырехугольное местечко удостоилось моего особенного внимания, и это первое, внезапно возникшее в поле зрения моего бинокля, я приветствовал так же радостно, как Ной — голубя с оливковой ветвью. Курганы у Красноярска были либо вскрыты, либо давно лишены своего обрамления из каменных плит. Сейчас я видел первый настоящий минусинский курган, курган доисторического времени. У пристани Батени[10] я в числе первых протиснулся на сушу и устремился прямо на гору, чтобы осмотреть вблизи один из таких курганов.

— Ну и ну, — удивленно обронил один из попутчиков, когда я, запыхавшийся, вернулся на судно, — и что, что курган, таких много. Лучше посмотрите, я купил три яйца, вот это другое дело.

Я бы сильно солгал, утверждая, что три купленных за деньги яйца мне не казались слишком достопримечательными и желанными. Но я смог заглушить это кулинарное впечатление куском черного хлеба, и этого хватило, чтобы доисторическое снова взяло верх.

Несколько минут я простоял перед четырьмя выгоревшими каменными плитами, которые стояли, вероятно, уже два с половиной тысячелетия, когда-то были отколоты человеком, с трудом привезены сюда и торжественно установлены, чтобы украсить и оградить свежую могилу соплеменника, чтобы отграничить мертвому его последнее владение от широкой-широкой степи, при жизни бывшей его родиной и обширным полем для его горестей и радостей, стараний и успехов. Еще и сегодня возвышаются немые стражи, еще и сегодня они возвещают, что здесь спит один из тех, кто когда-то владел краем. Более того, они оберегают часть великой тайны доисторических времен страны на Енисее. Кто были те сведущие в металле искусники, из буквально неисчерпаемого наследия которых музеи скрывают уже тысячи и тысячи находок? Откуда они пришли, куда ушли? Существуют ли они, еще неопознанные, где-то в книгах нашей истории, в анналах Востока, или вычеркнуты из таблицы народов, исчезли с лица земли?

[10] Село и пароходная пристань на левом берегу Енисея, примерно 140 км севернее Абакана. Ранее входило в состав Знаменской волости Минусинского уезда. В окрестностях Батени был открыт ряд известных памятников разных эпох — от палеолита до раннего Средневековья. Масштабные раскопки памятников этого археологического микрорайона, проведенные С. А. Теплоуховым в 1920–1927 гг., позволили ученому разработать первую классификацию древних культур Южной Сибири. Ныне село находится в зоне затопления Красноярского водохранилища. См.: Энциклопедия Красноярского края. Юг. Красноярск: Буква С, 2008. С. 105.

Изгнаны ли их сыновья и дочери с земли предков и течет ли их кровь еще где-нибудь, не смешанная с чужой, по пульсирующим артериям? В юртах, у бивачных костров татар рассказывают старую легенду, которую каждый слышал, но еще никто из тех, кто разгадывал великую тайну степи, не смог истолковать. Давным-давно, гласит она, когда тот народ населял степь, случилось так, что начали расти доселе невиданные деревья с белыми стволами — березы. А в народе передавалось пророчество, что придет белый царь, силе которого невозможно противостоять. Тогда они решили умереть, прежде чем будут порабощены, построили деревянные хижины глубоко в земле, сложили мощные земляные холмы над ними и скрылись, когда пришло время, в этих рукотворных могилах. Затем поднесли огонь к опорным балкам, и обрушившаяся вслед за ними толща земли отделила их навсегда от солнца, которое они хотели видеть только свободными[11].

Быть может, эта легенда исходит от людей, которые уже давно раскапывали курганы с грабительскими намерениями и при этом наталкивались на такие, в которых сотня и более мертвецов покоились под сожженными балками перекрытия[12]. Лопата исследователя вскрывала такие массовые захоронения. Но возможно также и то, что в фантастическом повествовании есть серьезное зерно, воспоминание о народной катастрофе, переворот с тяжелыми последствиями, который положил конец спокойному состоянию мирного народа.

Ответ стерегут мертвые, а мертвые ничего не говорят тем, кто тревожит их покой, будь то кладоискатель, любопытствующий или бездумный собиратель находок. Слишком велико было число таких грешников, слишком незначительна кучка тех, кто задавал свои вопросы в задумчивом почтении.

Радлов[13], сын берлинского полицейского инспектора, который на протяжении многих лет был учителем в маленьком алтайском

---

[11] Подобные предания существуют у многих азиатских народов. Легенды о народах, ушедших под землю в ожидании прихода «белого царя», сохранились, например, на Урале (о «чуди белоглазой»), в Забайкалье, на Алтае. Источником сведений об этом народе для Мергарта, вероятнее всего, были публикации финских экспедиций, путешествовавших ранее по территории Минусинской котловины, например И. Р. Аспелина. См.: *Heidenreich H.* Die sibirische Tagar-Kultur. Ein Beitrag zu den Minusinsk-Bronzen // Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg. Heft 32. Marburg: Philipps-Universität Marburg, 1990. S. 8–9.

[12] Речь идет о коллективных погребениях, относящихся к тесинскому этапу тагарской культуры (примерно III–I вв. до н. э.). В своем фундаментальном труде «Бронзовый век на Енисее» Мергарт обозначил их как «курганы с коллективными захоронениями». См.: *Merhart G.* Bronzezeit am Jenissei. Wien: Verlag von Anton Schroll & Co, 1926. S. 28–29.

[13] *Радлов Василий Васильевич* (Вильгельм Фридрих) (Radloff Wilhelm Friedrich) (1837–1918), востоковед, тюрколог, этнограф, археолог, музеевед, педагог, академик Петербургской Академии наук (1884), директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (с 1894). На высоком профессиональном уровне проводил археологические раскопки

городке, изучал тюркские языки по древним источникам и умер в Петербурге знаменитым академиком; Адрианов[14], ссыльный, который десятилетиями все свободное время, которое ему оставляли налоговая служба и деятельность политического журналиста, посвящал загадкам доисторических времен; финские ученые, которые в поисках прародины своего народа исследовали степь, — это те немногие, которым мы обязаны серьезными объемными отчетами. Людей, которые обогатили этот маленький фундамент плодов исследования результатами своих раскопок, можно пересчитать по пальцам одной руки. Среди них, помимо Савенкова, с которым мы уже встречались, также был Клеменц[15], заброшенный в Сибирь, как и Адрианов, по пути в ссылку. Он впервые познакомил с сокровищами минусинского музея через маленький иллюстрированный атлас и первым из русских написал сводное изложение тамошней доистории.

А «Сокол» медленно преодолевал свой путь по водам реки цвета глины. Это было время таяния снегов в южных горах, время, когда гигантский водосборник, девственный лес, отпускает к многоводной реке то, что больше не может удержать после заполнения всех подземных резервуаров. Бакены, которые в другое время обозначают русло реки, несколько дней были укрыты на суше, в хижины и землянки смотрителей буев проникла поднимающаяся вода, из обильно

на Алтае, в Средней Азии, Минусинской котловине. В 1863–1869 гг. им и при его участии было раскопано около 150 курганов, в том числе Большой Катандинский курган пазырыкской культуры. В трудах «Сибирские древности» (СПб, 1888–1902) и «Из Сибири» (Лейпциг, 1893) Радлов дал описание древностей Южной Сибири. См.: *Решетов А. М.* Василий Васильевич Радлов // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1995. Вып. 1. С. 75–85; Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2005.

[14] *Адрианов Александр Васильевич* (1954–1920), сибирский общественный деятель и просветитель, натуралист, ботаник, путешественник, публицист, историк, этнограф и археолог, ученик и последователь идеологов сибирского областничества Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева. С 1881 г. проводил раскопки в Южной Сибири, вскрыл большое количество курганов, собрал богатые археологические и этнографические коллекции. В 1883 г., производя раскопки курганов на Большом Тагарском острове (напротив Минусинска), сделал сенсационное открытие: впервые в истории российской археологии им были обнаружены гипсовые погребальные маски. См.: *Дэвлет М. А.* Александр Васильевич Адрианов. К 150-летию со для рождения. Кемерово: Кузбасвузиздат, 2004.

[15] *Клеменц Дмитрий Александрович* (1848–1914), революционер-народник, общественный деятель, публицист, путешественник, этнограф, археолог. В 1879 г. был сослан в административном порядке в Сибирь, жил в Минусинске, работал в музее Н. М. Мартьянова, изучал археологические коллекции. В 1888–1890 гг. производил масштабные полевые исследования в бассейне Среднего Енисея, раскопал ряд курганов, составил археологическую карту Хакасско-Минусинской котловины. Работы ученого внесли значительный вклад в археологическое изучение Южной Сибири и Центральной Азии. Результаты многолетних наблюдений Д. А. Клеменц обобщил в труде «Древности Минусинского музея» (1886). См.: *Дэвлет М. А.* Д. А. Клеменц как археолог // Советская археология. 1963. № 4. С. 3–9.

разветвленных артерий протоков образовались широкие водные глади, а в прибрежных селах виделись озабоченные лица. Наш пароход то и дело менял сторону потока, чтобы избежать самых сильных ударов, но севшая на мель, потерпевшая крушение баржа с зерном вновь предупредила об угрожающих мелководьях сбоку основного фарватера.

Как было сказано, «Сокол» медленно полз вверх по течению, предоставив мне время для созерцания и размышления. Чем дальше мы продвигались в степи, тем больше становилось количество курганов. У Усть-Ербы[16] имелись целые некрополи, у Сорокиной[17] таковые соприкасались с домами деревни. Мы также обогнули высившийся массив горы Туран[18], на которой я позже обнаружил укрепление, теперь мы держали курс на крутой скальный бастион Оглахты[19], а на горизонте показалась татарская деревня Саргов[20], в окрестностях которой Адрианов вскрыл несколько из сотен курганов. Тогда, когда, согласно его отчету, с инструментом в одной руке и руководством по раскопкам курганов — в другой он отправился, чтобы разгадать загадку могил, но вернулся домой обремененный новой загадкой. У Оглахты, как и ранее на Тагарском острове у Минусинска, из склепа мертвых ему явился облик живущего, глаза, которые больше не видели, губы, которые больше не говорили, щеки без крови, и так, шаг за шагом, — лик народа, тайну которого он расследовал. Как ему было не возликовать, когда на голом черепе он нашел отлитую из гипса маску, слепок с ранее живущего, что, как не это, могло

---

[16] Село и пароходная пристань в области впадения реки Ербы в Енисей примерно в 70 км севернее Абакана, сегодня находятся в зоне затопления Красноярского водохранилища. См.: Энциклопедия Красноярского края. Юг. Красноярск: Буква С, 2008. С. 105.
В окрестностях села обнаружены некрополи разновременных культур (андроновской, карасукской, тагарской). См.: *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. С. 49, 67, 109.

[17] Деревня и пароходная пристань на р. Ербе, прежде входившая в состав Абаканской волости Минусинского уезда, после 1924 г. — в состав Краснотуранского района. Перенесена после затопления водохранилищем Красноярской ГЭС. См.: Энциклопедия Красноярского края. Юг. Красноярск: Буква С, 2008. С. 355, 362, 371–373.

[18] Гора на правом берегу Енисея примерно в 50 км севернее Минусинска, на склонах которой А. В. Адрианов в 1904 г. обнаружил петроглифы раннего Средневековья (фигуры людей и животных, знаки, руническую письменность). На северо-западном склоне горы был обнаружен могильник карасукской культуры, в 0,5 км к северо-востоку от горы — одноименный могильник тагарской культуры. См.: Энциклопедия Красноярского края. Юг. Красноярск: Буква С, 2008. С. 69; *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. С. 68, 111, 119.

[19] В районе горного хребта Оглахты, расположенного на правом берегу Енисея, были обнаружены археологические памятники разных эпох — от неолита до железного века. См.: *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. С. 13, 14, 69, 110, 149.

[20] Могильник афанасьевской и тагарской культур на территории бывшего «Саргова улуса», у северного склона горы Оглахты. Первые захоронения были обнаружены А. В. Адриановым в 1903 г. См.: *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. С. 15, 24, 110, 119.

Г. П. Сосновский и Н. К. Ауэрбах в экспозиции Музея Приенисейского края. 1924 г. Фотограф А. В. Кудрявцев. *КККМ*

более верно, более бесспорно, более решительно воссоздать сознательную, оценивающую, расчетливую умственную деятельность? И все же ответ, который он получил, был нем и остался таковым до сегодняшнего дня — скорее загадка, а не решение. Вероятно, скажут, что по этим маскам не распознать монгольские или тюркские лица и черты коренных жителей Северной Азии, притесняемые остатки которых дожили до наших дней, но еще ни одному исследователю не удалось привести доказательство того, что первое чувство при взгляде на некоторые из них не обманывает, поразительное чувство сопоставления с чертами ариев.

Будут вскрыты дюжины среди тысяч, даже десятков тысяч минусинских курганов, прежде чем мы найдем ответ. Когда я вечером лежал и думал о скудном содержимом мешка под моей головой, я, вероятно, должен был признать, что наши материальные средства были более скудны, чем те, с каковыми собрат по профессии когда-либо отправлялся в эту волшебную страну. Но дело обстояло так, что каждый тщательно вскрытый и по возможности точно опубликованный курган означал бы пользу для исследования.

И тогда я сошел на сушу в Минусинске с твердым решением копать в крайнем случае одному с Георгием Петровичем, но ни в коем случае не возвращаться прежде, чем собственными глазами увижу то, что скрывает хоть кусочек степи за своей каменной оградой.

Глава третья

Степь и могилы

Только в конце месяца мы смогли приняться за работу, и сделали это с полным осознанием необходимости умерить аппетиты, так как уже знали, что имел в виду Кастрен, когда назвал степь гигантским кладбищем.

Если бы можно было указать, сколько курганов приходится на каждый квадратный километр голой степи, то наверняка добились бы некоторой наглядности. Но курганы Минусинского округа не сосчитал еще ни один смертный, и если когда-нибудь наступит такой волшебный день, когда будет закончена инвентарная опись тамошних памятников древности, то и она ничего не скажет о бесчисленных могилах, уничтоженных оседлыми земледельцами с начала заселения страны. К такой диковинке, каковой является степь-некрополь на Енисее, не подступишься с голыми цифрами. Но поднимемся на одну из гор, у скалистого подножия которой шумит река, на склонах которой среди тонкой степной травы мелькает эдельвейс и с гребня которой взгляд беспрепятственно блуждает до голой вершины Боруса, ближайшей высокой горы в Саянах, до темнеющего вдали вала Кузнецкого Алатау и до ровных волн северной степи, исследуем косогоры, низины и долины, холмы и равнины, которые расстилаются вокруг и внизу нас в необычном, неподвижном и все же таком прекрасном покое. Там, у наших ног, в одинокой, высоко расположенной мульде нашей горы — первый некрополь, курган за курганом, в беспорядочном множестве, каждый окружен выветренными камнями, тонкими, но широкими и высокими плитами часто гротескной формы, каковые получались именно в результате разрушения; некоторые повалились, некоторые раскололись и раздробились, но большинство еще свободно возвышается, и масса их теснится в этой долине смерти, как окаменевшее стадо причудливых темно-красных животных. Мы пытались разделить, сосчитать нагромождение — более сотни холмов на одном узком пятачке, ни один, вероятно, не покрывающий менее десяти квадратных

метров, многие в несколько раз больше. А там, в глубине, у подножия горы — одно, два, три таких могильных поля на близком расстоянии, далее на берегу — русская деревня, и снова курганы, разбросанные повсюду по равнине.

Далеко на склоне бинокль обнаруживает один-единственный курган, двенадцать огромных камней. Над рекой — старая, широкая, высохшая и засыпанная долина, сухая и раскаленная, мерцающая под палящим солнцем. Голая и пустая на первый взгляд. Но нет, темные точки, камни, курган, второй, затем — вытянутый ряд, далекое поле, усеянное, засыпанное черными дробинами, каждая из которых, однако, является тяжелой каменной плитой. Потом снова в поле зрения — несколько отдельных захоронений да кусочек свободной степи. Мы добрались до конца? Нет, еще и еще могилы, новое поле, кладбище за кладбищем на многие километры, пока долина не исчезает за бледной декорацией далекого хребта.

Мы делаем наброски на нашей карте, смешной карикатуре карты, которая все же столь ценна в этом уголке Азии, зарисовываем грубыми штрихами лишь приблизительный периметр каждого поля: здесь длинная, тонкая двойная линия, там кружок, там бесформенное пятно, и каждая из наших линий охватывает дюжины, даже сотни могил. Инвентаризация в сибирском масштабе!

Мы забываем, что недавно пастух прогнал мимо нас свое стадо, забываем, что там, на пастбищах, над парой татарских юрт вьется дымок, мы больше не обращаем внимания на прибрежные деревни у наших ног, мы чувствуем лишь одно — эта степь, эта блистающая даль принадлежит ушедшим, это страна мертвых, и все живое на ней подобно детям, которые играют на кладбище.

В наших странствиях не проходит ни дня без могил. Мы видим их длинные ряды, которые изгибаются, словно панцирные купола гигантской крепости, на гребне горы, мощные земляные курганы, которые покрывают сотни квадратных километров, мы наезжаем колесами на надгробные камни, если ночная дорога вынуждает нас передвигаться среди курганов, мы наступаем на каменные плиты, которые крестьянин принес с ближайшей могилы, и переживаем, когда посреди деревенской улицы из песка проглядывает низкое обрамление могил и, уж конечно, когда рядом с сельсоветом курган приспособлен под навозную кучу.

Я решил копать в левобережной степи, близ Абакана, притока Енисея, который дал имя этому краю.

Мы повели переговоры с Семеном Османом, беженцем из Урянхая, относительно его услуг в качестве рабочего. Между нами на столе лежали сапоги с выставки ремесел. Семен осматривал их долго и основательно.

— Ну хорошо, — решил он, — за это я отработаю десять дней. Но вы в это время обеспечиваете мясом. Сухарей я дам на всех троих.

Ударили по рукам, и Семен заметил при этом, что ему уже давно было любопытно как-нибудь заглянуть в курган.

Пока Георгий Петрович и я бродили под полыхающим разными цветами небом по степи, чтобы выбрать место работы, наступил вечер.

Мы постояли перед ямой, которую пять лет назад оставил замечательный исследователь Тальгрен, когда проводил здесь исследования для своей финской родины[1], и видели, как там, где издавна покоились мертвые, белеют кости животных, остатки трапезы хищника, разорванной им скотины.

Я улыбнулся при мысли, что бы почувствовал господин Тальгрен, если бы увидел этого заблудшего военнопленного, эдакое воплощение бродяжьей жизни, который имел дерзость продолжить работу хорошо оснащенной, тщательно спланированной финской экспедиции, а я всерьез размышлял о том, удастся ли мне себя самого и плоды моей работы когда-нибудь привезти в Европу.

Прочь такие мысли! Здесь была работа, здесь было что-то достижимое, и мы, сверх всякого ожидания, далеко продвинулись, встретили хороших людей, насладились гостеприимством за щедро накрытыми столами, снова ощутили силу в конечностях и даже располагали одним работником. К тому же мы стояли среди сотен могил, и нужно было только определить, куда мы на следующий день воткнем лопаты. Ах, это было наслаждение — жить и не задумываться сегодня о будущем!

На вершине Самохвала[2] угасало заходящее солнце, черные тени поползли по всем ложбинкам и складкам, легкие сумерки накрыли вуалью степные просторы на западе. Там, где в плоских впадинах влажность почв позволяла произрастать зеленым стеблям, теперь тяжело ступал крупный рогатый скот, который весь день отупело стоял в последних высыхающих лужах, а далеко на валу танцевали силуэты лошадей. Тонкий дымок курчавился над юртами улуса, к которому мы стремились.

Сегодня Азия отдала свое солнце Европе, но завтра, когда над далекой родиной еще будет лежать ночь, оно вновь призовет нас к работе.

После ночи, которую я из предосторожности провел не в юрте наших хозяев-татар, а в их повозке под открытым небом, мы принялись

---

[1] Речь идет о двух тагарских курганах, раскопанных А. М. Тальгреном в июле 1915 г. близ с. Усть-Абаканское. См.: *Tallgren A. M.* Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conserves chez le Dr Karl Hedman a Vasa. Chapitres d'archéologie sibérienne. Helsingfors, 1917. Pp. 14–17.

[2] В районе горы Самохвал (в черте современного г. Абакана) находится могильник разных этапов тагарской культуры. Первые захоронения были обнаружены А. В. Адриановым в 1898 г. См.: *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. С. 104, 112, 120.

А. М. Тальгрен.
1930-е гг.
Музейное ведомство Финляндии

за дело. Предназначенный для первых раскопок курган имел четырнадцать метров в длину и десять метров в ширину. Было начало июля того лета, которое вследствие неугасимого солнечного жара закончилось неурожаем. Уже в начале июля расстилалась выжженная досуха и пожелтевшая степь. Если я назову верхний пласт земли твердым, как кирпич, это будет еще мягко сказано. При этом мы располагали только скудным инструментом, стояли с утра до вечера на солнцепеке и были, кроме Семена, всё же только рабочими по случаю. Но мы трудились так, что пот струился в сапоги, и избегали охватывать взглядом огромную площадь холма, чтобы не утратить мужества. Через всё более сокращающиеся промежутки Семен бросал заступ и стонал свое: «Давайте покурим[3]». Затем следовали пауза, которой хватало на то,

[3] В оригинале текста приведена искаженная русская фраза, написанная латиницей (*Dawaite sakurit*).

чтобы выкурить сигарету, и новая битва с неподдающимся затвором этого степного мавзолея.

На третий день я смог завербовать четвертого рабочего. Подъехала коляска с двумя седоками, остановилась около нас, как останавливался каждый, кто в радиусе двух или более километров проезжал мимо, и выгрузила одного мужчину, который сначала обстоятельно осмотрел нашу работу, чтобы затем вежливо осведомиться, почему мы столь великий труд производим столь малочисленным составом. Я проворчал, что никто не хочет работать за деньги, после чего мужчина обратился к ожидающему в телеге юноше и на превосходном немецком спросил, не хочет ли тот немного подзаработать. Последовала живая сцена приветствия, причем говорящий по-немецки оказался русским фельдшером, служащим железной дороги, а говорящий по-русски — немецким военнопленным[4]; с этого момента мы приобрели не только прилежного и интеллигентного сотрудника, но и радушного хозяина, в не слишком отдаленной служебной квартире которого мы отныне самым непредвиденным образом усмиряли наш гигантский голод.

На третий день мы смогли начать продвижение вглубь, но отныне работали в великолепнейшем чистом песке, так что для вскрытия целого кургана нам потребовалось лишь шесть дней, а за следующие четыре дня мы смогли вскрыть второй, более мелкий.

В обоих из них в общем мы обнаружили шесть могил с четырнадцатью погребенными, с двумя детьми среди них. Детские захоронения состояли из маленьких ящиков, стенки и перекрытия которых образовывали каменные плиты, тогда как взрослые покоились по двое и более в больших ящиках из лиственничных балок, над которыми был накат из порой исполинских плит. Одна из них столь несокрушимо противостояла нашим атакам, что мы были вынуждены в течение часа упорной работы разбивать ее кузнечным молотом, прежде чем смогли добраться до четы стариков, которые покоились под ней[5]. Другие мы скатывали жердями и аншпугами в сторону, к чему прикладывали руку и случайные русские или татарские зрители. Фортуна с самого начала одарила нас дважды использованной могилой, древним сооружением со скелетами, куда впоследствии был опущен массивный ящик

[4] Идентифицировать этих персон пока не представляется возможным. В одном из писем Г. Мергарта директору минусинского музея В. Д. Кожанчикову упоминаются фамилии Беккер и Грок. Вполне вероятно, речь идет об этих людях.

[5] Об этих захоронениях Г. Мергарт подробно отчитывается в письме А. Я. Тугаринову от 14.07.1920 из Минусинска (НА ККМ. Оп. 1. Д. 357. Л. 36 об. Отчет по Музею Приенисейского края за 1920 г. Составлен А. Я. Тугариновым), а также описывает их в одной из своих публикаций (*Merhart G.* Beiträge zur Urgeschichte der Jenissei-Gubernie. Bericht über die Öffnung zweier Kurgane in der Abakansteppe // SMYA. 1923. T. XXXIV: 1. S. 2–46).

из круглых бревен, который вместе с сосудом содержал останки погребенного в виде кучки костной золы. Но моя радость была не меньше, потому что таким образом я уже с первой попытки нашел доказательство чередования различных погребальных ритуалов.

Сосуды из глины, ножи, зеркала и украшения из бронзы наряду с глиняными и стеклянными бусинами составляли убранство умершего для потусторонней жизни, бараний кострец — его последнее причастие.

Вовсе не легко было управляться одновременно с лопатой, измерительной палкой, блокнотом для рисования, рулеткой и карандашом, каждую минуту стирать пот со стекол очков и при этом продолжать вести наблюдения, которые можно было произвести либо сразу, либо никогда более. Моя рубаха порвалась по всей длине спины, и меньше чем через полчаса солнце выжгло на спине пылающую полосу. Одна старушка специально побежала в ближайший татарский улус за иголкой и ниткой, но едва только успела порадоваться плодам своего труда, как залатанный ветеран вновь зиял прорехой уже на другом месте.

Зрители у нас были довольно часто. Не проходило и полудня, чтобы внезапно не появился как минимум один всадник и не задавал вопрос всех вопросов в степи:

— Вы случайно не видели гнедую (белую, буланую, пеструю и т.д. и т.п.) лошадь?

Иногда он искал и двух или трех лошадей, но всегда приближался к нам, если вообще проезжал мимо в поле зрения наших земляных куч. Они действовали как магниты и собирали все, что перемещалось по степи. Иногда сверху собирался целый венок из татарских мужиков и баб, пока их лошади, привязанные к надгробным камням, нетерпеливо поджидали их. Затаив дыхание, они то взволнованно галдели, то пристально глазели, но никогда не были назойливы, что так часто выводит из себя раскопщиков в Европе. Во время менее интересных фаз работы ловились вши, причем женщины проявляли примечательную беззастенчивость, или набивались мелкие, как наперсток, трубки и обращались за огнем, который Семен с заботливостью весталки питал от гнилой древесины гробовой ниши. Его хлопоты имели вескую причину, так как когда мы однажды измеряли наш обширный могильник, все разом оказались без трута и остались, таким образом, без возможности зажечь сигарету, единственную отраду. Тогда мы втроем лежали, наверное, с полчаса на животе и из рук вон плохо пытались добыть огонь с помощью перочинного ножа, счастливо найденного кременька и — лошадиного яблока. С тех пор нашей первой заботой с утра стало разжигать постоянный огонек. И пока мы не добирались до могильной древесины, неизменно покидали ночевку с тонкой палочкой в руке,

на которую по пути нанизывали засушенные лепешки, любезно оставленные стадами татарских коров.

В трудах время пролетело необычайно быстро. В итоге я был почти ошеломлен, когда Семен Осман заметил, что он уже отработал свои сапоги и утолил свою жажду знаний. Итак, мы подвели итог и упаковали наши сокровища, но еще не хотели уходить из степи, не увидев самое значительное из погребальных полей той местности, Ташебинский чаатас[6]. Татарский «чаатас» можно перевести как что-то вроде «камень войны», что таит в себе смутное предание о временах великих сражений в степи и великих героев, которые упокоились здесь после битв. Название по речке Ташебе отличало этот чаатас от его высившихся тут и там собратьев.

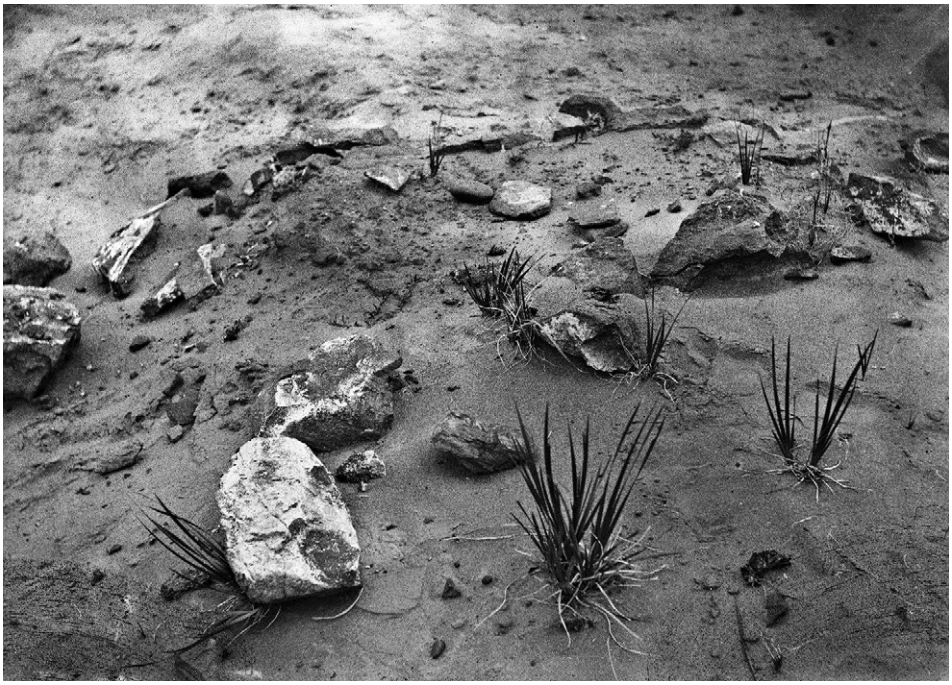
Несмотря на то что нам предстоял марш в общей сложности в 25–30 километров, мы всё же решили идти пешком, рискуя возбудить безудержное удивление всех татар, которые, в свою очередь, и для самого незначительного путешествия садились на лошадь. Направление нам указало полотно железнодорожной линии Ачинск — Минусинск[7], проследовать которым нам было нужно где-то десять километров. Если бы при сооружении этой степной дороги соблюдалось что-то вроде мер по охране памятников, то сегодня мы бы располагали наверняка сотнями отчетов о вновь открытых курганах. Но господа инженеры бездумно прокладывали свои нивелиры по всем захоронениям, которые лежали на линии, заставляли их вскрывать и пересекать, срывать или засыпать, как это и происходило[8]. Постепенно я приходил в тихую ярость при мысли, что сотни моих военнопленных товарищей работали на этом отрезке пути, люди, из среды которых лишь нужно было отобрать первоклассный рабочий материал, чтобы осуществить самую большую, самую дешевую, саму точную и ценнейшую раскопку, которая когда-либо производилась в этом крае. Конечно, высокие чины

---

[6] Это своеобразные, встречающиеся только в Минусинской котловине средневековые погребальные сооружения, группы каменных курганов, обставленных высокими плитами или каменными столбами-менгирами. См.: *Кызласов Л. Р.* Чаатасы Хакасии // Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980. С. 108–114.

[7] Железная дорога Ачинск — Минусинск строилась с перерывами в период с 1913 по 1926 г. На ее строительстве было занято свыше тысячи рабочих и служащих, а также австровенгерские военнопленные. К 1917 г. работы были приостановлены. В 1922 г. было принято решение о достройке, которая завершилась в ноябре 1925 г. В 1926 г. дорога была пущена в эксплуатацию. См.: Электронный ресурс: www.wikipedia.org/wiki/Ачинско-Минусинская_железная_дорога; Энциклопедия Красноярского края. Юг. Красноярск: Буква С, 2008. С. 121.

[8] См. подробнее об археологических исследованиях при строительстве Ачинско-Минусинской железной дороги: *Вдовин А. С., Кузьминых С. В.* Археология и Ачинско-Минусинская железная дорога // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: история, современное состояние, перспективы. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2009. Т. 1. С. 62–64.



Дюны близ села Батени. 1913 г. *ККМ*

Полынная степь в долине реки Уйбат. Конец XIX — начало XX в. *ККМ*

царской администрации по делам военнопленных, которые отказали мне в переводе в лагерь университетского или музейного города, так как я, несмотря на австрийскую «национальность», относился к университету чертового немецкого рейха, ни перед богом, ни перед царем, ни — менее всего — перед своим разумом не несли бы ответственности, если бы откомандировали меня руководителем раскопок при строительстве дороги. И я коротал бессмысленные годы за дощатыми перегородками офицерского лагеря, в то время как здесь разрушались памятники, спасение которых приветствовалось бы наукой целого мира.

Такие соображения не подходили для того, чтобы остудить меня внутренне. А снаружи восходящее солнце палило все жарче и жарче, так что я начал медленно закипать. Ташеба, которая сулила некоторую прохладу, оказалась цепочкой жалких лужиц. Встарь она наверняка была значительно более полноводной, так как вскоре после ее перехода нам пришлось взбираться на весьма внушительный обрывистый берег, край той площади, на которой расположены чаатас и ряд других надгробных сооружений.

У сторожки, которая с краю одиноко всматривается в даль, находился последний колодец, который мы должны были встретить

Здание минусинского музея. После 1904 г. *ККМ*

до вечера, шахтный колодец, как и все прочие в степи. Его двадцатиметровая цепь извлекала из глубин восхитительную студеную влагу, которой мы изрядно запаслись, прежде чем вторглись в пылающую от зноя пустыню со своими не столь великими походными фляжками. Климат обеспечивает чудесной прохладной водой и менее глубокие колодцы, так как даже самой несокрушимой летней и дневной жары недостаточно, чтобы побороть последствия продолжительной зимы и ночных холодов. В одном примитивном татарском шахтном колодце, едва ли в трех метрах от поверхности земли, я даже видел на стенах сверкающий лед, тогда как надгробные камни на поверхности парили, как раскаленная печь.

Огромный курган, на склоне которого целое туземное кладбище казалось кожной сыпью, предоставил нам долгожданную точку обзора. И правда, бинокль позволил различить вдали странную толпу пляшущих в мареве темных точек, которую мы сначала приняли за пасущееся стадо, потом за кустарник, и наконец все же за искомый чаатас. Но прежде чем мы собрались идти в установленном направлении, мы услышали тихий, глухой перестук, который стремительно приближался, нарастал до раскатов, почти до умеренного грома и исходил

от табуна из нескольких сотен галопирующих лошадей. Вид сплоченной, мчащейся массы приковал взгляд и заставил затаить дыхание при мысли оказаться на пути этого неистовства. Впрочем, на нашем холме мы были защищены от этого бедствия, однако сразу увидели нескольких развернувшихся всадников, которые держали курс прямо на нас и мгновенно нас окружили. Я распознал красноармейца и одного татарина, и мой опыт подсказал мне, что это исключительно вопрос случая, нашего самообладания и только потом — содержания наших удостоверений, прошествуем ли мы до чаатаса или под арест. Предполагаемое прекращение «ошибочного» ареста оставалось незначительным утешением, даже если бы нас просто увезли.

Однако к тому времени, когда самые подчиненные индивидуумы были самыми безответственными, но в то же время больше всех помешанными на доказательстве своей власти, я тем не менее уже приобрел определенный навык в обращении с ними.

— Эй, вы там, — начал главный свой самоуверенный допрос, — что вы здесь делаете?

— Мы ищем курганы.

— Так, так. А я думаю, вы снимаете планы, планы местности. — Человек, очевидно, видел, что, когда он прибыл, я держал бинокль и записную книжку, и был уверен в своей правоте, что захватил в высшей степени подозрительных шпионов.

— Дай сюда то, что ты нарисовал.

— Сию минуту, товарищ, как только увижу твой мандат.

Курган близ озера Шира в Хакасии. 1910-е гг. *ККМ*

— Что, мандат, разве ты не видишь, что я красноармеец?

— Вижу. Но только когда я посмотрю твои бумаги, я предъявлю тебе мои, а после этого и мои чертежи.

К сожалению, Георгий Петрович уже поспешил протянуть свои «бумаги»[9]. Уполномоченный взял их, но продолжил свой допрос, так как, видимо, все же больше полагался на свою ловкость в разоблачении контрреволюционеров, нежели на свое искусство чтения.

— Скажи только, что за планы ты начертил?

— Ни одного, к твоему сведению, потому что у меня в сумке есть уже напечатанные!

Это отрезвило человека. Ошеломленно он изучил целую серию удостоверений Георгия Петровича. Потом протянул мне свою бумагу, согласно которой он был откомандирован для реквизиции лошадей, и наконец бегло пролистал небольшую пачку моих документов, в которых музей, органы образования, ревком губернии и т.д. и т.п. излагали мои задачи, а все органы Советов призывались поддерживать меня. Как я и предвидел, его в первую очередь интересовали печати. Еще он разобрал слово «музей».

— Итак, вы из музея и действительно ищете курганы, — заключил он, убежденный лишь сочетанием отсутствующего раболепия с многочисленными бумагами с печатями в том, что нас лучше оставить в покое. Уже с некоторым почтением он соизволил показать на карте

[9] В оригинале текста приведено русское слово, написанное латиницей (*Bumagy*).

дорогу к месту назначения, но на татарина, который решил воспользоваться случаем и попросил о своей отставке в качестве проводника, недовольно фыркнул:

— Как бы не так! Вперед! — И шумная погоня рассеялась в облаке пыли.

Если бы Георгий Петрович и я за каждую саранчу, которую мы вспугивали на нашем гораздо более медленном пути к чаатасу, получали бы советский рубль, пусть даже миллион бумажных марок, мы бы стали состоятельными людьми, настолько неисчислимые массы этих прожорливых вредителей населяют степь. От продолжительного ковыляния с опущенной головой начиналось головокружение, и я понял безнадежное пожимание плечами, с которым крестьяне в это лето показывали их обглоданные поля.

Мы брели, как евреи в Красном море, кипящий воздух вокруг мистифицировал блестящей водной гладью, которая расступалась перед нами, чтобы сомкнуться позади. Медленно вырастая, над призрачными волнами в воздухе парил чаатас, причудливое нагромождение застывших, темных колонн и разорванных куполов. Чем ближе мы подходили, тем фантастичнее прорезали небо зубцы его камней, тем резче отделялись ярко освещенные красные плиты от приглушенных

У каменной бабы в ширинской степи. 1910–1920-е гг. Фотограф Л. Ю. Вонаго. *ККМ*

черными тенями оборотных сторон. И вот кочующий остров сооружения полностью сросся с материком. Казалось, будто на мгновение он потерял в размерах, чтобы стремительно рвануть ввысь при последнем приближении, огромный замок мертвых, возвышающийся среди голой, одинокой степи.

Здесь был проделан поистине огромный труд. На пустой равнине, на которой часами не увидишь ни одной скалы, исчезнувшие поколения насы́пали более тридцати огромных холмов из скалистых осыпей, окружили изгородью из камней и увенчали их выступающими плитами, дюжина и более которых охраняли каждый курган, ни один не ниже человеческого роста, многие высотой четыре метра над землей. Наверное, уже полтора тысячелетия сибирское солнце пылает над этим каменным лесом, степная буря завывает в их ребристых стволах, мороз гложет их остов, но ничто не может отвлечь их от службы охранять могилы тех, кто когда-то были здесь господами, и воздавать почести мертвым, которые когда-то геройски заслоняли друзей и били врагов.

Если наука права, то здесь покоятся сыны тюркских народов, воинственные завоеватели, которые пришли сюда с юга, чтобы сделаться владыками кормящей скот степи. Их деяния отзвучали, их могущество

пало, но их надгробные памятники еще и сегодня повествуют об уважении и величии ушедших, о благодарности и верности выживших.

Задумчиво и изумленно мы бродили около курганов, созерцали диковинные знаки на могильных плитах и необычайные формы их очертаний. Чем ближе мы, однако, всматривались, тем более сильное ощущение первого возвышенного впечатления уступало место гневной скорби о том, что́ погубили небрежность и недостаточное почтение к величественному творению. Почти все курганы были разрыты, некоторые даже превращены в каменоломни — преступление строителей железной дороги, как мне сказали. Даже гигантские плиты были до основания сокрушены ломами, повсюду дурачье нацарапало свои имена. Конечно, большинство этих повреждений можно было исправить. Но до поры до времени чаатас, мимо которого в почтении прошествовали поколения и поколения варваров-кочевников, несет на своем лике клеймо позора последних пришедших из Европы колонизаторов.

Почти все крупные курганы Минусинского округа постигла злая участь, потому что в их глубинах были погребены не только мертвые, но и богатства, в особенности блестящее золото, которое пробуждало алчность и манило легкой наживой. С первых дней русской колонизации процветало кладоискательство самого ужасного вида, охота за золотом мертвых, которое не знало почтения и во все времена уничтожало то, что последующие поколения заботливо, бережливо и скромно сохранили бы для исследования[10].

В чаатасе порылись многие — золотоискатели, небрежные изыскатели и чересчур прагматичные техники. Я очень опасаюсь, что никто не будет исправлять совершенные прегрешения из чистого почтения перед величием обезображенного памятника.

Мы удалились печальные и подавленные. Но все же когда мы издалека оглянулись назад, когда глаз не воспринимал больше ничего из уродливых линий, которыми новое время замарало великую картину, тогда степная крепость мертвых вернула свою совершенную магию, и неизгладимым остался в нашей памяти ее облик, исчезающий за горизонтом.

На нашем пути мы видели еще несколько огромных курганов. У одного из них мы отдохнули и нашли спасение в тени надгробного камня, единственной тени, известной краю травы без деревьев и кустов. Так невыносимо, так парализующе давила жара над местностью, что

[10] См. о проблеме кладоискательства и судьбе археологических памятников Минусинских котловин в зоне хозяйственного освоения в конце XIX — начале XX в. См.: *Вдовин А. С., Кузьминых С. В.* Частные археологические коллекции из Енисейского округа // Енисейский Север: история и современность: Сб. науч. статей. Красноярск: КГПУ, 2011. Вып. 1. С. 96–108.

даже стайка птичек, которую мы не подозревая изгнали из их убежища, после короткого, испуганного порхания снова укрылась за одним из ближних камней.

Ах, несмотря на жару и усталость, несмотря на превратившееся в лохмотья платье и недостаточное снаряжение, мы бы с огромной радостью странствовали всё дальше и дальше по этому краю, стране тайн, чудес и неслыханного богатства доисторическими памятниками и находками. Там есть предгорья и холмы, которые с помощью валов и рвов были сделаны пригодными для обороны, целые горы, превращенные в укрепления, там древние каналы свидетельствуют о несгибаемой воле пришедших земледельцев, которые дали появиться пашням и на этих неплодородных землях; вокруг в горах встречаются рудные шурфы коренных жителей, повсюду — их плавильни и литейные мастерские. Из травы внезапно возникают причудливые каменные изваяния, которые русские называют «каменными бабами», а склоны кишат высеченными картинами, животными, людьми и знаками не поддающегося разгадке значения. Рунические надписи в конце концов были признаны древнетюркскими, другие находки позволяют судить о времени буддийского влияния. Подобно, наверное, частично истлевшему, но все же не уничтоженному архиву, степь, этот не изменившийся за тысячелетия ландшафт, таит свидетельства всех фаз своей истории и с нетерпением ждет сведущего исследователя и толкователя, которые разгадают ее секреты.

Вздохнув, мы покинули тенистый надгробный камень и повернули в обратный путь.

Глава четвертая

Татары и их железная дорога

Слишком поверхностно мое знакомство с маленькими колченогими всадниками степи, чтобы я хотя бы попытался набросать картину их жизни и быта. Но мой рассказ был бы неполон, если бы я не упомянул мимолетные образы, которые нам встречались.

Среди них был наш гостеприимный хозяин, житель маленького улуса Откнина[1], деревушки оседлых кочевников на краю Абаканской степи. Это был гордый обладатель домика русского образца, но все лето он все-таки жил в юрте, которая стояла в зарослях травы за домом. Эта юрта была многоугольная, без окон, с одним-единственным отверстием для дыма и света в вершине купола, то есть точно копировала кочевую хижину, но была построена из бревен. Вокруг у стен — ящики и сундуки, превращенные с помощью шкур и одеял в спальные места для всей семьи, включая бабушку, супружеское ложе — прямо напротив двери. Стеллаж с самоваром и чайниками, длинными рядами чашек и бутылок, гордость домохозяйки, с правой стороны — прислоненный к стене круглый стол с ножками высотой лишь в тридцать сантиметров. В центре — ровная яма с открытым огнем и железным треножником.

Мы расположились на утрамбованном полу, курили, плевали и рассматривали хозяйку дома, которая в длинном кафтане сидела на корточках у огня и готовила блюдо из баранины. Семен освежал с хозяином историю своего недавнего лошадиного торга, которая должна была служить доказательством той переоценки ценностей, которая наступила у татар вследствие теперешней экономической катастрофы России. Татарин не знает ни льна, ни конопли, ни веретена, ни ткацкого

---

[1] Слово «улус» имеет несколько значений. В данном случае имеется в виду поселение. См.: Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 34. СПб.: Тип. акц. об-ва «Издательское дело», Брокгауз-Ефрон, 1902. С. 698.
Откнин — могильник карасукской, тагарской, таштыкской культур на территории совр. г. Абакана. Мергарт в 1920 г. был первым, кто обнаружил и вскрыл ряд курганов этого памятника. См.: *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. С. 70, 104, 112, 120, 152.

станка, и когда иссяк приток товаров, а собственные запасы подошли к концу, он был вынужден совершать прискорбные сделки, если только не хотел ходить в лохмотьях или шкурах. Дети и так уже бегали вокруг совершенно голыми.

— Как же вышло, — сказал татарин, — что ты продал рубашку и два полотенца?

— Одно полотенце было почти новым и довольно-таки большим. Рубашка, это правда, уже была немного поношена. — Семен все же подчеркнул некоторую порядочность своей сделки.

— Ну и ну. Он ведь мог видеть товары. — Трубка татарина выдохлась. Он выбил ее в пустую руку и бросил щепотку пепла в огонь. — Сначала он предложил молочную корову?

Семен пожал плечами.

— Тогда другой, толстяк, ты же знаешь, предложил корову с теленком.

— Действительно, так и было. Корову с теленком. Не так плохо, э!

— Зачем мне нужна корова, если я хочу вернуться обратно в Урянхай и беру свою старушку с собой. Ты когда-нибудь видел корову, которая тянет повозку через Саяны?

Татарин был занят тем, что наполнял крохотную китайскую головку трубки. Он в пыль истер щепотку табака, смешал его с небольшим количеством соскобленной березовой древесины и набил трубку. Потом довольно взглянул на Семена и сказал:

— Так ты думаешь, что у Андрея такие хорошие лошади? — Очевидно, этот Андрей и предлагал лошадь.

— Плохую я бы и не выбрал, ты же знаешь; я ведь сразу тогда настаивал, чтобы выбирать ее самому.

— На это он не пошел.

— Но пошел толстяк.

— Да, потому что его лучшие табуны были далеко отсюда. — Тут татарин ухмыльнулся совершенно открыто. Табун — это стадо лошадей, которое составляет единицу разведения, и тот «толстяк» предоставил Семену на выбор, видимо, животных не первого сорта. Семен выслушал намек и ограничился мимолетным замечанием:

— За старую рубашку и два полотенца лошадь — это уже выгодно.

— Лошадь — это выгодно, — признал хозяин дома примирительно. Его любезность была вызвана тем, что Семен прискакал в монгольском седле, которое наш татарин уже дважды с вниманием осматривал. Семен позже доверительно сообщил мне, что седло он купил в Урянхае за три с половиной рубля. Переговоры длились почти все время нашего пребывания и закончились тем, что наш сотрудник вернулся без седла, но зато со второй лошадью. На протяжении всего

Железнодорожная станция Шира. 1924 г. Фотограф Л. Ю. Вонаго. *ККМ*

времени раскопок он оставался в улусе — также и тогда, когда Георгий Петрович и я переселились на немного более отдаленную железнодорожную станцию. Вследствие этого он смог нас держать в курсе всех событий и всех деревенских сплетен, к примеру сватовства, над которым все потешались и начало которого мы видели сами. У татар принято похищать невесту с большего или меньшего ее согласия и прятать у родственников. Отец и прочая родня похищенной, как только происходящее становится общеизвестным, преследуют преступника; его, конечно, находят и устраивают наказание, при котором несчастному счастливцу не разрешено защищаться, хотя он избивается без лишних церемоний. Лишь по степени побоев он может соизмерить, насколько желанно или нежеланно его «сватовство». Затем улаживают деловую часть и определяют срок свадьбы, который главным образом зависит от того, сколько времени потребуется для приготовления значительного количества айрана (мягкой молочной водки).

Но так далеко в данном случае вообще не зашло. Выезд верхом прошел в лучшем виде, то есть будущий жених оседлал своего самого быстрого скакуна своим самым красивым седлом, достал лучшую узду из разноцветного плетеного конского волоса, в лучшей одежде вскочил на коня и поскакал вместе с двумя столь же наряженными сообщниками — сначала, разумеется, к нашему кургану, чтобы показать себя и проинспектировать состояние работы, а потом рысью — навстречу

Экспедиция А. Я. Тугаринова в д. Означенную. 1913 г. *ККМ*

Группа минусинских татар (хакасов). До 1910 г. *ККМ*

объекту своего вожделения. Это произошло вечером. На другое утро Семен уже знал все то, что еще милостиво скрывала ночь. Похищение, кажется, не вполне соответствовало желанию невесты. Во всяком случае, вдруг внезапно появилась группа всадников тоже из трех мужчин, которая поразительно быстро была на месте и под предводительством соперника добивалась благосклонности красавицы. Тут завязалась торжественная потасовка, во время которой трофей не был в достаточной степени охраняем. Именно в разгар этой, к счастью, ни в коем случае не человекоубийственной борьбы родня оспариваемой также достигла поля брани, девушка незамедлительно была отобрана и возвращена в отцовскую юрту, после чего драка, вследствие отсутствия предмета спора, была прекращена.

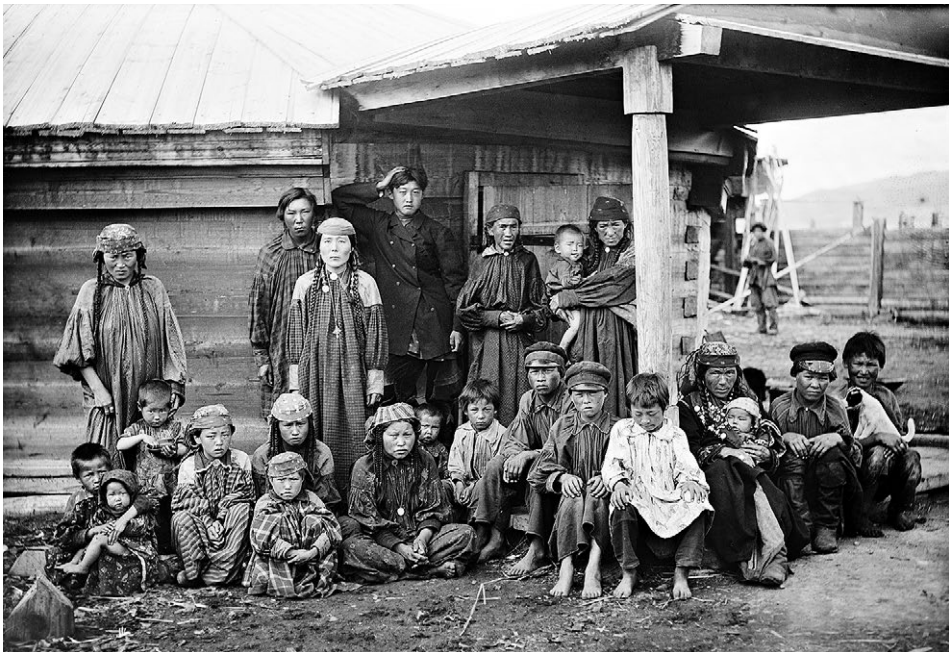
Но если кто-то думает, что лишенный такой возможности жених был безутешен или хотя бы в гневе, тот заблуждается. В течение дня он снова появился у нас и попытался изобразить себя полновластным хозяином ситуации, для чего мимоходом заметил, что было бы глупо идти на покос одному, вместо того чтобы взять с собой молодую жену для помощи и утехи, но он все еще надеялся, что сможет уладить дело.

— Так как, знаешь, у меня есть еще и другая, нечего сказать, отменно хороша. — Конечно, он не смог избежать насмешек всего улуса, и можно было поставить сто против одного, что туземный телефон с привычной скоростью растрезвонил о его неудаче.

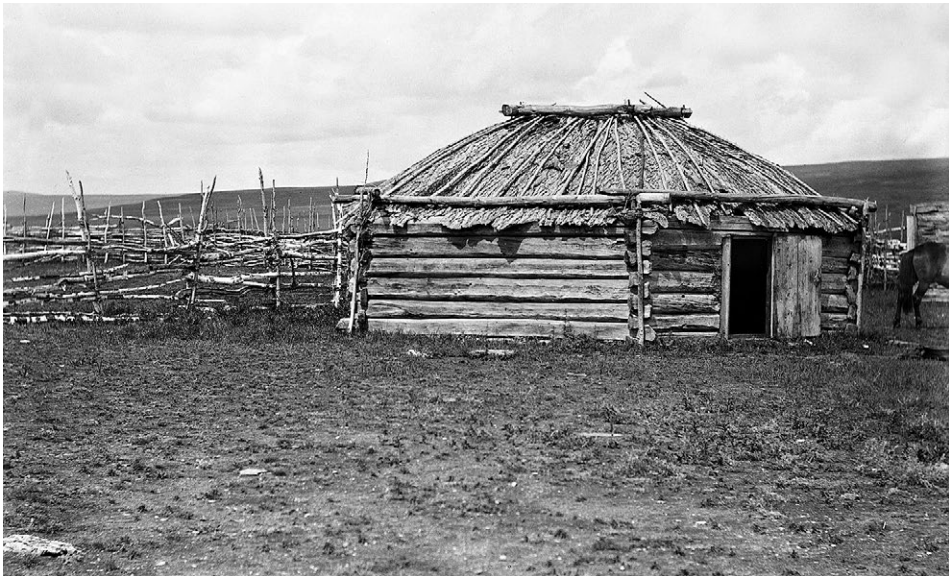
Этот телефон степи функционирует без какого-либо оборудования так же хорошо, как и любое радио. Передатчик и приемник — обрадованные вестью всадники, волны — проворные лошаденки. Мой дорогой коллега Теплоухов[2] из Томского университета, который совсем незадолго до начала наших раскопок совершил несколько дневных поездок по северу степи, тотчас узнал, что у Абакана, там-то и там-то, какой-то военнопленный раскапывает курганы. Знали даже то, где мы проживаем.

Несмотря на фиаско одного желающего вступить в брак все же во время нашего пребывания свадьба в улусе Откнина состоялась. Заранее было известно нечто многообещающее об изобилии приготовленного айрана и о количестве жеребят и овец, которых планируется съесть в течение дней свадьбы. К сожалению, при всем любопытстве я слишком устал от работы, чтобы принять участие в пирушке, и должен был удовольствоваться восторженным описанием Семена. Если

[2] *Теплоухов Сергей Александрович* (1888–1934), известный российский археолог, с именем которого связана первая классификация и периодизация памятников Минусинской котловины от неолита до Средневековья из 12 последовательных культур (ступеней). См.: *Китова Л. Ю.* Сергей Александрович Теплоухов // Российская археология. 2010. № 2. С. 166–173.



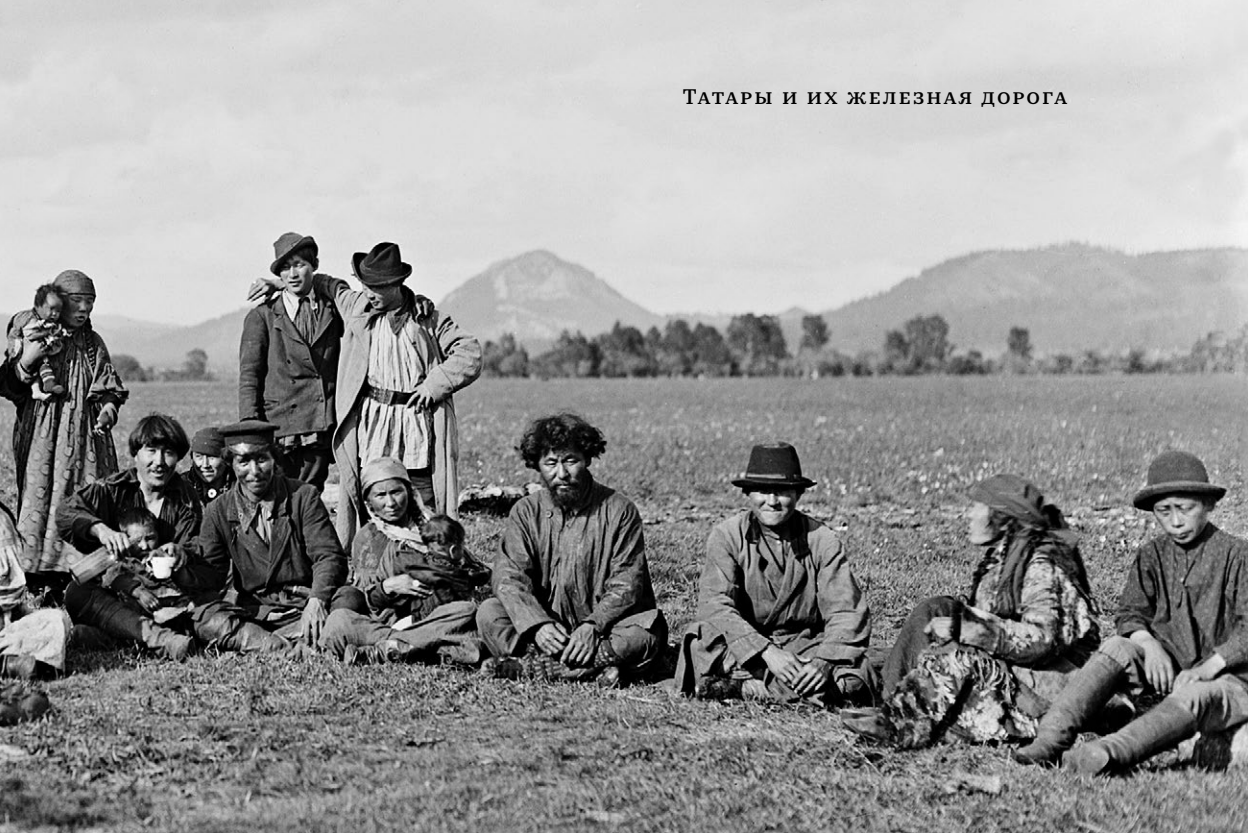
Группа минусинских татар (хакасов). До 1910 г. *КККМ*



Хакасская юрта. 1920 г. Фотограф В. П. Ермолаев. *КККМ*

Хакасская свадьба. 1914 г. *ККМ*

я, исходя из собственного опыта, сообщу, что для опьянения мужчины требуется как минимум такое же количество айрана, как и примерно легкого пива, и если добавлю, что целая деревня, включая Семена, была изрядно выпившей, а некоторые гости нагрузились до неспособности к передвижению, и если, как свидетельствует мой поверенный, поведаю к тому же, что ребра жеребят разрешалось вылавливать из котла и обгладывать по всей длине, то, думаю, достаточно намекнул, что хозяева не скупились на угощение. Как осуществлялось само венчание, к сожалению, я не узнал. Предположительно, при смешении различных ритуалов, так как хотя многие татары — крещеные православные, но они не отказываются и от своих старых обычаев, которые не вполне гармонируют с новой религией. Исконная религия качинцев, сагайцев, и как там еще называются племена минусинских татар, — шаманизм, которого также придерживаются сойоты Саян и финские остяки на севере, тунгусы, издавна осевшие енисейские остяки и другие палеоазиаты, как и самоеды. Наш фельдшер уверил меня, что почти все татары его околотка в случае болезни сначала призывают шамана, который заклинает болезнь, и только во вторую очередь — русского врача с его лекарствами. Хотя услуги шамана хорошо вознаграждаются, но я видел одеяния этого колдуна, которые сильный человек с трудом смог бы нести в одной руке, и могу себе вообразить,



что это, должно быть, необычная работа — часами танцевать и двигать бубном в таком одеянии. В любом случае понятно, что шаман лязгом неисчислимых металлических подвесок — звериных фигурок, бубенчиков, гремящих бляшек и т.д., которыми отделан его профессиональный костюм, стучанием в бубен и не в последнюю очередь — через огромное напряжение танца, который к тому же сопровождается пением или декламациями, приходит в отрешенное состояние, когда он убежден, что внимает внушениям высшего духа.

Через этот в чем-то причудливый мир, в который мы смогли лишь бросить немногие взгляды, проходит теперь железная дорога от Ачинска до Минусинска, дорога степей и татар. Я должен, впрочем, сразу вновь немного ограничить свое утверждение. Верно только то, что эта дорога начинается в Ачинске, то есть на великой сибирской магистрали. Своего конца она достигает, однако, уже в Абакане, приличное расстояние до города Минусинска, да еще западнее Енисея, для преодоления которого еще не принято никаких мер. До поры до времени железнодорожный мост у Красноярска пользуется славой первого и единственного моста, который перекрывает Енисей между истоком и устьем. Но, в конце концов, я должен правдиво признать, что речь идет даже не о железной дороге в полном смысле слова, так как у нее нет рельсов. У нее есть станции с персоналом, путевые

обходчики, свой телеграф и свои мастерские, но у нее нет рельсов и поэтому также нет опозданий и несчастных случаев на производстве. В таком состоянии нетронутого покоя она пребывает уже не один год. Как сообщалось раньше, в качестве пути использовалась небольшая часть участка длиной в целом в триста пятьдесят верст, причем мы видели части конструкции ташебинского моста аккуратно лежащими рядами на берегу. А начальник станции Абакан оказал любезность, обеспечив нас квартирой в своих владениях, так что мы извлекли хорошую пользу из этого безобидного транспортного учреждения, которому мы, кроме того, обязаны гостеприимным домом фельдшера и немецкой кухней посреди степи. Когда шумный стальной конь обратит в бегство пасущиеся табуны, когда тяжело нагруженные вагоны покатятся по могилам мертвых и летящий огонь воспламенит степь, многое из очарования этой дороги будет потеряно. На станциях будут покупать древности, а открытки Ташебинского чаатаса подписывать: «Господину Мюллеру в Берлин!».

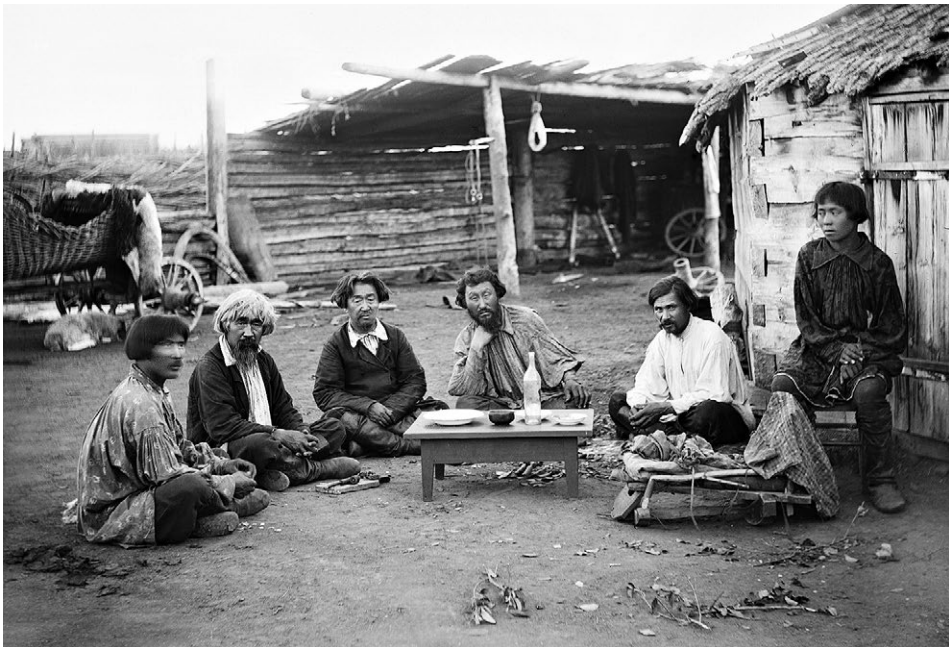
Ну да бог с ним[3]! До поры до времени на татарской дороге царил священный покой, и только тонкая телеграфная проволока связывала ее с беспокойным миром движения. Однажды мне пришла в голову идея привести мои часы в соответствие с реальным временем, так как я питал обоснованные подозрения, что они спешат на неопределенное количество часов. Сибирские летние ночи так светлы, что неопытный никогда верно не знает, озаряют ли его комнату сумерки или уже наступило утро. Следствием такого состояния было то, что мы ежедневно вставали раньше, а так как вечер ведь наступает после заката, постепенно получили как минимум пятнадцатичасовой рабочий день. Этому нужно было положить конец! Итак, я пошел на телеграф и выразил надежду, что, вероятно, дадут временной сигнал.

— Пожалуйста, это, конечно, есть. Каждый день в четыре часа.

— Замечательно! Сколько тогда времени в реальности? — Но этого мне сказать не могли, так как станционным часам был капут. Капут и по-русски означает «капут», тем самым легко понятное слово.

Гм! Но если я оставлю здесь свои часы, тогда только и нужно, что перевести их при получении сигнала и уловить, так сказать, верное время. Это было бы и вправду разумно, сказала женщина в телеграфной комнате, но многого она мне не обещает, «так как знаете, там, откуда мы получаем сигнал, часам также капут».

[3] В оригинале текста приводится латинское *habeat sibi*.



Хакасы в улусе. Начало XX в. *ККМ*

Группа хакасских женщин и детей **в районе озера Шира (фрагмент фотографии). [1908 г.]. Фотограф Л. Ю. Вонаго.** *ККМ*

Глава пятая

Вниз по Енисею

«Енисей-батюшка» — весьма почтенный водоем длиной почти три тысячи километров. Уже в своем монгольском бассейне, в Урянхае, он мог бы быть судоходным и переправлять пароходы из Китая в Северный Ледовитый океан, если бы именно там, где он проламывает пограничный вал Саян, коварные пороги не перегораживали бы фарватер. Но эти препятствия будут в обозримое время преодолены, и батюшка сыграет свою роль в мировом транспортном сообщении; подобно работящему, выносливому вьючному животному, он понесет на своей широкой спине к морю руду и уголь, древесину, зерно, графит и соль и доставит их на морские суда, которым радиограмма между Европой, Вайгачем и портом Диксоном возвестит свободный ото льдов путь по Северному морю.

Сегодня он еще, конечно, дитя природы, от которого не требуют большой работы. С размахом он покидает Саяны у деревушки Означенной, покладисто проходит через группу островов Минусинской котловины, пробует свою скрытую силу при пропиливании Манских гор, изрядно буйствует напоследок в стремнине Качинского[1] порога[2] и затем все больше и больше впадает в сонный покой.

На местных рейсах тем не менее курсирует несколько пароходов, которые своим ходом добрались из Европы по Северному морскому пути, и ежегодно некоторые немногочисленные суда причаливают в низовье, чтобы выгрузить товары и погрузить сырье. В Енисейской губернии очень интересуются «северным путем»[3], Нансена[4] после его

---

[1] Скорее всего, автор имеет в виду известный Казачинский порог в 223–230 км ниже по течению Енисея.

[2] В оригинале текста приведено русское слово, написанное латиницей (*Parog*).

[3] В оригинале текста приведено русское словосочетание, написанное латиницей (*sjevernyi put*).

[4] Осенью 1913 г. Сибирь посетил выдающийся норвежский путешественник, ученый, общественный деятель, лауреат Нобелевской премии мира Фритьоф Нансен (1861–1930). Экспедиция в составе Ф. Нансена, промышленников И. И. Лида и С. В. Вострогина и секре-

поездки в 1913 году принимали с восторгом и даже во время всех волнений Гражданской войны не прекращали работать над изучением и измерением устья Енисея, как и обсуждать проекты порта. Несмотря на это, еще много воды утечет в Ледовитый океан, прежде чем эта большая и важная торговая артерия станет прочным звеном мировой транспортной сети. Вся внушительная пароходная флотилия покрывает пока лишь скромные нужды местного сообщения, которое осуществляется преимущественно между Минусинском и Красноярском, в меньшем объеме — между последним пунктом и Енисейском, и только отдельными рейсами достигает Туруханска. Помимо этих участков курса совершаются исключительно случайные поездки на Крайний Север и при самом благоприятном судоходном горизонте — на далекий юг и по некоторым притокам. На зимовку флотилия собирается в Красноярске в собственной, защищенной от столкновения со льдами зимней гавани, если только отдельные суда в пути под угрозой замерзания не укрываются поневоле в каком-нибудь порте-убежище.

Все расстояние от гор до устья картографически нанесено на лоцманскую карту, которая была для нас незаменимым путеводителем в путанице рукавов, островов и стариц. Главный участок курса, кроме того, каждый год заново оснащался для судоходства; закрепленные на суше сигнальные штанги обозначают места необходимого перехода с одной стороны реки на другую, буи, бакены по-русски, на опасных отрезках указывают более узкие участки фарватера. Их красные и белые лампы казались мне на долгих, одиноких участках девственного леса пути Красноярск — Енисейск настоящими маяками цивилизации, а смотрители бакенов в их богом забытых хижинах и землянках — затерянным отрядом транспортной армии.

Самое значительное препятствие всего судоходного участка, Качинский порог, почти двухкилометровая стремнина, делает такой дальний скачок, что суда могут спуститься вниз по течению только при точнейшем соблюдении фарватера. Подъем собственными силами могут одолеть только самые мощные из них. Всех остальных тащит специально сконструированный маленький пароход, который сначала заглатывает, а затем выплевывает гигантскую цепь, стоящую на якоре выше стремнины.

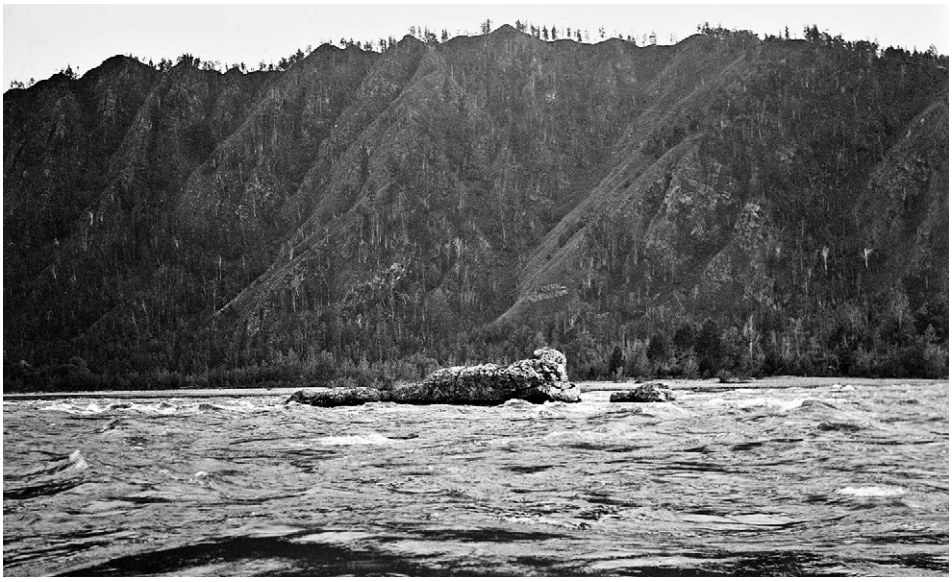
таря русского посольства в Норвегии И. Г. Лорис-Меликова на пароходе «Коррект» проделала путь от норвежского порта Тромсё по Карскому морю к устью Енисея. Основной целью путешествия было исследование возможностей Северного морского пути. В ходе поездки Ф. Нансен посетил ряд сибирских городов, в том числе Красноярск. Свои впечатления от путешествия по Сибири он описал в книге: *Нансен Ф.* В страну будущего: Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Пер. А. и П. Ганзен. Пг.: Изд. К. И. Ксидо, 1915. 454 с.

Но всего этого оборудования достаточно только при нормальном судоходном горизонте. Половодье заставляет исчезать все бакены и требует самой осторожной, основанной на долгом опыте навигации; низкий уровень воды, который устанавливается в конце лета, вынуждает к неизменному сокращению участков курса в верхнем течении и создает стремительно появляющиеся мели в среднем течении. В это время только и видишь на реке севшие на мель суда, на которых поспешно ведутся спасательные работы, так как каждый упущенный день приближает опасность полного осушения. Во время моего возвращения домой через голодающий край на Каме я мог наблюдать пугливую осторожность, с которой пароходы искали на ощупь свой путь при низком уровне воды. Ехали на половинной мощности, с выключенными машинами или даже с контрпаром[5], а на носу постоянно стоял матрос, который шестом измерял глубину. Тот, кто пересекал нос судна, всегда останавливался и внимал цифрам, которые промерщик монотонными выкриками сообщал на командный мостик. Если человек повышал голос и сразу после этого пассажиров вспугивал толчок, то на борту на долгие минуты воцарялась тишина, все прислушивались к зловещему скрежету, которым киль царапает песчаную или галечную отмели под днищем. И облегченно вздыхали, почувствовав, как сначала нос, а затем и носовая часть погружаются в более глубокую воду!

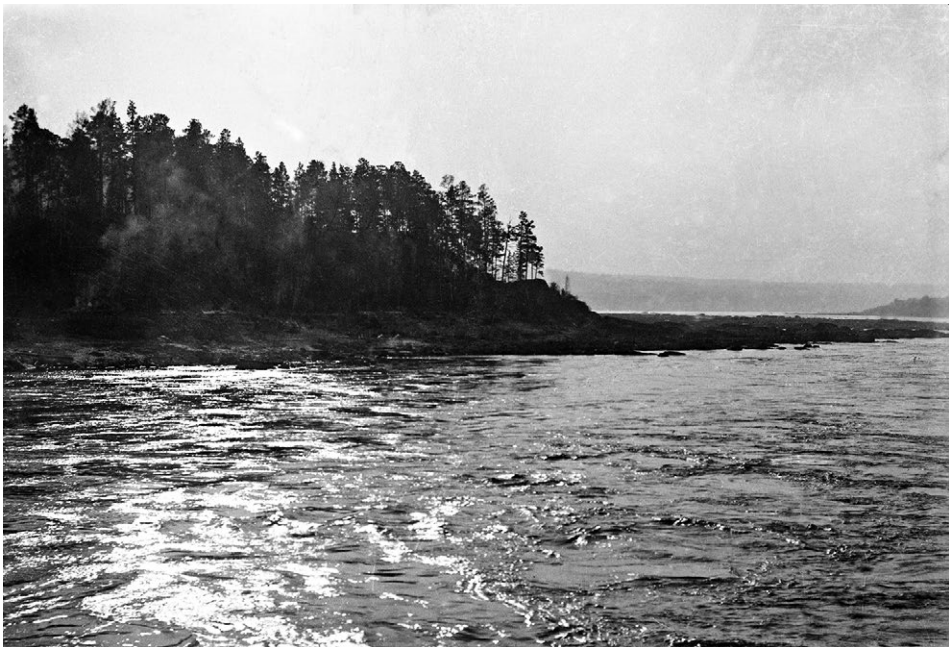
Но — обратно на Енисей и к нашему путешествию на лодке. В завершение летней работы мы планировали проверку и разведку доисторических стоянок по обоим берегам реки, задачу, которую мы, конечно, смогли бы решить только в том случае, если бы имели полную свободу причаливать, где нам казалось нужным, и задерживаться, сколько нам было угодно. Древние обитатели долины Енисея предпочитали в качестве стоянок до и после эпохи бронзы, то есть в каменный и железный века, многочисленные, часто очень обширные песчаные дюны по берегам рек. Между Минусинском и Красноярском можно, я полагаю, без колебаний обследовать каждую известную или обнаруженную дюну и продолжить свой путь не с пустыми руками, то есть без большего или меньшего количества древностей. Если бы нам не удалось провести точные раскопки, то масса поверхностно обследованных пунктов дала бы такое обилие материала, что позволило бы сделать некоторые желаемые выводы о возрасте отдельных стоянок и, прежде всего, о распределении представленных в собранном материале культур.

Мы действительно выполнили эту задачу так полно, насколько это было возможно, почти ежедневно делали обход одной или нескольких

[5] Работа паровой машины в противоположном движению направлении.



Майнский порог на Енисее близ деревни Означенной. 1913 г. *ККМ*



Казачинский порог на Енисее. 1931 г. Фотограф Л. А. Сыдинский. *ККМ*

дюн, собрали несколько центнеров черепков, каменных и металлических предметов и приобрели столь ценные представления о расположении культур каменного и железного веков по течению реки, что после обследования участка Минусинск — Красноярск решили сразу же объехать и участок Красноярск — Енисейск.

Наше путешествие общей протяженностью в восемьсот километров разделилось на две части. В течение двадцати дней лодка несла нас вниз по реке, сначала по степному краю, речная пойма которого являла собой сочный мир травы и островов, потом через скалистый котлован Манских гор, далее по приветливой, густонаселенной лесостепи у Красноярска и, наконец, сквозь мрак великого лесного пояса, который тянется через всю Сибирь южнее тундровой зоны. Здесь культурная область выступающего с юга до Енисейска языка простирается местами до левого берега Енисея, но в целом сохраняется характер покрытого по обеим сторонам девственным лесом, умеренно углубленного речного ландшафта, чисто природного пейзажа, в который небольшие, зачастую далеко расположенные друг от друга деревни не вносят заметного изменения.

В Минусинской котловине река распадается и разветвляется, иногда до такой степени, что мы с нашей картой оказывались в затруднении, как достичь определенного пункта коренного берега. Меньше было разделение в области Красноярска. Пересечение Манских гор происходит в плотно замкнутом, дважды изогнутом котловане, как и северная часть нашего пути чаще всего проходила по цельному желобу. Постоянно подпитываемая притоками, наша река все же только после впадения Ангары достигает своей истинной мощи, так как «приток», доставляющий воду из Байкала, в два раза шире ее самой.

Итак, мы вознамерились поставить великий Енисей на службу нашему делу. Должен признать, сначала это происходило без чувства истинного господства. Сперва я осмотрел лодку, которую после долгих переговоров и еще более долгих поисков нам предоставили власти, и обнаружил, что она протекала, не имела ни скамей для гребцов, ни весел и так криво лежала в воде, будто страдала хроническим креном. Раздобыв два, конечно же, абсолютно не подходящих весла, я предпринял первую попытку отчалить. Позволю себе заметить, что я вырос «у», «на» и «в» Боденском озере[6] и, таким образом, умею мастерски управлять челном. Но этот, несмотря на все усилия и умения, двигался исключительно кругами и спиралями. Я положился на течение, которое понесет нас дальше, и на свое искусство гребли, хотя никогда

[6] Озеро на границе Германии, Австрии и Швейцарии, на берегу которого располагается г. Брегенц, родина автора.

Река Енисей от устья реки Кемчика до Минусинска. 1910-е гг. *ККМ*

еще не плавал по реке и не орудовал рулем, вырубленным топором из доски, который скорее походил на дубину, чем на руль.

Лодки Верхнего и Среднего Енисея с довольно тонкими стенками искусно выдалбливают из цельного ствола, затем растягивают над огнем и с помощью вставленных шпангоутов фиксируют в правильной форме плоскодонки. Для наращивания достаточной высоты бортов насаживают еще одну планку. Если киль обить листовым металлом, то такая однодеревка выдерживает хороший удар и вместе с тем достаточно легка, чтобы пара мужчин смогла пронести ее какой-то участок по суше. Главный недостаток заключается в том, что, особенно при недостаточно тщательном уходе и хранении, появляются трещины, которые хоть и можно законопатить и залатать на некоторое время, но всё же они губят лодку раньше, чем это было бы при конструкции со сменными частями. Наш плавучий ящик относился к ветеранам, и лишь с трудом можно было добиться того, чтобы он не служил вечной ножной ванной. Хронический крен сносно выровнялся, сбалансированный с одной стороной багажом, но ситуация в целом была такова, что я на полном серьезе спросил Георгия Петровича, хороший ли он пловец. Когда он заверил, что пойдет ко дну, как камень, мы вышли «в море».

Было счастьем, что мы оба ничего не понимали в речном судоходстве, так как в противном случае мы бы все же путешествовали по суше и смогли бы лишь очень ограниченно осуществить наш план.

В ходе путешествия мы изведали коварство природного водоема, научились обходить водовороты, по цвету воды заранее различать перекаты и использовать линию водотока для лихой езды или лавирования в подходящем месте. В первый же день мы лишь чудом избежали опасной ванны, когда после того, как мы покинули спокойный боковой рукав, на котором лежит Минусинск, нас подхватило течение и погнало на плавучий буй, так что все затрещало по швам. Из этого мы извлекли первый урок, что река, увиденная со своей колокольни, демонстрирует иные масштабы, чем с высоты парохода, и что бакены, которые с борта казались веселыми танцующими жестяными конусами, в действительности плавали на увесистых рамах из балок. Темной ночью наш челнок погнало на грозное длиннорукое чудовище, которое оказалось землечерпалкой. Тогда мы сошли на сушу, оставив мешок с нашими запасами хлеба и сухарей бултыхаться во тьме, и в конце концов переночевали на командном судне того самого экскаватора, занятого созданием фарватера переката.

В широком, зачастую заросшем русле Енисея есть множество мест, где желоб реки упирается в своего рода тупик. Там происходит определенное естественное скопление воды, которая стекает через

боковой галечный или песчаный порог, чтобы затем собраться внизу у вновь начинающегося водостока. Это перемещение линии тока через неглубокий, бурно изливающийся порог называется перекатом[7]; при низководье он образует непреодолимое препятствие для судоходства, устранение которого отнимает много времени.

Большие перекаты основного русла мы преодолевали без трудностей, но мелкие перекаты проток приводили нас во всякого рода критические ситуации. Мы научились, как сказано, уже издалека по образованию барашков на волнах водного зеркала распознавать повышение дна реки, готовились к прыжку в воду и внимательно прислушивались к перекатыванию гальки под днищем судна. Довольно неприятно, ринувшись в бурный поток, видеть, как скользящее дно поднимается выше и выше, пока лишь сантиметра с небольшим не хватает до крутой посадки на мель. Если вдруг суденышко касалось дна, то резко разворачивалось, подставлялось во всю ширь и неминуемо опрокидывалось, если пассажиры поспешно не прибегали к акробатическим упражнениям за бортом, чтобы его удержать. То есть нужно было хорошенько его подпереть, потому что как только за передышкой следовал очередной подъем, то все начиналось заново, и следовало позаботиться о том, чтобы попасть в лодку прежде, чем потеряешь дно под ногами.

Меньше всего нас заставляли трудиться водовороты. Наша легкая лодка резво плясала на поверхности, если только держать ее в руках, или, лучше сказать, под управлением. Мы бодрым ходом, без усилий, миновали устье Маны, которое лишь недавно проглотило небольшой пароход вместе с пассажирами, однако видели плот, у которого явно отказал руль, да так, что его разорвало, и лишь остатки его были выброшены на берег.

Истинное удовольствие всегда доставляла езда по бурному глубоководью. Можно было нестись так быстро, как это только возможно, и наблюдать со спокойного челна, как мимо пролетают деревья, камни и береговые обрывы. Если течение проходило у самого края, то нужно было быть внимательным, чтобы на что-нибудь не налететь, но если оно держалось середины реки, тогда была великолепная поездка и беззаботное наслаждение меняющимися пейзажами.

Сначала проблемы судоходства, разумеется, поглощали все наше внимание. На второй день мы миновали устье Тубы и причалили к подножию горы Тепсей[8], чтобы вскрыть небольшое захоронение, которое

[7] В оригинале текста приведено русское слово, написанное латиницей (*Perekat*).

[8] Гора в устье р. Тубы, на скальных выступах которой были обнаружены древние петроглифы и тюркские рунические надписи, а в окрестностях — захоронения различных эпох. См.: *Грязнов М. П., Комарова М. Н.* Раскопки у горы Тепсей на Енисее // Археологические открытия 1968 года. М.: Наука, 1969. С. 176–179.

я видел раньше и наметил для исследования. При этом выяснилось, что поблизости находилось несколько писаниц, которые побудили нас к несколько более длительному пребыванию. Когда мы затем снова добрались до главного рукава и размышляли, провести ли нам ночь в Бузуновой[9], казачьей станице, где мы знали гостеприимных людей, нас застигла сильная буря, которая в мгновение ока взбила спокойно текущую воду, подхлестнула до настоящих волн и привела наше суденышко в состояние опасной качки. Георгий Петрович греб что есть мочи, я помогал рулем. Но чем ближе мы стремились к берегу, тем больше нас захватывало течение и затягивало под скалистый бастион горы Оглахты. Один за другим позади оставались места высадки, на которые я нацелился, все ближе и ближе из воды выступала крутая стена, и, наконец, у подножия тянулась лишь узкая полоса поваленных глыб. Если бы мы не добрались и до нее, то на значительном расстоянии у нас не осталось бы возможности для высадки, а наша ореховая скорлупка, уже сильно глотавшая воду, должна была бы вступить в борьбу за существование, с которой она едва ли справилась бы.

За несколько метров перед обрывом гряды глыб я решительно понесся на камни!

Буря ревела и шумела в отвесных скалах над нами, заросли леса на другом берегу волновались, как нива, и река пенилась под зловеще темнеющим небом. А мы скорчились на нашей каменистой полосе и наблюдали зрелище с не меньшим удовольствием, чем сцену в Волчьем ущелье[10] с мягкого места в партере. И если льющийся дождь нам казался надоедливым, то нужно было только взглянуть налево, где гряда исчезла в бурлящей пене, чтобы снова почувствовать себя хорошо защищенными.

Когда буйство немного улеглось, мы направили челнок вверх по течению к одной заманчивой пещере и сделали то, что сделал бы каждый русский в такой ситуации: мы поставили чай. Я уж не знаю, что это была за горная порода, которая когда-то кого-то заставила пробить здесь Кнаппенлох[11], ибо таковым оказался защитный свод, но я ни в коем случае не сомневался, что она обладала особыми

---

[9] Одно из старинных поселений на территории современного Краснотуранского района, возникло в 1780 г. как казачья станица. До революции село входило в состав Абаканской волости Минусинского уезда, с 1924 г. влилось в состав Краснотуранского района. В 1960-е гг. попало в зону затопления водохранилища Красноярской ГЭС и было исключено из числа административно-территориальных образований. См.: Энциклопедия Красноярского края. Юг. Красноярск: Буква С, 2008. С. 105, 360, 371–373.

[10] Имеется в виду сцена из романтической оперы К. М. фон Вебера «Вольный стрелок». Примечательно, что средние имена автора «Далёко» (полное имя ученого — Геро Курт Карл Мария Мергарт фон Бернегг) совпадают с именем композитора оперы.

[11] Туннель в Тироле. Название использовано автором, видимо, иронически.

Песок Зверевский, рыбак Краснопеев с нельмой. 1927 г. Фотограф П. В. Тюрин. *ККМ*

качествами, потому как не долго мы грелись у веселого огонька — раздался грохот, осколки камней и горящие дрова просвистели мимо наших ушей, а чайник, плюясь водой, покатился по земле. Георгий Петрович поступил довольно умно, обратившись в бегство. А мне, так как я сидел на корточках ближе к огню, только и оставалось свернуться ежом. Еще немного постреляло, а затем колдовство развеялось. Но тогда мы захотели докопаться до сути феномена и развели новый костер, после того как исследовали почву на взрывчатость. В этот раз мы, разумеется, в безопасном отдалении ожидали результата, который не заставил себя ждать и состоял в новом, более сокрушительном взрыве кипятильного сооружения. Теперь было ясно, что удивительный сланец пещеры взрывался от жара, отчего для третьего костра мы подготовили песчаное ложе.

Ночь я провел, завернувшись в мою верную бурку, на превосходнейшем, сухом песке под защитой подмываемой береговой скалы. Двумя шагами далее мирно журчала бегущая вода, и когда я приоткрывал краешек пальто, защищающий лицо от бесчисленных комаров, я видел, как месяц льет свой волшебный ясный свет над рекой. Это была ночь для размышлений и мечтаний, для спокойного взгляда на пройденный

путь и тихой надежды. Шесть лет назад такой была последняя ночь, проведенная на родине, ночь, когда я готовился к неизвестному путешествию и писал приветы, которые, возможно, стали последними приветами. Особенная, судьбоносная ночь с 31 июля на 1 августа!

На другой день мы в хорошем расположении духа погнали челнок под отвесными скалами Оглахты[12] к горе Турану, нашей следующей цели исследования. Но вечером отдали пару мягких кожаных ботинок, чтобы выторговать у крестьянина сплавной деревни у Абаканска более пригодную лодку. Потому как все-таки сомневались, что прибудем в Красноярск живыми в нашем казенном ящике.

Отныне путешествие было великолепным. Новая лодка слушалась весла и руль и уверенно лежала на воде. Мы направили ее точно в линию водотока, великолепно устроились на дне и лениво жмурились на солнце, предоставив славному Енисею все усилия по транспортировке. Когда к вечеру мы достигли Батени, наша дневная работа была выполнена. С того дня я не могу вообразить ничего более безмятежного, ничего более отрадного, чем это тихое скольжение по теплому зеркалу реки меж нетронутых берегов или мимо тихих деревень. Суденышко очень медленно несколько раз поворачивается вокруг своей оси. Прелестная картина, мимо которой ты скользишь с легкой грустью, вдруг, как по волшебству, — снова перед твоими глазами; солнце отклонилось от своей строгой траектории, пригревает тебя то справа, то слева и заставляет забыть обо всем, до тех пор, пока у тебя не смежатся веки, и ты больше в полусне воспринимаешь игру волн за стенкой борта.

Георгий Петрович поднял голову.

— Доктор, там кто-то орет.

— Пусть орет.

Мы двигались по большой, сказочно красивой извилине; на галечных косах ее внутренней стороны стояли в ряд пять аистов; четверо на правой ноге, один на левой. Сменит ли он ее и сделает гармонию природы совершенной?

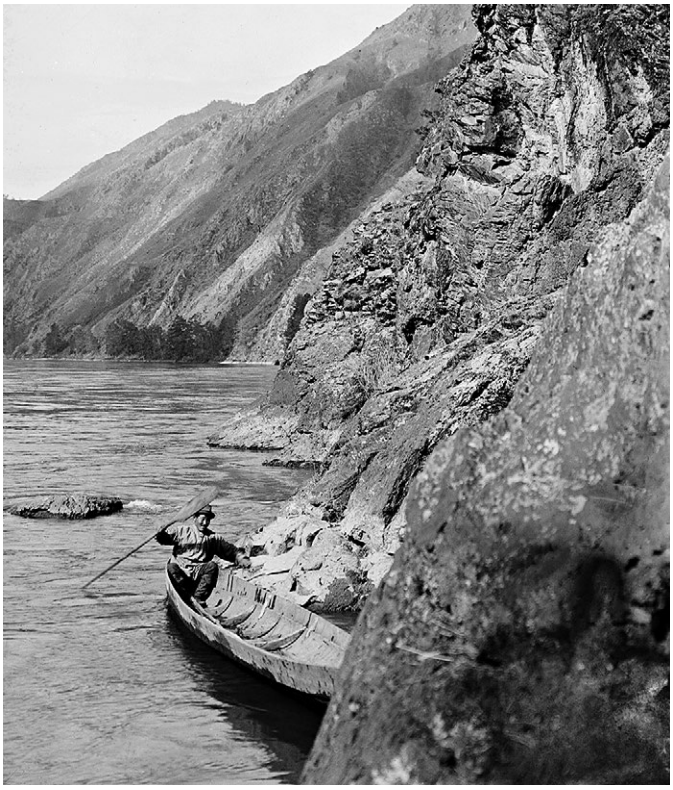
— Доктор, он орет на нас.

— Ну и пусть.

Аист поменял опорную ногу, клянусь. Мир больше не имел проблем.

Или все же имел? Крик преследовал нас и стал угрожающим, так что мы схватились за весла и были вынуждены причалить. Мы распознали вооруженного, который явно уже продолжительное время

[12] Горный хребет в Хакасии, археологический памятник, в области которого расположены курганы различных эпох и средневековая крепость, представляющая из себя систему валов длиной до 25 км.



На лодке в порогах. Начало XX в. *ККМ*

гнался за нами, так как пот лился у него со лба, когда он наконец пробился через прибрежный кустарник.

— Куда? Ваши бумаги! — пропыхтел он нам.

Ага, боец народного ополчения, который, вероятно, в двадцатый раз захотел проверить наши подозрительные личности. Бедняга! Догонять по жаре двух доисториков, которые, дремля на солнышке, угрожали благополучию государства!

Мы любезно протянули ему кипу бумаг и спросили, как бы он поступил, если бы мы не причалили.

— Э, а для чего у меня винтовка? Я бы стрелял. Я уже зарядил.

— Черт возьми, просто стрелял, прямо в лодку! — Представление было решительно неприятным.

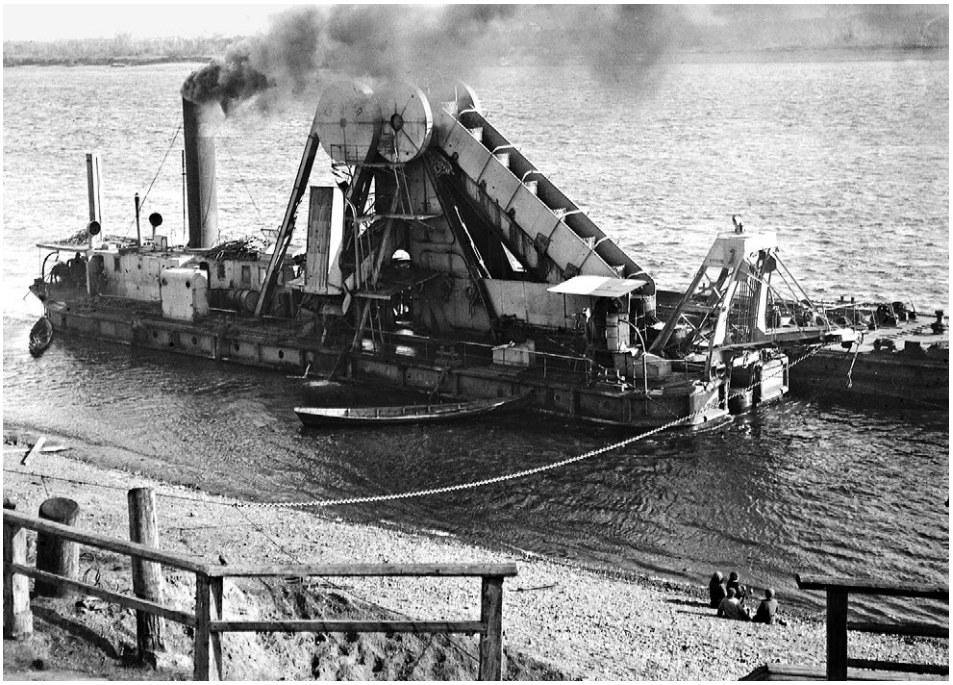
— А как иначе, — вконец испуганно сказал храбрец, — конечно же, в воздух, чтобы привлечь внимание следующего часового.

Следующий пост стоял на добрых тридцать верст вниз по реке!

Но с тех пор я все-таки осматривал в бинокль орущих людей на предмет оружия, так как невозможно было знать, все ли почитали мир реки так, как этот славный человек.

В этот же день мы причалили еще раз, чтобы с помощью двух бакенщиков разобраться в одной географической проблеме. Мы искали место, которое называлось Лепешкина. Там, где она примерно могла быть, на карте было обозначено другое, под названием Малая Ирджа. Но где тогда лежала Лепешкина? Это было невозможно выяснить. Бакенщики настаивали на том, что Лепешкина было ближайшим, а Ирджа — следующим пунктом, карта определяла Ирджу как ближайшее, а Лепешкина вообще не упоминалась. Вопрос все же имел некоторое значение, так как у нас не было ни малейшего желания тянуть лодку несколько верст вверх по реке, к месту, мимо которого мы так гордо только что проехали. Консилиум прошел безрезультатно, и не оставалось ничего другого, как сначала причалить к Батени на другой стороне реки, где загадка разрешилась. Лепешкина означает что-то вроде «маленькой лепешки», и только под этим названием каждый знал деревушку Малую Ирджу[13]. Если бы не было Малой Ирджи, то и Большая Ирджа потеряла бы смысл, и наши бакенщики были абсолютно правы, когда поместили Ирджу ниже по реке. Мы, в свою очередь, поступили правильно, когда настояли на том, чтобы разыскать эту непонятную Лепешкину, так как, во-первых, мы нашли там гостеприимных людей, каковых встречали на протяжении всего пути, во-вторых, получили превосходную научную добычу. «Малая Лепешка» вошла в литературу как местонахождение древнего каменного века Сибири. Почти целый день мы потратили на осмотр дюн длиной в несколько километров у Батени, столько же — на пески Лепешкиной, и большой мешок с находками постепенно стал доставлять изрядно хлопот при выгрузке и погрузке. Это, вероятно, был самый странный фрахт, который в то время везла лодка, несмотря на то что на реке стояли оживленные дни. Покос выгнал на воду все население, так как острова — самые обильные поставщики сена всего края. Повсюду стояли и плыли лодки, самый экономичный тягловый скот для прибрежных жителей, повсюду виднелись маленькие лиственные хижины для краткого ночного сна между трудовыми буднями. Утром можно было видеть, как орудуют шестами или тянут лодки веревками люди, направляющиеся вниз по реке, — работа, которая уготована исключительно женщинам; вечером переполненные челны возвращались обратно в деревню, и девичье пение разливалось на просторе. Такова была жизнь между островами.

[13] До революции деревня Малая Ирджа числилась в составе Беллыкской волости Минусинского уезда, в 1924 г. вошла в состав Краснотуранского района. Разделила судьбу многих деревень юга края, попавших в 1960-х гг. в зону водохранилища Красноярской ГЭС, была затоплена и снята с административного учета. См.: Энциклопедия Красноярского края. Юг. Красноярск: Буква С, 2008. С. 105, 355, 371–373.



Землечерпалка на Енисее. 1920-е гг. *ККККМ*

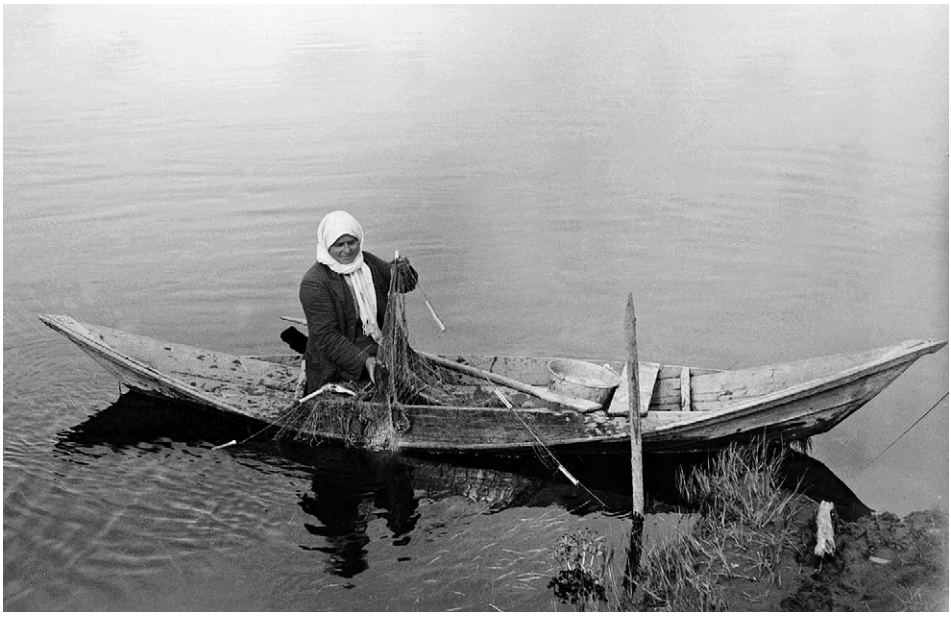
По главному руслу гнали плоты, добротно связанные из исполинов южных горных лесов, с домиками для команды, оснащенные спереди и сзади колоссальными веслами, которые управлялись двумя или более мужчинами. На каждом в открытом глиняном очаге пылал огонь для приготовления пищи. Они перевозили топливо и строительную древесину степных деревень, которую валили в Саянах, нередко также большие штабели мешков с зерном, которые нужно было доставить на железную дорогу. Чем дальше несла нас река на север, тем слабее были отголоски этой жизни. Караульная[14], когда-то передовой бастион против разбойников-кыргызов южных степей, сегодня относится к северным пограничным районам житницы у Минусинска, памятник прогрессивному, охватившему всю плодородную область труду колонистов. Здесь начинается лесной котлован Манских гор. Крутые карьеры, которые Енисей то справа, то слева прогрыз в ровных валах

[14] Караульный острог был основан в 1675 г. на левом берегу Енисея для защиты Красноярского острога от набегов кочевников с юга. В 1740 г. стал селом Караульным, которое до революции входило в состав Новоселовской волости Минусинского уезда. Ныне находится на дне Красноярского водохранилища (*Электронный ресурс:* https://ru.wikipedia.org/wiki/Караульный_острог).

палеозойских горных пород и которые на юге мы видели лишь далеко на окраине его широкой долины, придвигались всё ближе к реке, берега вздымались, и скоро всей мощи эрозии хватило только на то, чтобы пропилить в горах глубокую, узкую щель. Стремительно скудеет и исчезает венок береговых поселений — мы покинули большую пахотную область современности, волшебную страну доисторической Сибири. Как потребность в древесине Минусинской котловины покрывается за счет Саян, так и Манские горы кормят прожорливые печи, стройки и верфи Красноярска. Большой город отправлял армии лесорубов, которые разбивали свои лагеря в районе окраинных деревень на южной оконечности гор, чтобы пользоваться одновременно хлебным богатством равнины и древесным богатством гор. Здесь строились гигантские плоты, которые опытные лесовики могут смастерить с помощью лишь топора и пилы и которыми умеют управлять только самые лучшие знатоки течения; наряду с ними — более скромные произведения, по которым легко видеть, что их производители взялись за инструмент только из нужды, чтобы не остаться без древесины долгой лютой зимой; и, наконец, сооружения, которые я бы назвал «плотами на одну семью» — при прибытии таковых в город имелись все причины отслужить благодарственный молебен за спасение жизни. Самая удивительная вещь, которую мы встретили, представляла собой, не больше и не меньше, грубо сконструированное плавучее кресло. Видно было буквально только это торчащее над водой сооружение, на котором громко поющий человек со всем душевным спокойствием дрейфовал вниз по реке. Пусть же этот философ достигнет своей цели!

После оживленной жизни юга, даже несмотря на такие картины, река казалась нам покинутой. Мы действительно могли проплыть половину дня, не увидев ни одного человека. Вода, лес и скалы — и все. На находки мы могли рассчитывать в лучшем случае в устьях небольших притоков, которые во все времена были известны и посещаемы как богатые рыбой места и указывали на пригодные для лагеря полоски суши.

Идеально удовлетворяет этому условию устье Бирюсы, которая поставляет Енисею кристально-чистую воду из глубокой промоины котловины и кроме крытых стоянок предлагает для стоянки роскошные пещеры. Культурные остатки нескольких эпох доказывают, что преимущества этого прекрасного местечка были хорошо известны как древнейшим обитателям края, так и нынешним. Там, где тысячи лет назад пылали бивачные костры коренных жителей, навстречу нам дымился костерок, на котором красноярские рыбаки так же просто жарили свою добычу, как и многие поколения до них, вплоть



Женщина-рыбак на шитике с сетью на реке Чуне. Фотограф В. С. Кузьмин. *КККМ*

Молотьба в деревне Воронинской. 1914 г. *КККМ*

до времени мамонтов и охотников на мамонтов. Сруб в виде палатки служил убежищем каждому, кто закидывал здесь удочку или сеть, и, вполне возможно, он сооружался по образу и подобию целого ряда снова и снова возводимых и разрушаемых на том же месте и в той же форме предшественников. Здесь в борьбе с тысячелетним культурным прогрессом победительницей осталась природа, и тому, кто хотел черпать из ее богатств, не надо было беспокоиться заранее или брать с собой больше, чем приносили его предки за два или десять тысячелетий до этого.

Наконец — в день посещения устья Бирюсы — наша лодка прошла между вздымающимися быками железнодорожного моста, и вскоре после этого она уже лежала килем вверх во дворе музея.

Георгий Петрович собрался в дорогу в Иркутск, где он хотел продолжить изучение первобытной истории, а я промаршировал в лагерь для военнопленных, чтобы разузнать, как обстоит дело с перспективами возвращения на родину. То, что мне смогли поведать немногие старые или больные товарищи, которые были больше не в состоянии искать спасения от монотонности лагерной жизни в работе, звучало ничуть не иначе, чем два месяца назад, — с надеждой, но безнадежно.

Поэтому, когда Аркадий Яковлевич предложил с ним и еще одним охотником проплыть участок до Енисейска, я не раздумывал ни мгновения, тем более этот путь археологически едва ли был исследован, и мне предстояло установить, следует ли принимать его во внимание в качестве торной тропы доисторического времени.

Скажу сразу, что дюны в ареале красноярских лесостепей мы нашли густонаселенными, но далее речная долина до Ангары и севернее оказалась почти без находок, что тем более значимо, так как там ни в коем случае не было дефицита дюн, которые в любом другом месте на Енисее подобно магнитам притягивали к себе кочующее или переходящее к оседлости коренное население.

Если нам оставалось довольствоваться отрицательным результатом научного изыскания, то это в полной мере компенсировалось превосходным, богатым на впечатления путешествием. Не слишком удивительно, что в долине между Каном и Ангарой нет старых поселений, так как там мало пригодной для земледелия почвы. Ее освоение происходило соответственно позднее и в меньшей степени со стороны реки, чем через расширение до берега посевных площадей с запада, с дороги Ачинск — Енисейск. Деревни расположены на значительном удалении друг от друга и разрежают девственный лес только на тесном пятачке. За границей корчевания начинается уже почти нетронутая тайга, которая на протяжении многих дней сопровождает реку и наполняет магией торжественной, дивно спокойной природы. Наше

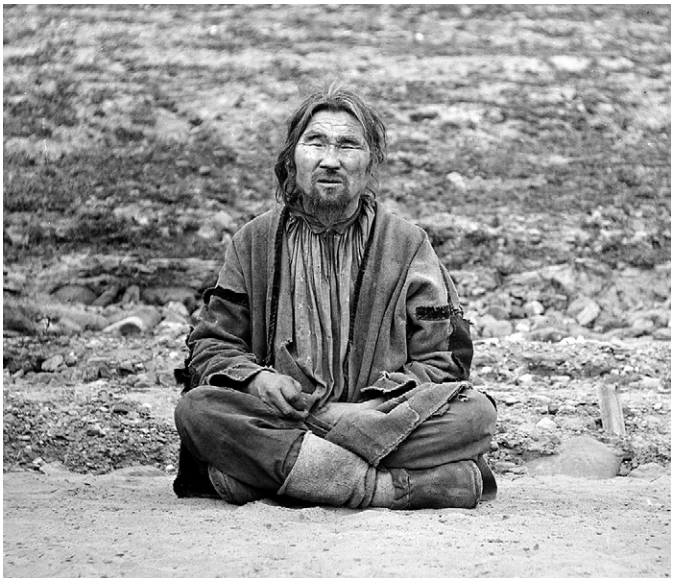
путешествие и в этот раз было ориентировано на жизнь на природе и из природы. Нашей крышей оставалось небо, если только не возникало необходимости воспользоваться куском парусины, которого, ровно натянутого, хватало именно на то, чтобы укрыть, хотя бы сверху, всех троих; пропитание нам доставляли главным образом винтовки и лес.

Вечер за вечером мы вытаскивали лодку на песок у очередного заманчивого местечка, доставали топор и прежде всего сооружали рогатину для варочного котла и чайной бадьи. Аркадий Яковлевич с завидной регулярностью ежедневно убивал трех уток; на гарнир были грибы и картофель. Хлеб и сухари мы везли с собой, также не брезговали приобретать по пути творог и огурцы. Ягод в сибирском лесу в изобилии, но фрукты в этой стране долгих морозов не произрастают. Так что огурцы получили повышение до почетного звания десерта, не утратив своей прелести и в качестве закуски. Поэтому мы легко растягивали это на три блюда, за которыми следовали бесчисленные чашки чая, так что можете мне поверить: после трапезы, основным блюдом которой являлась целая утка, мы испытывали приятное чувство сытости.

Во время варки собирали дрова на целую ночь, для чего каждый раз требовалось одно или два дерева — уложенные против ветра, они никогда не давали погаснуть костру. Затем каждый обустраивал свое спальное место, очищал его от ветвей, камней или слишком высокой травы и настилал, если хотел, пару пригоршней папоротника.

Дивно спалось под тихий шелест деревьев, по стволам и веткам которых прыгали блики костра. Тот, кто просыпался ночью, должен был поворошить костер и прислушаться, не появился ли нежеланный визитер, медведь или волк. Сколь горячо мы приветствовали бы его, встретив ружейным огнем, столь же ретиво разжигали оборонительный ночной костер, так как горный район Енисея, на западной оконечности которого мы несколько раз разбивали лагерь, — достаточно дикая местность, в которую вступает только охотник и золотоискатель. Однако нам не пришлось хвататься за ружья, чтобы защитить свой покой, и ночному костровому удавалось немного мирно помечтать над блестящей водной гладью или понаблюдать, как луна серебрит гигантские кедры, которые несут там пограничный караул девственного леса на крутом яру.

Пережить в такой местности бушующую ночную грозу — истинный дар божий. Едва первые раскаты выгнали нас из-под одеял, как все уже разразилось грохочущим буйством, молния за молнией, удар за ударом, так что лес задрожал, а вспыхнувшее пламя лагерного костра померкло перед светом небес. Тогда не уместны были нерешительность и покорность: вниз, к реке, лодку на сушу, накрыть ей груз, в большой спешке натянуть навес из парусины и спрятать все



< Енисейский остяк. Первая треть XX в. *КККМ*

> Группа енисейских остяков на становище у костра. Первая треть XX в. *КККМ*

добро прежде, чем разверзнутся облака, все это в бешеной смене ярких лучей и чернейшей тьмы, под завывания поднявшейся бури и оглушительные раскаты грома. За несколько секунд наш костерок захлебнулся в шумящем, бурлящем ливне, лесные великаны, скрипя, склонили свои мощные кроны, закружился сломанный сухостой, ударился, раскололся, один ствол треснул с громким треском, но все это едва различимо утонуло в могучих отзвуках бури, которая, казалось, должна была уже замолчать, когда небо сказало свое веское слово.

Под трещащим, трепещущим навесом, который приютил трех человек, было очень тихо.

Мы изведали то, что и природа говорит на разных языках. Как все-таки не похожа на эту была гроза выше по реке, которая вынудила нас поспешно причалить к одному из травянистых островков. Едва мы миновали кромку берегового кустарника, как тут же спасались бегством обратно к судну, преследуемые целыми тучами жужжащих комаров, которые буквально тысячами нападали на каждый свободный участок кожи, за одну секунду вонзали сотни жадных хоботков, набивались в рот, нос и уши и вели между собой борьбу, при которой хуже всего приходилось атакуемому человеку. Мы выхватили накомарники, эдакие матерчатые колпаки с сеткой из конского волоса на лице, без которого ни один сибирский крестьянин не выходит в поле, ни один дровосек в лес, но мы торопились вовремя соорудить навес, прежде чем разразилась гроза, и каждый закрыл под колпаком целую банду кровососущих бестий. Руки и без того оставались во власти их

свирепства. Что толку перед каждой хваткой вытирать их и смахивать кровавую раздавленную кашу, когда новые сотни занимали освободившееся место. Это была безнадежная битва, которая ни на йоту не прекратилась, когда мы развели под нашим навесом жутко дымящий костер, и пошла на убыль только после того, как гроза прошла.

Комары и разновидность миллиметровых жалящих мух, «мошка́»[15], относятся к ужаснейшим бичам Сибири. Их летучие армии охотятся на любую дичь в поле зрения, рассеивают стада, вынуждают крестьянина проделывать тяжелейшую работу в давящем удушье колпака из конского волоса и отравляют ему досуг и ночной сон. Мы не сильно страдали, пока находились на воде, и в самом лагере нас донимали лишь временами, но в один этот вечер с лихвой заплатили кровавую дань. А еще и малярийный комар, переносчик лихорадки, пополняет своими полками комариное войско, взбаламутившее, словно вихрем, всю Азию и Европу, и лихорадка[16], сибирская малярия, в последнее время завоевывает всё новые, здоровые до сих пор области. В Красноярске я имел честь пасть одной из первых жертв этой изнуряющей болезни, но постепенно обрел тысячи последователей.

Но поскольку наше путешествие умеренно страдало от атак кровососов, мы смогли обратить свои взоры на более полезную живность, прежде всего на все виды уток, из которых ежедневно убивали трех.

[15] В оригинале текста приведено русское слово, написанное латиницей (*Moschki*).
[16] В оригинале текста приведено русское слово, написанное латиницей (*Licharatka*).

Приличный дикий гусь, конечно, также был бы для нас желанным гостем, только как бы много ни тянулось их над нашими головами характерным клином и к сколь многим мы бы ни подкрадывались со всяческими уловками, но до выстрела никогда не доходило. И с утками это было не так-то просто. Хотя они населяли реку в достаточном количестве, но всё же чересчур любезно избегали челна, так что мы порой до вечера не были твердо уверены в нашей основной пище. Конечно, можно было взять верную добычу на старицах или маленьких озерах по соседству с рекой во время вечернего прилета или ранним утром. Но для такой охоты нам не хватало собаки, и мы сдались после того, как однажды почти час палкой и шпагатом пытались выудить наш обед.

Когда добыча наконец лежала в лодке, то начиналось усердное ощипывание, которое усеивало реку целыми облаками перьев.

Удочки совсем бросили нас в беде, хотя Енисей кишит лакомой рыбой. Однажды, когда лодка лежала на берегу, наш спутник все-таки подсек мелкую рыбешку — столовую вилку. Лучше шли дела у профессиональных рыбаков, которые там и сям на несколько недель соорудили свои времянки. У одного такого мы приобрели превосходного налима, которому было достаточно вариться минуту, чтобы стать изысканным блюдом. Должен признаться, меня не огорчали неудачи в рыбной ловле, так как слишком отчетливы были воспоминания о том, как ретиво всё сменяющие друг друга правящие партии заботились о корме рыбам в виде живых или убитых людей. Если бы даже эти отвратительные воспоминания и стерлись из моей памяти, то река все еще несла к морю такие жертвы, полуразложившиеся и свежие, обезображенные черты которых не выдавали, были ли они красными или белыми, интеллигентами или крестьянами, рабочими или казаками. Безжалостный кулак гражданской войны сталкивал в сырую могилу все новых побежденных, и довольно часто вчерашние власть имущие следовали в страшном путешествии за умерщвленными позавчера.

Довольно об этом, лето было в разгаре, а таких болезненных напоминаний о времени, в котором мы жили, было все-таки не слишком много. Природа уже порядочно очистилась от грязи, которую в нее внесли поступки человека.

Правда, значительное участие в этом очищении приняли рыбы, и это отвратило меня от их потребления!

Однако вскоре я сам чуть было не пошел им на корм.

Мы заранее строили всевозможные догадки, как будем преодолевать большой порог. Лоцманская карта содержала план прохождения порога, который мы усердно изучали. Итак, эту скалу нужно обогнуть справа, затем держаться ближе к берегу, с того места сильно грести против главного течения и, наконец, резко повернуть влево, чтобы

причалить выше последних скал. Или просто ринуться в стремительный поток? Наши планы, по сути, вращались только вокруг обхода видимых скальных глыб и избегания мелей и кажутся мне сегодня довольно наивными, как они, вероятно, покажутся наивными каждому, кто когда-нибудь в легком открытом челне миновал двухкилометровую быстрину и еще в состоянии об этом говорить.

Непрерывно нарастающий шум, который мы слышали уже за несколько километров выше по течению и который при достижении верхней границы стремнины возрос до внушительного рокота, все еще не сделал нас достаточно осторожными, хотя мы осознавали, что бравый Енисей не мог прорываться бесшумно через такое серьезное препятствие. А впрочем, что уж такого грандиозного в этом было? Река бурлила, будто ее вскипятил невидимый костер, но каскадов или водопадов не было видно, а преграды в виде мощных округлых скальных глыб были довольно различимы, чтобы их обойти. Правда, пока мы стояли выше начала стремнины и едва ли не на два метра над уровнем воды, то есть обозревали несколько километров, преодоление которых под очень ограниченным углом зрения было неизбежным, но в целом казалось нам делом если не безобидным, то все же не опасным. Единственным, что меня настораживало, было наблюдение: на всей пристани у деревни не лежало ни одной лодки нашей конструкции, вместо таковых — массивные дощатые лодки, борта которых были в добрых два раза выше, чем у нашего челнока.

Наконец мы сошлись на том, что будем искать лоцмана, но в любом случае хотели ехать на собственном судне, в крайнем случае и одни.

Аркадий Яковлевич с некоторым трудом отыскал в деревне одного молодого человека, который сначала потребовал в качестве платы рубашку, но позже позволил уговорить себя на «кирпич» чая. Конечно, деревня естественным образом расположилась рядом с порогом, чтобы извлекать из этого выгоду. Если мы и не хотели тратить на это нашу последнюю рубашку, то все-таки должны были дать что-то, что могли, тем более когда большинство мужчин из Атаманово уехало на покос.

Итак, мы вчетвером поднялись в лодку, закрепили багаж и принялись за дело.

После первых ударов наш лоцман высказал мнение, что у нас не ахти какие высокие борта, может быть, даже слишком незначительные, ему кажется, будет лучше, если мы немного облегчим судно. И в самом деле, мы едва ли на десять сантиметров возвышались над водой.

Так как я сидел на веслах, мои спутники вышли, чтобы пойти пешком. Впрочем, я бы в любом случае защищал свое место в судне, так как теперь это уже было вопросом моего честолюбия — проехать еще и стремнину, как преодолевал все препятствия до сих пор.

Итак, можно было отчаливать! Мы держали курс на течение, и я потребовал от моего штурмана в случае надобности кратко мне приказывать, направо или налево, сильнее или...

— Крепко, крепко! — закричал он, рывком уперся ногами и орудовал веслом так, что только брызги летели.

И это был весело бурлящий Енисей? У меня в ушах стояло враждебное шипение и шум, суденышко скакало, как бешеный козел, промчалось на расстоянии вытянутой руки мимо зеленого, в метр высотой стеклянного шара[17], который перекатывался в пенящемся кольце, отвесило ему глубокий поклон...

— Крепко, крепко! — И сразу снова: «Крепко, ради бога, крепко!» Парень бледный, как стена, широко раскрытыми глазами уставился на что-то за моей спиной, что его напугало.

Хрясь... в лодке было два ведра воды... и еще раз — хрясь... на этот раз меня это ударило по спине, окатило по голове и плечам и потекло по ногам...

— Крепко, крепко... крепче же, господи... крепче! — орал перепуганный до смерти парень, этого он мог мне и не говорить. Начались гонки с течением, потому что как только мы развили собственную скорость, пригодилось его искусство рулевого. Больше я ничего не сумею поведать о стремнине. Я слышал только это ревущее: «Крепко, крепко... крепче!»[18] и греб, аж глаза повылезали из орбит, а вены вздулись. На моем теле уже не было ни одной сухой нити и волоса. Неужели эта сатанинская стремнина никогда не кончится?

И вдруг я увидел нечто кошмарное. Деревянный колышек, который удерживал правое весло, с каждым ударом вырастал из стенки борта... становился все выше... еще выше... Почувствовал ли лоцман мое оцепенение? Его окрики следовали еще быстрее... были уже совсем хриплыми. Я потянул в последний раз, отпустил правое весло, молниеносно ударил кулаком по колышку и успел снова перехватить рукоять, не сбавляя темпа. Но мне было чертовски плохо, и я чувствовал, что сердце вот-вот остановится.

— К берегу!

Лоцман сиял во все еще белое, как мел, лицо, на лбу прилипли растрепанные пряди волос.

Только сейчас я оглянулся назад, но Енисей не представлял иной картины, нежели в начале нашей бешеной поездки, он мирно бурлил,

---

[17] Возможно, речь идет о так называемом кухтыле — полом стеклянном шаре, чаще зеленого цвета. Кухтыли использовались как поплавки к сетям и достигали в размере полуметра и больше. Производились в Норвегии, Японии, а также России с начала 1840-х до 1980-х гг. До сих пор подобные шары находят на побережьях Арктики и Камчатки.

[18] В оригинале текста приведены русские слова, написанные латиницей (*krjepko, krjepsche*).

Большая улица в Енисейске. 1880-е гг. *ККККМ*

Вид на Енисейск. Конец XIX в. *ККККМ*

Здание Енисейского городского музея имени А. И. Кытманова. 1914 г. *ККМ*

как исполинский чайник. Взгляд вниз по течению — там пенилось еще одно-единственное место далеко внизу.

— Давайте, давайте! — закричал мой рулевой еще раз, так как я греб уже больше вполсилы; быстрое течение чуть не выбросило нас на тот последний отрог скалы, который я завидел издали. Потом нос уперся в сушу, и мы безмолвно бросились на сухой песчаный пятачок, на твердую, надежную почву!

Добрых три километра мы проехали едва ли за десять минут! Почти ничего не было сказано. Мой человек лишь выпрямился и сказал:

— Ничего, молодец![19] — что должно было значить: ничего не скажешь, вы храбрый парень. — Сам молодец[20], — вернул я ему: вы сам отчаянный парень. После того как мы таким образом взаимно поблагодарили друг друга, мы насладились чудесным чувством отдыха, вытянувшись во весь рост на твердой почве.

Пешеходы прибыли поздно. К счастью, груз покоился на планках над дном и был накрыт брезентом, так что влага не нанесла большого ущерба. Лодку нужно было вычерпать, причем оказалось, что она

[19] В оригинале текста приведена русская фраза, написанная латиницей (*Nitschewo, molodjez!*).

[20] В оригинале текста приведена русская фраза, написанная латиницей (*Sam molodjez*).

получила несколько продольных трещин, последствия колоссальной, быстро меняющейся и неравномерной нагрузки. Ее проконопатили и починили, то есть сделали все возможное.

Между тем мы вскипятили победный чай, который, конечно, был приправлен щедрым обсуждением приключения. Когда затем лоцман получил свое вознаграждение, то хоть и охотно его взял, но заявил, что никогда больше не поведет подобную лодку через порог. Такие легкие суда сюда приходили редко! За последнюю неделю, правда, спускали одно. Однако все три человека команды утонули, потому что они, как он полагал, ехали без местного штурмана. Сейчас он, впрочем, думал, что и с таковым нельзя быть уверенным, что останешься в живых.

Мы разделяли его новоприобретенное убеждение и поздравляли себя со своевременно произведенной разгрузкой лодки, без которой мы бы сейчас точно больше не пили бы чая.

От устья Ангары снова было немного археологической работы, но после не было никаких поводов для беспокойства. Напротив, Енисей становился все более ленивым, так что мы время от времени должны были браться за весла и в итоге были почти счастливы, когда в поле зрения появилась пристань Енисейска.

Я стоял уже буквально одной ногой на суше, когда мне вдруг стало ясно, что идиллия была позади, а малоприятная действительность — перед нами.

— Давайте сюда Ваш полевой бинокль, Вы не имеете права владеть биноклем, — это были слова приветствия вооруженного револьвером человека, который поджидал нас и набросился на наш багаж, как на добычу. Фотоаппарат мы, правда, с некоторыми усилиями отбили, но бинокль он больше не вернул. Наши бумаги с неизменно повторяющимся предписанием, что все советские служащие должны поддерживать нашу работу, имели достаточно силы, чтобы, по крайней мере, раздобыть квитанцию о конфискованных предметах. В отношении всего остального человек, который не мог похвастаться ни одной мало-мальски разборчивой подписью, объяснил, что ему абсолютно все равно, путешествуем ли мы по службе или нет; если бы к нам это было неприменимо, нас можно было бы арестовать за запрещенное имущество. С этих пор бинокль становился собственностью Красной Армии.

К счастью, в Енисейске были и другие власть имущие, которые думали о задачах и потребностях исследователей несколько более здраво и позаботились о том, чтобы бинокль снова попал в наши руки, причем выяснилось, что в данном случае чемодан нашего ока закона служил местом сбора конфискованных в пользу Красной Армии биноклей.

За исключением этого торжественного приема, мы провели вполне приятные дни в Енисейске. Этнограф нашего музея[21] временно жил здесь, чтобы классифицировать и упаковать результаты своей собирательской и научной экспедиции к остякам Кети. Он пользовался расположением авторитетных людей, которые в былые времена делили с ним ссылку на Ангаре; он даже располагал меблированной квартирой, в которой мы обрели пристанище, уютное настолько, как это могла предложить меблировка, состоящая из двух столов, стольких же стульев, скамьи и, в качестве кульминационной вещи, дивана с вывернутыми наружу внутренностями. Эти вещи распределились на две комнаты и кухню и оставляли достаточно пространства для трех шкур северных оленей на голом полу, которые в течение следующих дней служили нам постелями.

[21] *Савельев Антон Антонович* (даты жизни и смерти разнятся в различных источниках: годом рождения указывается 1872, 1873, 1974 и даже 1881; годом смерти — 1939 и 1942), этнограф, заведующий отделом русского быта в указанный период, в 1920-х гг. оставил музей. Летом 1920 г. А. А. Савельев вместе с художником А. Г. Варгиным по поручению коллегии музея совершил поездку в верховья р. Кети. Результатом экспедиции стали этнографические коллекции, характеризующие быт и культуру аборигенного населения, которые ныне хранятся в фондах Красноярского краевого краеведческого музея. В августе 1920 г. Савельев находился в Енисейске, где занимался исследованием церковных архивов. См.: *Баташев М. С.* Коллекция А. А. Савельева с верховьев р. Кеть в фондах КККМ // Археология и этнография Приобья: Материалы и исследования. Сб. трудов кафедры археологии и этнологии ТГПУ. Вып. 4. Томск: ТГПУ, 2011. С. 225–248.

Подворье И. Г. Гадалова в Енисейске. Конец XIX в. *ККМ*

В работе не было недостатка. На мою долю выпало упорядочение и переформирование коллекции древностей в местном музее, который содержал прилично находок с Ангары и отчетливо позволял признать эту реку культурным путем.

Музей Енисейска — создание купца Кытманова и в качестве такового — свидетельство неизмеримой пользы, которую может принести вдумчивая работа единственного человека, когда она делается в правильном месте и в правильное время. Так как музей сегодня пока далек от посещаемых путей и активных центров научной работы, будущие поколения будут тем больше ценить его богатства, чем больше будут оскудевать их источники. Это относится прежде всего к коллекциям по этнографии коренных народов и археологических предметов, обе были бы безвозвратно и невосполнимо утрачены без деятельности основателя музея Енисейска.

Сегодняшний Енисейск с его 10 000 жителями — тихий захолустный городишко, который до поры до времени только грезит о славном прошлом и светлом будущем. Он пережил великое время, когда обогатительные фабрики северной и юго-восточной тайги заставляли струиться постоянный поток червонного золота в этот центр горных богатств, когда владельцы рудников возводили свои отчасти великолепные каменные дома и вели роскошную жизнь, способствуя процветанию и развитию повседневной жизни одинокого

городка. Тогда на улицах и в домах жизнь била ключом, как и на базарах и крытых рынках. И когда старатели выбирались в город из своих забытых богом в сумраке лесов рудников, чтобы отдохнуть и потратить часть заработанного состояния, то обычно были неистовство и кутеж, которые не кончались до тех пор, пока в кошельке была хоть одна копейка. От трактира к трактиру переезжали на санях, хозяин спешил расстелить ковер под ноги благодетелю с большим золотом, чтобы тот не запорошил снегом сапоги, а хозяйка стояла наготове в дверях с первой бутылкой. Тут же следующими санями прибывала музыка, чтобы начать или продолжить праздник и чтобы соответственно когда-нибудь его закончить.

Господа были более разборчивы. Но деньги тогда действительно не играли роли, и если была тяга к театру, можно было выписать себе небольшую труппу из Парижа. Рассказывают даже, что были люди, которые в Енисейске носили рубашки, выстиранные и накрахмаленные в Париже.

От этого великолепия осталось немногое. В девяностые годы случился совсем не парижский, а обычный для этой страны городской пожар, который не пощадил и каменные дома; так как тогда приток золота оскудел, не было резона снова их отстраивать. Деревянные дома, с которыми моментально до основания расправился такой пожар, правда, выросли вновь, но руины тех маленьких вилл и дворцочков возвышаются и поныне, будто выгорели лишь недавно.

Тот, кто сегодня в ночное время пересекает неосвещенные улицы или вверяет себя очень уж опасным человеческим западням, которые под названием тротуара протягивают свои гнилые доски у домов, воистину ничего не подозревает о том великом времени. Однако вместе с енисейцами он может надеяться, что водный путь будущего, Северный путь по Ледовитому океану, приведет к новому расцвету и к тому же более длительному, так как широкий хинтерланд[22] столь благоприятно расположенного на Енисее и севернее устья Ангары городка обладает еще несметными богатствами.

Главу о нашей поездке в Енисейск нельзя завершить, не рассказав о моем друге Алехе, славном остяке, который жил вместе с нами у Антона Антоновича Савельева[23], нашего этнографа. Антон Антонович взял его с собой с Кети и использовал в качестве живого словаря. Вот только Алеха ни в коем случае не из глубокого стремления служить науке пришел в город, который он, впрочем, видел впервые, а был послан от своей деревни, чтобы получить порох и капсюли. Только

[22] Прилегающий к промышленному и торговому центру район.
[23] См. примеч. 21 на с. 150.

Экспозиция отдела этнографии в Енисейском городском музее. 1914 г. *ККККМ*

Экспозиция отдела этнографии в Енисейском городском музее. 1914 г. *ККККМ*

его малая осведомленность помешала разгадать дипломатические уловки, с которыми Антон Антонович оттягивал выполнение этой сделки. Остяцкий словарь между тем выиграл не так уж и много, так как рвение Алехи удерживалось в тесных рамках, в особенности из-за того, что его опросчик с пристрастием работал после полуночи, а Алеха придерживался мнения, что это время не предназначено ни для чего иного, кроме сна. Хотя мне совершенно недостает знаний остяцкого языка, я все же должен обрисовать, как чаще всего проходила работа, невольным свидетелем которой был я на моем жестком ложе.

— Как называется, — начинал, к примеру, Антон Антонович, — деревянный крюк такой формы?

Алеха рассмотрел показанный рисунок и решил:

— Кокона.

— А если у него две зарубки?

— Уткона.

— Ага! А как называется горшок, который на нем висит?

— Уткона.

— Но так называется крюк! Ну, подумай!

— Горшок называется уткона.

— Черт тебя побери, а как тогда называется сам крюк?

— Кокона.

— А если у него здесь две зарубки?

— Уткона.

— Так не пойдет, крюк — это же не горшок.

— Нет, нет, я знаю, крюк называется барсы.

— А горшок?

— Тоже барсы.

— А что такое уткона?

— Уткона... уткона, — Алеха протяжно зевнул, — утконой называется крюк.

Я сомневаюсь, что словарь вышел очень содержательным. Алеха отправлялся спать совершенно довольным в тот момент, когда достаточно запутывал свое задание. Он укладывал оконный ставень одним концом на стол, другим — на стул, стягивал бродни[24], мягкие кожаные сапоги, и принимал позу сидячего захоронения. При таком укорочении его мелкой персоны ставня вполне хватало для кровати, а полушубка — для одеяла. Другого снаряжения не имелось, ибо весь багаж молодца состоял из отшлифованного ножа с грубой деревянной рукоятью и чашки из березового комля. Алеха охотно общался со мной

[24] В оригинале текста приведено русское слово, написанное латиницей (*Brodny*).

и находил приятным, что ученый человек так же плохо говорит по-русски, как и он сам. Музейного он мог сообщить много.

— Эти наконечники стрел — с героических времен, когда остяки побеждали в великих сражениях. Таких там тоже больше нет, но мой отец еще видел подобные у своего отца. Эти выброси, такие есть у каждого бедного остяка... Черепки у тебя тоже есть? Я знаю места на Кети, где их достаточно лежит вокруг. — И тогда у него возникла грандиозная идея. — Послушай, доктор, в городе ты, конечно, голодал?

— Еще как!

— Они говорят, тот город еще больше, чем этот наш. Слишком много людей на одном месте, понимаешь. Пойдем со мной в деревню.

— Но я должен работать в музее.

— Так вы всё и получите у нас для вашего музея. У нас долго гостил Кай Доннер[25] (финский исследователь), а сейчас и Антон Антонович, но тебе я покажу, где их находят. Я ведь видел, что тебе нужно. Всего этого достаточно на Кети... — и он расписал жизнь, которую мы бы стали вести. У него есть русский дом и корова. Мы бы подстрелили несколько лосей, его жена обработала и насушила бы мяса. Зимой я также мог бы «записывать словарь», и, само собой разумеется, все бы были приветливы со мной, а самая красивая девушка в деревне еще приветливее, чем все остальные. Но только весной, ох, ох, мы бы смогли собирать топоры, большие каменные топоры героев. Правда, Кай Доннер самый большой забрал с собой... и много другого каменного инвентаря, и целую гору черепков и наконечников стрел, и...

— Но я хочу уехать домой, Алеха.

— Вот как ты думаешь, — сказал он, изрядно огорченный, — но прежде ты умрешь от голода в вашем большом городе.

Когда он в конце концов уезжал, то предпринял последнюю попытку.

— Поехали со мной, целый лось для тебя одного, потому что ты такой большой.

А потом он отправился восвояси со своими боеприпасами и со всеми кривыми гвоздями и обрывками проволоки, которые он подобрал во время частых блужданий по улицам.

[25] *Доннер Карл (Кай) Рейнгольд* (*Donner Karl (Kai) Reinhold*) (1888–1935), известный финский лингвист, этнограф, исследователь языков и культур самодийцев. В 1911–1914 гг. путешествовал по Сибири. В 1915 г. опубликовал подробные описания сибирских путешествий на финском и шведском языках, позднее вышли в свет немецкое и английское издания его экспедиционных материалов. См.: *К. Доннер.* У самоедов в Сибири. Томск: Ветер, 2008. С. 163–165; Kai Donner — Linguist, ethnographer, photographer. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2014. 175 p.

Глава шестая

С оси на ось

В моем экспедиционном снаряжении имелся маленький, тонкий листок из скверной бумаги, который постепенно обтрепался по краям и превратился в жалкий лоскуток, — «открытый лист»[1]. Но этот клочок обладал большой силой и представлял собой самую ценную часть моего имущества, так как он был изготовлен и снабжен печатью главного отдела губернского революционного комитета и давал мне полномочия на безвозмездное использование пароконного экипажа на территории всей губернии, то есть бесплатный билет по стране в пять раз большей по размеру, чем немецкий рейх, контрамарка, которая открывала мне любые проезжие дороги в стороне от единственной железнодорожной линии и единственного пароходного пути!

Правда, позаботились и о том, чтобы эта магическая бумажонка не позволила мне впасть в манию величия, так как она была пять тысяч пятьсот восемьдесят первой, выданной с начала года до конца мая, но все-таки гарантировала 1000 км надежного и бесплатного путешествия в повозке. Для Сибири это не так уж много. Хотя в Европе тем самым была бы покрыта приличная дистанция от Данцига до Триеста[2].

Обладатель открытого листа отправляется в местную канцелярию, предъявляет бумажку и заявляет о своей поездке до следующей станции. Поодаль от основных дорог он может рассчитывать на почти немедленное предоставление повозки, но на оживленных трассах или

---

[1] Разрешение на право производства раскопок археологических памятников в императорской России, СССР и Российской Федерации. До 1917 г. открытые листы выдавались Археологической комиссией, после революции до 1948 г. — Главнаукой НКП РСФСР, затем в РСФСР и РФ — Институтом археологии АН СССР/РАН. С конца 2009 г. право выдачи разрешений было передано в Росохранкультуру МК РФ. В годы Гражданской войны на территориях вне контроля советской власти, в том числе в Енисейской губернии, сохранялся принятый в императорской России порядок, но сами открытые листы выдавались местными органами власти или губернскими музеями.

[2] Согласно данным из Всемирной сети, географическое расстояние между современными Гданьском (Польша, бывш. Данциг) и Триестом (Италия) составляет 1029,52 км. (http://www.worldtravelserver.ru/travel/ru/poland/gdansk/distance_trieste.html).

на центральных станциях поступит правильно, если своевременно встанет в очередь, так как важно не только быть отправленным в тот же день; дело было еще и в том, когда он вообще туда попадет, потому что закон, который налагает на крестьян извозную повинность, устанавливает также число ежедневно представляемых экипажей; если те разъехались, то прибывший последним путешественник застревает в пути, пока новый день не принесет новую очередность.

Но тому, кто смог заблаговременно осуществить свой отъезд, на всех станциях будут предоставлены свободные повозки, тот перескакивает с оси на ось и может с утра до вечера колесить по степи, болотам, пескам и пыли, пыли и еще раз пыли — если выдержит. Тележных рессор нет. Тормозов тоже. Эти весьма негативные признаки — общие знаменатели в формуле всех сибирских колымаг. Числитель, напротив, меняется гораздо интенсивнее, чем мог бы поверить тот, кто из путевых очерков узнал о тарантасе на деревянных рессорах и еще, быть может, о крестьянской телеге. Такая телега[3], конечно, имеет свои преимущества, так как она настолько высока, что остается сухой даже при переезде глубоких бродов, и она самое прочное изделие рук человеческих, это приятно ощущать, когда испытываешь ее прочность при столкновении с различными препятствиями вроде деревьев, воротных столбов или надгробных камней или довольно долго едешь по галечной полосе, претендующей на то, чтобы именоваться дорогой. Каркас верхней части телеги состоит из прямоугольной рамы, в которую вставлены деревянные рейки, образующие плоское корыто. Путешественник-одиночка может вытянуться во всю длину в таком корыте; но двоих человек при этом так упорно трясет, что их одежда рассыпается в прах. Лучше тогда свесить ноги через край, позволив им онеметь, и таким образом закрепиться против стремления остального тела достичь глубочайшей точки корыта. По Сибири вообще не стоит путешествовать, если ежедневно не привык при подъеме и перед отходом ко сну делать пятьдесят оборотов на турнике. Неважно, досталась ли тебе украинская телега, основание которой составляют крайне узкая доска и далеко выступающая клетка в качестве хранилища для сена или путешественника, или завезенная из России легкая грузовая тележка, или двуколка с массивным дощатым ящиком, или какой-то другой подвид из многочисленного рода телег. Твои подколенные впадины всегда будут самой страждущей частью твоего бренного тела. Понятно, что самые приятные воспоминания у меня связаны со способом транспортировки, когда меня просто погрузили в гигантскую корзину с сеном, и что я с неизменным почтением вспоминаю об экипаже с откидным

[3] В оригинале текста приведено русское слово, написанное латиницей (*Telega*).

верхом, который хотя и потерял колесо по дороге, но зато имел правильные сиденья.

Описать меняющиеся виды обшивки повозок невозможно. Ведь возницы родом из всевозможных частей великой России, и каждый сохраняет своеобразие своей малой родины в телеге и упряжи, как блюдет их в одежде и языке.

Я получил хороший пример того, как в смешении русского населения Сибири ориентироваться по различным признакам, которые являются путеводными для бывалого. Мы ехали час за часом по безжалостной солнечной жаре. От свисающих ног до кивающей при каждом толчке головы нас покрывал становящийся все более плотным слой пыли. Беседа давно угасла, как только мы решили свернуть сигарету и повозиться со сталью, камнем и трутом. Довольно отупело я размышлял, как много источников или хотя бы ручейков на отрезке пути такой же длины мы миновали бы на родине. Здесь таковых не имелось. За несколько часов — речушка, потом снова — выжженная степь, засохшие пашни, редкий лес на орошаемых дюнах. Наконец, деревня, горячая, голая, выжженная, как все те деревни, которым не знакомы ни садики, ни живительные источники, ни деревья на улице или площади. Я вопросительно повернулся к Ермолаеву[4]. Ведь где-то в деревне нам все же нужно было напиться. Он лишь кивнул и посмотрел на дома, наверное, у него и здесь были знакомые. И правда, он приказал остановиться у конкретного дома, вошел внутрь и вскоре помахал нам.

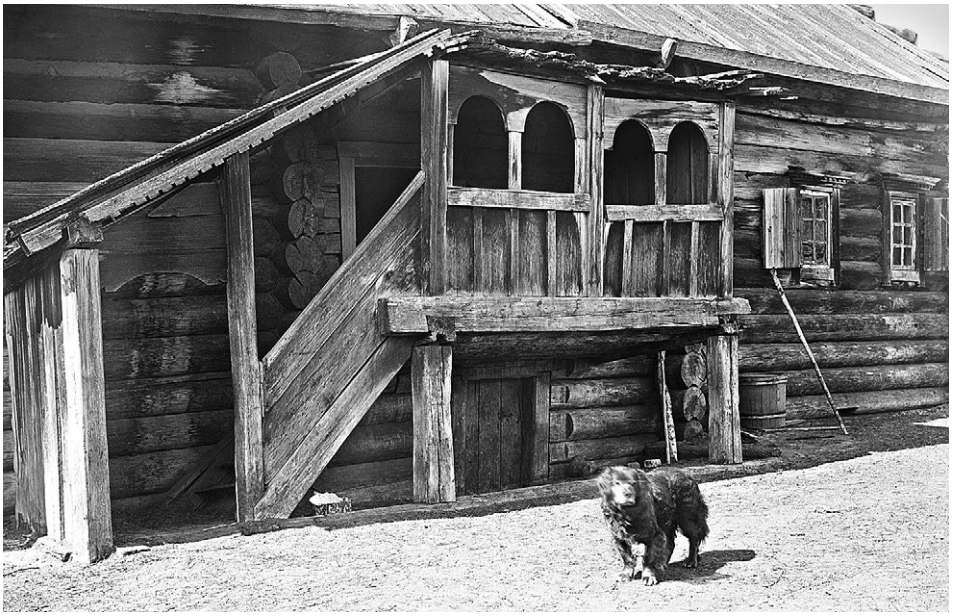
Так как я не поэт, а простой бытописатель простых событий, я не стану облекать чудовищность нашей жажды в поэтическую форму, а потом изображать, что мы ощутили, когда хозяйка дома подала нам огромный кувшин превосходного, шипучего, подвально-холодного кваса[5]. Квас — это приготовленный из хлеба перебродивший напиток домашнего изготовления вроде мягкого, легкого хлебного пива, по вкусу — что-то среднее между пивом и медовухой, превосходная услада и для менее пыльных, чем наши, гло́ток. Но как существуют всевозможные сорта пива, от тех, которые только их изготовители возводят в ранг пива, до таких, которые вызывают в сердце каждого честного немца глубокое уважение, так есть и квасы различных оттенков. Но этот был один из самых славных, абсолютно достойный выставки квас, я бы сказал — король среди квасов, если бы мы пили его не в большевистской России.

Достаточно того, что мы пили, как верблюды после перехода Сахары, и больше не сомневались в высшем мировом порядке. В итоге Ермолаев

[4] См. примеч. 5 на с. 82.

[5] В оригинале текста приведено русское слово, написанное латиницей (*Kwaß*).

Крестьянская усадьба в селе Анцирском. 1911 г. Фотограф А. П. Ермолаев. *ККМ*



Старинный тип крыльца в с. Анцирском. 1912 г. *ККМ*

по-царски одарил хозяйку швейной иглой, и мы расстались в великой обоюдной благодарности.

Я сделал нашему проводнику комплимент о его выгодных знакомствах и немало удивился, когда он объяснил, что этих людей прежде никогда не видел.

— Да, но почему же тогда Вы вошли в этот и именно этот дом?

— Очень просто. Я выбрал дом старожилов[6] (давно осевших сибиряков), так как эти люди готовят самый лучший квас.

— Откуда Вы узнали, что там живут старожилы?

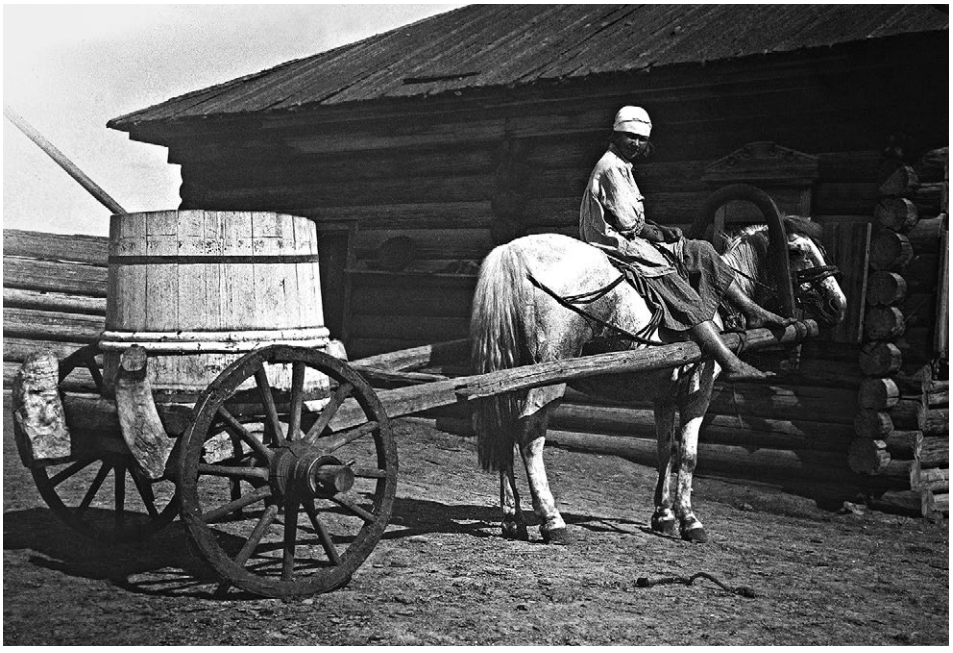
— Запомните, Геро Вальтерович, эти высокие четырехгранные крыши. Так строят только старожилы. Иногда неплохо об этом знать.

Действительно, Ермолаев, к счастью, сохранил свои знания об обычаях и людях. Даже наш извозчик вытирал усы и нежно говорил что-то своей лошаденке.

Нельзя не понять, почему подневольно работающие крестьяне неприветливо обращаются с навязанными им пассажирами, так как бремя извоза тяжестью лежит на них, часто на неделю отрывает их от работы и вынуждает возить по краю людей, к деятельности которых они в лучшем случае питают умеренное понимание, но чаще всего — недоверие. Странствующие учителя, народные просветители, культурные, экономические и политические инструкторы, коммунистические пропагандисты, оценщики и сборщики введенного тогда натурального налога, инспекторы и комиссары, красноармейцы всех рангов, командированные от бесчисленных органов и организаций, — короче, огромная волна, спрессованная из элементов, которых крестьяне чаще всего считали абсолютно ненужными, наводнили страну. Среди них было много совершенно безобидных существ, которые просто отговаривались более или менее «неотложной» целью, чтобы отправиться на так называемый «масляный фронт», то есть незаметно улизнуть на некоторое время из города и на законных основаниях не отказывать себе в молоке, масле, белом хлебе, мясе и других отсутствующих удовольствиях, каковые еще имелись только в селе. Как бы то ни было, всех нужно было перевозить, все ехали на телеге крестьянина и ели за крестьянским же столом. Я встретил семью, у которой с давних пор руки не доходили до того, чтобы привезти древесину для постройки новой избы для дочери и зятя, потому что извозная повинность расходовала всю лошадиную силу. Еще более вопиющей была картина деревни с рядом брошенных и заколоченных хижин, хозяева которых просто обратились в бегство, потому что их деревня была пароходной

[6] В оригинале текста приведено искаженное русское слово, написанное латиницей (*Staroschilez*).

Крестьянская кошевка с грузом. 1900–1910-е гг. *ККМ*



Крестьянка-водовоз в Сухобузимском районе. 1928 г. Фотограф Б. И. Шангин. *ККМ*

станцией интенсивно посещаемого курорта озера Шира, и они должны были ездить день за днем 25 верст туда и обратно.

Город, правда, компенсировал эксплуатацию упряжек, только расценки были столь минимальны, что их не хватало даже на покупку лошадиного корма — если его кто-то продавал за деньги. Несмотря на явное презрение к такой смехотворной компенсации, это порой становилось предметом оживленных споров. Как-то раз я прибыл в пункт распределения перекладных лошадей у Минусинска, когда такого рода битва была в разгаре. Первое, что я увидел при входе, была лишь стена из сражающихся за свою регистрацию и отправление пассажиров, которые осаждали длинный стол, и все как один размахивали приготовленными открытыми листами. Но потом обозначился центр бушующего рева в группе извозчиков в изношенных домотканых тулупах, обложивших бледного юношу, который восседал за большой, солидно выглядящей книгой и с упрямым видом выдерживал осаду своих вооруженных нагайками противников.

— Двадцать пять, я тебе говорю, двадцать пять, не больше и не меньше, — ворчал он.

— Вы слыхали, — разбушевался извозчик и с треском стеганул кнутом по скамье. Вы слыхали, если вообще такое слыхано! До Лугавского[7] вдруг стало двадцать пять верст!

— Упаси господь, во времена моего отца было уже двадцать семь и во время моего деда столько же! — закричал другой. Хор наградил это высказывание бурными аплодисментами.

— Двадцать пять, и нечего тут орать.

— Так мы должны две версты ехать даром! Да и за остальные ты ничего не даешь.

— Спроси любого, как это далеко. Это двадцать семь... Эй ты, пиши двадцать семь...

Юноша, не дрогнув, выписал квитанцию.

Извозчик прочитал «25», презрительно плюнул в угол, выразительно сказал «плевать на это» и обратился к несколько подавленному пассажиру.

— Ну, поехали с богом.

Но нужно отдать должное правде: необразованный русский — добродушный, приветливый, безобидный смертный, пока какой-нибудь случай не разбудит в нем дремлющее буйство дикаря. И все извозчики, которые должны были меня перевозить принудительно и почти задаром, оказались доверчивыми, готовыми помочь людьми, охотно болтали,

[7] Село в Минусинском районе на р. Лугавка. См.: Энциклопедия Красноярского края. Юг. Красноярск: Буква С, 2008. С. 443, 456.

сочувствовали моему несчастью — так долго оставаться в плену, жаловались на тяжелое время в целом и на извозную повинность в частности и, несмотря на это, зачастую никоим образом не довольствовались лишь тем, чтобы высадить меня в месте назначения, а еще хлопотали о крове или иных пожеланиях.

Было бы ребячеством солгать, что среди крестьян Сибири нет плохих людей. Но было бы грубой неблагодарностью не признать, что таковых было действительно немного по сравнению со множеством прямо-таки симпатичных добряков, которых встречаешь по всему краю. И я никогда не встречал среди моих извозчиков живодеров, напротив, слышал порой веселую беседу возницы с коньком. Особенно позабавила меня одна крестьянка, которая разразилась целой речью перед своей лошадкой, пока та с трудом тащила нас. Георгий Петрович и я вместе имели право потребовать четырех лошадей. Но втайне радовались, если получали и одну необходимую. Так было и в тот день, когда лошадьми правила бабенка, которая вела такую поучительную речь.

— Смотри-ка, какой барчук, — обращалась она, к примеру, к коню, — разве я не покормила тебя прилично, эй, разве я не давала тебе сладкого сенца? Так что теперь извольте тянуть, милостивый государь! Ну, ну, может, ты думаешь, что пора спать... и считаешь, что тебе больше не нужно работать?.. Полагаешь, ты товарищ из города и можешь просто сидеть? — Добрячка совсем не думала о том, что мы можем, вероятно, почувствовать себя задетыми.

В задачу нашего повествования не входит описание всех путей и станций, которые мы проезжали. Мы сделали две большие петли, одну от Минусинска до подножия Саян у Означенной[8], наряду с кратковременной поездкой к одному старому медному руднику в горах, вторую — до Теси на Тубе и до подножия горы Туран, которая так живописно возвышается над Енисеем. Оба раза мы устраивали обратный путь так, чтобы проезжать новый участок. Как и с поездкой к погребальным полям близ Абакана. Позже у меня появилась возможность познакомиться со столбовой дорогой от Енисейска до Красноярска.

В степи извозчик везде и всюду не придерживается дорог. Но и в культурном ландшафте, и в дремучем лесу он всегда отыщет верный путь, ибо ему приходится проезжать через ворота сельских пастбищных оград, избегать пашен, использовать паромы и обходиться единственной поляной в лесной просеке. Только того, что называют улицей, ему придерживаться не надо, так как настоящей улицы не имеется. Лишь

[8] Село на левом берегу Енисея. Основано в 1830 г., входило в состав Шушенской волости Минусинского округа. На месте села в 1975 г. был образован г. Саяногорск (Республика Хакасия). См.: http://wikiredia.ru/wiki/Означенное.

в местах, от природы трудно проходимых и вынуждающих к сужению проезжей части или к искусственным дорожным сооружениям, предпринимается что-то для того, чтобы создать корпус улицы. Самая главная транспортная артерия времени железнодорожного строительства — большой, или Московский, тракт[9] — на протяженных участках состоит только из одной широкой полосы от десяти до двадцати тележных колей в естественном грунте или солидного желоба размолотого песка. Подобное являет собой Енисейский тракт[10], который к тому же с упорной целеустремленностью проходит прямо, вверх, вниз по холмам. По соседству с деревней встречаются отрезки шоссейной добротности, где можно даже распознать зачатки искусственного обрамления деревьями, внушительные просеки через девственный лес и массивные деревянные мосты, но вместе с тем — совершенно заброшенные участки, которые предоставляют извозчику свободу действия в выборе вариантов. В особенности это справедливо для путей, которые пролегают по крутым холмам. Отсутствие тормозов у телеги побуждает возницу решать проблему, как достичь дна, не сломав шеи, в зависимости от его темперамента. Самый осторожный стремится медленно соскользнуть вниз, обычный возница пришпоривает лошадь так, что круп почти волочится по земле, и в любой момент готовишься увидеть лошаденку удавившейся на резко вздыбившихся оглоблях, а наиболее решительный делает лихой скачок и предоставляет Господу Богу решать, приземлится ли он внизу или в загробном мире. Но каждый выбирает свое направление. Ведь в Сибири нет недостатка в пространстве, так что не столь важно, если «улица» порой расходится на сто или более метров.

Аркадий Яковлевич и я однажды едва избежали катастрофы. Пользуясь кратчайшей линией спуска и вариантом с пришпориванием, мы преодолели половину крутого холма, как вдруг наверху появилась крестьянка со своей упряжкой. Сначала мы не обратили на нее должного внимания, но потом мой провожатый что-то прокричал нашему

[9] *Московский (Сибирский) тракт* — транспортный путь от Москвы до Владивостока, пересекающий территорию России с запада на восток. Толчком к его обустройству стала Вторая Камчатская экспедиция под руководством Витуса Беринга. Беринг проехал по намеченной трассе, проверил места под зимовья и почтовые станки; сооружение их началось в 1734 г. и закончилось к 1741 г. Окончательное устройство тракта было завершено в 50–70-е гг. XVIII в. До начала 90-х гг. XIX в. только Сибирский тракт связывал Сибирь с европейской Россией. Протяженность его по территории Енисейской губернии составляла 519 верст. См.: Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск: Русская энциклопедия, 1998. С. 403.

[10] *Енисейский тракт* — до 1917 г. окружная дорога Енисейской губернии протяженностью 316 верст, обеспечивавшая выход населенных мест северной части Енисейской губернии к железной дороге в Красноярске. См.: Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск: Русская энциклопедия, 1998. С. 192.

Крестьянские телеги в селе Богучаны. 1911 г. *ККМ*

Семья старовера Зайкова из деревни Выезжий Лог. 1913 г.
Фотограф А. Я. Тугаринов. *ККМ*

кучеру, и теперь я увидел, что женщина потеряла контроль над повозкой и с бешено мчащимся конем и дико подпрыгивающей телегой несется прямо на нас. Дыхание перехватило. Наш извозчик изрядно побледнел, но все же оставался совершенно спокойным, соразмерил расстояние до приближающегося рока, потом до дна, которое еще к тому же пересекало русло ручья, медленно ослабил поводья и постарался свернуть в сторону. На наше счастье другая телега потеряла колесо, которое унеслось громадными скачками. Это все-таки затормозило безумную гонку, так что беглец после несколько конвульсивного финиша приземлился рядом с нами и почти у ручья. Но на последнем рывке добрячка рухнула всей массой и простерла вертикально в воздух две мощные, абсолютно неприкрытые ноги. Громким смехом, далеким от напускной европейской вежливости, мы освободились от перенесенного страха, помогли восстановить экипаж и продолжили путешествие, которое чуть было не прервалось таким злосчастным образом.

По Енисейскому тракту я имел удовольствие прокатиться на тройке[11], то есть проехать так, как это было принято в старые времена. Правда, с многократно описанной тарантасой я тогда тоже так и не познакомился. Случись так, что эти славные ковчеги с увеличением железнодорожного движения начнут вымирать, пусть их оставят хотя бы для более важных пассажиров, во всяком случае мне не посчастливилось даже увидеть таковой, несмотря на то что общая протяженность моих поездок по воде и по суше в это лето составила две с половиной тысячи километров. Но и на простой телеге с тройкой ехать довольно лихо. Как известно, впряженный в оглобли коренник бежит рысью, а две пристяжные по бокам бегут галопом. И если даже, как мы, имеешь один-единственный колокол под дугой, это все-таки остается «благородной ездой». Время близилось к вечеру, когда мы выехали, а ночь наступила прежде, чем мы преодолели половину пути. Везти освещение ни одному человеку в тех местах не приходит в голову. Зато поездку сопровождает звон бубенцов и предостерегает едущих навстречу. По какому правилу уступают дорогу, я так и не уяснил, достаточно того, что даже в ночной лесной тьме на полной скорости упряжкам удается разъехаться, и темнота мгновенно поглощает внезапно возникший черный призрак. Как только мы покинули лес, путь нам осветили звезды ясной сентябрьской ночи, которая, впрочем, привнесла к магии такой поездки в тишине и под ярким сверканием уже довольно ощутимые холода. Скоро наступят первые ночные морозы, быстро сменяемые долгой-долгой зимой. И если день был еще теплым, то ночью холодало. Дрожа от холода, мы плотнее натянули

[11] В оригинале текста приведено русское слово, написанное латиницей (*Troika*).

Тройка на Сибирском тракте. Начало XX в. *КККМ*

легкие куртки и высматривали пастбищную изгородь, которая означала попадание хотя бы в область деревни. Тем самым мы ни в коем случае не были на месте, так как наша ночная станция должна была находиться в большой деревне, а чем больше место, тем дальше выдвинута пастбищная изгородь, которая почти неизменно окружает каждое сибирское крестьянское селение. Потому что весь скот должен был находить свой корм между деревней и ограждением. Лишь за его пределами, часто на значительном удалении, лежат пашни и луга. Я открыл уже несколько дюжин ворот в заборах, но здесь, на тракте, ожидать проезжающих у ворот должен был сторож, а где обосновался русский, там горит огонек. Так было и здесь. Он пробивался вдаль сквозь щели полуразрушенной сторожки, и длинноволосый старик, который обслуживал ворота, пробормотал в качестве приветствия в свою всклокоченную бороду: «Входите и грейтесь». Больше ничего не было сказано. Старик мог быть деревенским бедняком, которого сюда посадили, чтобы он смог заработать на чай и хлеб в последние годы жизни. Ему давно было все равно, кто сюда приходил и уходил, куда и почему он ехал, звонил ли он в ворота светлым днем или темной ночью. Кто смог согнуть свою спину под кривыми дверными балками жалкой хижины, тому он предлагал все, что имел, — тепло своего одинокого огонька. Потом пускал по кругу кисет, также безмолвно угощался сам и передавал его тому, кто возник внезапно откуда-то из мира, куда-то в мир исчезал и при этом миновал врата забора, мира которых ему вполне хватало.

Глава седьмая

По деревням и избам

Сибирская деревня редко предлагает иной вид, нежели монотонной серо-бурой массы, единственным отрадным цветным пятном на фоне которой является выбеленная колокольня. При этом это не тесное нагромождение жилищ, как, к примеру, в итальянской горной деревне. Напротив, план застройки никогда не лишен обширности, простора, господствующего во всем сибирском бытии.

Каждая крестьянская усадьба состоит минимум из трех-четырех строений, которые вместе с изгородями окружают двор, а «улицы», вдоль которых двор примыкает ко двору, действительно довольно широки по сравнению с низкими избушками. Лишь изредка встречается тот или иной двухэтажный дом.

И все-таки царит впечатление унылой скученной массы! Прежде всего потому, что совершенно отсутствуют сады или деревья. Коричневая древесина и серый песок не создают живительного контраста, радующего глаз членения. А маленькие овощные грядки, расположенные там и сям за домом, теряются среди таких матовых, безрадостных красок.

Разве что поселок, который лежит в лесу и не слишком стар, устроен более живо, так как между подворьями еще торчит несколько стволов, ветви с которых чаще всего ободраны на большой высоте. Если даже лесок или редкая рощица оказываются поблизости от деревни, то своей пощадой они обязаны боязнью перед блуждающими песками, так как иной дом на окраине селения до изгороди и крыши утопает под дюной, а на дорогах скапливаются возрастающие песчаные заносы, в которых ветер всегда отыщет проход. Если поселенец предпочитает берега рек и ручьев, то он снова и снова наталкивается на движущиеся или заросшие дюны, а спящий песок тоже вновь приходит в движение, как только в его растительной коже зазияет рана. Но такой хутор встречается редко, так как сибирской деревне нужен лес, поделочная древесина для многочисленной утвари, строевой лес для изб, амбаров,

сараев, конюшен и бань и дрова, много-много дров на долгую зиму, везде и всюду древесина, которую никто не доставляет издалека до тех пор, пока ее можно валить вблизи. Так что чем старше деревня, тем более обезлесена округа. Фруктовые деревья, зеленеющие и одаряющие плодами, Сибири не известны. «Фрукт, растущий на дереве» Сибири, — это кедровый орех, который каждый местный житель умеет щелкать с баснословной ловкостью и скоростью, точно сплевывая скорлупки с губ. Так неотъемлем кедровый орех от сибирской жизни, что его наградили названием «сибирская беседа» или «сибирский разговор».

Казачьи станицы, бывшие пограничные форпосты против атак воинственных аборигенов, и деревни старожилов, то есть те, которые возводились со времен Ермака до начала государственной колонизации, на протяжении нескольких веков своего существования потребили необъятные количества древесины. Молодая поросль полностью предоставлена матушке-природе. Так что непосредственные окрестности поселка оголены. Деревня может правильными рядами группироваться вокруг церкви, может длинной-предлинной двойной шеренгой примыкать к улице, но ее ближайшие окрестности по большей части такие же безлесые и пустые, выгон для стада. А далеко вовне огромным кругом тянется изгородь пастбища, одна только забота о содержании которой в исправности требует изрядного количества древесины.

Радушие и удовольствие, нарядная суть и веселый цвет — все то, что наш немецкий крестьянин так охотно передает фасадом своего дома, скрыто — и к тому же не слишком щедро — в интерьере сибирских изб. Частично это обусловлено долгой зимой, а частично это образ существования истинных сибиряков[1], так как немецкая деревня и в Сибири сохраняет свое своеобразие и узнаваема издалека по зелени и цвету, нарядному фасадному забору и крохотному цветнику.

Сибиряк держит свой сад в комнате. В доме редко отсутствует как минимум тот или иной горшок с вечнозеленым растением, часто они стоят целыми рядами на окне, на том окне, которое летом открывается не чаще, чем у наших крестьян, а зимой, герметично закрытое и заклеенное, позволяет проветривание самое большее через форточку величиной с голову. А зима такая длинная!

Но о цвете Сибирь знает не так много. Кто не вспоминает светлые, радующие национальные одежды, вышивки и пестрые платки, расписную резьбу и другие превосходные изделия домашнего прикладного искусства, которыми богата Россия; Сибирь мало способствует этому.

Несколько пестрых икон в углу горницы, быть может, в традиционном блестящем металлическом окладе, несколько ярких цветных

[1] В оригинале текста приведено русское слово, написанное латиницей (*Sibirjaken*).

пятен в одежде, косынке или фартуке — и все. Я никогда не видел женщину в национальной одежде, если это не недавняя переселенка.

Не случайно поговаривают, что Сибирь — страна птиц, которые не поют, цветов, которые не цветут, и женщин, которые не любят. Как ни ошибочно это, все же здесь есть крупица истины. Сибирское существование строго и однообразно.

«Дедушка Мороз» даже зимой, в это самое светлое и лучезарное время года, не манит к радостной жизни. Разумеется, здесь отмечают свои праздники, празднуют их в буйном веселье и с изобилием горячительного, а работы зимой, пока все покоится в твердом ледовом плену, не так много. Но день короток, темнота призывает к долгому покою, к ленивому потягиванию и тупому сидению дома. Можно пользоваться только санным путем в лесу или зимником на реке. Но долгие часы на маленькой повозке и в исполинской шубе не делают подвижным, бодрым и радостным, а побуждают к мечтам и раздумьям.

А потом лето! Не колышется приветливо листва за окном, не цветут сады, ничего зеленого вокруг. Едва ледоход унесет по реке к морю необъятные навозные кучи, которые образовались за зиму, значит, уже нужно спешно пахать и сеять, проделывать далекий путь к полям, приводить в порядок забор и крышу, валить лес и сразу же снова отправляться на сенокос и уборку урожая и на новую вспашку. Долгие ежедневные работы должны быть выполнены за короткие месяцы и не оставляют места для праздности и безделья. К тому же над безлесыми деревнями довлеет жара, и лес, как и луг, наполняются жужжанием все увеличивающихся миллиардных армий летучих мучителей.

Поистине, сибирская жизнь делает спокойным и серьезным, сибирская природа заглушает веселый цвет и звонкий звук. Будто чары это лежат над краем, чары, которые пленяют русских поселенцев намного больше, чем туземцев[2].

Гостеприимство по-прежнему является долгом для сибиряков. Под давлением изменившихся обстоятельств он исполняет его, быть может, не слишком весело, но едва ли уклоняется от него, как не уклоняются от вещей, которые, будучи высоко ценимыми в течение многих веков, уже вошли в плоть и кровь, если подобные вещи вообще не потеряли своего смысла. Ну а гостеприимство, конечно, не утратило своей значимости, так как за городом нет постоялых дворов

[2] В оригинале текста автором используется слово Bann, которое можно перевести и как «чары, очарование», и как «ссылка, плен». С учетом того, что в мировоззрении европейцев тогда господствовало представление о Сибири как о месте каторги и ссылки, эта фраза приобретает несколько иной смысл, нежели «очарование». Вообще подобная игра слов, т. е. использование синонимов с порой противоположными значениями, характерна для стиля Г. Мергарта.

Зажиточный крестьянский дом в деревне Ловать Канского уезда. 1900-е гг. Фотограф Г. М. Ковтунов. *ККМК*

Церковь в деревне Кубеково. 1910-е гг. *ККМК*

и гостиниц и путешественник был бы предоставлен полностью самому себе, если бы в каждой деревне не находилось хозяина, предлагающего ему кров и пищу, хоть за подарок в виде денежного вознаграждения или чего-то из имущества, хоть задаром и за простую благодарность. Мы бог весть как мало могли чего-нибудь предложить, но нас никогда не спрашивали, в состоянии ли мы вообще дать что-либо в качестве ответного подарка. Нам предлагали то, что имели, и принимали то, что мы давали. Последнего всегда было в обрез, первого то меньше, то больше. Лишь однажды нам не было подано ничего, кроме кипящего самовара, а именно в земской квартире[3] одного часто посещаемого местечка.

Земская квартира обязана своим происхождением именно недостатку гостиниц. Изначально это было не что иное, как барщинный труд в пользу проезжих господ, в особенности чиновников. Лучше всего это иллюстрирует приключение одного знакомого, которого профессия привела в какую-то отрезанную от мира деревню на Ангаре. Он расположился на отдых после деревенской трапезы в убранной для него комнате и едва мирно задремал, когда постучали и десятник[4], посыльный от главы общины, нерешительно сообщил: «Господин, девушка пришла».

Мой друг вспылил и запретил нарушать свой покой, но десятник не понял его гнева и, извиняясь, пролепетал: «Милостивый государь, вы уж простите, но сперва ей нужно умыться».

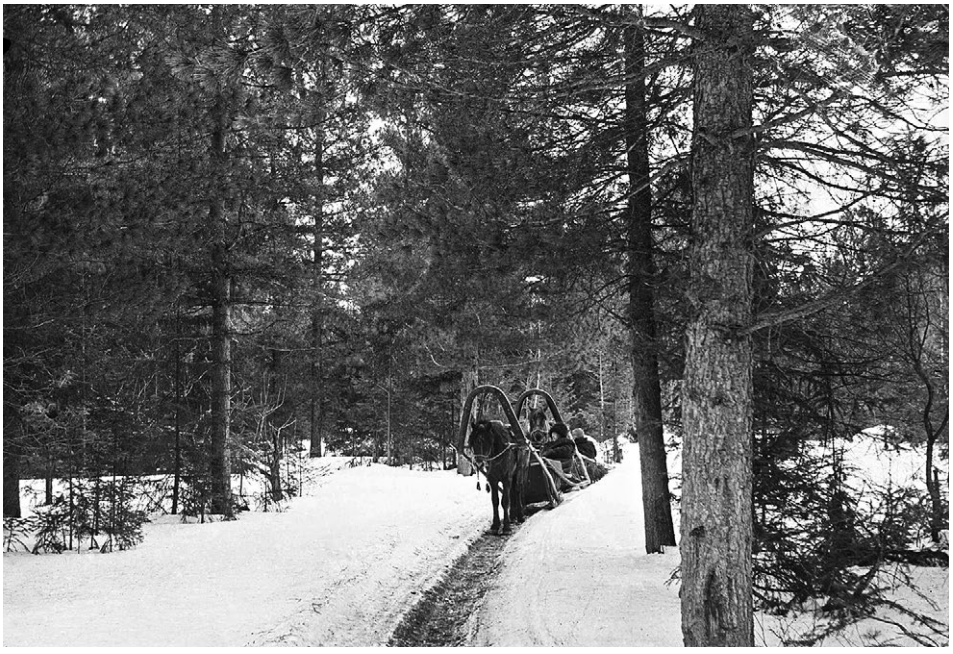
Если вспомнить, что Ангара еще в XVIII веке была главной транспортной артерией до Байкала, то на примере этого больше не практикуемого, но в памяти славных сельчан верно хранимого обычая можно заключить, с какой приятностью господа в былое время обставляли путешествие.

Со временем развились различные формы земских квартир. Пока еще используются тракты, жив и постоялый двор, каким его по старым описаниям, вероятно, знает каждый читатель. В стороне от основных дорог, однако, надлежащее гостеприимство урегулировано таким образом, что примерно каждому крестьянину в течение недели приходится привечать у себя приезжих путешественников. Но на часто посещаемых пунктах было и так, что тот или иной добровольно и на длительный срок брал на себя размещение гостей. Если и не было твердого тарифа, прейскуранта блюд или подобной гарантии вознаграждения со стороны гостя, то у хозяина не было расходов на размещение,

[3] В оригинале текста приведено русское словосочетание, написанное латиницей (*Semskij Kwartier*).

[4] В оригинале текста приведено русское слово, написанное латиницей (*Dessjatnik*).

Крестьянки за жатвой. 1920-е гг. Фотограф А. В. Кудрявцев. *ККМ*



Зимняя дорога в кемчугской тайге. 1907 г. Фотограф Л. Ю. Вонаго. *ККМ*

заблаговременную подготовку и обслуживание. Свою постель при себе имеет каждый путешественник, который думает, что не сможет спать без таковой. Ставить самовар умеют даже маленькие дети, а для кормежки предлагается то, чем богата кладовая. Так что любое денежное вознаграждение от уезжающего представляет собой чистый доход.

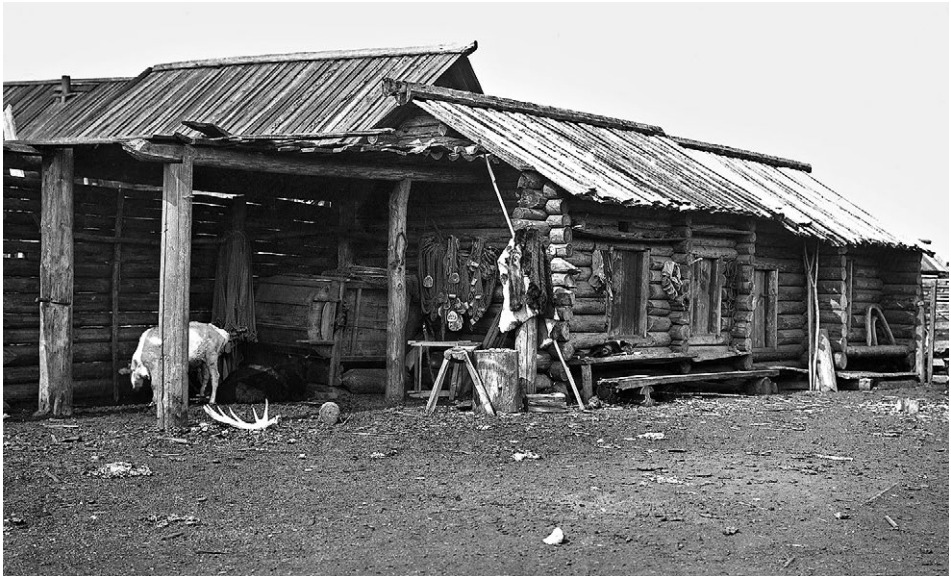
Совершенно патриархальным остается гостеприимство в отдаленных деревнях. Глава общины принимает на себя почетную обязанность давать приют редкому путешественнику или советует ему на усмотрение другой зажиточный дом. Когда мы прибыли в Лепешкину и спросили первого крестьянина, который сидел на завалинке, о революционном комитете — так тогда назывались органы местного самоуправления, — то сначала он осведомился, что мы там ищем. Когда он услышал, что мы хотим, чтобы нам предоставили жилье, то нашел такую церемонность в высшей степени излишней.

— Идите ко мне или в первый дом, который вам больше понравится. И пусть только тот, к кому вы войдете, посмеет вас не принять.

Когда мы приезжали в какое-нибудь место и задерживались перед ревкомом, обычно появлялся обыватель, который непринужденно и бойко расспрашивал о цели нашей поездки. Одновременно он пробегал глазами шапки, платья и багаж на предмет нашей партийной принадлежности. Когда он узнавал, что мы не взыскиваем продналоги, не производим реквизиции, не записываем поголовье скота, не проводим агитационное собрание и даже не являемся организованными коммунистами, тогда его суетливость, в зависимости от темперамента, переходила в изумление или доброжелательность или, если он сам был партийцем, что, впрочем, в деревне встречалось редко, в покровительственное отношение или недоверчивость. Когда затем ситуация в достаточной мере прояснялась, то он показывал нам дом. Само собой разумеется, наш доброжелатель направлял нас туда, где мы имели шансы на хороший прием, и что партийцы посылали нас к крестьянину, которому они хотели подложить свинью. Во всяком случае, хозяин более или менее ловко заверял, что наши связи с коммунистической партией были не более тесными, чем его собственные, и тем самым заключался мир. Появлялся самовар, крестьянка извинялась, что чай состоял только из моркови или лесных трав и что не было сахара, и выставляла на стол то, что она сию минуту могла или хотела предложить. Неизменно присутствовали молоко и хлеб, точно так же в наличии имелись огурцы, лук и разновидность дикого чеснока. Мясо встречалось редко, но однажды нас угостили превосходной окрошкой[5],

[5] В оригинале текста приведено искаженное русское слово, написанное латиницей (*Akroschka*).

Крестьянин за сохой-рогалюхой, деревня Гавриловская Пинчугской волости. 1908 г. Фотограф Н. В. Благовещенский. *ККМ*



Амбар в деревне Кондратьевой на реке Чуне. 1916 г. *ККМ*

холодным супом из кваса с кусочками мяса, крутыми яйцами и овощами. Некоторые читатели наверняка с сомнением покачают головой насчет таких композиций. Но могу заверить, что это блюдо было в высшей степени вкусно, и я сожалею лишь о том, что не мог вкушать его чаще. Зато мы вновь и вновь с истинным наслаждением погружались в изысканный вкус редьки со сметаной и вообще приобрели убеждение, что прославленным нектаром богов могло было бы быть не что иное, как сметана[6], то есть кислые сливки. Чаепитие у русских сопровождается неизменным ритуалом. Когда ты выпил примерно пять стаканов чая вместе с основательной закуской, то слегка отодвигаешь от себя пустой стакан и говоришь «спасибо[7]», «благодарю». Хозяйка дома, которая не хочет казаться скупой, заранее нарезает приличную гору хлеба и затем кладет ковригу вместе с ножом на край стола. И говорит как само собой разумеющееся:

— Да что Вы, Вы же еще ничего не ели, берите, берите. — После чего со спокойной совестью можно употребить еще один или два стакана и учитывать то, что хлебный нож, если потребуется, снова пустят в ход. А если гостю уже действительно достаточно, то он переворачивает стакан и кладет сверху кусочек сахара — тонкость, от которой мы,

[6] В оригинале текста приведено русское слово, написанное латиницей (*Smetana*).
[7] В оригинале текста приведено русское слово, написанное латиницей (*spassibo*).

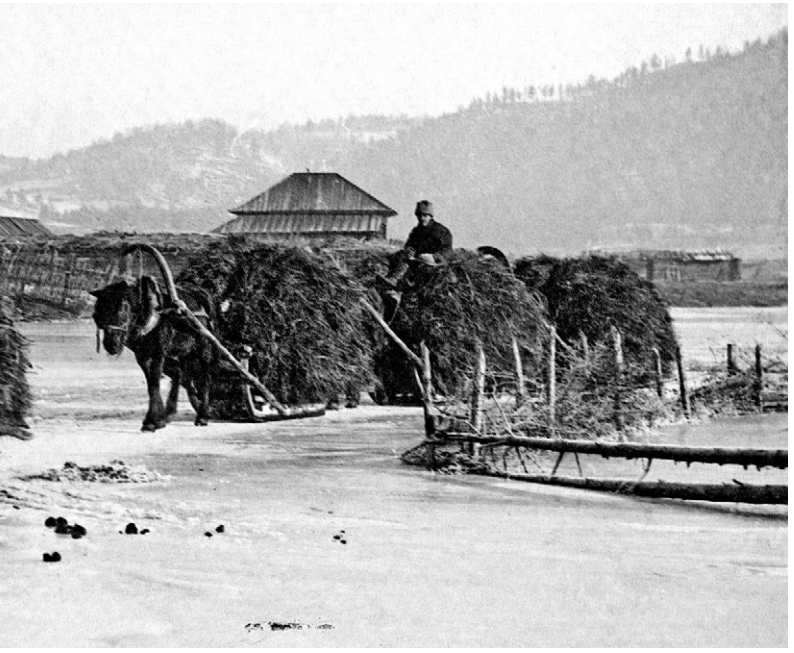
правда, с полным основанием должны были отказаться. Так как хоть я часто слышал от входящих приветствие «сахар к Вашему чаю», но это приветствие из лучших времен мало помогало при полном отсутствии сахарина. Если приглашенный к обеду гость — русский и никоим образом не считает седьмой стакан чая рекордом или если он изголодавшийся горожанин с неподдающейся учету вместимостью желудка, он может попытаться повторить церемонию отодвинутого стакана еще раз. Если хозяйка посчитает, что с него хватит, то она принимает благодарность, что может все-таки расцениваться как катастрофа. Обычно она говорит:

— Ну выпейте же еще стаканчик.

Но если ты, о путник в той стране, услышишь крылатые слова:

— Почему Вы так мало едите, ешьте, пожалуйста, досыта. Здесь еще много всего, — тогда, только тогда ты можешь есть до тех пор, пока твои чресла не заболят, и пить, пока в колодце есть вода для самовара.

Когда Георгий Петрович и я вспоминали о светлых гастрономических моментах нашей экспедиции, то никогда не забывали упомянуть людей из Лепешкиной. Вопреки дружескому приглашению упомянутого крестьянина, мы действовали там в служебном порядке через ревком и были направлены в один из самых маленьких домов этого маленького местечка. Все подворье — избушка, конюшня и сарай вместе с двором в центре — было немногим больше иной солидной



Перевозка сена. 1920 г. *ККККМ*

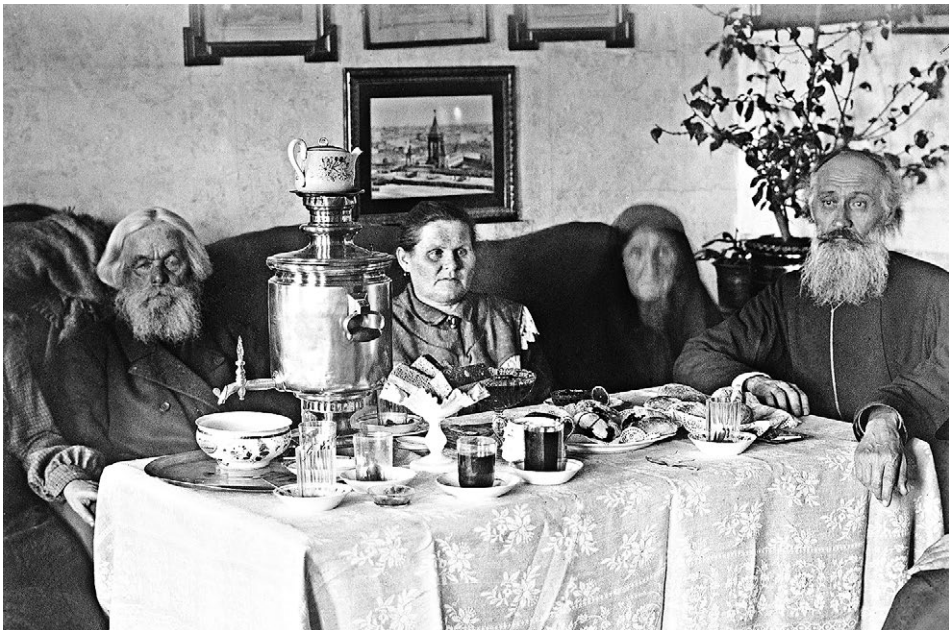
избы. Уже по внешнему виду можно было распознать, что избушка имеет в лучшем случае два помещения, кухню и комнатку. Так что мы постучались, не питая особых иллюзий; первое, что узрели наши глаза в красном углу горницы, был весьма скромный стол, около которого друг подле друга теснились пять человек. Мать как раз подавала на стол. Георгий Петрович довольно неуверенно пробормотал перед лицом многочисленного собственного состава избушки, что нас сюда послали, мы путешественники.

— Ну так садитесь сюда, — пригласил один из трех крепких малых, — вы вовремя пожаловали, можете присоединиться к трапезе.

Таким образом, за столом сидело восемь ртов, из которых только один принадлежал девочке-подростку, а другие можно было смело считать совершенно «полноценными». Но спустя пять минут мы уже чувствовали себя старыми знакомыми, которые, быть может, довольно долго не виделись. Хозяина дома не было, он отправлял извозную повинность, старший из парней оказался мужем одной из дочерей и еще не смог построить собственной избы, а другие были ее братья и сестры. Все довольны друг другом и жизнерадостны, как если бы они сидели каждый на собственном богатом дворе, а не за единственным узким столом и перед одной миской, которая, конечно, не была рассчитана на прибавление еще двух едоков. Делились честно, и никто не ускорял темп, чтобы почаще погружать свою ложку в тазик. Затем мать поставила на стол самовар и исчезла в кладовой. Когда она снова показалась, то, как копье, держала в руке длинный шест, палку, при виде которой взгляд Георгия Петровича окончательно потеплел, так как на ней висело много-много аккуратно нанизанных кренделей, хрустящих, больших, крученых по всем правилам искусства, в диаметре около двадцати сантиметров. Мало того что наша замечательная хозяйка стянула с шеста на стол где-то полторы дюжины этих ценных колец, она также извлекла на свет божий еще большую тарелку сметаны и пригласила угощаться сколько угодно. Я исключаю то, что эта семья с таким размахом питалась каждый день. В любом случае сегодня они ели с энтузиазмом, неизменно поощряя нас ликвидировать остатки голода. Как следствие, бубликовое копье вынесли еще раз.

Но наконец у нас наступило состояние, которое воспрещало дальнейшие чревоугодные подвиги, и наступил момент ответного угощения. Ибо каждый присутствующий мужчина вытащил кисет, а я был уверен, что эти заядлые курильщики — как и почти все русские — в лучшем случае имеют в распоряжении несколько частиц общинного архива, возможно, фрагмент упаковочной бумаги, а скорее всего, вообще никакой бумаги. Если уж мы, горожане, после уничтожения всех доступных копировальных книг перешли на легкую писчую бумагу

Крестьянская семья. Начало XX в. *ККМ*



За чаепитием в Канске. 1905 г. Фотограф Г. М. Ковтунов. *ККМ*

и подобные сорта. Итак, с выражением лица человека, который уверен в своем успехе, я вытащил некоторое количество бумажных листков, которые продавались в пакетах со штампом «Туалет» (когда-то прежде, давным-давно) и сначала раздал каждому парню по листку. С этого момента добрые люди совершенно явно чувствовали себя если не нашими должниками, то по меньшей мере обязанными сделать наше пребывание в их доме как можно более приятным.

Ну, к ночи это не относится. То, что нам предложили постель, это ясно. Но в кровать не лег бы даже Георгий Петрович, который все же придавал большое значение крыше над головой и по возможности мягкой подстилке, потому что и на голой земле было довольно трудно защитить свой сон против лютого штурма прыгающих эскадронов. Так что мы с благодарностью отказались от постели. Как во многих избах более бедных людей, так и здесь была одна-единственная кровать, которая, после тщетных попыток предложить ее нам, была предоставлена молодой чете. Для всех остальных мать расстелила дохи и одеяла на полу комнаты. Такое оборудование годится не только для лета; зимой оно разве что перемещается в более теплые пределы, на полати, пристроенные примерно на три четверти метра под потолком. Там вся семья заворачивается в имеющиеся в распоряжении покровы и тесно сдвигается. Ну а деду разрешается занять самое замечательное из всех спальных мест — на натопленной печи.

Я лишь в случае необходимости спал в комнате, когда снаружи шел дождь и было слишком темно, чтобы искать еще одно сухое пристанище. Иначе я давно перестал бы искать ночной отдых в привычных местах. И хотел бы посоветовать другим неопытным при всех обстоятельствах выбирать в качестве ночлега пристройки амбаров, телеги, крыши сараев, приставные лестницы и, конечно, лужайки. Но если я был вынужден ночевать в закрытом помещении, то тщательно завертывался в свою бурку, как закручивают сигару в ее обертку. В итоге свободный краешек приходился на лицо, и хотя я, укутанный таким образом, едва дышал, но зато мог посмеяться над всеми блохами. Им требовалось обычно до четырех часов, прежде чем проникали самые ловкие из них. Под открытым небом оболочка оставалась такой же, но снаружи было несколько прохладнее, да и комары имели приятное обыкновение исчезать с течением ночи. А живущих на воле блох в Сибири, кажется, нет.

Я не намереваюсь здесь всесторонне распространяться о каждом паразите. Ясно, что чудовищное распространение сыпного тифа теснейшим образом связано с вездесущестью вшей. На профилактику или немедленное истребление этих отвратительнейших и опаснейших паразитов должно быть, соответственно, направлено особое внимание.

Семья за чаепитием. 1905–1910 гг. *ККМ*

Крестьянская семья в селе Есаулово. 1928 г. Фотограф Б. И. Шангин. *ККМ*

По сравнению с этим все иные мелкие преследования представляются спортом, даже если они приобретают масштаб побоища. Так, например, в одном доме в Бузуновой[8] необходимый для сна покой был достигнут тем, что в герметически закрытую комнату принесли железную корзинку с дымящимся навозом. Только когда вонь стала такой сильной, что вообще возможно было дышать только на земле, источник покоя вынесли и удовлетворенно легли спать ниже уровня чада.

Но было бы заблуждением заключить из сказанного, что сибиряки не имеют понятия о чистоте. В большинстве домов, которые я видел, было выметено и вычищено так же добросовестно, как и у нас. Кто захочет подвергнуть сомнению телесную чистоплотность русских крестьян, тому нужно лишь один-единственный раз проехать мимо деревни в субботний вечер, чтобы никогда не забыть бесчисленные столбы дыма, которые в этот день поднимаются не из печных труб, а из дымовых труб маленьких избушек, то есть из банных домиков, которые имеются в каждом не слишком маленьком дворе. В течение недели, правда, на мытье тратится немного времени и усилий. Старого чайника, подвешенного где-нибудь в передней на бечевке, хватает на всю семью. Об умывальном тазе не имеют понятия. Правда, как-то раз одна крестьянка с некоторой гордостью сообщила мне, что ее муж со времени своего возвращения из немецкого плена ввел использование умывальника, зато другой хозяин выразил мне свое неудовольствие против этого приспособления словами:

— Если для умывания использовать таз, то ведь моешься в собственной грязи.

Проточная вода для русского — обязательное условие для каждого омовения, и лучше он раз за разом будет плевать на руки и так чистить лицо, чем ту же самую воду дважды нанесет на кожу. Соответственно этому, купание также состоит сначала из известного потогонного лечения и затем из бессчетных обливаний водой, то горячих, как кипяток, то холодных, как лед.

Только взгляните на славного Тимофея Европеича, когда он, красный, как рак, заливаемый тысячами ручейков пота, ревет из бани на жену, дочь или обслугу, чтобы его секли веником из березовых веток с листвой. Совершенно удовлетворенный, он переваливается на мокрой деревянной скамье и заботливо следит за тем, чтобы ни один участок его кожи при этой гигиенической порке не остался обойденным. Вскоре после этого слышны сильный шум, журчание, плеск

[8] *Бузуново* — одно из старинных поселений на территории совр. Краснотуранского района, возникло в 1780 г. как казачья станица. См.: Энциклопедия Красноярского края. Юг. Красноярск: Буква С, 2008. С. 360.

Крестьянская старожильческая семья в деревне Енисейка Канского уезда. 1911 г. *ККМ*

Крестьянское подворье в сибирской деревне. 1920-е гг. *ККМ*

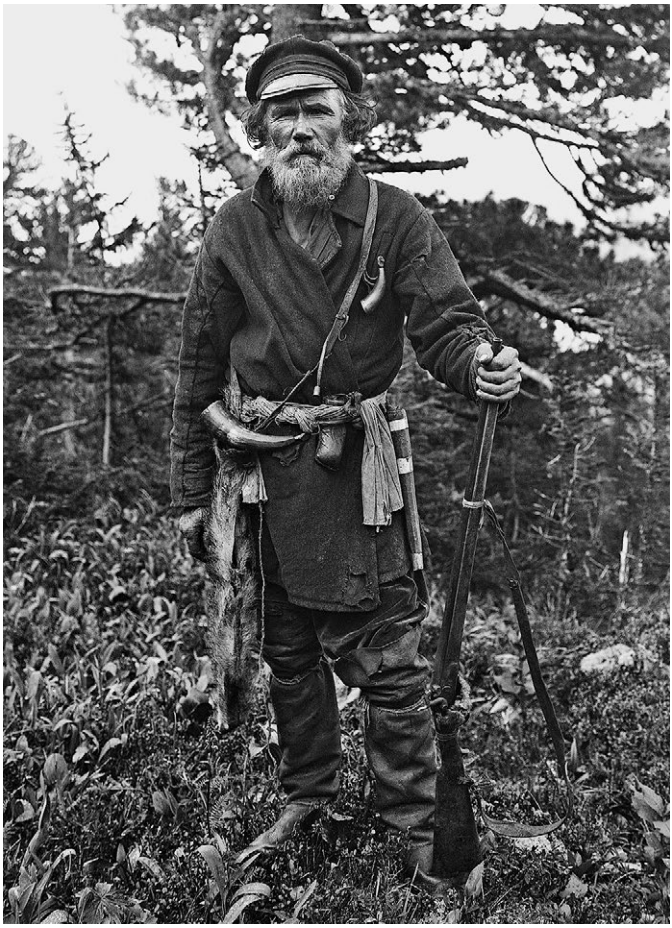
и стекание воды и громкий клич о квасе. Это значит: бравый старик приземлился на скамейку перед банным домиком. И так он сидит там, все еще розовый, как поросенок, и крайне легко одетый, пьет свой холодный квас, дымит цигаркой и уж точно не считает необходимым слушаться советов какого-нибудь пришлого из так называемой культурной страны насчет чистоплотности и личной гигиены. А внутри всё новые и новые кадки воды льют на сложенные над печью раскаленные булыжники, льют до тех пор, пока кипящий пар не выступит изо всех щелей, наполняют все возможные чаны и емкости, которые Тимофей опрокинул на свою белую кожу, и купание продолжается.

Однако вернемся в маленькую избу в Лепешкиной. Георгий Петрович и я провели следующую половину дня за обследованием дюн и намеревались во второй половине дня снова спустить нашу лодку на воду. Об этом не могло быть и речи. Шел дождь; сенокос были вынуждены прервать, и все остались дома. Но это случилось очень кстати, полагали наши друзья, нам так и так нужно было латать обувь, а вы могли бы нам при этом что-нибудь рассказать. Кроме того, мать завтра утром собиралась печь калачи[9], которых мы обязательно должны отведать. Это были, наверное, самые радушные из всех радушных хозяев, которых мы когда-либо встречали, и мы еще день братски потолкались вокруг узкого столика, воздали должное кулинарному мастерству матери семейства и лишь из чувства долга выбрались еще раз на открытый воздух, чтобы, невзирая на дождь, немного поработать. Этому, по сути, задержавшему нас гостеприимству тех людей мы обязаны тем, что сделали поразительное открытие еще одной стоянки периода охотников на мамонтов и вечером упаковали несколько превосходных находок. Подарком при случае старой газетной бумаги мы привели наших друзей в поистине радостное упоение.

Калачи были превосходны, начиненные творогом и репой и выпеченные из лучшей просеянной пшеничной муки, совершенно роскошны по нашим понятиям. Понятно, что в нашу лодку мы погрузились почти с грустью и сердечнейшим образом распрощались. И были прямо-таки растроганы, когда в полдень открыли тяжелый мешок с находками и вместе с неприкосновенным провиантом в виде огурцов нашли тайком уложенные к вещам все калачи, которые не съели утром.

Наверное, стоит вспомнить, что Великая война для России принесла всеобщий запрет на продажу спиртных напитков, вернее сказать, запрет на водку, плоды которого пленные ценили тем паче, когда какой-нибудь напившийся солдат или, еще чаще, офицер время от времени наглядно демонстрировал им, как могло бы быть, если бы водка

[9] В оригинале текста приведено русское слово, написанное латиницей (*Kalatschi*).



Крестьянин-охотник из деревни Означенной. 1913 г. *ККККМ*

по старому обычаю лилась и дальше рекой. Первоначально рвение в борьбе с водкой зашло так далеко, что изымали даже те аппараты, которые служили аборигенам для изготовления их безобидной молочной водки. Но тогда забыли или пренебрегли тем, что этот мягкий пьянящий напиток на некоторых праздниках играет почти ритуальную роль, и беспощадные конфискации всех досягаемых домашних виноделен привели к волнениям и небольшим бунтам, так что пришлось ввести более либеральное исполнение предписаний. Тогда как крестьяне, по всей вероятности, так же хорошо, как и в период монопольной торговли, умели прятать свои личные водочные заводы. Во всяком случае, в ходе нашего путешествия мы могли видеть, что самогонка[10], самодельная водка, ни в коем случае не вымерла, и в то время, когда

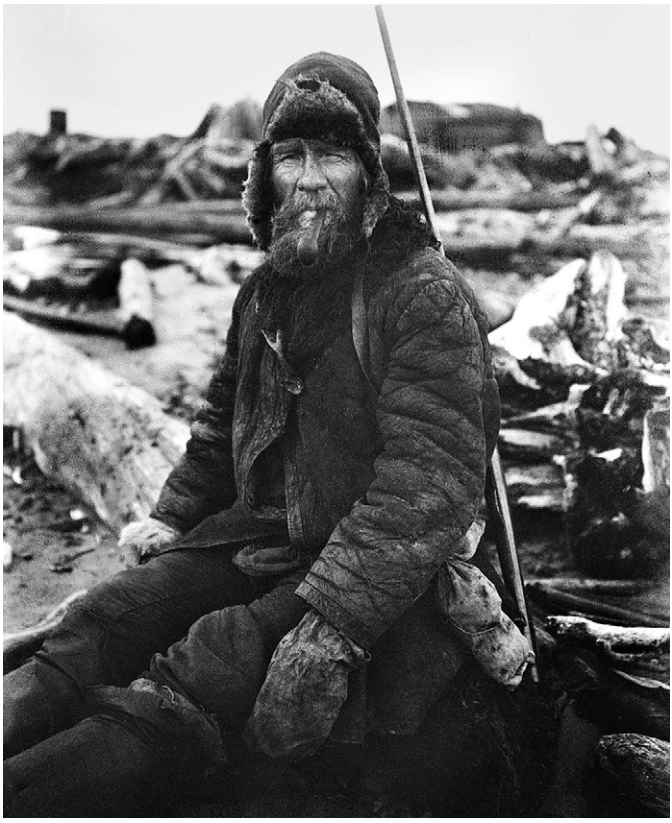
[10] В оригинале текста приведено русское слово, написанное латиницей (*Samogonka*).

вожделенными напитками в городских кабаках служили спирт для препаратов, некоторые автомобильные горючие вещества или даже одеколон, крестьянин добывал свой хмелек из собственной винокурни. Чем дальше на периферии находилась деревня, то есть вне надзора строгих партийцев, тем беззастенчивее там напивались допьяна. Тот, кто нас приютил в Означенной, во время нашего прибытия находился на своей заимке[11], хуторе, на полевых работах и вернулся только на следующий день. Но как приехал этот крепкий старик! Его двор располагался на пересечении ведущей с горы к реке улицы и объездной дороги, а ворота выходили на соседнюю улицу. Сильно раскачиваясь, что неизбежно для ехавшей таким образом с горы телеги, показалась повозка поющих и орущих мужичков и бабенок, совершенно неуправляемая. Сначала они промчались под громкий хохот прямо вниз по улице к реке. Избавленные от ванны, вероятно, здравомыслием коня, после непродолжительных кружений они снова поднялись вверх по горе. Благодаря медленной езде в этот раз им удалось повернуть, но по необъяснимым причинам это получилось в неверную сторону. Когда телега наконец достигла уже давно открытого настежь въезда во двор, она застряла в стойке ворот, и папаша опал, как спелое яблоко. Что не помешало ему устроить изрядную головомойку работнику. Из телеги извлекли несколько крайне веселых субъектов, среди них — беспрестанно хихикающую бабульку, которую заботливо отвели в кровать. Сам папаша протащился вверх по лестнице и после нескольких неудачных попыток взобрался на печь. Под неотступной угрозой тяжелого падения он наверху избавился от сапог, пояса с лесным ножом и робы, которые полетели вниз, а затем погрузился в сон с храпом. Но последним человеком, который, пошатываясь, сошел с телеги, был милиционер, находящийся на государственной службе представитель красного террора. Неожиданный взгляд чужака его, очевидно, смутил, но он взял себя в руки и доложил с руками по шву брюк: «И правда, мы немного выпили, но, товарищ, просто было ужасно жарко!» А папаша, когда протрезвел, выразил сожаление, что мы приехали только тогда, когда вся самогонка уже закончилась.

Из этого моментального снимка видно, что новый мировой порядок еще не укоренился у подножия Саян.

Сильнее ощущалось новое время в казачьих станицах. С избытком обеспеченные лучшей землей, наделенные всевозможными привилегиями и живущие с младых ногтей среди оружия, к своему простодушному крестьянскому виду казаки также добавили достаточную дозу надменности. И многовековое применение всевозможной плеточной

[11] В оригинале текста приведено русское слово, написанное латиницей (*Saimka*).



Охотник-сибиряк. 1925 г. Фотограф П. В. Тюрин. *ККМ*

и кровавой работы, конечно, не прошло для них бесследно. Ничто, мне кажется, не может характеризовать двойственности русской сути, чем факт, что те же самые люди, которые с явным наслаждением избивали сотни беззащитных пленных, которые гнали сломя голову большие партии пленных советских рабочих, чтобы, скача на лошадях по скомканному, сталкивающемуся, орущему людскому клубку и молотя без разбора кнутами, прогнать их через тесные лагерные или тюремные ворота, те самые люди, которые на наших глазах убивали осужденных пикой и саблей, рубили на куски и топтали копытами, в своих деревнях и домах были самыми прилежными крестьянами, нежнейшими отцами и любезнейшими хозяевами.

По общему раскладу при царизме казакам жилось лучше. Сделать их революционерами было непросто и стоило обеим сторонам тяжких жертв. Но рискну предположить, что они с полным удовлетворением стали бы служить новому государству, если бы только им предоставили подобное привилегированное положение, каковое они сохраняли за собой в старом государстве. Возражение, что в коммунистическом

государстве быть привилегированным как раз не разрешалось, теоретически верно. Но только чисто теоретически!

Пока казаки с грехом пополам мирились с таким положением вещей. Когда, например, один из полков, Аргунский, возвращался с войны домой после долгой поездки через уже большевистскую Россию и Сибирь и его дальневосточная родина оказалась в руках реакционного атамана Семенова[12], он тотчас согласился на предложения красных войск, взялся за предложенное оружие и бок о бок с красными отбросил пользующихся дурной славой кондотьеров за китайскую границу. Чтобы в день после завоевания своей станции снабжения Даурии вскинуть на плечо свои чемоданчики и затеряться в деревнях. Пусть красные вчерашние товарищи по борьбе дальше справляются в одиночку!

Впрочем, казачьи деревни не всегда мирно уживаются с крестьянскими деревнями. В одной из станиц жена председателя ревкома, под современным титулом которого правил не кто иной, как прежний атаман, поведала, что крестьяне во время Гражданской войны с яростью обрушивались на казачьи села, чтобы мародерствовать и воровать. И сейчас она знает наверняка, где искать свою мебель и шубу, но не может ничего сделать для их возврата. А в одной из ближайших деревень крестьяне жаловались мне, что казаки использовали Гражданскую войну для всякого рода грабежа, насилия и мщения.

В действительности обе партии в эти времена совершенной дикости нельзя слишком винить. Восставшие крестьяне на севере у Канска оставили голые трупы павших врагов замерзать по стойке «смирно», прибили им гвоздями погоны к плечам и выставили их в подходящем месте, где, как ожидалось, их обнаружат их сторонники. Казаки, в свою очередь, с истинной яростью убивали тех, кто попадал или был передан в их руки.

Однажды мы ночевали в деревне Потрошилово[13], недалеко от впадения Тубы в Енисей. Совершенно случайно речь зашла о военнопленных, которые раньше работали здесь, и я узнал историю, которая побудила меня провести расследование. Вот его итог!

Их было трое, два венгра и немец, они отчасти выполняли крестьянскую работу, отчасти, и это касалось главным образом немца, были

[12] *Семенов Григорий Михайлович* (1896–1946), атаман, видный деятель Белого движения в Забайкалье и на Дальнем Востоке, принимал активное участие в борьбе против советской власти в Сибири. См.: *Парфенов П. С. (Петр Алтайский).* Гражданская война в Сибири. 1918–1920 / Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Гос. изд-во, 1924. 168 с.

[13] Село Потрошилово входило в состав Минусинского района. В 1,5 км к юго-востоку от села находился могильник андроновской культуры. В связи с затоплением водами Красноярского водохранилища село было снято с административно-территориального учета. См.: Энциклопедия Красноярского края. Юг. Красноярск: Буква С, 2008. С. 74, 454.

Казаки в Урянхае. 1918 г. *ККМ*

Казаки. Конец XIX — начало XX в. *ККМ*

просто приняты на постой в семью. Не похоже, чтобы деревня принимала особенное участие в первом перевороте 1917 года. Во время реакции адмирала Колчака местечко все же было оккупировано казаками. Как раз когда они вошли, один из венгров бродил по сельской улице, говоря по правде, не совсем трезвым. Казачий офицер потребовал объяснить отказ его приветствовать и быстро по-казачьи объяснил, кто сейчас здесь хозяин. Венгра рассердил этот тон, и он дал понять, что когда он носил оружие, то ни перед кем из агрессоров не испытывал страха. И избивать безоружного не делает чести.

Мужчина был арестован.

— Вскоре после этого, — рассказала мне сквозь поток слез крестьянка, у которой жил немец, — тайком в дом пришел другой венгр и сообщил, что казаки выслеживают друзей арестованного. И уже тогда он сказал, что это не окончится ничем хорошим, если Карли не убежит с ним. Но им не удалось выйти из деревни. Поэтому Карли вернулся к ним и остался дома. Едва рассвело, здесь уже были казаки, забрали его и вместе с его товарищами прямо на улице расстреляли.

Едва ли немногими словами можно было выдвинуть более ужасное обвинение. Женщина еще и сейчас, месяцы спустя после преступления, пребывала в безудержной скорби.

— Он был таким молодым и таким неиспорченным, кровь с молоком. Нам всем он очень нравился. Дети играючи учились у него читать и писать, и ко мне он обращался не иначе, как «матушка».

Есть ли у нее еще вещи бедного парня, прежде всего письма?

— Ни листочка. Как только его расстреляли, пришли казаки и потребовали его имущество. Что им понравилось, они взяли с собой, а остальное сожгли в печи.

Но как его все-таки звали?

Ах, каждый звал его Карли. Никогда не обращались по отчеству. А его фамилии она вообще не знала, а ее супруг забыл.

— Это было такое трудное имя, — добавила она, извиняясь. — Мы хотели написать его на кресте, когда похоронили Карли вместе с его товарищами, каждого в его собственной могиле, на нашем кладбище, но только не смогли его найти.

Я постарался выяснить потом в ревкоме имена трех убитых. Ведь должны были остаться какие-нибудь записи о том, что за военнопленные здесь работали.

Ничего. В канцелярии сделали озадаченный вид, так как это все же имело отношение к революции, но в то же время и палец об палец не ударили, когда вершилось то, что как две капли воды походило на подлое убийство.

— Но, товарищ, Вы и сами понимаете, что мы должны были делать?

Я ушел, вышел из пустой комнаты с ее шкафом для деловых бумаг, ее грубым столом и неуклюжими скамьями у всех стен, вышел под золото солнца и направился в мучительных раздумьях к кладбищу, чтобы искать три могилы, в которых покоились безымянные.

— Пропали без вести!

Как часто меня спрашивали в деревнях и избах о стране, городе, лагере на родине, о месте, откуда приходили или пришли письма пленных. Вот на скамье у печи сидит старушка и качает колыбель, которая в тех краях подвешивается на пружинящий деревянный шест.

— Скажите, господин, может быть так, что мой сын еще жив? Два года назад он еще писал из Германии. А теперь так долго ничего нет. — Я утешил старуху. Ведь я тоже уже много лет не получал ни слова с родины.

— Так и Ваша матушка, как и я, сидит сейчас и не знает, жив ли еще ее сын. Подойди, батюшка, я поделюсь с тобой тем, что у меня есть, бог даст, мой сын тоже встретит добрых людей.

В другой раз мы стояли перед сельской канцелярией и ждали, когда перепрягут лошадей. Собралось несколько праздных зевак, и скоро во мне признали пленного. Так, так, из Австрии. Откуда точнее?

Наверное, край им неизвестен, он называется Форарльберг. Почему нет? Это земля между Швейцарией и Тиролем.

— Вы славные малые, австрийцы, — нападал один вопрошающий. — Посылаете ваших пленных на фронт строить окопы, эх, разве это порядок? Так я тебе скажу. Я знаю этот Тироль. И некоторые из наших могли бы об этом порассказать. А другие мертвы, поражены итальянскими гранатами. А ты разъезжаешь тут у нас, тебе это, наверное, нравится?

Я нашел ситуацию не очень приятной. Но я вновь забыл о добродушии русских, которые свои атаки завершили приглашением на чай.

— Ты ведь здесь, а не там, так что ничего об этом не знаешь. — И целый хор, который, как мне казалось, собирался избить меня по первому требованию, одобрительно закивал этому аргументу. Да, один даже обещал, что найдется бутылочка самогонки, «чтобы поболтать подольше».

Можно понять, почему многие пленные в русских деревнях чувствуют себя исключительно хорошо. Разумеется, трагедия, как в Потрошилово, ни в коем случае не единична, но по сравнению с тысячами, которые в деревнях обретали порой действительно уютную жизнь, число тех, кто трагически погиб, все же не так значительно.

В соответствии с этим военнопленные приняли большое участие в великой волне беженцев, отбившихся от своей части солдат, переселенцев, искателей земель и иных бездомных, которые хлынули

по стране. С особенным неудовольствием глядели казаки на таких новоприбывших, так как именно на это была нацелена политика новых властей — отхватить части из внушительного землевладения этих издавна пользующихся привилегиями сословий и заселить чуждым элементом. При этом получались весьма гротескные явления. Так, в одной станице мы встретили новосела, который за короткое время дорос до второго председателя в ревкоме. С первым председателем, которым и здесь являлся не кто иной, как прежний атаман, он общался в тоне высокомерной фамильярности. Он постоянно изрекал изящнейшие перлы демагогической фразеологии и с самого начала принимал нас, прибывших из города, за людей, с которыми можно разумно поговорить. Если атаман носил опрятный мундир, разумеется, без знаков отличия, то наш покровитель находил отраду в подчеркнуто толстовском наряде, но ни в коем случае не забывал упомянуть, что он ни больше не меньше, как петербуржец, который здесь, с одной стороны, своим честным трудом зарабатывает содержание для своей большой семьи, а с другой — выполняет важную задачу и блюдет революционную совесть места. Во исполнение такого долга он вновь и вновь обращался к своему коллеге «товарищ президент» и объяснял, какое это счастье для того — иметь у себя на службе такого проворного, наполненного коммунистическим духом помощника. Он безотлагательно пригласил нас переселиться из дома атамана в свой дом, вопреки революционному обычаю искренне пожал нам руки и ушел с осознанием того, что показал нам одного настоящего человека в нужном месте.

Начальник сначала несколько раз сглотнул, как каждый, кто хлебнул горького лекарства или чересчур крепкой водки, а потом рассказал нам так, между прочим, что его вице-президент прежде десять лет был полицейским, потом три года монтером и только недавно — строителем революции. Был 1920 год, мы по пальцам могли пересчитать, какие внутренние мотивы привели этого бывшего блюстителя порядка из Петрограда на Енисей, от сабли к плугу. Впрочем, атаман посоветовал принять приглашение в тот дом. Он, вероятно, нашел вполне уместным перераспределение тягот в этом отношении.

В другом месте я встретил группу военнопленных, которые под руководством одного инженера обеспечивали себе приличное существование производством спичек. В самом Минусинске я был в гостях у человека, немца из Богемии, объединившего двух итальянцев и одного скандинава в школу Берлица[14], и сумел разъяснить славным минусинцам

[14] Школы иностранных языков, носящие имя их основателя — педагога, профессора Максимилиана Берлица.

важность изучения итальянского в расчете на дальнейшие торговые связи.

В Абакане один человек одолжил мне свою верховую лошадь с поручением сдать ее в конкретном доме в Минусинске, где я смог увидеть собственными глазами, как один галицийский еврей превратился в состоятельного крестьянина.

Одного особенного умельца жить я встретил на Тубе. Он жил в Красноярске у русского портного и перебивался жестянщиком, пока не наступили голодные времена. Семейный совет, состоящий из супруги портного и — так уж вышло... обоих ее мужей, принял решение переселиться в деревню. Упаковали то, что имело меновую ценность, отыскали место, которое располагалось не слишком близко к военным дорогам, свой товар снова и снова пускали в оборот и после беглого завершения этих вообще-то запрещенных сделок располагали достаточным продовольствием, чтобы вернуться к собственным профессиям. Хотя портной работал, если заказчик поставлял какой-нибудь материал. Мой друг-жестянщик, напротив, мог после заявления о своем желании работать и о своей профессии спокойно бездельничать, так как не существовало ни малейшей угрозы, что кто-нибудь нагрянет к нему с листом жести. Если бы даже такой неожиданный случай произошел, то нарушитель покоя ушел бы несолоно хлебавши, так как у жестянщика не было ни одного инструмента. Именно инструмент несчастный был вынужден обменять, чтобы отрясти городской прах с ног своих.

Во время, когда в городе прежние штабные офицеры, юристы и учителя гимназий исполняли работу дворников, мели мастерские или даже опорожняли тонны нечистот, чтобы не умереть с голоду, наш жестянщик, хозяин двух коров и добрых 20 пудов муки, пребывал в сладостном безделье. И все-таки и этот человек не был лишен чувства локтя. Потому что когда он услышал от одного из бывших товарищей по лагерю, что дела у того идут довольно плохо, он тотчас позвал его и пригласил разделить наслаждение своими богатствами. И только потому, что безделье вдвоем все-таки стало слишком вызывающим, оба взялись за заготовку и складирование дров для попов — все же не слишком чрезмерная работа за год для двух здоровых мужчин.

Глава восьмая

Новая зима

Когда последний из наших многочисленных извозчиков 8 сентября 1920 года выгрузил нас перед музеем в Красноярске, уже стояла осень. То есть по сибирскому календарю было уже непосредственно преддверие зимы.

Не считая экскурсий в ближайших окрестностях Красноярска, этим летом я провел в пути 92 дня. Мы вскрыли три кургана и три одиночные могилы[1], в одиночку за два дня раскопок я исследовал одну плавильню, вместе с Георгием Петровичем мы изучили одну железоделательную мастерскую[2]. Мой блокнот пестрел беспорядочными записями, набросками и заметками о наскальных рисунках, курганах, рудных шурфах и укреплениях. Благодаря блестящей предупредительности Василия Дмитриевича Кожанчикова[3] мне было позволено днями и часами рыться в сказочных сокровищах Мартьяновского музея в Минусинске, а более скромная коллекция в Енисейске в процессе переформирования предмет за предметом прошла через мои руки. Свыше 30 дюнных стоянок было осмотрено и по возможности исследовано, полдюжины местонахождений доказали отныне присутствие неизвестного доселе каменного века на юге губернии[4]. Несомненно, первое и самое устойчивое знание, которое я приобрел, была беспомощность перед обилием ценнейших древностей, рассеянных по целому краю на Енисее. Прославляемая во все времена

---

[1] *Merhart G.* 1) Beiträge zur Urgeschichte der Jenissei-Gubernie. Bericht über die Öffnung zweier Kurgane in der Abakansteppe // SMYA. 1923. T. XXXIV: 1. S. 2–46; 2) Beiträge II. Die Gruppe der Kurgane mit Platten-Einzelngrab // SMYA. 1924. T. XXXV: 2. S. 3–19.

[2] *Merhart G.* Ein Eisenschmelzofen am Jenissei // Eurasia Septentrionalis Antiqua. T. IV. 1929. S. 189–193.

[3] См. примеч. 4 на с. 82.

[4] *Merhart G.* 1) The palaeolithic period in Siberia: contributions to the prehistory of the Yenisei region // American Anthropologist. 1923. Vol. 25:1. Pp. 23–55; 2) Sibirien, B: Neolithikum // Reallexikon der Vorgeschichte. Berlin: Walter de Gruyter, 1928. Bd. 12. S. 57–70.

деятельность Мартьянова[5], аптекаря в Минусинске, обеспечила этот степной городок с едва ли тридцатью тысячами человек населения библиотекой, которой не могут похвастать и более крупные европейские города, более того — она создала музей, с которым ни один музей на Земле не может сравниться в том, что касается превосходной бронзы доисторической Сибири. Но это богатство еще едва ли было исследовано, никак систематически не использовано, давно переросло каталоги, с помощью которых Клеменц[6] и позже швед Мартин[7] пытались познакомить с ним. Енисейск мог вообще считаться неизученным, а из большого фонда моего собственного отдела в Красноярске до того, как тиф унес моего предшественника[8], была опубликована лишь самая малая часть. Все эти сокровища я видел, сотни, тысячи бронз лежали в моих руках, сотни каменных орудий, костяных предметов, тысячи черепков. И бесчисленны были незыблемые памятники древности, которые промелькнули перед моими глазами. Когда я рассматривал свой жалкий, от корки до корки исцарапанный каракулями блокнот, единственное, что я смог взять с собой в Европу из всего непостижимого богатства, то должен был признать, что это было смешное ничто по сравнению с задачами и проблемами, даже просто по сравнению с одними только массами материала, которые остались в прошлом.

И все-таки эта тонкая тетрадь таила заметки, которые были бы ценны для специалистов, ценны в силу мировой удаленности областей, о которых они повествуют, ценны из-за скудности существующих отчетов из той волшебной страны. Одно «но»! Их следовало должным образом обработать на месте, чтобы было возможным завершить на европейском письменном столе. Для этого нужны были, из-за недостатка фотографических пластин, зарисовки важнейших предметов, перепроверка при помощи собранного материала бессвязных

---

[5] *Мартьянов Николай Михайлович* (1844–1904), провизор, ботаник, общественный деятель, основатель музея в г. Минусинске (1877). См.: *Ермолаева Л. Н., Боярченко О. И.* Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова и его собрание // Мартьяновские краеведческие чтения (2010–2011). Сб. докл. и сооб. Вып. VII. Минусинск: Журналист, 2012. С. 19–21.

[6] См. примеч. 15 на с. 95.

[7] *Мартин Фредрик Роберт* (*Martin Fredrik Robert*) (1868–1933), шведский ученый, коллекционер произведений искусства, ориенталист. В 1890–1891 гг. совершил путешествие по Сибири, научные результаты которого опубликовал в работе „Sibirica“ (Stokholm, 1897). Кроме того, он издал альбом предметов бронзового века Минусинского края (L'age du Bronze au Musee de Minoussinsk. Stokholm, 1893). См.: Сибирская советская энциклопедия. Т. 3. Л–Н. Новосибирск: Зап.-Сиб. отд-е ОГИЗ, 1932. С. 307.

[8] Речь идет об Александре Петровиче Ермолаеве (1886–1919). К работе в музее А. П. Ермолаев приступил в 1919 г., однако, заразившись в феврале в Омске тифом, он проболел до 4 июня и скончался в Красноярске «от менингита как осложнения после тифа». См.: НА КККМ. Оп. 1. Д. 356. Л. 3-об. Отчет по Красноярскому городскому музею за 1919 г. Составлен директором музея А. Я. Тугариновым.

предварительных записей, дополнение из пока еще доступных фондов и, если будет возможно, изучение некоторых других музеев, прежде всего столичной России.

Когда я все это надлежащим образом уяснил и задумчиво сидел перед стопкой моих пакетов, ввалился мой товарищ с новостью, что эвакуация пленных скоро начнется. В направлении Владивостока — сначала старики и инвалиды, вслед за этим все остальные.

— Обследование инвалидов уже началось, я тебе уже сообщал, — закончил он свой волнующий доклад, — если ты не уедешь с первыми партиями, одному дьяволу ведомо, как оно пойдет дальше.

Я, должно быть, довольно тупо таращился на добряка, потому что он прямо-таки взывал ко мне:

— Дружище, неужели ты не понимаешь, домой, домой! Брось все к чертям собачьим, глупец, смотри, чтобы явился в лагерь и предстал перед комиссией! — Признаю, что иногда бываешь не слишком разборчивым в манере выражаться. Но наша жизнь уже давно не давала повода к особенной разборчивости.

Мои прежние мысли и это сообщение смешались в один болезненный хаос. Наконец мне показалось самым разумным сначала пойти в лагерь и предстать перед комиссией. Прилично упитанный, загорелый, с вновь обретенной гибкостью во всех конечностях, я имел мало шансов, чтобы меня признали инвалидом. А до следующих транспортировок пройдет наверняка какое-то время, за которое еще может быть сделана добрая часть работы.

Русский врач, перед которым я стоял на другой день, явно старался как можно большему числу нас поспособствовать в скорейшей эвакуации. Он некоторое время постукивал и прослушивал меня, с непроницаемым лицом продиктовал список болезней, которых я не понял, так как их терминология была заимствована не из лексики повседневной жизни и не из лексикона первобытной истории, и в итоге написал «55% инвалидности».

Это не приблизило меня к решению. 55% давали мне право на отъезд с одним из первых эшелонов, а первый отходил послезавтра. Предстоящая трудная борьба с самим собой, которую я лишь обозначу, не представляет особого интереса. Счастлив тот, кто в подобном положении без колебаний смог бы действовать так или иначе, было ли это правильным или ошибочным.

Когда я в этих горьких терзаниях столкнулся с вопросом, как все сложилось бы, если бы на сей раз я отказался от отправки, так как потом вся эвакуация могла застопориться на длительное время, быть может, даже прекратиться на зиму, тогда в моей памяти предостерегающе всплыло пережитое последней зимой: голод, холод, опасные

А. Я. Тугаринов со своим помощником А. П. Ермолаевым. Начало XX в. *КККМ*

Коллегия Музея Приенисейского края. Во втором ряду третий слева — Г. Мергарт. 1920 г. *КККМ*

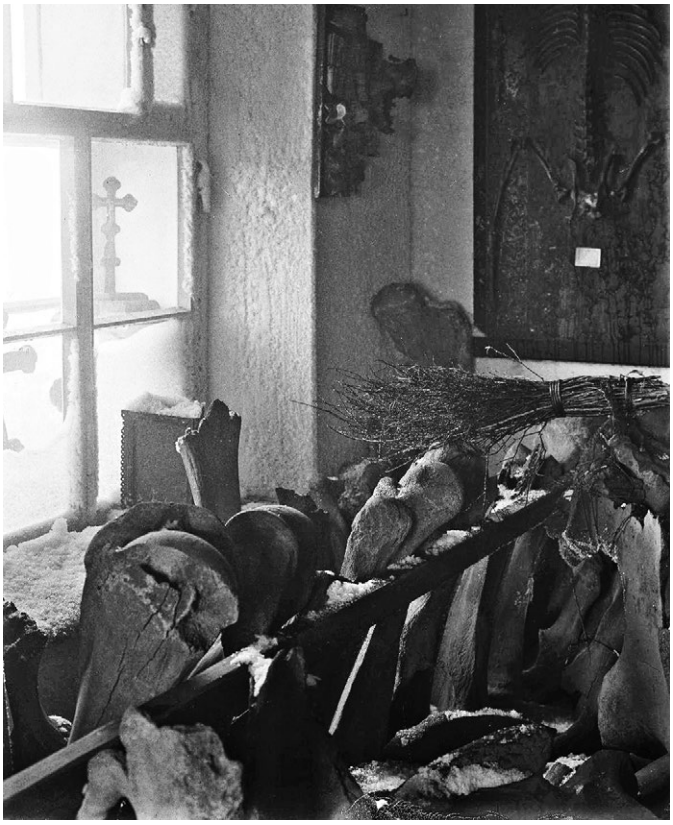
эпидемии, риск для жизни и многое другое. И я произвел приблизительный расчет подсобных средств, которые можно было бы мобилизовать, чтобы гарантировать как минимум подвижки в работе. Потому что как только это стало бы невозможным для меня, то жертва, которую я как человек должен принести и к тому же еще возложить ее на других, дорогих мне, была бы бессмысленной и невыносимой.

Иными словами, нужно было обеспечить самые элементарные потребности: питание, отопление, одежду. В отношении здоровья я так и так должен был полагаться на свою удачу. И мои резервы в любом случае должны были помочь мне преодолеть зиму, если я хотел действовать наверняка.

С вопросом питания все складывалось в особенности благоприятно. Сведущий покровитель первобытной истории Николай Константинович Ауэрбах[9] весной предоставил в мое распоряжение мешок картофеля, другой доброжелатель — пашню. Пашня находилась в одиннадцати километрах от музея, и ее возделывание отнюдь не было пустяковым занятием для полумертвого от голода человека. Но я ее обработал и проел на месте даже не более нескольких горстей посевного материала. Во время короткой паузы между первыми и вторыми четырьмястами километрами путешествия по реке я все окучил. Даже если бы лето закончилось плохим урожаем, я мог все же рассчитывать на три мешка картофеля, а это само по себе уже было больше, чем вместе взятое было у меня на еду последней зимой. Кроме того, государственные столовые, почти полностью находившиеся в руках военнопленных, кажется, стабильно заработали, и так как я знал среди поваров учителей, студентов, крестьян, жандармов и купцов, а также профессоров, банковских служащих и юристов среди обслуживающего персонала, то первый взгляд в такое предприятие убеждал, что оно находилось «в верных руках».

Вопрос с отоплением вызывал бóльшие затруднения. Пока у музея были только тающие запасы дров. Но вроде имелись шансы на более значительную поставку позже. Однако перспективы в целом с самого начала можно было бы расценить как плохие. Кроме того, по сравнению с последней зимой нас в коллегии удвоилось, то есть следовало отапливать больше помещений. Должен ли я теперь снова идти в лес и валить деревья? Это потребовало бы непомерных затрат

[9] *Ауэрбах Николай Константинович* (1892–1930), археолог, историк, педагог, общественный деятель и краевед, автор ряда работ по истории, археологии, педагогике. После отъезда Г. Мергарта, уже не являясь штатным сотрудником музея, он фактически исполнял обязанности заведующего отделом археологии. Подробнее о нем см.: *Вдовин А. С., Макаров Н. П.* Н. К. Ауэрбах — ученый и организатор науки в Сибири // Уральский исторический вестник. 2015. № 3. С. 16–25.



Заиндевелое помещение Музея Приенисейского края. 1920 г. *КККМ*

Сотрудники Музея Приенисейского края за работой. 1920-е гг. *КККМ*

времени и сил, вещей, на которые с каждым днем я становился все более скуп.

Озарение пришло свыше. В прямом смысле слова. Так как я припомнил вид старой деревянной балюстрады, которая когда-то украшала нашу кромку крыши. Там, в конце?.. Прогулка на крышу решилась в мою пользу. Наружные балки тех давно сгнивших декоративных перил лежали на месте, правда трухлявые и сильно покоробившиеся от непогоды, но все-таки еще пригодные. Как хорошо, что это открытие я не сделал в прошлом году! Я скрыл мою находку в глубине сердца и обратился к моей следующей проблеме.

Следующая проблема: одежда! С этим и правда все было мрачно. Но я знал одного настоящего князя[10], мужчину, который раньше принадлежал к богатейшим землевладельцам Урала — а в России это говорило о многом, — но сейчас располагал единственными штанами. Они были старыми, изношенными, залатанными. Когда-то князь дословно сказал мне следующее, указывая на этого последнего ветерана своего некогда гардероба:

— Господа, которые сейчас в Париже и Берлине или где-либо еще в безопасности за границей ходят в безупречных брюках, ни сейчас, ни когда-либо впоследствии не должны корчить из себя спасителей России. Кто верит в Россию и любит Россию, тот делит с ней ее лишения и остается при ней, пока она больна.

Если князь со своими последними штанами еще верил в лучшее будущее, почему я должен был питать меньшее доверие? В данный момент, правда, едва ли даже бродяга позавидовал бы моей одежде, но все могло измениться. Особенно если я в крайнем случае буду носить дома шинель вместо одежды, то это можно было бы растянуть надолго. Сразу хочу сообщить, что эта проблема решилась впоследствии прямо-таки блестяще. Вскоре после этого один германский товарищ, с которым я познакомился где-то, именно по причине своего отъезда уступил мне права на собственный костюм, на который он уже внес не только ткань, но и плату за работу. И такое случалось во всем: люди, которые лучше умели зарабатывать деньги, уделяли науке что-то из своего богатства. Я выдал ему расписку о компенсации на родине или в ином лучшем мире и таким образом стал обладателем костюма. Он состоял собственно только из брюк и короткого камзола. Но был целый, и еще до его распада милосердная судьба послала одного шведа, который снабдил меня пиджаком из материала толщиной в палец. Жаль, что это произошло весной! Необходимость носить зимний мундир летом в дальних передвижениях по Москве и Петербургу стоила мне соленого пота.

[10] Установить, о ком идет речь, не представляется возможным.

Группа сотрудников Государственного музея Приенисейского края в 1924 г. Фото А. В. Кудрявцева. *ККМК.*
Стоят слева направо: Е. Л. Юдина, В. Н. Башмаков, Г. П. Миклашевская, М. А. Дмитриев, М. Д. Соловьёва, А. Н. Широкова, А. Л. Яворский. Сидят: Н. А. Ставровский, М. В. Красножёнова, А. Н. Соболев, М. И. Пальмин, неизвестный

Итак, все мои соображения свелись к тому, что я смог рискнуть перезимовать: самые простые житейские потребности казались обеспеченными настолько, что продолжение работы было гарантировано. Когда я наконец принял трудное решение добровольно продлить длящийся уже шесть лет плен во имя служения науке, то полагал, что продумал все, что в таком положении должно было быть продумано. В целом все так планомерно и проходило — до возвращения на родину. Там я узнал, что мюнхенская альма-матер уволила меня именно в это время и из-за этого продленного пребывания. И именно это из области возможного, о чем следовало бы задуматься, тогда, разумеется, мне не пришло в голову.

Между тем я, к счастью, ничего об этом не знал, написал необходимые письма, которые должны были взять с собой возвращающиеся на родину, и после этого углубился в работу. Можно сказать, заткнув уши пальцами, так как каждое сообщение об уходящем эшелоне наносило ответный удар моему с таким трудом принятому решению.

Несколько недель спустя даже вышел приказ, который предписывал пленным до определенного срока доложить о своей готовности к эвакуации, в противном случае они потеряли бы право на бесплатную отправку. Тогда я предстал перед начальником Губэвака, эвакуационного комитета, изложил ему суть дела и попросил оставить меня на месте до окончания моей работы, в которой музей был крайне заинтересован. Но как только я закончу мою работу в музее, я просил бы о моем отъезде и просил бы позволить мне осуществить это как можно скорее и по маршруту, который бы мне дал возможность завершить определенные исследования в европейской России.

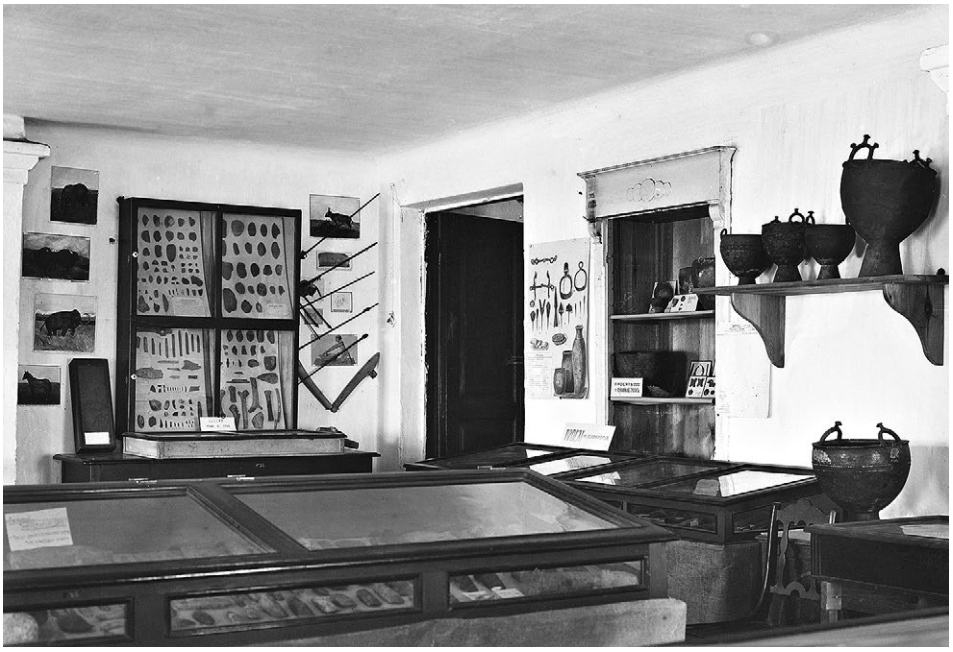
Чиновник, ранее адвокат в одном волжском городке, на сегодняшний день сам эмигрант, сказал мне дословно в ответ:

— Так же честно, как Вы, иностранец, служите Вашей науке и нашему музею, так же честно и мы, русские, будем делать все, чтобы обеспечить Вам Ваш путь. Обещаю Вам это.

Он сдержал свое слово, несмотря на то что ко времени моего отъезда еще далеко не все пленные были эвакуированы, несмотря на то что масса новых инструкций препятствовала простому, разумному осуществлению этого и несмотря на то что в последний момент несколько немецких и венгерских коммунистов хотели наложить на меня свою далеко не легкую руку, потому что однажды одного из них я назвал мрачным типом. Был ли начальник Губэвака членом партии или нет, я даже не могу сказать; точно только то, что он был человеком чести. И что он, в постоянных трудностях и продолжительной борьбе с дефицитом транспортных средств проводя сбор и отправку бесчисленных тысяч поляков, латышей, эстонцев, литовцев, германских балтов, финнов, бывших военнопленных, шведов, голландцев, швейцарцев, короче, всех, кто стремился эвакуироваться из Советской России на их новую или старую родину, моей личной просьбе уделил время и внимание, я должен констатировать это с тем большей благодарностью, так как без его расположения мой окончательный отъезд никогда не осуществился бы в желаемый срок и в нужном направлении. А для меня это бы означало — ни больше ни меньше — то, что те немногие исследования, которые я мог выполнить, остались бы частью незавершенными и непригодными.

Тем временем работа шла полным ходом. К сожалению, отсутствовал Георгий Петрович. Теперь он уже сидел на скамьях Иркутского университета и служил в тамошнем музее. А его преемника не радовал темп работы моего отдела, он сказался больным и нашел способ улизнуть с места[11], где от него требовали непрерывной деятельности.

[11] Не вполне ясно, о ком идет речь. После ухода Г. П. Сосновского в штате музея в качестве ассистентки в отделе археологии числилась М. В. Новодворская. Однако указано,



Фрагмент археологической экспозиции красноярского музея. 1920-е гг. *ККККМ*

Фрагмент археологической экспозиции красноярского музея. 1920-е гг. *ККККМ*

В моей ситуации это была серьезная проблема, так как первоочередная обязанность по отношению к музею, как и ко всем последующим исследователям, состояла в точной и отнимающей много времени инвентаризации новых материалов. И для меня самого все эти находки стали пригодны для использования только тогда, когда они были пронумерованы, внесены в список и таким образом защищены от всякой путаницы. Ну а на меня была возложена действительно отнимающая время консервация и реставрация, тем более что объем поступлений моего отдела с началом моей службы утроился.

И тут однажды появился Аркадий Яковлевич с предложением взять в музей некую молодую даму, дочь одного уважаемого польского адвоката, студентку-филолога и литературоведа, продолжению учебы которой помешали временные обстоятельства и вынудили ее поступить на службу в учреждение. Я был не слишком рад такому предложению! Так много встречалось примеров людей, которые пытались изворотливо и без труда, как только это возможно, проскочить этот «переходный период», и я питал определенное подозрение, что и в этом случае речь пойдет о такой попытке. Но для пробы... и со всеми оговорками... с богом. В течение трех дней я вводил мою новую ассистентку в курс дела. А потом был свободен и независим от всех забот.

Мария Викторовна Новодворская[12] работала с соразмерностью, точностью и непоколебимостью, при этом с таким большим пониманием, будто ее живая натура только и ждала того, чтобы поступить на эту скучную службу — службу ведения инвентарных описей, которая предполагает как ответственность, так и самоотречение, службу, от которой отлынивали многие европейские музейщики в ущерб своим коллекциям и последующим исследованиям, которую они снова и снова откладывали, не отдавая себе отчета в том, что только хороший реестр гарантирует мертвому содержимому их коллекций жизнь и пригодность. А здесь сидела молодая женщина, которая до того вела жизнь интеллигентной девушки из хорошего, состоятельного дома, чертила, измеряла, писала и нумеровала с серьезностью и усердием, которые внушали мне растущее уважение и заставляли восхвалять час, который послал мне такую помощницу.

По вечерам я просматривал то, что она сделала, по утрам в нескольких словах давал нужные корректировки и указания. И после этого

что некоторое время в работе отдела доисторической археологии принимал участие помощник заведующего енисейским музеем М. П. Плотников. См.: НА КККМ. Оп. 1. Д. 357. Л. 82. Отчет по Музею Приенисейского края за 1920 год. Составлен директором музея А. Я. Тугариновым.

[12] *Новодворская Мария Викторовна* (1896–?), ассистентка Г. Мергарта в красноярском музее в 1921 г. Впоследствии переехала в Варшаву, где продолжила изучать археологию. О ее дальнейшей судьбе ничего не известно.

Фрагмент экспозиции красноярского музея в старом здании. Начало XX в. *КККМ*

я мог работать, что всегда было необходимо, мог писать или чертить, перелопачивать горы литературы или клеить черепки, чистить, гипсовать, общаться с посетителями, возиться с глиной, кислотой, парафином, грязью и ржавчиной, проволокой и инструментом. Мария Викторовна работала, нетронутая шумом, беспорядками, пылью и дымом, работала с надежностью часового механизма ежедневные шесть часов, которые были предписаны нам, работникам «умственного» труда, и создала инвентарную опись, которой могли бы позавидовать многие музеи.

Работа в музее достигла приличного объема. Кроме того, нам начали присылать всевозможные экскурсии, не озаботившись тем, что мы жили в тяжелейших жилищных условиях и должны были бóльшую часть коллекций оставить упакованной. От нас потребовали участия в различных мероприятиях. Так, например, я должен был начертить для выставки настенную таблицу по древней истории, для выполнения которой мне выделили художника. Этот человек работал по определенному тарифу, а именно: по тарифу, который давал ему возможность за одну неделю зарабатывать больше, чем мне за четыре месяца. Когда он завершал работу, комиссия решала, какой тарифный разряд нужно применить. Мой художник сразу осведомился, какая плата причитается мне за участие. Когда он услышал, что я, работающий за фиксированную зарплату, не получу дополнительного вознаграждения

за эту работу, а лишь свое месячное содержание в размере 7000 рублей (равное 7 фунтам черного хлеба, или 2 фунтам свинины, или полфунту масла, или 40 сигаретам, или 5 коробкам спичек), тогда он предложил мне, что позаботится о моем включении в экспертную комиссию, после чего мне будет нужно только добиться соответственно высокого тарифного разряда, чтобы обстряпать дельце со своей стороны.

— Скажем, я даю Вам долю в 10 процентов от общей полученной суммы, — заявил он с выражением лица человека, который осознаёт свою полную лояльность. Мой отказ он принял скорее за враждебность, чем за глупость.

Впрочем, и для меня наступил день оплаты по тарифу. Это случилось в то время, когда я готовился к отъезду и довольно задумчиво созерцал абсолютную пустоту моего кошелька. Тогда один из моих энергичных покровителей, Всеволод Афанасьевич[13], провел через управление образования приобретение моих рукописей. После долгих поисков сошлись на применении тарифа для поэта, стихи которого незадолго до этого были опубликованы в газете; мои научные работы было решено оценить как вирши среднего качества, и в соответствии с этим за примерно два листа рукописей мне заплатили миллион и триста тысяч рублей — достаточно денег, чтобы на несколько недель избавить меня от забот о пропитании. Конечно, я должен был сделать копии — работу, за которую взялись два венгерских офицера, дабы за это стяжать пятую часть моей прибыли. Это может выглядеть несколько непропорционально. Но заработок дался беднягам нелегко, так как мои манускрипты вследствие катастрофического дефицита бумаги были начертаны на листках бывшего гербария, страницы которого были исписаны мельчайшим шрифтом до последнего уголка. Тесные строчки разбавляли лишь старые названия растений.

Много времени отнимали во вторую зиму заседания музейной коллегии, которые проводились каждую неделю и длились минимум по нескольку часов. Наряду с решением текущих проблем они посвящались преимущественно организационным вопросам и составлению программы по созданию и монтажу коллекций. Мы, кто все больше и больше страдал от дефицита любого рода необходимых для работы материалов, строили далеко идущие планы. Наши зоологи рисовали картины систематических коллекций и были рады при этом, если власти отпускали им пять литров спирта. На наших глазах они создавали интересные биологические группы, а после этого были довольны, если

[13] *Смирнов Всеволод Афанасьевич* (1878–1933), сотрудник музея с 25 мая 1920 г., заведующий историческим архивом, помощник консерватора, заместитель председателя коллегии музея.

Торговля на Новобазарной площади. 1915 г. Фотограф А. Я. Тугаринов. *ККККМ*

добивались необходимых консервирующих веществ для помещенных на склад чучел и шкур. Этнографы обстоятельно излагали, сколько места они намереваются посвятить жизнеописаниям из мира туземцев, а после заседания натягивали шубы, чтобы отвоевать в тесном и ледяном помещении несколько лишних ящиков. Историки готовили перевод путевого дневника Гмелина[14], библиограф заполнял последние пробелы своего свода названий, над которыми корпел много лет. Однако для обоих, названных последними, их периодическое исчезновение в подвале Чека означало желаемую экономию бумаги. И так было у всех. Имелись еще экспертные советы по ботанике, геологии, искусству и прикладному искусству, церковной археологии и русской этнографии, архивному делу и современной истории, все полны рвения и жажды деятельности, богаты планами и программами, все стеснены, если не парализованы, нехваткой всех, даже самых насущных средств.

Ежедневно в 12 часов самовар собирал все общество в канцелярии — поистине пеструю коллегию. Среди них только два или три человека имели законченное высшее образование. Некоторых царская полиция прогнала из университета в Сибирь, сослала в какой-нибудь город или даже отдаленную деревню, других забросил сюда штурм Первой мировой и Гражданской войн. Один, ютившийся ныне с женой и детьми в одной-единственной тесной каморке, до революции вел зажиточное существование землевладельца и коллекционера

[14] См. примеч. 3 на с. 37.

произведений искусства, другой был прокурором, третий — следопытом и звероловом[15]. Машинистка происходила из одной из некогда известнейших и богатейших семей Красноярска[16], а наш ботаник, превосходный, славный Александр Леопольдович Яворский, исповедовал анархизм[17]. Антрополог, так сказать, руководитель подразделения в моем отделе, был преподавателем гимназии в Будапеште[18], истопник — библиотекарем герцога Камберлендского, помощник домоправителя — финансовым советником одного из венских банков. Помощница геолога случайно оказалась во время поездки для сбора окаменелостей от московской кафедры не на той стороне Урала и вместе с тем — на другом фронте Гражданской войны, в результате таких блужданий осела у нас и теперь искала своего мужа; фотограф и препаратор были родом из Екатеринбурга; один спасся бегством, другой попал сюда как кучер колчаковской армии[19]. Женский элемент объединился вокруг добрейшей Марии Васильевны[20], которая, будучи руководителем военного и революционного архива, всех своих бывших учениц подключила охотиться за русскими частушками[21], ироническими стихами, которые в то время, несмотря или именно вследствие злосчастий, расцвели буйным цветом и с прекрасной объективностью встречали грандиозную смену декораций этого театра времени; а в лице Аркадия Яковлевича все видели своего главу и вождя, который всем подавал пример страстной любви к музею и изучению края. Столь разнородным, столь случайным казался круг, который сплотился вокруг старожилов музея; в преданности общему делу все эти люди, несмотря на нужду и заботы, были едины. Кто когда-либо нашел свое место в коллегии музея, тот был преспокойно проверен

[15] Имена многих перечисленных в тексте персон установить не удалось.

[16] *Юдина Елена Леонидовна* (1903–[1970]), внучка купца, винокуренного заводчика, мецената и библиофила Г. В. Юдина, работала в музее с 15.08.1920 г. в качестве машинистки, также занималась русской этнографией.

[17] *Яворский Александр Леопольдович* (1889–1977), известный ботаник и краевед, основатель и первый директор заповедника «Столбы» в 1925 г., заведующий ботаническим отделом музея, в 1930–1931 гг. — директор музея.

[18] *Душ Ференц* (*Dűs Ferenc*) (1888–1945), военнопленный Первой мировой войны, венгр по национальности, в 1920–1921 гг. научный сотрудник Музея Приенисейского края, антрополог и этнограф. В декабре 1921 г. оставил Красноярск и вернулся на родину в Будапешт. См.: *Савенкова Т. М., Ковач Л., Вандор А.* Ференц Душ (1888–1945) — венгерский военнопленный, антрополог, педагог // Социокультурное освоение Сибири. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 2–5 декабря 2014 г. Красноярск: Резонанс, 2014. С. 267–272.

[19] Имена перечисленных в тексте персон установить не удалось.

[20] *Красноженова Мария Васильевна* (1871–1942), фольклорист, этнограф, педагог. В указанный период заведовала историко-бытовым и художественным отделами Музея Приенисейского края.

[21] В оригинале текста приведено искаженное русское слово, написанное латиницей (*Tschastinki*).

Новобазарная площадь. 1915 г. Фотограф А. Я. Тугаринов. *ККМ*

и оценен, и если он просто заблудился, то сам старался как можно скорее покинуть место, которое не оставляло пространства ни личному тщеславию, ни демагогии, ни бегству от работы, ни ложной иллюзии. Для людей такого рода и вне нашего музея было достаточно и предостаточно жизненных возможностей.

Так, в тесноте и ограничениях, было проделано много ценной работы. При этом наша изоляция, несмотря на то что отныне Советская Республика господствовала от Финского залива до Байкала и Владивостока, все же была угнетающей. Из центра приходила только пропагандистская литература, к которой можно было спокойно причислить все газеты. Когда однажды появился представитель нашего направления интересов, коллегия организовала внеочередное заседание[22], приезжего заставили рассказывать и докладывать и осаждали его вопросами так, как когда-то осаждали в отдаленном замке средневекового

[22] Возможно, речь идет о С. А. Теплоухове, который, согласно отчету о работе музея за 1921 г., выступал перед коллегией музея с докладом «Об археологических раскопках в Минусинском уезде летом 1921 г.». См.: НА ККМ. Оп. 1. Д. 358. Л. 6. Отчет по Музею Приенисейского края за 1921 г. Составлен директором музея А. Я. Тугариновым.

трубадура. Примечательно, что широко известный путешественник полковник Козлов[23], который был проездом по пути в Монголию с особой миссией, навестил отдел географического общества в Сибири, как когда-то испокон веков посещали затерянные и наполовину легендарные колонии Восточной Гренландии.

Впрочем, путешествовать в то время не было простым делом. Мой музей командировал меня как своего представителя на конгресс в Томск, где должны были обсуждаться организация и ближайшие задачи изучения Сибири. Этот конгресс не состоялся[24], так как оказалось невозможным собрать представителей различных научных организаций одновременно в старом университетском городе. Они либо вообще не прибыли, либо опоздали на много дней, если не недель. Сам я насладился исключительным преимуществом совершить путешествие в персональном вагоне делегированного от Московского переселенческого комитета. Сергей Михайлович Сергеев[25] раньше принимал живое участие в изучении древней истории на Енисее, провел превосходные раскопки и собрал значительную коллекцию. Проживая сейчас в центре, он использовал эту командировку по Сибири для посещения нашего музея и оказал мне гостеприимство в своем пассажирском вагоне, который имел жилое помещение, спальный салон, кухню и служебный отсек. Я не буду далее детально останавливаться на этом отступлении от темы, которое поспособствовало моему знакомству с прекрасными учеными и любезными людьми Томского университета и дало мне удобный случай бегло изучить тамошний музей, а хотел бы лишь несколькими тезисами показать, что небольшое путешествие даже в самых комфортных условиях протекало не слишком гладко. Конгресс был назначен на дни с 10-го по 15 февраля.

3.02.1921. Разместился в пассажирском вагоне.

4.02. Мы ждем, когда нас прицепят к поезду.

5.02. Мы ждем.

---

[23] *Козлов Петр Кузьмич* (1863–1935), географ, путешественник, исследователь Центральной Азии, акад. АН УССР (1928), неоднократно посещал Красноярск. В отчете о работе музея за 1921 г. отмечен его доклад «О современном состоянии и деятельности русских и заграничных научных учреждений». См.: НА КККМ. Оп. 1. Д. 358. Л. 5. Отчет по Музею Приенисейского края за 1921 г. Составлен директором музея А. Я. Тугариновым.

[24] Несмотря на то, что конгресс не состоялся, Г. Мергарт сумел использовать с пользой свою поездку в Томск, ему удалось поработать в музее университета, осмотреть археологические коллекции, познакомиться и пообщаться с его сотрудниками.

[25] *Сергеев Сергей Михайлович* (1879–1947), археолог, зав. отделом переселенческого пункта в Красноярске (1910–1917), член КОРГО. В 1912 г. обнаружил стоянку Переселенческий пункт, собирал археологические материалы в окрестностях Красноярска, передал Музею Приенисейского края ценную коллекцию из 574 предметов. Подробнее о жизни и научной деятельности С. М. Сергеева см.: *Вдовин А. С., Кузьминых С. В.* Сергеев Сергей Михайлович (1879–1947): начало научной деятельности // Археология Южной Сибири. Вып. 24. Кемерово: Летопись, 2006. С. 168–174.

6.02. Мы всё еще ждем.

7.02. Отъезд в 5.30 вечера.

8.02. Вечером прибытие в Тайгу (здесь отходит боковая линия в 80 верст на Томск).

9.02. Прибытие в Томск в полдень.

17.02. Вечером возвратился в вагон. Был единственным присутствующим делегатом на конгрессе. Узнаю, что железнодорожное сообщение на сибирском участке прекращено. Причины неизвестны.

18.02. Сергею Михайловичу удается добиться отправления на главный участок.

19.02. Мы ждем в Тайге. Где-то, должно быть, волнения.

20.02. На запад поезда не идут, но еще прибывают некоторые, идущие на восток. Нас прицепили и разрешили ехать.

21.02. Утром прибыли в Красноярск. По пути в музей встречаю Аркадия Яковлевича и узнаю, что несколько сотен человек, среди них — несколько членов коллегии, были арестованы.

Думаю, этих заметок достаточно, чтобы стало понятно, что путешествий без необходимости избегали. Если добавить к тому же, что каждое учреждение рассылало тогда особо важные письма при помощи курьеров, то больше не будет казаться удивительным, почему мы жили в упомянутой изоляции.

И мне вряд ли потребуется особо упоминать, что эвакуация военнопленных после первого значительного рывка снова плавно утихла. За несколько недель ушел один вагон с 35–40 людьми. Понятно, что за каждое место ожесточенно бились и что немалую роль играла протекция. Кроме того, была полностью прекращена отправка венгерских офицеров, так как они были провозглашены заложниками за приговоренных в Венгрии коммунистов. Так далеко зашел страх перед бегством хоть одного из этих весьма ценных заложников, что моему антропологу даже не давали разрешения на участие в экспедиции на Ангару, хотя это не шутка — удрать с Ангары в Венгрию. Впрочем, мы были давно произведены в новое звание «бывших военнопленных империалистической войны», а если говорили просто о пленных, то подразумевали принадлежащих раньше к колчаковской армии, в частности ее офицеров. В то время как мы, иностранцы, считались свободными гражданами, они должны были извещать о себе, и им не разрешалось покидать отведенное место пребывания. Мой коллега-геолог, урожденный красноярец, попал под суд[26], потому что он, будучи «пленным», принял

[26] *Соболев Александр Николаевич* (1888–1930), заведующий геологическим отделом, помощник консерватора, в 1926–1930 гг. директор музея. Его жизнь оборвалась трагически: в отчете музея за 1930 г. указывается, что «покончил жизнь самоубийством директор музея Соболев Александр Николаевич, он же заведующий геологическим отделом».

участие в экспедиции к устью Енисея и в ходе этого совершенно официального отсутствия не отметился в соответствии с предписанием.

Впрочем, разница между свободными гражданами и пленными была невелика. Постепенно и самые изворотливые умельцы жить, и самые прижимистые спекулянты попали под карточную систему, и паёк[27], выдаваемый государством набор продуктов, стал фактором, имеющим значение не только для нас, более или менее неимущих иностранцев, но и для всех местных жителей. В государственных столовых прибавилось клиентуры, несмотря на то что в них отпускалось все меньше и меньше. Чистые скатерти, посуда и столовые приборы, так или иначе, давно исчезли с тех пор, как осенние эшелоны увезли бóльшую часть старых военнопленных. Теперь жидкий суп подавали в погнутых жестяных посудинах, на дне которых можно было разобрать заводские клейма американских и японских консервных фабрик. И вся еда сократилась до такого минимума, что ходить в столовую стало возможным только для живущего поблизости. Каждый, кому нужно было проделать несколько более длительный путь, безусловно, расходовал больше калорий, чем ему предлагалось.

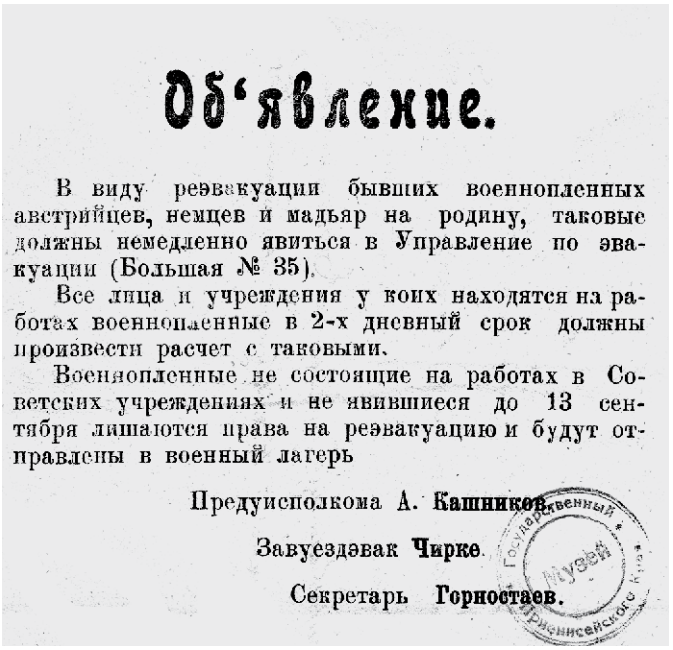
Когда во время путешествия в Томск у меня замерз оставшийся картофель, то и мое положение стало серьезным. Период нерадостного воспоминания о пшеничных зернах казался вновь неизбежным.

Но Всеволод Афанасьевич вновь оказался моим спасителем. Я было уверовал, что профсоюз «работников просвещения и социалистической культуры», к которому относились мы, музейщики, не имеет иного значения для моего бытия, нежели ежемесячный отъем ста сорока шести рублей на неизвестные цели. Всеволод Афанасьевич изменил мое мнение к лучшему. Сначала он повысил мое уважение перед нашей организацией тем, что раздобыл для меня пару валенок[28] из ее имущества; это такие замечательные мягкие и теплые войлочные сапоги с высокими голенищами, которые, благодаря царящим сухости и холоду, всю зиму можно носить как дома, так и под открытым небом. Бог весть, какому казненному или иначе погибшему могли принадлежать мои, факт, что пара, несмотря на многочисленные прежние починки, находилась в таком сомнительном состоянии, что профсоюз с самого начала увеличил этот запас до трех штук, чтобы третий валенок я смог использовать для устранения недостатков обоих других. После некоторых хлопот я также нашел сапожника, который в течение дня на государственной службе и за твердый оклад экономил так

См.: НА КККМ. Оп. 1. Д. 368. Л. 1. Отчет Государственного Музея Приенисейского края за 1929–1930 гг. Составил и. о. директора А. Л. Яворский.

[27] В оригинале текста приведено русское слово, написанное латиницей (*Pajok*).

[28] В оригинале текста приведено русское слово, написанное латиницей (*Walenki*).



Об'явление.

В виду реэвакуации бывших военнопленных австрийцев, немцев и мадьяр на родину, таковые должны немедленно явиться в Управление по эвакуации (Большая № 35).

Все лица и учреждения у коих находятся на работах военнопленные в 2-х дневный срок должны произвести расчет с таковыми.

Военнопленные не состоящие на работах в Советских учреждениях и не явившиеся до 13 сентября лишаются права на реэвакуацию и будут отправлены в военный лагерь

Предуисполкома А. **Кашников.**

Завуездэвак **Чирке.**

Секретарь **Горностаев.**

Государственный Музей Приенисейского края

Объявление об эвакуации бывших военнопленных на родину. [1920 г.]. *ККМ*

много сил, что по вечерам или в свободные часы мог искать побочный заработок. Хотя я имел право настоять на ремонте за счет государства, но оставил эту затею, как только узнал, что мое дело будет занесено в рабочий список под регистрационным номером 496. Мои регулярные гимнастические упражнения вдоль кромки крыши также не позволяли отапливать мой зал настолько, чтобы исчезли шапки инея на гвоздях в полу, — обстоятельство, которое делало обладание валенками воистину желанным; кроме того, было нецелесообразно откладывать их реконструкцию до наступающей весны. А раньше я, конечно, не получил бы их из государственной мастерской.

Мой сапожник прежде всего задал вопрос о моей платежеспособности, на что я предоставил список тех предметов, без которых, я считал, с одной стороны, можно было обойтись, а с другой — также считал заманчивыми. Мы сошлись на эмалированной тарелке, полуфунте соли и дружеской прибавке в виде туалетной бумаги для курительных целей. Затем я вынужден был согласиться, что не претендую на возможные остатки валенка номер три, и сделка была заключена.

Если профсоюз работников культуры уже этим первым пожертвованием заслужил мое уважение, то оно прямо-таки возросло до энтузиазма, когда Всеволод Афанасьевич сообщил мне, что за мои выдающиеся достижения в работе меня было решено премировать продуктами питания. Премиальный паёк, этот эрзац ордену в духе времени,

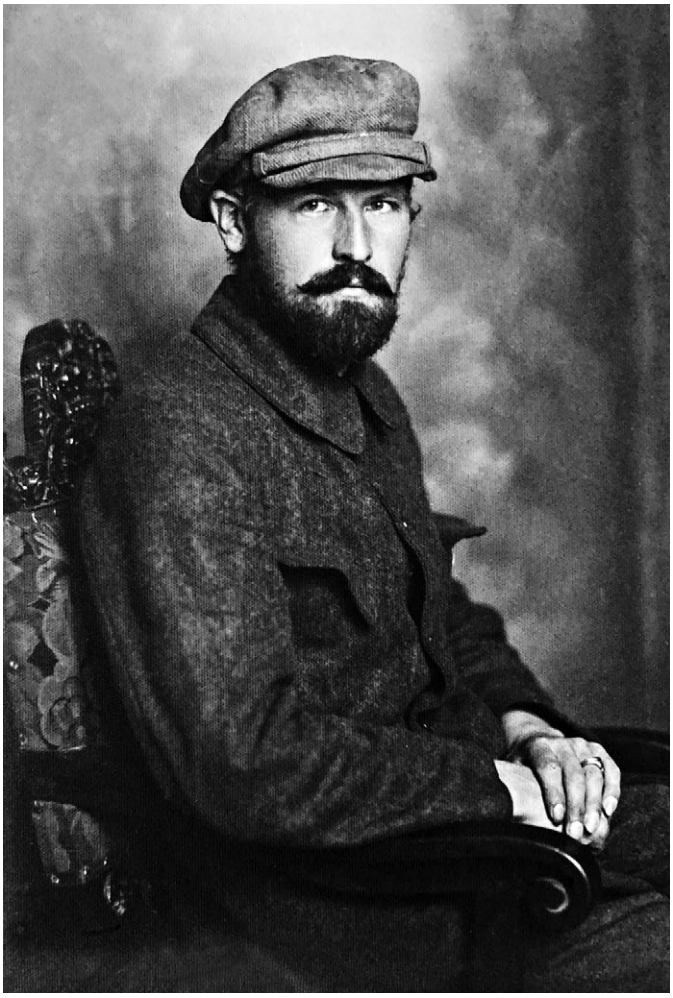
состоял из 21 фунта муки, стольких же «овощей», 1 фунта соли и полутора фунтов мяса в месяц.

«Овощи» мне были выделены, впрочем, лишь раз в виде похожей на булыжники картошки. Зато я прямо-таки утопал в хлебе и мог еженедельно устраивать себе праздник, самостоятельно замешивая, раскатывая и выпекая запас на семь дней.

Одна вещь всегда влияет на другие. Растапливание обычной сибирской домашней печи поглощает приличную поленницу дров. Едва ли музей обладал даже таковым, чтобы как минимум сносно обогревать одно-единственное помещение, в котором работали все сотрудники, кроме меня и моей ассистентки. Родное государство одарило каждого для его личных нужд примерно шестью погонными метрами древесины тридцатисантиметровой толщины. У меня, по счастью, совпадали спальное, рабочее, жилое и служебное помещения. Но, как было сказано, мне ни разу не удалось довести до таяния забавные чепчики изморози, которые образовались над каждой головкой гвоздя на полу, а мышь, которую я когда-то убил камнем и до поры до времени забыл в углу, обнаружилась весной все еще сильно замороженной и, так сказать, сохранилась в свежем виде. Мой лес на крыше был также не столь роскошен, чтобы позволить частые пекарские оргии. Не оставалось ничего другого, как устраивать праздник стряпни реже. В конце концов я пек самое большее раз в три недели; преимущество этого состояло в том, что каждый кусок хлеба нужно было долго жевать. Если говорить о наслаждениях для желудка, то полтора фунта мяса я должен признать скромным месячным рационом. В один из крупных праздников, правда, появился мой друг Флац-Будау[29], который имел синекуру советского картографа, но при этом пользовался более высоким натуральным обеспечением военнослужащего, поставил на мою убогую жестяную печушку металлическую трубу с проволочными ручками и приклепанным дном. То, что он тогда принес, было пиршеством, а именно: конина с клецками. Но и эти дни чревоугодия вскоре забылись, и после обстоятельного совещания с вышеназванным любящим хорошо поесть товарищем по несчастью я решил подумать над покупкой собаки. Понятно, с гастрономическими целями.

Это окончилось неудачей. Товарищ, который был мне порекомендован как специалист по поставке собак на еду, очень сожалел, что не может мне помочь. Эти четвероногие деликатесы пользовались

[29] *Флатц-Будау Гуго* (*Flatz-Budau Hugo*) (1880–1962), согласно немногочисленным документам из архивов г. Грац и федеральной земли Штирия (Австрия), старший лейтенант австро-венгерской армии, попал в плен в октябре 1914 г., летом 1921 г. также вернулся на родину, в Грац. В личном архиве Г. Мергарта сохранилось несколько писем Г. Флатца-Будау, подписанных по-русски «топограф».



Геро фон Мергарт в день возвращения на родину. 1921 г. *Архив семьи Мергарт фон Бернегг*

таким большим «спросом», что по стоимости были уже сравнимы с раритетами и требовали значительных временны́х затрат для изъятия их у владельцев. По понятным соображениям с этим делом связывался немалый риск; одним словом, приобретение «собачатины» было доступно только людям, которые располагали лучшими источниками доходов или бóльшими ценностями, нежели какой-то доисторик. С сознанием, что теперь официально дошел до ручки[30], я покинул место.

Постепенно становилось все более неуютно. Я заметил нарушение зрения в одном глазу и набрался смелости, чтобы в рабочее время посетить амбулаторию. Женщина-врач сделала недовольное лицо, прописала

[30] Дословный перевод с немецкого: «дошел до собаки». Очередная игра слов автора.

мне в течение нескольких недель глотать омерзительные микстуры и собиралась затем послать меня в клинику в Томск. Но тогда мне это казалось рискованным, так как я как-то узнал, что Красная Армия конфисковала у Томского университета всю заготовленную студентами древесину, и после моего последнего путешествия я не мог отделаться от убеждения, что мне когда-нибудь снова нужно будет возвращаться по той боковой ветке, пусть даже к такой успокоительной, уводящей на Запад, в направлении родины, основной магистрали.

Так что я прикинул остававшийся объем работы и затем запросил мнения двух врачей, рискую ли я ослепнуть или начнет ли прогрессировать мой недуг, если я сначала завершу свою работу и только потом поеду домой. Один хотел тотчас же послать меня в клинику, другой сказал мне коротко и прямо, что в Сибири мне, вероятно, нет, а в Европе смогут помочь и при этом не играет роли, произойдет ли это несколькими неделями раньше или позже.

Но когда я затем с двойным усердием налег на исследования и намеревался ускорить отъезд, то весь расчет оказался недостаточным. Потому что в один прекрасный день я почувствовал себя больным. Изрядная порция крепчайшего натурального кофе, которым меня по-королевски одарил уезжавший земляк, наряду с пятидесятипроцентной прибавкой спирта, который уделили мне зоологи, в качестве лекарства не помогли. За короткое время моя температура подскочила по меньшей мере до 40 градусов. Настало время пригласить доктора, который в течение всей зимы получал от меня литературу по древней истории и иногда задавал мне вопросы. Теперь был мой черед спрашивать. От меня мой добрый доктор получил лишь несколько невнятных ответов. Но воздал мне сторицей в тот день, когда диагностировал малярию, и я бы солгал, что ответ меня успокоил. Но ничего не попишешь, мой друг оказался прав. С того времени я делил свое время между работой и приступами, которые каждый день вынуждали меня упражняться при сорока одном градусе. Вскладчину достали ставший редким хинин, но дорогая малярия начала сдвигать свои сроки, а редких лекарств все же не было в достатке, чтобы постоянно находиться под их воздействием.

Но если человеку привалило счастье, ему везет во всем. Когда я желтизной уже мог сравняться с фараоновой мумией, появился делегат Шведского Красного Креста и привез хинин для сотни больных. И тем самым для меня началось поистине время ликования. Не только потому, что теперь я мог с язвительной ухмылкой задушить свою малярию хинином, так что она могла навещать меня лишь раз в несколько недель; более того, прекрасный человек из Швеции пожертвовал мне уже упомянутый пиджак, который подоспел как раз вовремя, чтобы заменить истрепанный жилет, снабдил меня суповыми кубиками

Открытка на тему борьбы с тифом. 1920-е гг. *ККМ*

и овсяными хлопьями и увенчал свои благодеяния даром в виде десяти коробков спичек. Одно это позволило мне наверстать много потерянного времени, так как в течение всей зимы я был вынужден мои скрученные из газетной бумаги сигареты зажигать от печи или с помощью стали и камня. Можно быть сносным доисториком, но плохой весталкой. Особенно если ничего не понимаешь в искусстве заготовке трута и поэтому вынужден довольствоваться тем, что не нужно другим.

Как будто внезапно открылись шлюзы счастья: теперь нам отпустили паёк ответственных работников, которым до сих пор, вероятно, «наслаждалось» только большинство товарищей из партии. Видеть перед собой масло, чай, сахар и настоящий табак казалось мне вершиной земных благ. Хоть этого было немного, но это *было*! И это даже было действительностью. Мало того! Дошло дело до приобретения моих рукописей, и в один прекрасный день я оказался миллионером, очень

наверняка первым доисториком, который своим трудом заработал миллионы. Госбанк выплатил мне кирпич за кирпичом, рулон за рулоном, целый мешок денег. Сказочно! Разумеется, не так сказочно, как два года спустя в Германии. Но тогда мне также не выплатили больше.

Итак, последние дни я жил в полном изобилии. Теперь я смог бы даже купить собачатины!

Выпавшие на мою долю богатства все-таки следовало немного приберечь, так как приближалось путешествие, определить продолжительность и ход которого было ни в коем случае не в моих силах. Напротив, у меня было какое-то чувство, будто с музеем я покидаю спокойную гавань, чтобы скользить по бурному и богатому на скрытые рифы морю. В любом случае было бы хорошо оснастить себя на все возможные случаи и верить в несокрушимость моего мотора. Если до сих пор у меня была твердая воля продержаться, то отныне у меня была такая же твердая воля возвратиться домой.

Первые же шаги оказались достаточно трудными.

Прежде всего я должен ввести в повествование свою невесту. Пусть не подумают, что до сих пор я ее ханжески замалчивал. Если бы я говорил об обществе, которое имело обыкновение собираться в нашей государственной столовой, то она не осталась бы неупомянутой, так как Мария Петровна[31] принадлежала к нашей маленькой компании за обеденным столом и была старой знакомой нашего этнографа со времен, когда полиция еще не разрешила ему жить к западу от Урала. Сама она попала в Сибирь с заходящей звездой Колчака, то есть была эвакуирована при приближении Красной Армии вместе со всей женской гимназией, в которой преподавала физкультуру и гимнастику. Несчастных школьных дам протащили по воде и по суше через всю Сибирь, а потом, когда катастрофа разразилась окончательно, бросили их на берегу реки где-то справа или слева от Тобольска. Откуда Мария Петровна, хотя и с белыми волосами, но с энергией тридцатилетней спортивной дамы, отыскала дорогу в Красноярск.

Здесь она сначала занималась распределением продуктов в канцелярии, бок о бок с нашим замечательным президентом географического общества, затем в ней разглядели «специалистку» гимнастического искусства (смотри многие анкеты, которые мы постоянно должны были заполнять), и отныне она служила по своей специальности. Так однажды она тоже попала в столовую, в которой питалось большинство служащих образовательных учреждений, и вскоре стала самым популярным членом нашего кружка. Ее бодрость и стойкость ко всем невзгодам нарушала только одна печаль: Мария Петровна

[31] Установить личность этой героини более точно не представляется возможным.

Продовольственная карточка Г. Мергарта. 1920 г. *Марбургский университет*

Хлебная карточка Г. Мергарта. 1920 г. *Марбургский университет*

хотела вернуться к своей родне, но не могла получить разрешения на поездку, потому что она, выражаясь в соответствии с терминологией того времени, была «незаменимым специалистом». Это означало, что буря Гражданской войны в первую очередь смела всех имеющихся в Красноярске опытных учительниц физкультуры, а сюда занесла только эту, которая к тому же была посвящена в какие-то секреты гимнастики. И тогда находчивые головы — разумеется, женские — придумали простой трюк: выдать ее замуж за внушающего доверие военнопленного, что и произошло за десять минут и исключительно на бумаге, чтобы пересечь русскую границу рядом с этим «спутником жизни». По ту сторону ожидаемой с нетерпением и не досягаемой иначе границы дама поблагодарила бы своего рыцаря и пошла своей дорогой. Я сам, когда в силу бюрократических причин не смог взять с собой в путешествие на родину супругу, внезапно и насильственно овдовевшую генеральшу, которая хотела попасть в отчий край на Балтике, выдал ее замуж за моего дорогого Флатц-Будау. Три дня спустя он покинул Красноярск, еще не совсем придя в себя от изумления, обзаведясь не только женой, но и десятилетним пасынком.

Следовательно, это был хороший метод, но он не подходил Марии Петровне, потому что она желала путешествовать не через границу, а только недалеко за Урал. Но и в этом случае застольное общество нашло выход.

Я стремился в Казань и по пути туда должен был оказаться вблизи родного города Марии Петровны. Конечно, взять с собой жену было невозможно, так как я ехал бы в качестве командированного госслужащего, который официально должен был снова вернуться на место своей службы. Правда, люди, которые выписали мне эту командировку, хорошо знали, что в ближайшие несколько лет я намереваюсь пересечь Урал лишь единожды, а именно: в западном направлении, но перед эвакуационными властями и перед органами Чека я ни в коем случае не мог появиться с командировочным удостоверением в одной и с женой — в другой руке. Но если невозможно апеллировать к рассудку человека, то иногда возможно к его сердцу. И это сделала Мария Петровна, хотя не без угрызений совести, но грациозно. Она еще раз предстала перед своим ведомством и попросила о поездке домой. Когда ее просьбу снова отклонили, то она объяснила адептам закона, что, несмотря на это, для службы она потеряна, так как выходит замуж, замуж за «доктора», и ей вообще не приходило в голову и далее быть незаменимой специалисткой.

Буря была велика. Но и в органах образования были женщины, которые при простой мысли, что их сестра хочет вступить в брак, растаяли. Так что натянуто сияющую невесту обняли и запечатлели

Талон на посещение кафе для военнопленных офицеров. 1920 г. *ККМ*

на ней совсем не советские, а старые добрые русские поцелуи, обычные в таких и многих других случаях. И потом с ловкостью урегулировали дело. В мгновение ока «незаменимая специалистка» была откомандирована в Центральную спортивную школу в Москве и могла беспрепятственно ехать со мной. Подразумевалось, что мы поженимся не сразу в Красноярске, так как Мария Петровна намекнула, что мы оба придаем большое значение церковному венчанию через ее отчима, попа.

Моя теперешняя невеста вернулась после этой глобальной акции довольно измученная и огорченная грандиозностью лжи. Только мысль о том, чтобы наконец-то уехать домой, вернула ей равновесие. И когда один из наших застольных товарищей потребовал, чтобы мы как жених с невестой отныне говорили друг другу «ты», и когда выяснилось, что моим познаниям в языке совершенно по плечу оказалась эта задача, тогда к ней уже вернулась способность смеяться. И она стала обучать меня тем формам спряжения, в которых мое прежнее бытие в России не нуждалось.

Этот поначалу казавшийся таким трудным шаг к отъезду, как выяснилось вскоре, был почти самым просто решаемым. Нелепым может показаться то, что несравнимо труднее было позволить ехать домой военнопленному, в чьем праве на возвращение домой никто не сомневался, чем русской, право которой на отъезд нельзя было вывести ни из одного предписания, то есть противоречило любому порядку.

Сначала меня хотели командировать с исследовательскими целями в Казань, Москву и Петербург, с тем чтобы дать мне исчезнуть в подходящее время с государственной службы и скрыться в ходе эвакуации военнопленных. От плана были вынуждены отказаться, так как

этому препятствовали какие-то предписания. Тогда придумали выход передать меня в распоряжение Народного комиссариата Татарской Советской Республики и изготовили соответствующий мандат, с которым я в приподнятом настроении отправился на биржу труда, чтобы сообщить об отъезде в Казань.

Там меня ждал неласковый прием. Товарищ, в чьи руки я вложил мой прекрасный мандат, пристально смотрел на меня некоторое время и потом прорычал:

— Скажите товарищу из Губнаробраза (сокращение от длинного наименования органов образования), что я прикажу его арестовать и посадить в тюрьму, если он еще раз подпишет такой мандат. Он так же хорошо, как и я, знает, что Вы являетесь незаменимым специалистом и ни при каких обстоятельствах не можете покидать службу у нас. Идите!

— Но я же военнопленный и уже давно мог бы уехать домой.

— Тогда поезжайте эшелоном.

— Но мне еще нужно провести исследования, которые важны для моей работы.

— Тогда Вы останетесь здесь на службе и вернетесь обратно.

— Видите ли, товарищ...

— Прежде всего я не хочу никогда больше видеть Вас.

Я улизнул и вернулся к изготовителю моего мандата, которому сообщил о несчастье, которое нависло над его головой.

Дело обсудили и послали меня в Губэвак. Мой тамошний покровитель должен был найти выход.

Но сразу на входе я попал в руки к товарищу, с которым у меня однажды произошла небольшая стычка и который посчитал, что пришло время дать мне почувствовать, что за проступок было замечание насчет члена партии. Он привел меня вместе с оскорбленным к моему покровителю и возбудил против меня жалобу. Его выступление закончилось требованием подвергнуть меня наказанию. Я предполагаю, что председатель Губэвака знал мою политическую сдержанность и не считал меня кляузником. Но, кроме того, мое правонарушение было ему не вполне ясно, так как мой обвинитель не особенно владел русским и, вследствие схожести слов, перевел инкриминированное выражение «темный номер» как «темная комната для гостей». Первое выражение, тогда использованное в разговоре с товарищем и чисто случайно подслушанное моим обвинителем, не позволяло отвертеться от обвинения в оскорблении Его Величества[32]. В изложенном переводе содержания жалобы оно производило прямо-таки гротескное впечатление.

[32] В оригинале текста фраза приведена на латыни: crimen laesae majestatis.

И все же я почувствовал себя окончательно освобожденным только тогда, когда мой покровитель без слов отпустил товарищей, так как возбуждать негодование именно мелких властных сошек товарищу могло дорого обойтись. Всегда и всюду я хорошо уживался с самыми убежденными коммунистами, если это были образованные и приличные люди, очень часто я наталкивался на язвительное отношение, если речь шла о фигурах, которые пришли к власти только через их преданность партии.

Мой друг с первого слова был готов отпустить меня в поездку в первый же возможный день, пусть даже в качестве путешественника-одиночки. Только, согласно приказу, он разрешил мне отправиться в Москву исключительно через Челябинск. Дело казалось безнадежным.

Но после небольшого совещания для решения трудного вопроса, как может военнопленный попасть через Казань в Москву и одновременно получить возможность для проведения некоторых исследований, не отказываясь при этом от своего путешествия на родину, участвующие из трех или четырех органов власти нашли возможный выход. Губэвак послал меня не в Москву, а передавал меня Губэваку Казани, Губнаробраз Красноярска предоставлял мои скромные силы в распоряжение Татарской Республики на Волге, музей снабдил меня рядом бумаг, подтверждающих его заинтересованность в моих исследованиях в Москве и Петрограде и выправил мне бумагу, в которой можно было прочесть, что я ни в чем не грешен ни перед музеем, ни перед государством. И все вместе, а теперь еще и биржа труда, пожелали мне удачи в пути и позволили самому решать, каким путем добираться после службы у татар в итоге на родину.

Теперь мне нужно было только миновать сито Чека, где и было выдано само разрешение на поездку, и можно было отправляться в путь.

Чуть свет 29 июня в последний раз я стоял под сводами здания музея и смотрел на кладбище, мимо которого в свое время пролегал мой мрачный путь в лагерь. Таинственный X моих расчетов, которые я произвел в начале музейной деятельности, был частично устранен, шестьсот три дня я провел непосредственно на службе этого здания. Мне пришло в голову: «Если что и было прекрасного, то это были старания и работа». Я попрощался с сознанием, что наше расставание как для оставшихся, так и для уходящего не было легким.

Глава девятая

Калейдоскоп возвращения на родину

Из Сибири в Европу ежедневно уходили один пассажирский поезд и один скорый. Оба набитые до отказа. Кто не смог уехать на них, оставался со своим багажом на вокзале, чтобы повторить попытку на следующем и следующем после него. Своевременно оказаться на месте было первоочередной задачей. Поезд прибывал в первой половине дня, но высланная заранее телеграмма определяла, сколько билетов может продать следующая станция. Так что едва открывалось окошечко кассы, принималось первое решение для многих из тех, кто с нетерпением ожидал позади в длинной очереди.

Я стоял уже четыре часа, когда продвинулся до второго перед окошком кассы.

— Восемнадцать билетов для командированных, красноармейцы к военной кассе, пятнадцать билетов, — закричал кассир, сапожник без сапог[1], так как собирать деньги было не с кого. Государство безвозмездно отправляло своих служащих, а прочему люду незачем было путешествовать.

Стоящий впереди меня получил три билета, мне нужно было два — змея-очередь только-только протянула свою голову к кассе. Когда падающее окошечко отрезало ее, она еще сделала конвульсивное движение, сдвинулась, вздулась опухолями и потом распалась. До завтра.

Кассир пробежал мои бумаги.

— Гражданка получит билет. Вы военнослужащий. Вам нужно в другую кассу. — Очередь вытеснила меня дальше. Галопом я пронесся сквозь толпу, бросился в несколько неверных дверей, добрался до кассы.

— Товарищ ошибается, — решил служащий, — Вы командированный.

Я помчался обратно. Очередь только что распалась с проклятьями. На мой стук кассир немилосердным рывком открыл окошечко кассы снова.

— Баста! — прорычалось оттуда, — приходите завтра пораньше.

---

[1] В оригинале текста автор использовал латинскую фразу: lucus a non lucendo («светит, но не освещает»).

— Но я же был одним из первых, Вы неправильно отослали меня отсюда.

Мои документы просмотрели еще раз.

— Откуда я должен был это знать. По одной бумаге Вы командированный, по другой — военнопленный. Ну хорошо, я дам Вам билет, но это будет только утром.

— Так дайте хотя бы для моей спутницы.

— Завтра, все завтра, — вся связка бумаг вернулась в мои руки. Хорошенькое начало. Удрученный, я пробрался к Марии Петровне, которая сидела на наших одиннадцати багажных местах, окруженная несколькими моими товарищами.

Мы посовещались, поругались, помолчали, сознавая свое бессилие, еще раз посоветовались. Не могло быть и речи о том, чтобы возвращаться с багажом в город. Трехкратная цена извоза слишком основательно подорвала бы (бывший) миллион.

Мария Петровна взяла бумаги и исчезла. Один из наших добровольных грузчиков — он был главой округа в Буковине — удовлетворенно изрек:

— Если она хочет высказать свое мнение, то на месте кассира я бы лучше запер двери.

Но Мария Петровна ушла для того, чтобы предоставить нам первое доказательство своей ценности в качестве попутчицы. Когда Мария Петровна вернулась, она сказала только:

— Ничего. Но все равно здесь мы не останемся. Пойдемте, здесь слишком грязно. — И мы послушно последовали за ней, каждый с чем-то из багажа.

Только оказавшись вне пределов видимости соседних групп, которые, как и мы, потерпели фиаско и отчасти проклинали, отчасти наблюдали за нами, подозревая конкуренцию, деловитая девушка торжествующе обернулась и показала, все еще украдкой, две длинные бумажные полосы, которые открывали нам путь в Европу, — проездные билеты.

— Сначала я его отругала, потом рассказала ему, что мы хотим пожениться дома, и потом, вы понимаете, такая удача: мы оказались из одного города. Правда, он боится контроля, но я его так просто не отпустила.

Прибыл поезд. Суматоха, крик, заверения из всех вагонов, что даже мышь больше не сможет пробраться, сражения за подножки вагонов, вмешательство всяческих деятелей с оружием и без, торопливая и грубая погрузка багажа, три квадратных фута площади за едва прижатыми дверями, машущие руки... до свидания, Красноярск, прощай!!! До второй половины дня мы корчились высоко наверху на наших

багажных местах. Вечером у Марии Петровны уже было спальное место. На следующий день мы нашли сидячие места, а на вторую ночь я тоже позволил себе вытянуть свои измученные ноги, довольно-таки рано, если учесть, что наше путешествие до Перми в любом случае продлилось бы четырежды по двадцать четыре часа.

Все русские вагоны в высшей степени практично оборудованы спальными местами. Только не одни они были заняты, но и под скамьями, и между ними, во всех проходах, прижатый к дверям, лежащий на чемоданах, мешках и тюках, сидящий на печке, прилепившийся на краю лавок шириной в ладонь, спал, храпел, стонал и выделял испарения человеческий конгломерат, удовлетворенный, даже счастливый, что он вообще устроился в поезде, в поезде на Запад.

В Омске железнодорожная линия разделилась. Наш поезд ехал дальше через Челябинск. Те, кто направлялись в Пермь, Вятку, Петроград, должны были сделать пересадку. Нелегко было отыскать на перроне место, куда можно было сложить наш багаж. Одиннадцать мест! За один раз не осилить. Если бы Мария Петровна караулила, а я таскал, то остальная часть также должна была быть под присмотром достойного доверия человека. Свой деревянный сундучок с сочинениями, рисунками, фотографиями и картами я берег как зеницу ока. Но там были еще мешок с мукой и сухарями, поясная сумка с бельем, бельевыми мелочами и швейными принадлежностями, длинная колбаса, которая состояла из двух изношенных одеял и верной старой шинели, походный мешок из потертой упаковочной дерюги, в котором были овсяные хлопья, суповые кубики, мешок соли и подобные меновые товары. Затем еще один ящик, который служил нашей походной кладовой, постельный тюк Марии Петровны, ее сундуки и короба и тяжелый мешок муки, привезти который домой было для нее особенной гордостью. Благородным наш багаж нельзя было назвать, и я дорого бы дал, чтобы появиться с ним перед исполненным достоинства швейцаром отеля; однако для людей с элегантными чемоданами утрата одного из них была бы менее горькой, чем нам одного из одиннадцати наших сокровищ.

Господь, снизойди на этот вокзал! Там высились башни из ящиков, пестрых, обитых жестью сундуков, тюков, мешков, ларей и коробок. Лошадиная упряжь, части телег, разобранные плуги, обернутые рогожей, перевязанные тюки фантастической формы, дети, чайники, занятые люльки, соломенные тюфяки, перины — все нагромождено кучами, уложено штабелями, охраняемо, с недоверием окружено, населено часто гротескными фигурами, которые там готовили чай, ели, спали, болтали, ловили вшей, латали лохмотья, кормили грудью детей или даже стирали белье. Между этим — прихотливо изогнутые

Железнодорожный вокзал в Красноярске. Конец XIX — начало XX в. *ККМ*

горные тропы шириной в несколько футов, у краев которых проходящий подвергался непостижимым опасностям.

Это была первая волна переселенцев, которых голод погнал с той стороны Урала на просторы сулящей жизнь Сибири, это были быстрее всех решившиеся, самые неудержимые среди тех, кто ожидал осень с безнадежностью, зиму — с ужасом и предчувствуемым страхом смерти. Пешком и на повозках они отправились в путь, бросив все, что имели, таща за собой все, что только можно тащить. Счастлив тот, кто последнюю корову съел только на высотах Урала, чья последняя лошадь околела только вблизи железной дороги, счастлив тот, кто спас еще что-то из посевного зерна, сберег остаток продуктов, сэкономил частицу работоспособности! Ныне они располагались на всех станциях, где путь их бегства достигал железной дороги, ныне они толпились и накапливались именно в этой точке пересечения, в которой день за днем поезда выгружали новых вытесняемых и не заботились о том, чтобы доставлять их дальше.

Среди этого хаоса суматошного переселения народов, которое спасалось бегством с запада на восток, пробирались все те, кто отныне стал чуждым элементом на русской земле, прежде всего люди прибрежных пограничных провинций, которые внезапно возникли из глубин губерний и поставили своих коров перед вокзалом, чтобы наслаждаться их молоком, пока длилось ожидание, которые разбазарили все

имущество и теперь спускали по дешевке его остатки, чтобы с одной только легкой кладью попасть на родину, пока еще было лето, пока можно было жить под открытым небом, спать на земле, на перронах, ездить в открытых повозках, на крыше, на подножках. Они направлялись туда, откуда другие бежали, хорошо зная, что нужно пересечь зону голода, пока еще был запас в мешке и кошельке.

Здесь же и путешественники, которым, как и нам, нужно было покинуть один поезд, чтобы захватить новый, плюс все те, кому такое завоевание уже много дней не удавалось.

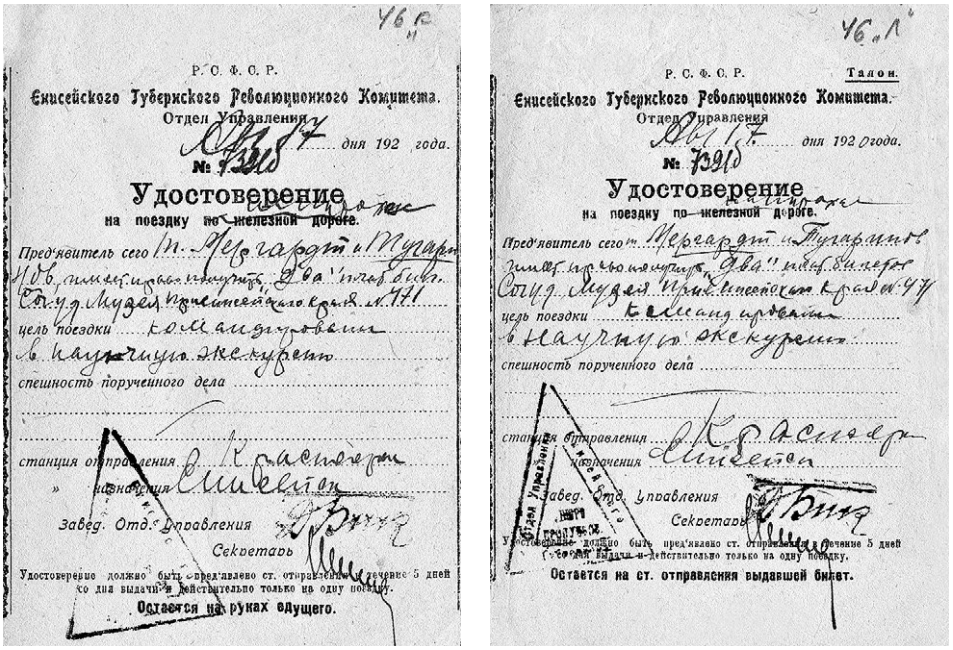
Мы провели, вероятно, полдня в этой сутолоке, внутренне понимая то, что такое может длиться еще несколько дней.

Перед вокзалом развернулся импровизированный рынок. Огурцы, ягоды, немного хлеба, заморозка самого сомнительного состава, примерно такая же курица, но прежде всего — соль, много соли: мелкая чистая, грубая грязная, белая, серая и отталкивающего цвета соль продавалась и торопливо покупалась. Дважды, трижды в час происходила короткая толкотня, спешный, вполголоса, выкрик, незаметное шныряние торговцев — показался милиционер. Мигом торговля сворачивалась, и покупатель мчался со своей добычей на вокзал, чтобы исчезнуть в суматохе. Один раз, когда такие переговоры на ходу потерпели неудачу и торговец не смог вовремя ускользнуть, он мгновенно бросился на землю, положил голову на мешок, натянул меховую шапку на лицо и притворился спящим. И с крайне утомленным видом повернулся к милиционеру:

— Да дайте же поспать, более ничего, я ехал три дня, не сомкнув глаз. — Страж порядка поверил ему так же мало, как и я, но из уважения к такому находчивому мошенничеству оставил храбреца лежать на улице, где его и нашел.

И я перекупил-таки у него его соль. Так как знал, как и все остальные, кто здесь при минутном пребывании по ту сторону моста через Иртыш в боязливой спешке и как можно более скрытно прижимал к себе полный мешок, что в течение следующих двух дней или еще дальше на запад соль останется единственной котируемой валютой, единственным платежным средством, необходимым при снабжении продовольствием. Мы проехали участок, где масло было лишь вполовину дороже, чем в Красноярске, и притом имелось в изобилии; теперь мы прибыли в область этой гигантской страны, где соль стала дороже серебра, и собирались ехать дальше, где за наличные деньги абсолютно ничего нельзя было купить, а за мешок зерна — пару сапог, за полный мешок соли, возможно, человеческую жизнь.

Затем я присел на нашу кладь и с нетерпением ожидал вещей, которые отправилась добывать моя смелая попутчица. Она поручила мне



Р. С. Ф. С. Р.
Енисейского Губернского Революционного Комитета.
Отдел Управления
дня 192 года.
№
Удостоверение
на поездку по железной дороге.
Предъявитель сего
цель поездки
спешность порученного дела
станция отправления
» назначения
Завед. Отд. Управления
Секретарь
Удостоверение должно быть предъявлено ст. отправления в течение 5 дней со дня выдачи и действительно только на одну поездку.
Остается на руках у едущего.

Р. С. Ф. С. Р. Талон.
Енисейского Губернского Революционного Комитета.
Отдел Управления
дня 192 года.
№
Удостоверение
на поездку по железной дороге.
Предъявитель сего
цель поездки
спешность порученного дела
станция отправления
назначения
Завед. Отд. Управления
Секретарь
Удостоверение должно быть предъявлено ст. отправления в течение 5 дней со дня выдачи и действительно только на одну поездку.
Остается на ст. отправления выдавшей билет.

Удостоверения Г. Мергарта и А. Я. Тугаринова на право проезда по железной дороге. 1920 г. *ККККМ*

не упускать из виду наше имущество и не огорчаться ничему, что могло случиться, пусть даже и отправлению нашего поезда. Мне бы даже не пришло в голову атаковать его, так как тогда мы бы точно оторвались друг от друга, и нельзя было предсказать, куда прибудет тогда наш багаж.

Я, наверное, часа два восседал на мешке с мукой, когда наш поезд подали на путь отправления.

Что за этим последовало, с трудом поддается наглядному описанию. Дикая, ожесточенно сражающаяся толпа бросилась на подкатывающуюся цепь вагонов, в одно мгновение повисла гроздьями на всех лестницах, шестах, ручках, молотила руками и ногами, давила более слабых к стенкам, загоняла под буфер, заставляла их кричать, кричала сама, приходила в ярость, кидалась друг на друга, рвала, орала, старалась залезть на окна и вырвать двери — короче, вела себя так, словно в битве против верной смерти пыталась добраться до последнего спасительного поезда.

Но все окна были закрыты, двери заблокированы. Вместо оконных стекол были только наспех вставленные доски, каждая с маленьким округлым отверстием в раме, а у дверей один за другим появились железнодорожники, прикрываемые вооруженной охраной.

Так что первая атака потерпела полное фиаско. Каждый входящий должен был предъявить свои бумаги, которые проверялись как железнодорожниками, так и солдатами. Это были то с криком проводимые, то тихие и безропотные переговоры. Многим было отказано, они бурно протестовали, разражались истерическим криком, судорожными рыданиями, взывали за помощью ко всем окружающим, не хотели освобождать завоеванное место у дверей. Но толпа не знала жалости, каждый верил, что может надеяться на место выпроваживаемого. Таковы были путешествующие, которые каждого отосланного торопливо вытесняли, устраняли, выжимали из толпы. Но если контроль позволял сесть кому-нибудь, чьи бумаги вызывали сомнения, то раздавался бурный протест со стороны напирающих:

— Спекулянт, буржуй... взяточник... как это называется? Смотрите, как подлецы помогают друг другу!.. — Человек, который после непродолжительных переговоров получил счастливый пропуск, намеревался подать свой чемодан. Он уже схватился за него, когда другой вырвал его из рук:

— Пусть едет без чемодана, мы, что ли, еще должны ему помогать, пусть ему черт помогает! — И чемодан сполз на землю, треснул, был растоптан и остался лежать вместе со своим уничтоженным содержимым под ногами буйствующих. Хозяин исчез в вагоне.

Это была оргия неприкрытого, отчаянного, самого безжалостного эгоизма. И я не мог представить себе, как можно было в такой борьбе протащить нас обоих вместе с нашим добром.

Наконец поезд был заполнен до такой степени, что контролирующая комиссия была вытеснена на лестницу и ожесточенно оборонялась против яростных атак. Появились очень серьезно выглядящие люди с револьверами на поясе, при приближении которых наступила удивительная тишина, а самые ожесточенные протесты высказывались крайне скромно. Некоторые немногие добились разрешения протиснуться за вагонные двери, остальная толпа растаяла в массе, которая, едва ли уменьшившись, переполняла вокзал, и перед вагоном остались только часовые, между которыми в одиночку, не спеша, туда и обратно прохаживался чекист. Дело «посадки» казалось улаженным.

Я больше не питал ни малейшей надежды переночевать в этот день где-нибудь еще, кроме как на платформе.

Но внезапно появилась моя славная Мария Петровна. Разгоряченная, помятая и в шляпке набекрень, но смеющаяся и довольная.

— Там была специальная касса для особых командированных. Дело шло ужасно, в конце концов я всей верхней частью туловища повисла в пространстве за дощатой перегородкой, где сидел комиссар.

Я думала, что мне снаружи переломают ноги и что стена обвалится. Человек не сдавался. Бог знает, что я ему наврала. Но я добилась своего.

О, бесподобная лженевеста! Она принесла разрешения для нас обоих ехать в специальном вагоне для особых командированных, что означало ни больше ни меньше, как иметь постоянное место днем и ночью и быть уверенным, что персон там будет не больше, чем мест. Почтовый курьер и двое из телеграфного управления составили нам общество, добродушные люди, которые пользовались своей курьерской службой, чтобы вести контрабандную меновую торговлю, во время которой всевозможные фабричные изделия из центра они превращали в сибирские продукты. С этими знатоками всей железнодорожной магистрали мы ехали к Уралу, они показывали нам расстрелянные станции, поезда, попавшие в катастрофу, лежащие рядом с железнодорожным полотном, с ними мы отпраздновали пересечение границы между Азией и Европой! Шесть с половиной лет назад я пересек ее в восточном направлении!

В Перми железная дорога из Сибири в Петербург пересекает водную артерию Камы, которая со своей стороны способствует присоединению к гигантской сети всей Волжской системы. Только сейчас меня покинула тревога, что какое-нибудь местное восстание задержит дальнейшую поездку на дни или месяцы. То, что на единственной транссибирской линии до Омска стало бы верным и непредвиденным препятствием и еще представляло бы чрезвычайную помеху на зауральских линиях, этого отныне можно было избежать с помощью более чем достаточных железнодорожных и водных магистралей. На западной стороне уральских лесных высот, признанных по старому договору границей между двумя континентами, я вздохнул облегченно. Я ехал по земле Европы, и, несмотря на дальние дали, которые пока отделяли меня от родины, мне казалось малостью пересечь этот скромный полуостров после того, как я освободился от чудовищных просторов Северной Азии.

Мария Петровна меньше доверяла моей дорожной смекалке. Прежде чем сесть в Перми на поезд для дальнейшей поездки, она отыскала человека, которому бы могла меня доверить, и в последний раз рассказала басню о нашей помолвке в подходящей версии, чтобы обременить молодого человека моей транспортировкой.

Ее глаз с достойной удивления точностью высмотрел нужного человека, так как мой новый квартирмейстер был, без сомнения, самым расторопным, самым надежным и самым дерзким индивидом из тех, кто сновал по перрону в ожидании поезда в порт. Кроме того, он носил униформу и оружие и обладал тем, что, так сказать, составляло его внутреннюю ценность, — документом, удостоверяющим личность

курьера подразделений связи вместе с сопроводительным документом, содержащим прямой приказ Ленина о преимуществах таких курьеров во всех поездках.

Он перенял меня с покровительственной благосклонностью, разрешил положить мне свой багаж к его мешку и приказал, чтобы я не спускал с него глаз при прибытии поезда и следовал его указаниям. Впрочем, на коротком участке следования мы легко нашли место и вместе с третьим попутчиком составили общество на дальнейшую поездку. Наше приобретение оказалось членом Чека Екатеринбурга, выглядело приятным и упитанным, носило неизбежный и уже сам по себе удостоверяющий законность револьвер и вещало мне больше о своем прошлом доверенного крупной торговой фирмы, чем о своей нынешней деятельности. Как «автор» я могу только сожалеть, что не могу сообщить ни зловещего, ни авантюрного об этом интересном попутчике, только простую правду о том, что он выехал, чтобы забрать свою жену с курорта и что он больше превозносил ее таланты домохозяйки, нежели приветливость в качестве супруги.

Картина речного вокзала в Перми мало чем отличалась от уже виденной в Омске. Новую нотку внесли лишь многочисленные татары, худые, тихие, жидкобородые фигуры в оборванных кафтанах, которые уныло шныряли вокруг или сидели на корточках на скрещенных ногах. Некоторые караулили, беспрестанно бормоча молитвы, мешок зерна, для спасительного приобретения коего они отправились в путь, другие, чьи мешки еще были пусты, обращались за советом к более удачливым, третьи без большой радости и гама торговались между собой о цене на меновые товары, которые они тащили с собой. Один рассказал мне, что хочет скупить столько продовольствия, сколько потребуется для бегства его семьи из голодного края.

Почему ему лучше сразу не уехать с семьей и перебиваться вместе с ними вместо того, чтобы тратить время на эту предварительную экспедицию?

Ну, тут уж ничего не поделаешь, один он еще мог получить разрешение на поездку, с семьей и имуществом его бы не отпустили. Я еще увижу такое, когда приближусь к реке.

— А если Вам не удастся ничего купить?

— Тогда мы умрем, господин. Тысячи умирают.

Я еще стоял, потрясенный и растерянный, когда он снова задвигал губами в тихой молитве.

Среди таких несчастных мы сгрудили наш багаж и распределили работу нового товарищества. Курьер ручался, что завтра он проведет нас на пароход, все равно, как это произойдет. А мы должны были взять на себя ночное дежурство и транспортировку багажа.

Чекист проворно передал мне вахту с полуночи до утра. Чуть позже двенадцати произошло небольшое волнение, так как вокзал был окружен и обыскан на предмет подозрительных личностей. А потом воцарились тишина и полумрак, в котором шныряли различные фигуры. Воровство велось в какой-то мере спортивно. Среди жертв, которые в свою очередь сновали, чтоб либо найти вора, либо найти замену своей утрате, был солдат, у которого прямо из-под головы утащили гимнастерку; один хорошо одетый человек был вынужден проделать дальнейшее путешествие босиком, потому что его сапоги пропали. Порой с переменным успехом велась короткая, почти всегда беззвучная охота. Не имело смысла кричать, так как большинство держалось индифферентно, и охота казалась более перспективной, пока большинство лежало на земле и посему не мешало обзору. Если удавалось поймать вора, то обворованный отбирал свое добро и шел спать. А зачем доносить? Завтра вы, возможно, окажетесь в подобном положении и легко отделаетесь, если заработаете только пинок.

Утром организовывалась обычная массовая вылазка за кипятком к гигантскому котлу каждой русской железнодорожной станции, который, вновь и вновь наполняемый и нагреваемый, оделяет всех путешественников водой для чая. Потом начиналось скопление у билетной кассы пароходной станции. Я без большого беспокойства смотрел на почти бесконечную очередь ожидающих, так как наш курьер производил полное впечатление, будто он вместе с нами уже получил место, даже если бы продавалось лишь три места. При этом ему даже не пришло в голову сначала встать в очередь, он просто вошел в кассу через служебные двери и, прежде чем первый стоящий в очереди успел что-либо вымолвить, уже держал в руке наши билеты.

Метода его путешествия мне вскоре стала ясна, поскольку теперь он уполномочил моего коллегу и меня нести наши вещи на причалившее к берегу судно, стоящее на якоре на набережной и снабженное подвижными мостками. Итак, мы потащили вещи по прибрежному песку и послушно остались стоять перед оградой, на которой табличка воспрещала подъем на судно, табличка, которая была подписана «комиссаром пристани».

Но наш предводитель энергично откомандировал нас на судно. Даже чекист считал такой образ действий рискованным, и я почти не сомневался, что мы, самое меньшее, с оглушительным треском улетим вниз. Разве что этого не придется долго ждать, так как к нам, фыркая, стремительно бросился человек с саблей и револьвером, и мы, носильщики, поспешно взяли багаж и начали отступательные движения.

Но не таков был наш главарь, который с прытью восемнадцатилетнего уличного мальчишки вступил в словесную перепалку и при

этом перекричал пароходного управленца. Оба вытащили револьверы, оба уверяли, что другой доживает свой последний день на свободе. Комиссар, так как это он и был, вызывал охрану и Чека, курьер ответно орал, что это чудовищное неуважение приказа Ленина, если ему, такому важному курьеру, мешают осуществить его путешествие так быстро и безопасно, как только возможно. У него абсолютно нет времени стоять в очереди[2], и из-за этого, если таковое произойдет, он может опоздать на пункт пересадки. Его противник возражал, что никому другому, пусть даже это будет лично народный комиссар, не будет разрешено взойти на причалившее судно прежде, чем он это позволит.

Я хотел самоустраниться под прикрытием этого рева, но его хозяин категорически приказал оставить багаж. И с размахом бросил свою курьерскую сумку на груду чемоданов, покрывал и мешков с мукой, объявив, что тем самым всю ответственность за свои бумаги он перекладывает на судового комиссара, и ушел с нами после того, как еще величественно сообщил, что мы составляем единое целое и нас ни в коем случае нельзя разделять. Вслед за чем совершенно довольно и успокоенно пошел с нами гулять и с ухмылкой сообщил, что его портфель хотя и содержал несколько бумаг, но они были хорошо запечатаны.

Человек явно знал толк в поездках. Потому что когда наступило время подняться на судно, он провел нас мимо всех нетерпеливо ожидающих к известному барьеру и, смотри-ка, недавний злейший враг сразу отодвинул первых людей обратно:

— Это место для этих трех товарищей! — Никто даже не ворчал. И мы вступили на судно в соответствии с нашими рангами, сначала курьер, потом чекист, после всех и тяжело нагруженный — я.

Каюта досталась курьеру через пять минут, чекисту — на следующее утро, а мне тем не менее — на вторую ночь. Впрочем, в каждой каюте обитали две персоны, которым предоставили делить одну-единственную имеющуюся спальную скамью. Мой компаньон, поляк и бывший офицер, сейчас красный комендант, предпочел отдых с часу ночи. В это время он и появился, чтобы тактично и любезно меня прогнать.

Так мне выпал удобный случай насладиться ландшафтом и восходом солнца на Каме и Волге и провести сравнения с Енисеем. Конечно, здесь тоже было прекрасно. С одной стороны — обрывистый берег, с другой — частично более ровные участки, там и сям — участки мало тронутой природы: то унылый хвойный лес, то широкая лиственная пойма, то изъеденный береговой склон, а между ними нескончаемые поля, луга, деревни, которые лишь незначительно отличались

[2] В оригинале текста приведено русское слово, написанное латиницей (*Otschered*).

от, правда, намного более редких поселений на Енисее, и несколько маленьких городов. Мы проехали на Енисее за восемьсот верст три города и несколько дюжин деревень. Несомненно, здесь, на Каме, заселение шло несравнимо более интенсивно. И все же культурный ландшафт лежит лишь как завеса над природой. Преображение всего фона искусственными сооружениями, крупными предприятиями, членение и дробление на части улицами, дорогами, проводами, сеть поселений, которая только приблизительно достигает средней плотности Европы, — всего этого не знает еще та сонная страна. Деревянные постройки деревень и более мелких городов мирно прижимаются к низинам и склонам, далеко-далеко простирается сельский край с немногочисленными узкими дорогами, свободный от заборов, обширный и немного пустынный в своем редком членении.

Впрочем, была не только глушь, как это свойственно русскому простору, а перед нами, чем дальше на юг мы скользили вниз по реке, расстилался край, над которым тяготело отчаяние иссушенных пашен, выжженных лугов, пересохших вод, край, над которым призрак голода и жалкой смерти колыхал свой бледный покров. Здесь демон неурожая выполол нивы до убого торчащих редких стеблей между искрошившимися сухими пластами, здесь он до последнего ростка вытоптал картофельные поля, здесь он выварил и распылил журчащие ручьи, бьющие ключом источники, живительные воды глубин. Теперь от деревни к деревне, от дома к дому мучительно ползла нужда, спугивала, вынуждала бежать, заставляла покидать родной очаг и выбираться на реку, путь в неизвестную даль. Там вырастали лагеря безутешной скорби, бедные хижины и палатки из ветвей и тряпок, в которые, словно в насмешку, с небес хлестала вода, до тех пор, пока эпидемия и смерть не выползли из грязи и тины и не лишили столь многих бесконечного ожидания судна, помощи, спасения и чуда.

Правду сказал старый татарин в Перми: «Умрут тысячи». И все же его слово было верно только для этой окраинной зоны огромной страны голода, которую пересекал наш корабль, так как дальше на юге жертвы этой кары исчислялись десятками и сотнями тысяч. Если вообще возможно было сосчитать их!

Хотелось бы узнать мысли просветителей и агитаторов, которые плыли нам навстречу на собственном пароходе. Свое судно они обтянули со всех стен, бортовых решеток, надстроек и мачт гигантскими красными и пестрыми матерчатыми полотнищами, яркие картины которых искусно и понятно каждому простаку изображали нищету и насилие царского времени, счастье и спасение коммунистического идеального государства. Злоупотребления офицеров, разгульную жизнь капиталистов, хитрость попов, нищету барщинных крестьян, бедствия

обманутых, унизительный упадок бедняков — все это можно было видеть в грандиозных, убедительных картинах. Светоносно и избавительно рядом с этим соседствовали сцены из армии братьев, в которой командир — друг и товарищ солдата, виды уютных комнат, где стар и млад постигают плоды чтения и письма и пользуются при обучении трудами просветителей, символические композиции, которые показывают рабочего, который протягивает своему товарищу-крестьянину фабричную продукцию, принимая взамен хлеб.

Всецело отдавая должное пониманию бесхитростной души, простой мощи, с которой идеи здесь были претворены в картины, твердому убеждению, которое явствовало из всего размещенного материала, я все же сильно сомневался, многое ли из этого послания, которое было преподнесено вместо хлеба и спасения, воспринимали лагеря голодающих на Каме.

Спустя трижды по двадцать четыре часа мы приблизились к месту высадки в Казани.

Все время, пока мы плыли по Волге, можно было наблюдать всевозможную судовую жизнь. Огромные, абсолютно плоские и глубоко сидящие баржи тянулись на длинных постромках за буксирами, большие речные пароходы, вместительность которых, комфорт и прекрасное оснащение оставались эффектными при любом упадке, спешили своим путем, а мелочь всех видов проворно сновала туда-сюда, особенно вблизи пристаней. И все же преобладало впечатление застоя, который довлел над всей великой жизнью Волги-матушки. За одной слабо загруженной баржей шли десять пустых, а двадцать других давно уже отдыхали на берегу в беспорядочном нагромождении. Пакгаузы слишком часто зияли пустыми воротами в тишине грузовых трапов, народ с буксиров и носильщики слонялись вокруг без дела, голодные и оборванные, или без особой радости выполняли незначительную работу, которую как-то нужно было сделать.

Незабываем образ вождя одной из таких партий, люмпенской фигуры, перед которой померк бы каллотовский нищий[3]. Человек взошел на борт во главе группы грузчиков, чтобы перетаскивать тяжелые свинцовые слитки, которые мы, по-видимому, привезли с уральских плавильных заводов. Он поднял один из слитков обеими руками, взвесил его, положил его и обратился с язвительной ухмылкой к своим вассалам, которые стояли вокруг с бледными, ввалившимися лицами, бессильно свисающими конечностями и искривленными спинами, подобно толпе нищих.

[3] Автор имеет в виду серию офортов «Нищие» французского рисовальщика и гравера Жака Калло (ок. 1592–1635).

— Нет хлеба, — сказал он, — только свинец, ничего, кроме свинца. Наверное, нужно много свинца.

— Ну, взялись, ребятушки мои, братки, — добавил он, когда капитан судна недовольно потребовал продолжать работу и не болтать. Пыхтя и пошатываясь, они пошли на берег с тяжелой ношей. В Казани нам ничего больше не нужно было выгружать, кроме людей.

В этой книжице я совершенно пренебрег тем, чтобы дополнить мои воспоминания с помощью литературы или освежить память картинами, которые, в конце концов, можно без особого труда найти в любом географическом путевом очерке. Из быстро сменяющегося калейдоскопа возвращения на родину мне запомнились разве что мгновенные впечатления, которые удивительным образом стерли все, что должны видеть и описывать добросовестные путешественники. Но я ведь не был туристом в обычном смысле слова и даже не думал о том, чтобы письменно фиксировать увиденное, я шел своим путем именно для того, чтобы оставить позади этот путь, озабоченный тем, чтобы, пока возможно, сохранить жизнь и здоровье, гонимый стремлением исполнить свою работу и распланировать все таким образом, чтобы не дать времени преследующему меня року закрыть врата, за которыми была вожделенная родина.

При воспоминании о пристани в Казани перед моими глазами возникают две крохотные картинки, которые оказались сильнее, чем все иное, что попадало в поле зрения, — два верблюда, которые стояли высоко наверху на голом песчаном берегу и застывшим покоем своих очертаний производили впечатление вывески фирмы, самым простым способом возвещавшей, что, несмотря на Урал и пограничный обелиск, я еще не окончательно пересек рубеж между Европой и Азией, Западом и Востоком; и вторая картина — желтый лоскут, который один матрос из какого-то воспоминания поднял как знак холеры.

С пристани нас уже окликали, откуда мы прибыли и была ли на борту эпидемия. Но среди нас нашелся человек, который, как минимум по его собственному утверждению, был врачом, объявивший, что на пароходе эпидемии нет. После чего без дальнейшего освидетельствования нам позволили сойти. Лишь еще раз проверили бумаги каждого в отдельности и согнали обычную стайку арестованных.

Четырнадцать дней я провел в Казани. Достаточно времени, чтобы капитально изучить музей университета[4] и вдобавок основательно

[4] Объединенный этнографический и археологический музей на базе географического кабинета кафедры географии и этнографии Казанского университета (в настоящее время — этнографический музей КФУ) открылся в конце марта 1914 г. В то время в этом музее были сосредоточены этнографические и археологические коллекции из разных музеев университета (см.: *Гущина Е. Г.* Этнографический музей Казанского уни-

исколесить известный с древности город. Только в то время отказывались служить не только теории чистого и неразбавленного идеального коммунизма, но и некоторые другие, например о распределении времени на поездки.

Первую проблему — размещения — с сердечной любезностью решил мой хозяин профессор Адлер[5]. Он ютился в квартире, которая, по сути, была его складом мебели, и ему не раз приходилось вскрывать свои короба в поисках меновых товаров, так как даже самый экономный метод раз за разом хоть на день обманывать голод требовал множества жертв всего имущества. Тогда в Казани государство выдавало пять фунтов овса на душу в месяц, а к этому в газете — рецепты по его переработке и приготовлению. И все. Принимать визитеров при таких обстоятельствах воистину означало подавать едва ли превзойденный пример гостеприимства и коллегиальности. И без того мой хозяин дома жил в сильной тревоге об участи жены и детей, которых он отправил в Швейцарию и знал, что они без средств.

Несмотря на все это, он предложил мне кров и стол, но его было трудно сподвигнуть на то, чтобы потреблять вместе мои убывающие путевые запасы. Только когда я потратил полдня на то, чтобы из последней муки изготовить сухарь, тогда неутолимый вечный голод победил всяческое самоотречение, и мы устроили себе скромный банкет, вместе с одной студенткой и одним студентом — дармовыми квартирантами моего хлебосола. Но и самому скромному было тяжело с удовлетворением вкушать свои скудные куски, так как на каждом шагу, на всех дорогах и через каждое выходящее на улицу окно просили милостыню громко причитающие или молча сетующие голодающие. Как можно было без мучений проглотить несколько пригоршней еды в обрез для поддержания жизни и работоспособности, если за окном появлялось привидение со впавшими глазами и с жалобным стоном просило хоть крошечку. Если оделить пусть четверых или пятерых таких просящих, то израсходуешь все свои запасы, не оказав помощи каждому из них дольше чем на несколько часов. Число нищенствующих между тем с каждым днем все увеличивалось. Иной, кто напрасно

верситета: история формирования и основные этапы развития. Казань: Отечество, 2013. С. 50–60; *Руденко К. А.* История археологического изучения Волжской Булгарии (X — начало XIII в.). Казань: Школа, 2014. С. 306, 307). Мергарт познакомился в нем с коллекциями бронзового и раннего железного веков с территории Волго-Камья и Урала, а также из Ананьинского могильника.

[5] *Адлер Бруно (Вильгельм Карл Адольф) Фридрихович* (1874–1942), этнограф, географ, музеевед. С 1911 г. экстраординарный профессор на кафедре географии, этнографии и антропологии Казанского университета, возглавил музей при кафедре. С 1920 г. во главе Центрального музея ТАССР. Некоторое время поддерживал связь с Г. Мергартом в переписке. См.: *Гущина Е. Г.* Этнографический музей Казанского университета: история формирования и основные этапы развития. Казань: Отечество, 2013. С. 46, 47, 50, 51, 55–57, 68.

облазил пол-улицы, обессилевал на следующем углу и покорялся смертной доле. С кем-то делились тонким ломтем хлеба, а кто-то был уже не в состоянии дотащиться до окна.

Но мало таких страданий! Дальше и дальше расползалась холера. Там и сям на улице, у ограды, стены или куда они еще доползали, чтобы испустить дух, лежали ее жертвы. Их стоны и судороги обращали в поспешное бегство всех, кто проходил мимо, но никого не побуждали помочь. Только когда наступала смерть, час, два часа спустя появлялась тележка с трупами, которая подбирала скорченные тела. Затем над местом разбрызгивали известь, и не оставалось ничего, кроме этого светлого пятна, memento mori, которое все чаще и чаще появлялось на уличной картине.

Нет, это не был город, который бы приглашал к созерцательному или просто беглому обходу местности. Все, что я здесь увидел, были улицы и дома, куда мне нужно было зайти, чтобы поработать, уважаемый и почтенный университет, находящийся на стадии возникновения Центральный музей — чудо становления среди разрухи и распада и многие учреждения, которые мне приходилось долго искать и часто долго осаждать, чтобы чего-нибудь добиться в деле моего дальнейшего путешествия. Нужно было преодолеть трудности, которых как раз нельзя было предвидеть. Эвакуационное ведомство[6] любезно выразило свою готовность как можно скорее отправить меня в Москву, ведь я был единственным пленным, которого они увидели за долгое время. Но меня предостерегли, что в этом случае я больше не смогу влиять на свой дальнейший путь или пребывание в метрополии, а буду отправлен по маршруту транспортировки.

Наконец профессор Адлер раздобыл мне фиктивную командировку Центрального музея, научным сотрудником которого я был назначен. Комиссариат просвещения Татарской Республики не видел сложностей в том, чтобы незамедлительно отпустить человека, которого он нежданным подарком получил из Красноярска, а Чека после двухдневного наведения справок была настолько хорошо информирована, что выдала мне пропуск. Но все это поглотило гораздо больше половины моего времени, и в конце я еле вырвался, когда распространился слух, что все уезжающие сначала должны подвергнуться вакцинации.

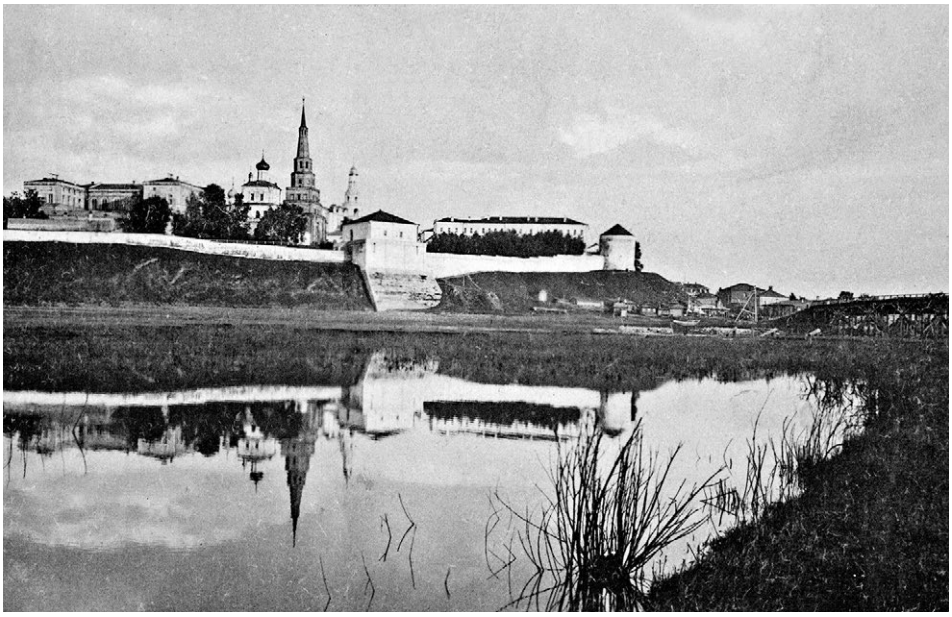
Такого рода дороги вели меня по длинным улицам, еще хранившим следы привольной красоты дореволюционной Казани, а с крепостного

[6] Татарское управление по эвакуации населения. В мае 1918 г. была создана Казанская губернская коллегия о пленных и беженцах, реорганизованная в апреле 1920 г. в губернское управление по эвакуации населения, в октябре 1920 г. — в Татарское управление по эвакуации населения.

холма открывался вид на монотонный кубизм татарского города, на фоне которого выделялись минареты мечетей, и можно было догадаться о бурной торговой жизни прежних времен, когда склады были забиты товарами, а торговые и фабричные магнаты жили в своих роскошных домах. Все это кануло в Лету. Некоторые немногие собранные кое-как из остатков в единое целое гостиницы, на чьи мошеннически высокие цены я не мог себе представить ни одного претендента, несколько парикмахерских лавок и редкие уличные торговцы составляли теперь всю экономическую жизнь, если только она, применяя старое русское выражение, не осуществлялась «из-под полы». При этом столовые и парикмахерские представляли собой «новое» достижение, первых ласточек, которым снова разрешили взлететь после шторма национализации. А уличные торговцы выставляли на продажу грязные плоды, какие-то кондитерские изделия подозрительного вида и лимонады, при виде которых я не мог освободиться от чувства, что они содержали чистые культуры холерных бацилл. Еще хранившие следы былого великолепия дома прежних богачей были заброшены или пришли в упадок. По многим из них, населенным ныне пролетариями, издалека было видно безразличие этих невольных оккупантов. В некоторых были размещены детские дома, широко разрекламированные, но этими показательными мерами все и ограничивалось, и ни одному человеку не приходило в голову позаботиться о бродившей стайками совершенно опустившейся молодежи. Однажды ранним утром, идя по улицам на вокзал, я встретил более полдюжины самых жалких бродячих детей, которые ночевали прямо на мостовой и теперь с жалобными стонами пытались защитить себя от утреннего холода лохмотьями, остатком пальто или мешком. Они были слишком истощены, чтобы самостоятельно просить милостыню.

Я не понимал, как это при такой нужде еще существовали торговцы, которые отваживались открыто продавать съестное, пусть даже убогого вида. Конечно, тот, кто каким-то образом, в неутомимых заботах, спас от засыхания огородик с овощами или маленькое картофельное поле, день и ночь караулил с дубинкой в руке — и правильно делал, объединяясь для такой караульной службы с соседями, чтобы отражать набеги. Но то, за что отчаянно сражались на окраине города, к моему непреходящему изумлению, не находило отголоска на улицах, как никогда я не видел торговца, который бы хоть зернышко подарил голодному и, может быть, уже почти умершему от голода.

О том, как велика была нужда во всех кругах, может свидетельствовать маленькая история, которая одновременно позволяет отдать должное всепобеждающей любезности русской натуры. Мне нужно



Казанский Кремль и река Казанка. Начало XX в. *ККМ*

Казенная пристань на Волге. Начало XX в. *ККМ*

было передать приветы профессору Катанову[7], минусинскому татарину по происхождению, широко известному ориенталисту, который преподавал в университете. Я пришел к нему как раз тогда, когда он и его жена садились за вечерний чай; первой фразой, которую произнес маленький знаменитый ученый после слов приветствия, была:

— Я так рад, что нам как раз подарили три яблока. Так я смогу хоть чем-то Вас угостить. — Действительно, на столе стоял самовар, а рядом с тарелкой, на которой было три крохотных яблока, лежал кусок хлеба шириной едва ли с ладонь — это все, что составляло ужин обоих стариков, в котором я, несмотря на все сопротивление, был вынужден принять участие.

Катанов заметил, как бы извиняясь, что он всю жизнь жил просто и его библиотека была единственной роскошью, единственным чем-то годным на продажу в его квартире.

— Но кто, — прибавил он, мило улыбаясь, — вообще даст мне сегодня что-то за книги, хотя бы съестного?

Еще долго после того, как я покинул Казань, этот кошмар оставался со мной, и не иначе, как с безграничным уважением я могу вспоминать ученых и музейщиков, которые в это время самой изнуряющей нужды оставались стойкими, верными своим целям, даже более — работали с удвоенным напряжением сил по спасению и сохранению того, что в тот момент подавляющее большинство их сограждан склонялось бросить на произвол как нечто абсолютно бесполезное.

Именно они, которых так охотно и довольно часто совершенно несправедливо клеймили как контрреволюционеров, в известной степени и были достойны называться «героями революции».

От Казани до Москвы было не больше двадцати шести часов пути. Немного осложнил дело приступ малярии, особенно когда по прибытии он еще не миновал стадию лихорадки, так что я именно в следующем за ним изнуренном состоянии должен был шататься по городу.

Зато на вокзале в Москве нашелся парень, который предложил услуги грузчика, примечательный пример частного предпринимательства. Ввиду моего состояния человек повел меня пусть и окружным путем, но все же так, что через каждые несколько сотен шагов мы могли пользоваться скамейками. Мы медленно миновали прекрасный

[7] *Катанов Николай Федорович* (1862–1922), хакас по национальности, выдающийся российский языковед и этнограф, исследователь тюркских языков и народов, автор более 300 трудов. С 1893 г. профессор Казанского университета. Скончался в марте 1922 г. от тяжелой болезни — гнойного плеврита, с которым долго боролся «его ослабленный умственной и физической работой», «изнуренный недоеданием» организм. О встрече Н. Ф. Катанова с Г. Мергартом см. также: *Детлова Е. В.* Встреча в Казани (к биографии Н. Ф. Катанова) // Енисейская провинция. Альманах. Вып. 4. Красноярск: ККМК, 2009. С. 352–354.

Н. Ф. Катанов с сибирячками. 1901 г. *ККМ*

сектор великолепных сооружений, которые, подобно кольцу в Вене, огибают центр города большой дугой. Проводник не видел причины слишком быстро расстаться с человеком с более или менее наполненным кисетом и получал удовольствие от показа мне того, что он сам считал достопримечательным.

И это были не только великолепные здания полуевропейского, полурусского вида, которыми так богат старинный царский город, и не памятники, которые отчасти еще все-таки можно было видеть неразрушенными или не заколоченными, даже не бесчисленные церкви — эти самые русские из всех строений, — или открывающиеся при случае виды на фрагменты панорамного облика города. Достопримечательностями Москвы, в понимании моего проводника, были сожженные или разрушенные артиллерийским огнем дома, рынки с передвижными прилавками, магазины, за гигантскими стеклами которых кучка старых залежавшихся товаров или домашней ветоши пыталась изобразить прискорбно-смехотворный ассортимент, причудливые лубочные памятники, наполовину монументы, наполовину дощечки с эпитафиями с оттенком дидактической революционной

педагогики и едва различимые остатки наспех сделанных укреплений для уличного боя — то есть все то, что имело отношение к революции и ко вновь пробуждающейся экономической жизни.

Не без гордости он указал на то, как чисто руины разрушенных зданий сглажены до куч щебня, вокруг которых вились хорошо выметенные тротуары, как заботливо восстановлена мостовая над окопами, даже сооружения казались приведенными в исправное состояние. Также он обратил мое внимание на то, чтобы я не забыл попросить кого-то более сведущего показать мне дам из старого дворянства, которые выставляли на продажу на рынке несколько чайных чашек, старую шляпу, парижский туалет или что-то из ювелирных украшений. Кроме того, я должен констатировать, что под прилавком можно было купить «практически все», даже перочинные ножи и самовары, не говоря уже о хлебе всех сортов, сыре, колбасах и пирожках с мясом; я даже получил хороший совет: так же скоро, как и сами торговцы, исчезать при приближении солдатских подразделений, так как иногда все еще происходили внезапные облавы, которых лучше избежать. Короче, когда мы прибыли к моей хозяйке, которую мне порекомендовали в Казани, по мнению моего ментора, я знал все, что было примечательного в новой Москве, и со своей стороны уже приобрел смутное представление о старой Москве, которая, как мне казалось, была уютным городом-гигантом, размеренно, но успешно приспособившим свою старомодную роскошь к более стремительной жизни.

Двадцать восемь дней я наслаждался этим мегаполисом, внутренний комфорт которого только недавно встретил ужасный конец, но внешнюю магию которого не мог стереть и неумолимо сжимающийся кулак пролетарской диктатуры. Только непричастный зритель, которому удалось созерцать без гнева и пристрастия[8], мог наслаждаться Москвой тех дней. Но что меня лишило дара речи, так это то, что в одном месте статуя царя на коне была сорвана с зеркального гранитного цоколя, а смешная картонная табличка на веревке возвещала, что это место было «зарезервировано» для памятника трудящемуся народу; что меня огорчило, так это обитавшие в роскошнейших отелях негры, индийцы, китайцы и бог весть какие еще делегаты как раз тогда заседающего Коммунистического интернационала[9]; что меня задело, так это то, что во многих мчащихся вокруг автомобилях сидели только красноармейцы в их комичных матерчатых островерхих касках или фигуры зачастую довольно бутафорских пролетарских габитусов.

[8] В оригинальном тексте: *sine ira et studio* (лат. «без гнева и пристрастия»).

[9] Третий конгресс Коммунистического интернационала проходил в Москве с 22 июня по 12 июля 1921 г.

Москва, памятник Александру II в Кремле. Начало XX в. *ККМ*

И даже не факт, что шелковые чулки были верным признаком близких отношений их носительницы с одним из новых власть имущих, мог обеспокоить меня, и даже не то, что их носительница прежде явно жила в терпимой или даже со всех сторон признанной связи с авторитетом былых времен. Но почему я должен был скрывать блаженство, с коим вступал в изобилующую серебром и драгоценными камнями часовню, у дверей которой благоговейные богомольцы целовали руку попу, а через двадцать шагов прочитать лапидарную надпись, что религия — опиум для народа. Когда в Историческом музее я полчаса не мог дозвониться по телефону, я за двадцать минут просто добрел до одной из цитаделей Интернационала, отыскал старого товарища, который там служил, и через несколько секунд располагал желанной связью.

Одним словом, хоть от меня ускользнуло очарование старой московской жизни, я веселился, наслаждаясь прелестью новой. Впечатление усиливало то, что у немногих ворот, которые врезались в мощные обводные стены Кремля, несли службу решительно выглядящие вооруженные люди, среди языков которых русский не всегда доминировал. В совершенном восхищении, однако, я лицезрел принесение присяги курсантами, которая нарочно проходила перед неслыханно великолепным храмом Христа Спасителя и заканчивалась старой доброй переработанной военной присягой и «Интернационалом». Единственное изменение формальности заключалось в том, что на этот

раз у гражданских зрителей сбивали шапки с головы, если они не сразу их снимали или своевременно не скрывались. Похоже проходил пышный похоронный ритуал, с соблюдением которого важных покойников и здесь, и где-либо еще несли к могиле. Один из скороспело открытых где-то гениев социалистической культуры изобрел фантастический «аэровагон»[10], который, если я правильно понял газеты, с помощью пропеллеров достигал невиданной скорости. Правда, в могилу несли не великого изобретателя, а первых пассажиров этого чудесного поезда, а именно: делегатов Интернационала. Оцепленные улицы, шпалеры войск, союзы с флагами, машины с венками и почетная могила — не было забыто ничего из старой процессии, не отступили даже от унаследованного традиционного русского обычая нести покойника по улицам в отрытом гробу. Единственным существенным различием было то, что в гробу лежал не князь или полководец, а несколько рабочих. Но именно эти главные персоны были заинтересованы в происходящем так же мало, как и прежде князь. Так что даже в этом отношении все оставалось прежним.

Несмотря на удовольствия, которые сулило пребывание в крупном центре, мое существование проходило вполне обыденно. Борьба с ведомствами началась в первый же день. Каждый приезжий должен был сначала уведомить, чтобы его зарегистрировали, и получить свой продовольственный ордер. Уже рано утром перед единственным регистрирующим учреждением этого сердца советского государства собиралась внушительная толпа людей, и как только ворота открывались, начиналось соревнование и штурм бюро по нескольким аристократически широким лестницам. За один миг образовывалась гигантская очередь, которая перед каждым окошечком делала несколько петель, чтобы остальным телом и неизменно подрастающим хвостом затеряться на лестничной клетке или этажом ниже остаться на улице. И затем стартовало исключительно медленное, шаг за шагом, продвижение вперед, так как девушки за перегородкой относились к своему делу очень серьезно и основательно проверяли каждого, прежде чем записать прибывшего в гигантской книге и поставить спасительный штамп на его бумаги.

[10] Речь об изобретении инженера-самоучки Валериана Абаковского. «Чудо техники» представляло собой модифицированный железнодорожный вагон, который приводился в действие авиационным двигателем, вращавшим двухлопастный деревянный винт. Предполагалось, что он сможет развивать скорость до 140 км/ч. После успешных испытаний было решено прокатить на нем из Москвы в Тулу делегатов III Всемирного конгресса Коммунистического интернационала и Профинтерна. 24 июля 1921 г. близ города Серпухова на скорости 85 км/ч вагон сошел с рельсов и слетел в кювет. Погибшие были похоронены в братской могиле у Кремлевской стены. См.: *Ишков С.* Последний «полет» аэровагона (http://mospravda.ru/2019/07/24/119159).

Конечно, каждый из отказников пытался вступить на путь переговоров, но с теми особо не церемонились, и женщина, которая перед окошечком опустилась на колени и, крича, умоляла о регистрации, несмотря на ее истерический плач, была холодно и решительно выпровожена.

К полудню и я протянул судье свою бумагу с прекрасной татарской печатью, а две минуты спустя узнал, что мое пребывание признанно незаконным, потому что я хоть и имел командировку из Казани, но по документу, удостоверяющему личность, был из Красноярска.

Вторую половину дня я потратил на то, чтобы достать себе подтверждение от музейных органов власти, согласно которому я действительно был направлен по служебным делам.

Наступающий день застал меня по утренней росе перед известными воротами, так что на этот раз я уже в первой половине дня оказался перед окошечком. Моего подтверждения хватило как минимум на то, чтобы избавить меня от выгона взашей и сделать обладателем красной бумажки, которая обеспечивала мне доступ к начальнику регистрации. Хотя здесь количество ожидающих было меньше, зато длительность переговоров — больше и, кроме того, увеличивалась за счет перерывов, о причинах которых мы, стоящие снаружи, могли только догадываться. Только через несколько часов я стоял перед представителем власти, в чьей компетенции было определить, был ли я вне закона или мог спокойно отдаться своей работе.

Мой уже достаточно наметанный взгляд подсказал мне, что чиновник-партиец прежде был предположительно слесарем и невежей, если такое обозначение не оскорбляет величия народа. Он пренебрег тем, чтобы ответить на мое скромное приветствие, восседал на стуле с выражением рассерженной скуки, а перед ним лежал, наряду с немногими письменными реквизитами, убийственно большой револьвер.

Мои бумаги он изучил бегло, мои высказывания выслушал абсолютно хладнокровно.

— Завтра Вы должны вернуться в Казань, — таковым было его бесстрастное решение.

Я обнажил связку моих запасных бумаг, описал телеграфным стилем мое положение пленного на пути домой, который должен выполнить еще научные задачи, и закончил просьбой лишь отослать меня позже и в Петроград.

Совершенно железным человек все же не был. Он милостиво позволил зарегистрировать меня, но тут же объяснил, что позаботится о том, чтобы после завершения моей работы я был отправлен в Казань.

Я начал еще раз смиренно и испуганно. Но он начал поигрывать рукоятью пистолета и прервал меня резким заявлением:

— И я гарантирую Вам, что Вы не поедете в Петроград. Уясните!

То, что я должен понять его, я счел слишком большим требованием, но понял, что мне предпочтительнее исчезнуть.

Во второй половине дня я стал обладателем чека на один ежедневный обед в государственной столовой.

Было бы ошибочно думать, что тем самым вопрос моего пропитания хотя бы отдаленно приблизился к своему решению. В течение месяца, который я прожил в метрополии, гражданин не получал ни лота положенного хлеба, и пища в столовой состояла из одного черпака грязной воды, в которой, в зависимости от меню, плавали несколько бобовых стручков или несколько рыбьих костей. В качестве второго блюда следовали три сушеные сливы. Я питался в бывшем венском кафе, с диванами, потертое бархатное нутро которых зияло абсолютно изношенными пружинами. Вокруг в вышине парили упитанные, задорные фигуры ангелочков и легкомысленно одетых прелестниц, а внизу на каждом, буквально каждом столе, покинутом гостем в последние четверть часа, лежали три раскушенные сливовые косточки. Их содержимое тоже составляло существенную часть трапезы!

Этим едва ли можно было поддержать существование. Какое-то время я занимал место уехавшего музейщика за столиком любезных коллег из Исторического музея. Они питались в ресторане некогда первоклассного отеля, то есть в привилегированном кафе, где были скатерти, приборы, чистота и даже еда. Изгнанный из этого рая, я нашел приют у двух сапожников, один из которых был академическим художником, другой инженером, оба — военнопленные венгерские офицеры. Здесь ежедневно и в неизменной пропорции варился картофельный суп, блюдо, которое еще было по силам моему тающему дорожному миллиону, тем более что порция была неограниченной. К тому же раз в неделю начальник цеха посещал товарища, который распределял хлеб у одной никогда не ставшей мне известной категории современников; в такие дни он возвращался с сумкой, содержащей подлинную коллекцию образцов различных сортов хлеба во фрагментах неопределенного очертания. Впрочем, моментальное распознавание самых вкусных из них развилось до совершенства у всех участников этих оргий.

Вечером я имел обыкновение готовить собственную еду из пожертвований шведа. А долг перед хозяйкой моего пристанища я уже оплатил сообщением всех газетных новостей, которые я, подобно всем другим простым смертным, снимал со стены, заготовкой ей дров на зиму и ремонтом ее крыши дома. Выражение «ремонт» несколько преувеличено. На настоящий «ремонт»[11] крыша была, как

[11] В оригинале текста приведено русское слово, написанное латиницей (*Remont*).

и множество всех крыш Москвы, записана в государственной мастерской. Но так как дождь в течение указанных месяцев ни на минуту не прекращался, то я соорудил широко разветвленную систему желобов и труб, жестянок для капель и водосборников из старых умывальников, угольных чанов и банок из-под маргарина былых времен, систему, которая вскоре потребовалась всему чердаку; кульминацию ее представляла бочка, содержимое которой нужно было только вычерпывать и носить вниз по лестнице, чтобы потолок оставался сухим. Если при этом ты спотыкался на чердачной лестнице, то экономил на спуске вниз.

Не думайте, что при такой жизни я забыл об истинной цели моего пребывания. Однако в полном осознании того, что гражданину нужно было преобладающую часть дня все же проводить в учреждениях и на пути к таковым, рабочий день в музее был ограничен часами с 11 до 3. В течение этого времени я мог так или иначе вознаграждать себя почти неизмеримыми сокровищами Исторического музея. Если четверть времени я тратил на то, чтобы с сожалением побродить мимо всего того, что, вероятно, мог бегло осмотреть, но ни в коем случае не изучить или даже зарисовать и записать, тогда оставалось лишь около трех часов в день. А в Москве есть еще превосходный Румянцевский[12] и состоящий по большей части из гипсовых слепков музей Александра III. И я не мог отказать себе в том, чтобы увидеть богатую Третьяковскую галерею.

Кроме того, однажды я выступал в Историческом музее[13] и также не мог отклонить почетное персональное приглашение профессора Анучина[14] прочитать доклад в тогда еще существующем Московском

[12] *Румянцевский музей* — один из первых публичных музеев России. Открыт 26.05.1831 г. в Санкт-Петербурге. Создан на основе коллекций графа Н. П. Румянцева, в 1861 г. переведен в Москву и объединен под одной крышей с «Московским Публичным музеумом»; в 1862 г. в его составе был выделен отдел древностей, который после расформирования музея влился в 1925 г. в ГИМ. См.: *Семенова Н. Ю.* Румянцевский музей // Российская музейная энциклопедия. М.: Прогресс; РИПОЛ классик, 2005. С. 563–565.

[13] *Государственный исторический музей* — крупнейший исторический музей России, основан в 1872 г., с мая 1877 г. Императорский Российский исторический музей, позже Государственный исторический музей. В 1919 г. был реорганизован, в 1921 г. в его структуре выделены шесть отделов, среди них — археологический, куда стекались находки со всей страны. В 1920–1930-х гг. в музей были переданы коллекции из Государственного музейного фонда и расформированных музеев (включая Румянцевский). См.: *Федосеева И. В.* Исторический музей // Российская музейная энциклопедия. М.: Прогресс; РИПОЛ классик, 2005. С. 237–241.

[14] *Анучин Дмитрий Николаевич* (1843–1923), географ, антрополог, этнограф, археолог, публицист, общественный деятель, профессор Московского университета (1884), академик (1896), почетный член (1898) Петербургской Академии наук, товарищ председателя Московского археологического общества (с 1888 г.), основатель музея антропологии при Московском университете (1879), президент Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (1890). В 1885 г. возглавил кафедру географии и этногра-

археологическом обществе[15], в особенности после того, как старый ученый с любезнейшим терпением водил меня по своей коллекции в университете.

Одна из многих прекрасных черт натуры русских — они никогда не высмеивают иностранца, который грешит в их языке. Вероятно, полтора часа длился мой доклад на моем теперь уже беглом и ох каком неверном русском, но ни одно движение бровей не выдало мучений, которые я причинял ушам моих слушателей. Мне даже оказали честь назначить меня членом-корреспондентом этого достойного уважения объединения. Почему оно едва ли годом позже безапелляционным решением было расформировано, я не знаю, но в любом случае это упразднение обеспечило мне прискорбное преимущество быть его последним членом-корреспондентом.

Кроме того, тому докладу я был обязан подарком в виде книг, для хранилища которых отныне служил отправленный с почестями на пенсию мучной мешок, и, помимо этого, знакомством с человеком, который в моей памяти навсегда останется примером пленяющей вежливости.

Это был прежний директор Исторического музея[16], обладатель одного из самых звучных княжеских имен старой России, который по ложному обвинению провел шесть месяцев в тюрьме. Элегантный пожилой господин приветствовал меня в здании вышеназванного общества словами: «Я сердечно рад тому, чтобы вчера меня освободили

фии Московского университета, в 1919 г. — кафедру антропологии, с 1922 г. — Институт антропологии. См.: *Алымов С. С.* Д. Н. Анучин: «Естественная история человека в обширном смысле этого слова» // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М.: Наука, 2004. С. 7–48.

[15] Московское (в 1881–1917 гг. Императорское) археологическое общество было основано 17 февраля 1864 г., когда состоялось первое заседание под председательством основателя общества графа А. С. Уварова. Целью общества было провозглашено «исследование археологии вообще и преимущественно русской» (Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 3. СПб.: Тип. акц. об-ва «Издательское дело», Брокгауз-Ефрон, 1890. С. 236–238). Доклад Мергарта был посвящен палеолиту Енисейской губернии. О выступлении Мергарта см. также: *Мергарт Г.* «Воспоминания о Советской России». Письма. Красноярск: КККМ, 2019. С. 57.

[16] *Щербатов Николай Сергеевич* (1853–1929), князь, егермейстер двора (с 1903 г.), брат П. С. Уваровой, товарищ председателя строительной комиссии (1884–1886), чиновник особых получений при председателе (1886–1909) Российского исторического музея, с 1917 г. директор РИМ, с 1918 г. его завхоз, с 1919 г. заведующий отделением войны и революции, с 1921 г. — научный сотрудник отделения домашнего быта и член коллегии РИМ-ГИМ. В июне того года был арестован по обвинению «в контрреволюции», освобожден 3 октября. Однако из дневника главного хранителя музея А. В. Орешникова следует, что князя Щербатова выпустили из заключения 12 августа (30 июля). Так что факт встречи их с Мергартом был более чем вероятен. О Н. С. Щербатове см. подробнее: *Белозерова И. В.* Князь Н. С. Щербатов (1853–1929). Материалы к биографии // Забелинские научные чтения — год 2002-й. Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры / Труды ГИМ. Вып. 136. М., 2003. С. 478–500.

из тюрьмы, так как тем самым я получил удовольствие познакомиться с Вами» — предложение, которое мог сформулировать только настоящий аристократ.

В Москве впервые за долгое время я насладился возможностью вращаться в обществе истинных собратьев по профессии, обмениваться мыслями и опытом, обсуждать проблемы, которые в течение месяцев должен был переваривать в одиночку, и, кроме того, быть предметом их сердечной и искренней доброжелательности.

Но даже самые безотлагательные работы из-за бесконечных отвлечений требовали больше времени, чем хотелось бы, так что свое пребывание я не смог использовать в желаемом объеме и, едва осознав изобилие, которое могли предложить московские коллекции и собратья по профессии, должен был собираться в дорогу.

И без того были еще долгие пути, прежде чем относительно короткий привел меня на вокзал; в первую очередь следовало обойти опасного товарища из регистрационного ведомства, который считал очень важным прогнать меня обратно в Казань.

Австрийские коммунисты, в чьих руках прежде всего находилась эвакуация военнопленных, хотя приняли меня довольно дружелюбно и выразили готовность доставить в Петербург, но смогли бы сделать это только в том случае, если бы я ожидал укомплектования новой партии в транспортном доме[17]. Оставалось последнее средство, ради которого мне все же не хотелось сейчас жертвовать своей «свободой». Визит к представителю австрийского Красного Креста принес мне, кроме прискорбного сознания, что подметки моих сапог не выдержали бесконечных странствий, также рекомендацию к научному консультанту народного комиссара просвещения. Тем самым был разрублен или, по крайней мере, начал перепиливаться гордиев узел. Здесь, в самых высоких инстанциях, я встретил разумную деловитость, волю к содействию и беспристрастную оценку моих усилий, которых так часто недоставало у богов низшего ранга. Никому не пришло в голову обращаться со мной как с недостойным буржуем, которому нужно было показывать зубы, никто не видел во мне чего-то иного, чем я по сути был, — ученым, которого судьба забросила далеко и который пытался из нужды сотворить добродетель, а ныне после того, как честно на службе Советов выполнил свою работу, стремился со спасенным материалом уехать домой.

Сам Ленин когда-то опубликовал в официальном органе печати Центрального комитета один из своих очень коротких и важных

[17] О пребывании в транспортном доме Мергарт также упоминает в своем письме из Петрограда в Музей Приенисейского края от 24.08.1921 (см. с. 287 настоящего издания). Более подробных сведений о данном учреждении разыскать не удалось.

тезисов, что один буржуазный специалист, который знает свою работу и честно ее исполняет, ценнее, чем десяток кабинетных партийцев. Хоть это прописная и очевидная истина, но все же стало необходимостью повторить это на уровне авторитетной инстанции. Я почти наверняка знаю, что подобного рода предложение, высказанное «беспартийным», многим партийцам показалось бы выражением чисто контрреволюционного образа мыслей. Эти люди проглотили его довольно болезненно, даже несмотря на то что оно исходило от их возлюбленного вождя.

В центральных инстанциях, с которыми я теперь имел дело, я не встретил и следа той твердолобости, которая так мощно господствовала в низших кругах. Здесь также придерживались существующих законов и инструкций, но старались со всем вниманием найти разумный выход, если фанатичное применение оных означало бессмыслицу и придирки.

Так что в течение некоторого времени я добился нужных бумаг. Верно и то, что мой живописец-сапожник был вынужден наложить на мои сапоги желанную с давних пор кожаную заплатку, так как именно добывание этих бумаг постепенно поглотило и последние остатки старых подметок. Но зато в один прекрасный день я оказался обладателем не только командировки в «Академию истории материальной культуры» и в петроградские музеи, но и свидетельства на вывоз моих манускриптов, рисунков и т.д., а также и автографов наркома Луначарского[18] и заведующей центральным органом власти фрау Троцкой[19]. Мне даже сделали поистине великодушное предложение, если я в дальнейшем захочу вернуться на службу доисторического изучения Сибири[20].

19 августа после 19-часовой поездки я стоял на вокзале Петрограда и за часть моей последней пачки банкнот нанял носильщика, так как

---

[18] *Луначарский Анатолий Васильевич* (1875–1933), советский государственный деятель, писатель, критик, искусствовед, академик АН СССР, один из создателей социалистической культуры, в 1917–1929 гг. первый нарком просвещения РСФСР. Подробнее об общении Мергарта с помощником Луначарского см.: *Кузьминых С. В., Детлова Е. В., Салминен Т.* Геро фон Мергарт и его последнее воспоминание о Сибири // Археологические материалы и исследования Северной Азии древности и средневековья. Томск: ТГУ, 2007. С. 167.

[19] *Троцкая (Седова) Наталья Ивановна* (1882–1962), профессиональный революционер, музейный деятель, жена Л. Д. Троцкого. С июня 1918 г. заведующая музейным отделом НКП РСФСР, создавала систему организации и управления музейным делом и охраной памятников в России. О ее содействии Мергарту см.: *Кузьминых С. В., Детлова Е. В., Салминен Т.* Геро фон Мергарт и его последнее воспоминание о Сибири… С. 167.

[20] Г. Мергарту предложили ни много ни мало возглавить сибирскую археологию («оставайтесь у нас, и мы сделаем вас главным археологом Сибири»). Об этом факте Мергарт упоминает в своем письме из Петрограда в Музей Приенисейского края от 24.08.1921 (см. с. 286 настоящего издания).

бывший мешок из-под муки уже довольно внушительно был наполнен книгами.

С чувством победителя, который совершает круг почета, я промаршировал вниз по широкому Невскому проспекту, к морю, свободе, родине.

Сначала я, впрочем, оказался в транспортном доме военнопленных, бывшей немецкой школе, комнаты которой вместо школьных скамеек были заполнены сплошными рядами нар. Здесь собиралось то, что всяческими путями сползалось изо всех углов и краев гигантского русского государства: военнопленные, пленные, многие со своими русскими женами и кучей детей, еще и женщины, которые или только сейчас поехали вслед за своими супругами, или такие, которые уже вдоволь насмотрелись на русских мужей и русскую жизнь и бежали обратно на немецкую родину. Все это ютилось в самом тесном соседстве на нарах, ссорилось и мирилось, курило, болтало, музицировало и спало, стирало и мылось в ванной комнате, варило на открытом огоньке во дворе, заключало новые знакомства или с шумом приветствовало казавшегося давно потерянным товарища, который, быть может, прибыл из Туркестана, тогда как сам последние годы проживал в деревне на Байкале.

Всех объединяла общая и самая важная тема для беседы. Когда отходит следующий корабль в Германию?

Спустя несколько дней — это было слишком рано для меня, так как я как раз получил общее представление о материале, который нужно проработать. Тогда состоялась последняя борьба между человеком и ученым, в котором еще раз победил последний, особенно когда его заверили, что следующий корабль покинет набережную Невы самое позднее через десять дней.

В действительности я застрял еще на целый месяц. Сначала я мало печалился об этом, так как работы было достаточно. Музей Академии наук, Эрмитаж, золотые клады которого еще хранились в подвале, коллекция Археологического общества, великолепный Русский музей с его неисчерпаемым этнографическим материалом — мне нужно было хотя бы бегло осмотреть все это на предмет важного для меня материала.

Правда, коллекция Археологической комиссии, которая была для меня особенно важна, была как раз упакована в ящики во вновь занятом Мраморном дворце.

Ввиду такого богатства это означало самоотречение и ограничение, но любой собрат по профессии поймет, как горько и тяжело оно далось. Однако и здесь я нашел лучшего из знатоков всего русского доисторического материала, старого доброго Александра Андреевича

Спицына[21], через руки которого десятилетиями проходило большинство новых находок и в неисчерпаемых томах заметок которого весь этот давно уже вновь рассеянный по государству материал был зарисован и записан. В его скромном жилище я полностью погрузился в колдовское очарование загадок первобытной истории Ближнего и Дальнего Востока, так что даже чай с крохотным кусочком сахара и тонким-претонким ломтиком хлеба, это трогательное угощение для гостя от борющейся с нуждой хозяйки, часто забывалось до тех пор, пока Александр Андреевич не напоминал о нем, чтобы, конечно же, сразу забыть об этом в оживленной профессиональной беседе. Никогда то малое, чего я сам достиг, не радовало меня больше, никогда то чудовищно многое, что прошло мимо, не расстраивало меня сильнее, чем в эти насыщенные часы, которые мне посвятил самый сердечный, самый независтливый и самый увлеченный из всех собратьев по цеху.

Но однажды наступил день, когда мы были вынуждены расстаться, еще до того, как я уехал. Дороги в гранитном, сказочном, привольно раскинувшемся Петербурге были далеки, а тело, несмотря на поглощенный миллион, — изможденным и слабым. Транспортный дом набивался вновь и вновь, а пища становилась все скуднее и скуднее. Солидный когда-то мешочек с рублями зевал теперь удручающей пустотой, а цены взлетели до небывалой высоты. Словом, когда резервы отсутствуют, нужно расходовать лишь столько сил, сколько тут же можно восполнить. Отрадное погружение в науку, однако же, только поглощает, не компенсируя.

Так что в один из унылых серых дней я направил свои стопы не к Александру Андреевичу, а в контору по трудоустройству и три дня в прелестном разнообразии кидал уголь, затем пилил древесину, грузил мебель и подметал улицы, как только подворачивалось то, где только можно было добиться сносного натурального вознаграждения.

Когда, смертельно уставшие, мы возвращались домой, то хотя бы имели достаточно пищи, чтобы на следующий день быть в состоянии выполнить новую работу.

Среди моих нынешних товарищей по профессии не было недостатка в интересных личностях: там был штирийский егерь, который на протяжении долгих лет обитал на Енисее в качестве лесного сторожа, там был венский шофер, который в Туркестане выбился в обладатели револьвера, то есть в советского партийца. Один взял с собой

[21] *Спицын Александр Андреевич* (1858–1931), выдающийся отечественный археолог, историк, чл.-корр. АН СССР (1927), один из основоположников российской археологии. См.: *Тихонов И. Л.* «Интерес к археологии появился у меня в университете». А. А. Спицын // Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского ун-та. СПб, 2003. Т. 21. С. 91–111.

в качестве жены свою бывшую экономку, тихую русскую крестьянскую девушку, так как, как он сказал, он не решился оставить двух своих детей; другой был супругом фельдшерицы, которая была твердо уверена, что и в Вене увидит своего мужа на руководящем посту коммунистического государства.

Самую странную фигуру, однако, представлял, без сомнения, мой друг Нойман[22]. Хотя его ни в коем случае не звали так, но из того, что он мне рассказал, относительно его имени было поведано только то, что оно не его. Он был рожден в одной из областей Германии под забором, его вырастили как ребенка общины или обузу общины. Он «учился поденной работе» и со временем дорос до должности сторожа в доме для умалишенных, но находил все это слишком тягостным и не тем, ради чего стоит жить, так что он завершил годы учебы и начал годы странствий, то есть стал профессиональным бродягой. В качестве оного он объехал почти всю Европу, но, вероятно, вследствие одной гетевской черты снова и снова стремился в Италию. Нужно было слышать, как он бредил об Абруццо, где даже немецкий подмастерье высоко котировался как распространитель подробных новостей со всего света, или когда он описывал консулов от Генуи до Палермо, но, прежде всего, замечательную «сырную карту», которая необходима каждому уличному водителю, чтобы вместо дорожного пособия отпускать ему «отечественного» сыра. Нойман наставлял, как нужно прятать свои бумаги в подошвы, чтобы тебя не выдворили с позором как бродягу без документов на угольном пароходе из Италии в Египет, и заботливо объяснял, когда и где можно достать «ксиву», чтобы не быть отправленным английским полицейским на каторгу. К сожалению, мóлодец однажды все-таки не избежал сей печальной участи и, вследствие этого, очутился на каменоломне и под египетским солнцем! Это был промах, который он устранил по собственной инициативе, потому что: «Тогда я бы сразу попал в рабство к древнему фараону!»

Нойман был ходячим справочником по составлению первоклассных попрошайнических писем и знал все постоялые дворы и укромные места между Антверпеном и Константинополем, Перой[23] и Тунисом, где продавались каталоги адресов для таких писем.

Ужасная война покончила с его барским существованием, когда он как раз готовился пропутешествовать по очень им хвалимым французским трактам в Испанию, земля которой избежала его исследований; до некоторой степени осталось неизвестным, какого рода было его участие в борьбе, но Баварская Советская Республика усмотрела

[22] Найти информацию об этом человеке не удалось.
[23] Имеется в виду, скорее всего, район Константинополя Пера.

в нем коменданта поезда. Побужденный к несколько поспешной демобилизации у Мюльдорфа, товарищ комендант ушел в подполье батраком у какого-то крестьянина. Ему, увы, не следовало так быстро отказываться от прежнего гражданского статуса, что было тем более болезненно, так как работодатель валил лес и отяготил Ноймана корчеванием пней. Но при первой возможности несчастный исчез, чтобы отправиться в Прибалтику, где «еще что-то» должно было произойти. Вследствие небольшого ошибочного расчета в смене правительств он все же попал под арест, из-под которого его освободила только Красная Армия. Теперь уже, став мучеником революции, он встретил сердечный прием в Москве, был прикомандирован к школе по подготовке агитаторов и в дальнейшем послан в швабские деревни Крыма и Южной России. По его собственному выражению, это была неплодородная почва, так как немецкие крестьяне, хоть и посещали поневоле агитаторские собрания, из его объяснений сделали вывод, что теперь нужно делиться своим заработанным в поте лица добром со всем миром. В соответствии с такой логикой вечером, когда товарищ агитатор вытягивал свои длинные ноги под их столом, они подвигали ему кусок сухого черного хлеба, причем не упускали заметить, что это больше того, чем при разделе приходилось на его долю.

Воодушевление Ноймана сильно уменьшалось по мере того, чем дольше ускользали от него добрые куски шпика и круги масла. Он попросил об отставке с должности и получил право причислить себя к военнопленным, доставив мне тем самым удовольствие знакомства с ним.

После того как мы несколько дней вместе пилили дрова, он даже повысил меня до закадычного друга; его и шофера покровительству я обязан брюками, в которых, не краснея, мог выйти навстречу приветственному комитету на родине.

Время ожидания до прибытия наконец немецкого транспортного парохода было хотя и потеряно для доистории, но не для расширения моих знаний о людях.

Когда до отъезда оставались считаные дни, мы отказались от работы и заработка и еще раз стерли ноги, чтобы вдоволь насладиться Петербургом. Мы бродили вверх и вниз по набережной вдоль Невы, видели, как ржавеют корабли в гавани, подивились на остроту иглы башни, которая вырастает из мрачной Петропавловской крепости, тихо прошлись по всем каналам, которые придавали городу белых ночей венецианский оттенок, и посетили гигантский надгробный памятник жертвам революции на пустынном и затоптанном Марсовом поле. Эту братскую могилу выровняли в форме мощного вала из гранитного плитняка, который ранее защищал оранжерею Зимнего дворца,

Казанский собор в Санкт-Петербурге. Начало XX в. *КККМ*

Невский проспект в Санкт-Петербурге. Начало XX в. *КККМ*

но такой тяжелой работы оставалось достаточно, и теперь бастион голо и уныло сох среди покинутого поля.

Мы также видели, что все еще не было недостатка в новых революционных жертвах, которые тогда даже не были похоронены с почестями, так как мы читали на стенах длинные списки только что казненных — ужасающий список профессоров, ассистентов, студентов, офицеров и офицерских детей, мужчин и женщин, которые приняли участие в одном из тайных заговоров.

Мы прошлись по Зимнему дворцу, поприветствовали старого папу Радецкого[24], который в виде картин и фигур наличествовал, вероятно, не меньше полдюжины раз, видели царское ложе, из которого вследствие слишком частых проверок на прочность со стороны посетителей пробивался конский волос, рассмотрели ванную царицы и технику малахитовых колонн и определили, что от великолепных свадебных подарков в виде русских городов были отколоты уже все досягаемые углы и зубцы — одним словом, мы исполнили все обязанности серьезных туристов. От нас не ускользнули ни чучело мамонта экспедиции Герца[25], ни счастливо выловленная из канала квадрига с крыши немецкого посольства. Мы также смогли засвидетельствовать почтение великому царю Петру, так как он относится к тем немногим, чьи памятники не были ни обшиты досками, ни разбиты.

Наконец, мы, запыхавшись, взобрались на Исаакиевский собор и долго молча взирали на величественную планировку угасающего царского города, а затем на море, которое открывало ворота на родину.

— Теперь мы всё увидели, можем ехать, — удовлетворенно заявил мой верный бродяга.

Я согласился с этим. Теперь я мог спокойно уйти. Но еще раз я бросил долгий взгляд на восток, где вдали осталась Сибирь, далёко!

---

[24] *Радецкий Иоганн Йозеф Венцель Антон Франц Карл граф Радецки фон Радец* (*Johann Joseph Wenzel Anton Franz Karl Graf Radetzky von Radetz*) (1766–1858), известный австрийский фельдмаршал, популярный полководец первой половины XIX в., почетный генерал-фельдмаршал Российской императорской армии (1849). См.: Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 26. СПб.: Тип. акц. об-ва «Издательское дело», Брокгауз-Ефрон, 1899. С. 68–69.

[25] Экспедиция, возглавляемая Отто Федоровичем Герцем, старшим сотрудником Зоологического музея РАН, в 1901–1903 гг. раскопала и доставила в Петербург чучело знаменитого «Березовского мамонта», выставленного в 1903 г. в Зоологическом музее.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1914 KRASNOJARSK 1918
LANDSMANNSCHAFT
TIROL U. VORARLBERG

Геро фон Мергарт

Воспоминания о Советской России

I. Приключение в Красноярске

Переходный период от правления адмирала Колчака к большевистскому был жутким. Никто толком не знал, что происходит, и если хоть часть витающих вокруг слухов была правдоподобной, для беспокойства имелось достаточно причин. Что все офицеры были уничтожены, что ни один из казаков не должен был остаться в живых, что по прибытии в Омск все собравшиеся там беженцы были утоплены в реке — и это были еще не самые дикие новости. В декрет о национализации женщин[1] поверили многие образованные люди. Когда в одной из распространяемых листовок пообещали, что главную улицу Красноярска[2] вымостят трупами «буржуев», тогда побежали и такие люди, которым до сих пор казалось бессмысленным уйти в неизвестность и сибирскую зиму без денег или бросив нажитое имущество. А военнопленные тихо сидели в своих лагерях, на своих рабочих местах. Это было накануне Рождества 1919 года. Последнее Рождество на чужбине! Четыре, пять, даже шесть раз я мечтал об этом. Теперь это должно было стать реальностью. В новом году в Красноярске уже могла быть Красная Армия, и тогда дорога на Запад была бы открыта.

Конечно, еще многое нужно было пережить. А в Сибири выживание часто заканчивалось смертью. Мы видели раненых из отрядов атамана Семенова, убитых красными, вынуждены были стать свидетелями того, как сотни рабочих и крестьян, а также представителей интеллигенции были зарублены, расстреляны или утоплены в реке

---

[1] Имеется в виду фальшивый Декрет об отмене частного владения женщинами, который был опубликован в марте 1918 г. в Саратове и других регионах России. См.: http://statehistory.ru/634/.

[2] Не вполне понятно, о каких листовках идет речь. В фондах Красноярского краевого краеведческого музея листовок подобного содержания не отложилось.

колчаковцами, мы видели могилы наших товарищей, жертв чешской военной истории[3], — одним словом, мы слишком хорошо знали, как в России захватывают и насаждают власть. Но, несмотря на все это, за фронтом Красной Армии лежал путь на родину. И мы, бывшие пленными при царе, Керенском, Семенове, Колчаке, чехах, итальянцах, румынах, поляках, наконец и у французов с англичанами, верили в красные знамена как в символ свободы.

В новогоднюю ночь солдаты, расквартированные в музее Географического общества, в котором два месяца я работал реставратором, потребовали от консерватора открыть все помещения. Это были люди из армии Колчака, которые готовились к перевороту. Они предполагали, что офицерские подразделения и, быть может, верные режиму отряды захотят их разоружить. И они были настроены на борьбу. Музей нужно было подготовить к обороне. Консерватор сложил с себя всякую ответственность. Конечно, он не мог воспрепятствовать тому, что принесли пулеметы и боеприпасы. К тому же наши подвалы были заполнены бензином, керосином, авиатопливом — а я в новогоднюю ночь безмятежно спал на соломенном тюфяке, служившем мне кроватью, которая стояла в одном из углов моего зала первобытных древностей.

Переворот осуществлялся силами всего гарнизона. Без борьбы и кровопролития. Спешно собирались встретить, разбить или хотя бы отбросить белую армию, которая, отступая, приближалась к городу с запада. И этот день наступил — мы работали тогда над фотографическими снимками отреставрированных и по-новому систематизированных предметов, когда с утра до вечера на западной окраине города грохотала канонада. Пехотный, пулеметный огонь, ручные гранаты, артиллерия. Белую армию удалось оттеснить. Последние попытки сопротивления колчаковской армии были сломлены. Это вылилось в продолжавшийся целый день поток в город обезоруженных. Сдавались тыловые обозы всех видов. Сотни саней заполонили все свободные площади, лошадей просто отпустили. Целый день табуны трусили по улицам и в конце концов околевали. Со временем их трупы убрали. Но только весной прикомандированные к нам на работу офицеры захоронили эти огромные массы пропавшего понапрасну мяса. В окрестностях города было зарыто свыше 2000 лошадей[4].

---

[3] Речь идет об антисоветском мятеже чехословацкого корпуса в мае–июне 1918 г., который послужил одной из важнейших причин падения советской власти в Енисейской губернии и ознаменовал собой начало Гражданской войны. Подробнее об этом см.: Очерки истории Красноярской краевой организации КПСС (1895–1980 гг.). Красноярск: Красноярск. кн. изд-во, 1982. С. 187; Красноярский край в истории Отечества: Кн. вторая. 1917–1940. Красноярск: Красноярск. кн. изд-во, 1996. С. 31–34.

[4] Полгода советской власти в Енисейской губернии. Обзор деятельности советских учреждений с января по 1 августа 1920 года. Красноярск: Енисейское губ. гос. изд-во, 1920. С. 14.

Красная Армия, задержанная в своем продвижении для ликвидации последствий катастрофического крушения колчаковской армии, заставила себя ждать. Но наконец ее авангард вступил в город[5]. И к вечеру того же дня бесконечные вереницы тыловых обозов потянулись с запада на восток через Красноярск. Дисциплинированно, четким строем, избегая любого насилия, что вызвало у всерьез опасавшегося населения вздох облегчения. Дюжинами собраний, сотнями плакатов, тысячами листовок политотдел армии проводил вербовку колоссального масштаба. Процветала торговля, несмотря на то что заявленные программы требовали ее подавления в пользу государственного товарообмена. Но до поры до времени в больших количествах деньги — денежные знаки свергнутого правительства — привносила армия. Она скупала все не торгуясь, прямо-таки набрасывалась на товары.

Но однажды на стенах появились объявления о том, что денежные знаки прежнего правительства являются недействительными. Принимались только царские деньги, купюры Временного правительства Керенского и советские рубли. Но их в наличии было мало. Катастрофически мало. У большинства их почти не было. Много дней я перебивался тарелкой супа в день, которой со мной делился директор минусинского музея[6], сам беженец, и черным хлебом, который собрали для меня товарищи в лагере. Магазины закрылись. И тогда в уличной картине начали происходить перемены, которые наложили особенный отпечаток на советские города. Гостиницы, рестораны, магазины и ремесленные мастерские исчезли. В то время неукоснительного исполнения программ все было «национализировано»: продукты, товары, ручной инструмент, вплоть до последней крупинки соли, писчего пера и сапожного молотка. В прежних магазинах были устроены канцелярии. Но эти помещения не соответствовали необходимым требованиям. Тогда взялись за дома беженцев и начали «уплотнять» население, то есть ограничивать в жилых помещениях. «Учреждения» (органы или, вернее, ведомства) росли как грибы после дождя. Исполнительный комитет, Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и дезертирством, которые заняли несколько домов, управление народного хозяйства, коммунальное ведомство, управления здравоохранения, народного образования — одним словом, понятные и полезные организации, которые, однако,

[5] В ночь с 6 на 7 января 1920 г. части 30-й дивизии Красной Армии вступили в Красноярск. Об освобождении Красноярска от колчаковцев см. также: Документы героической борьбы. Сборник документальных материалов, посвященных борьбе против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции на территории Енисейской губернии (1918–1920 гг.). Красноярск: Красноярск. кн. изд-во, 1959. 560 с.

[6] Кожанчиков Василий Дмитриевич. См. о нем примеч. 4 на с. 82. Зиму 1919 г. В. Д. Кожанчиков и его сын Игорь провели в Музее Приенисейского края.

многократно возросли по сравнению с прежними объемами и вызвали к жизни прямо-таки катастрофический бюрократизм. Чтобы получить кусок парафина, немного керосина, несколько килограммов гипса, нашему завхозу[7] приходилось целый день бегать от ведомства к ведомству, часами ждать, просить, объяснять, предоставлять расписки, собирать подписи. А когда он наконец приходил с заявкой в магазин, ему нередко заявляли, что требуемого наименования нет в наличии.

Я хотел устроить выставку доисторических древностей[8] и наивно полагал, что уж дюжина пригодных «национализированных» витрин из помещений магазинов должна была найтись. Завхоз не смог обнаружить таковых. Тогда мы отправились вместе. Коммунальное ведомство ничего не знало об их местонахождении.

— Впрочем, спросите в управлении народного хозяйства.

Мы рысью побежали туда.

— Витрины, да, да, это есть, идите на улицу X к товарищу Y. Он заведует такими делами.

Мы довольные поспешили в указанную контору.

— Я? Почему именно я? Это ошибка. Однако сходите в комиссию по управлению национализированным имуществом[9].

— А где она находится?

— Этого я не знаю.

Мы обращались с этим вопросом не менее чем к десяти чиновникам. Но никто ничего не знал. Возможно, что-нибудь можно было бы узнать в Чрезвычайной комиссии, ЧК. Но вокруг этого дома большинство русских делало большой крюк, так как комиссия с ее почти неограниченной властью на жизнь и смерть запросто могла арестовать из-за каких-нибудь необдуманных выражений.

— Ах, вы критикуете устройство республики! Вы арестованы.

Закон предписывал, чтобы задержанного допросили в течение 24 часов. Только для многочисленных служащих, которые обитали в этом пугающем доме, количество задержанных было слишком

[7] В указанный период завхозом и делопроизводителем музея числился Николай Александрович Ставровский.

[8] Решение «об устройстве выставки по доисторической археологии» было принято в 1920 г., однако во время пребывания Г. Мергарта в Сибири этот план реализован не был. См.: НА КККМ. Оп. 1. Д. 357. Л. 5. Отчет по Музею Приенисейского края за 1920 г. Составлен А. Я. Тугариновым.

[9] Комиссии по управлению национализированным имуществом были образованы Высшим Советом Народного хозяйства РСФСР согласно Декрету Совета Народных комиссаров «О национализации предприятий ряда отраслей промышленности, предприятий в области железнодорожного транспорта, по местному благоустройству и паровых мельниц» от 28 июня 1918 г. Декрет упразднял частный контроль над наиболее крупными предприятиями страны и передавал их в ведение отделов ВСНХ под руководством его Президиума.

большим. Вот и приходилось заключенному неделями сидеть в подвале, в лучшем случае — в камере, до тех пор, пока не рассмотрят его дело. Ну а потом его могли просто выпустить на волю, если не имелось причин для серьезного разбирательства. Но если родственникам, которые обратились с запросом, говорили: «Этого имени нет в тюремном списке», или «Вы можете забрать вещи этой персоны в канцелярии», или «Вам больше не нужно приносить продукты» — это означало, что заключенный проделал свой последний путь из подвалов ЧК на кладбище.

Как уже было сказано, этот дом обходили далеко стороной. Но мы осмелились войти внутрь, чтобы узнать, что за комиссия распоряжается национализированным имуществом. Я спросил о местонахождении находящихся в ее ведении предметов.

— Они распределяются по соответствующим ведомствам.

— Тогда какая организация получила витрины?

— Этого я не знаю.

— Но, вероятно, есть списки актов о ликвидации, из которых можно...

— Нет, таких списков нет.

Скажу в двух словах, чем закончилось дело, — мы наконец-то нашли около сотни застекленных шкафов во дворе одного из «учреждений». Долгие недели они лежали в снегу, небрежно выгруженные, разбитые, сломанные, с выбитыми стеклами. Из этого «национализированного достояния» я смог выбрать то, что было хотя бы вполовину пригодно, но музей должен был дать расписку, по которой органы власти могли бы забрать шкафы обратно. Подобную расписку я однажды давал в Минусинске, когда обязался отправить лодку после ее использования обратно из Красноярска, расположенного в 400 км ниже по течению. В Красноярске посмеялись. И наверняка эта лодка и по сей день лежит там, где была оставлена. И действительно, она, по меньшей мере, послужила общественным целям, тогда как остальные 10 национализированных в Минусинске лодок отныне вообще невозможно отыскать.

Справедливости ради нужно заметить, что большое количество древностей, произведений искусства, книг и других фондовых коллекций попало в музеи и библиотеки — правда, нередко после многочисленных хлопот, ходатайств и хождений с просьбами директоров соответствующих учреждений. Музеи в этот период разрухи проводили огромную работу по спасению ценностей, и в этом их поддерживали благоразумные люди на руководящих постах. Вот только на одного из таких порядочных, серьезных и честных людей, которых было немного, приходился целый ряд таких элементов, которые в гигантском эксперименте по созданию новых форм бытия видели лишь удобный

случай, чтобы удовлетворить свою потребность в разрушении и насилии или чтобы легко обогатиться. Зачастую они грешили только глупостью. Случилось как-то раз, что два мелких функционера увидели в одном доме в городе энциклопедический словарь. Целый словарь! У семьи, в которой всего-навсего было шесть человек! В то время как широкие слои народа изголодались по просвещению! Спустя пару дней они пришли с реквизиционным удостоверением и национализировали словарь для какого-то клуба. Вот только не смогли выписать расписку в получении. Однако они все-таки нацарапали свои имена под предоставленной бумагой, прежде чем удалились с добычей. Но том, который накануне вечером понадобился в семье одной из дочерей, остался лежать на рабочем столе. И его никогда не искали.

Мои собственные условия работы были более благоприятны: несмотря на столь кратковременное пребывание, мне выделили более просторное помещение, в котором не тревожили. Но в этом зале должны были производиться все работы моего отдела. Чистка костей, камней, черепков, работы с клеем, гипсом, консервация парафином, монтаж, написание этикеток — все происходило в одном и том же помещении, а посреди этой атмосферы из пыли, ржавчины, чада и шума сидела моя помощница, молодая дама[10], которую к нам привела нужда в работе и которая с рвением, достойным восхищения, составила инвентарный список и опись коллекций моего отдела. Она справилась с этой масштабной задачей. Ведь фонд отдела за год с четвертью увеличился с 9000 до 19 000 единиц. Но она пожертвовала своей учебой ради этой работы — пример безрассудного расточительства кадров в этот период. И лишь потратив много усилий, удалось освободить ее от сверхурочной работы в качестве учительницы для неграмотных. Окончательное ее избавление от такой нагрузки наступило, когда школа, к которой ее прикрепили, не открылась из-за отсутствия помещения и материалов.

Сами школьные здания были почти все без исключения конфискованы армией. Уроки проводились во всех возможных и некоторых невозможных временных квартирах. Зато для подготовленного таким образом подрастающего поколения были отстроены высшие школы, три из которых находились в Красноярске[11]. Это являлось одной из причин того, почему музей не мог добиться площадей для выставления своих сокровищ. Впрочем, такое положение ни в коей мере не мешало органам власти посылать к нам всё новые «экскурсии». Сельские школьники, красноармейцы, коммунисты и другие любопытствующие

[10] Новодворская Мария Викторовна. См. примеч. 12 на с. 204.

[11] Автор имел в виду, скорее всего, средние общеобразовательные или специальные учебные заведения, так как первый вуз в Красноярске появился в 1930 г.

толпились среди витрин и шкафов и терпеливо выслушивали наши лекции. Среди них были всерьез интересовавшиеся, множество равнодушных и даже те, кто настолько успешно освободился от предосудительной веры в авторитеты, что, противореча понятным разъяснениям, настаивал на том, что это все обман, а он не настолько туп, чтобы верить в это. Только ссылаясь на ряд серьезных повреждений имущества, удавалось сдерживать этот поток экскурсий, не попадая при этом под опасное подозрение в «саботаже».

Далеко идущие планы правительства по подъему народного образования[12] привели — особенно в провинции — к поистине организационному ражу. На бумаге организовывали, разрабатывали превосходные проекты, определяли необходимые и уже лишние кадры, наконец, соображали при удобном случае: нужны ли и где нужны необходимые материалы. То эти рьяные организаторы постановили, что мы, например, должны сдать все оружие в музей при школе красных комендантов (здание женской гимназии)[13], «так как Музей Приенисейского края не имеет ни причин, ни права хранить оружие». Другой потребовал все картины и произведения искусства для своего художественного музея, третий — всю кустарную продукцию и технологический отдел целиком, четвертый хотел удовольствоваться витринами на улицах, в которых должны были выставляться интересные музейные объекты из разных собраний.

Считалось за счастье, если государственный пункт распределения материалов для такого института, как наш музей со всеми его

[12] Как известно, после Октябрьской революции 1917 г. началась коренная перестройка школы, учебных заведений, учреждений культуры, музеев и др., которая была в ведении Народного комиссариата просвещения РСФСР. Совет Народных комиссаров принял ряд постановлений и декретов, которые ликвидировали прежнюю систему воспитания и образования в стране. Среди них — Постановление СНК о передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению (11.11.1917); Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (21.01.1918); Декрет о правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР (02.08.1918); Постановление об объединении учебных и образовательных учреждений и заведений всех организаций в ведомстве НКП РСФСР (30.05.1918); Декрет об охране библиотек и книгохранилищ (17.07.1918); Декрет о порядке реквизиции библиотек, книжных складов и книг вообще (26.11.1918); Декрет о централизации библиотечного дела в РСФСР (03.11.1918). К февралю 1918 г. все учебные заведения России были переданы в ведение Наркомпроса. В 1920-х гг. этот орган контролировал все культурно-гуманитарные сферы: образование, библиотечное дело, книгоиздательство, музеи, театры и кино, клубы, парки культуры и отдыха, охрану памятников архитектуры и культуры, творческие объединения, международные культурные связи и др. См.: Декреты советской власти. Т. I: 25 октября 1917 — 16 марта 1918 г. / Сост. С. Н. Валк и др. М.: Госполитиздат, 1957. 624 с.; Декреты советской власти. Т. II: 17 марта 1918 — 2 июля 1918 г. / Сост. С. Н. Валк и др. М.: Госполитиздат, 1959. 699 с.

[13] Ныне — здание факультета начального образования Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева на пр. Мира, 83.

служащими, мог выделить на месяц хотя бы одно писчее перо и десяток листков бумаги. Это все-таки сдерживало прыть некоторых людей от разработки масштабных организационных проектов, которые в основном сводились к тому, чтобы разрушить существующее и из полученного материала «построить» новое. Впрочем, жажда деятельности чаще всего остывала уже тогда, как только отец идеи добивался помещения, именуемого «бюро», пайка и ордера на керосин для освещения служебного помещения. Ведь именно керосин был желанным предметом обмена, за который крестьяне были готовы отдать любые сокровища.

Каждый старался устроиться так, как умел или как ему это позволяли его представления о порядочности. То, что на оклад нельзя было прожить, выяснилось очень скоро. Я входил в одну из самых высокооплачиваемых групп. Сначала я получал 2000 рублей ежемесячно и был не в состоянии их израсходовать — попросту было нечего купить. Позже выяснилось, что моя оценка была слишком занижена. Я смог добиться более 7000 рублей ежемесячно, а задним числом мне также выплатили разницу за шесть месяцев. Это произошло в то время, когда татары начали продавать конину за деньги. Я приобрел 30 фунтов зараз, что знаменовало поворот к роскоши в вопросе моего снабжения. До июля 1921 года, то есть до моего отъезда из Красноярска, жалование осталось неизменным. Постепенное оживление торговли также позволило полностью насладиться заслуженными благами. На мои 7000 рублей я мог приобрести по вкусу или потребности: 7 фунтов черного хлеба, или 40 сигарет, или полфунта масла, или 5 коробков спичек, или 2 фунта свинины. Я мог также отправить 4 заказных письма и 10 открыток. А если бы мне пришлось оплатить из своего кошелька железнодорожный билет от Казани до Москвы, то я должен был бы отработать два года и три месяца.

II. Разрушенный большевистский идеал

Гостиницы, кафе, кондитерские и продовольственные магазины исчезли из облика улиц Красноярска, как и все прочие «капиталистические предприятия». Человек, который что-либо хотел продать или который привез себе несколько килограммов картофеля, являлся «спекулянтом». Милиционеры рьяно охотились на них. «Похищенное у общественности имущество» снова поступало в общественное распределение, что означало — это потребляли милиционеры как представители этих общественных органов. Понятно, что под удар попадали

крестьяне, которые до этого два-три раза в неделю привозили свою продукцию на продажу на рынок, базар. Впрочем, нужно сказать, что село почти безмолвно, но с удивительной точностью и сплоченностью организовало по отношению к городу продуктовое ростовщичество. То есть борьба правительства велась не без причины. Но когда милиция окружала весь рынок, распродавала лотки по произвольно «фиксированной цене» или проводила конфискацию товаров, то крестьянин в следующий раз сторонился города. И когда он понял, что купить за деньги ничего нельзя, что за свои товары он получит только бумагу, а за бумагу — никаких других товаров, он исчез. За очень короткое время, таким образом, и город был почти полностью переведен на государственное обеспечение продовольствием. Слово «паёк»[14] (продуктовый рацион) приобрело особое значение. Я недвусмысленно говорю «слово „паёк“». То есть сам паёк в конце концов больше не играл никакой роли в пропитании.

Вероятно, никто не будет оспаривать, что в Советской России занимались решением чудовищных проблем народного хозяйства, регулирования и распределения продукции, и, действительно, серьезно занимались, даже с воодушевлением и беспощадной решимостью. Я могу поведать об этой стороне жизни 1920–1921 гг. с позиции нуждающегося в продовольствии музейного служащего. В переходный период в Красноярске жили, насколько это было возможно, на старых запасах. Ведь сибирской домохозяйке было довольно легко консервировать свои зимние припасы. В одном более-менее обустроенном подвале мясо можно хранить семь месяцев в году. Просто в виде замороженной туши. Молоко хранится кругами, яйца — как мерзлые булыжники. Можно было сварить гектолитр щей, заморозить и в течение всей зимы попросту откалывать порции. Распространены также пельмени, которые заготавливаются зараз сотнями или тысячами. Замороженные и ссыпанные в мешок, они гремят, как орехи, хранятся, естественно, месяцами и таким образом представляют собой готовые к употреблению консервы, без жестяной или стеклянной банки.

Каждый «несамопроизводитель», в зависимости от своих финансовых возможностей, осенью делал внушительные или более скромные запасы важнейших продуктов питания, к которым, в первую очередь, относилась хлебная мука, так как в большинстве семей хлеб пекли дома. Те, кто получал жалование, при прежних ценах могли обеспечить себя вплоть до середины зимы, то есть где-то до февраля. Теперь, в 1920 году, произошла смена правительства, затем последовала отмена колчаковских денег и национализация магазинов. Иными словами, опустение

[14] В оригинале текста приведено русское слово, написанное латиницей (*Pajok*).

базара наступило в то время, когда зимние припасы пошли на убыль, что вынудило значительную часть населения посещать государственные столовые. Доживающие свои последние дни кафе ни в коей мере не удовлетворяли потребностей. Стояли в очередях и ждали нередко час-два, например когда производилась выдача карточек на хлеб и другие продукты. Царящий тогда дефицит разменных монет вынуждал людей, которые уже получили карточки, еще толпиться у кассы, пока не поступит мелочь. Этот недостаток позднее устранили за счет того, что вместо денег стали выдавать сигареты. Сама еда вряд ли могла восполнить затраченные на ее добывание калории, но в то время все же получали 1½ фунта (40 русских фунтов = 16 кг) белого хлеба в день. В любом случае мое физическое состояние к началу весны и экскурсий было таково, что при вроде нормальном здоровье после перехода в пять-шесть километров я должен был отдыхать минимум четверть часа, чтобы побороть приступ головокружения.

Позднее я расскажу, как благоприятно повлияло трехмесячное летнее путешествие по краю для восстановления сил. По возвращении в город я нашел, что ситуация со снабжением значительно улучшилась. Число «столовых» увеличилось. Дело перешло в руки почти исключительно военнопленных, преимущественно офицеров. Руководители, завхозы, кладовщики, повара, помощники, официанты, хлеборезы, кассиры были взяты из распущенных лагерей. Студент-техник встречал меня на входе, банковскому служащему я платил в кассе, учитель народной (восьмилетней) школы приносил мне еду, профессор гимназии разливал кофе, а служащий магистрата раздавал хлеб. Продавцы, крестьяне, студенты, вахмистры в полном согласии работали поварами. Были скатерти, столовые приборы, хорошая посуда, бумажные салфетки, простая, но добротно приготовленная пища, по воскресеньям — даже выпечка. Черный кофе выдавался в любых количествах. В первой половине дня на завтрак можно было получить чай. Для государственных служащих упразднили любую плату — своих слуг Советская Россия обеспечивала безвозмездно.

Когда я покинул Красноярск в конце июня 1921 года, от этого великолепия сохранилась только бесплатная раздача. Сначала вычеркнули воскресные кексы. Потом сократили норму кофе. Позднее чаще всего давали чай из каких-то трав, к тому же только два-три раза в неделю. Отменили завтраки. Долгое время оставался исключительно черный хлеб, дневная порция которого уменьшилась на ⅜ фунта. Поздней осенью 1920 года началась депортация всех пленных, кроме венгров. Ушли чистота, добросовестность, исчезла посуда и приборы. Бумажные салфетки превратились в слишком востребованную сигаретную бумагу, чтобы их выдавать. Жидкий суп, сваренный из нескольких черепов

и ног или внутренностей, ложка гречки или пшеничных зерен в виде пюре (каша), один-два раза в неделю несколько граммов мяса — и все. А однажды еду подали в побитых жестяных мисках, на дне которых можно было обнаружить фабричные марки американских или японских консервных фирм. Нашу столовую насмешливо прозвали «буржуйской столовой», потому что здесь еще имелись грязные скатерти, жестяные ложки вместо деревянных и обслуживались большей частью служащие из бывшего буржуазного слоя. Периодически появляющаяся чисто человеческая тяга к привольной жизни угнеталась тем, что как-то раз мы получили грязную воду, именуемую супом, на другой день — ложку каши и так далее.

«Так как же вы выживали?» — спросите вы меня.

Как получится.

Однажды — а это было зимой 1920–1921 гг., когда сначала тайно, затем открыто практиковалась такая форма товарообмена — за старые летние брюки я выменял 20 кг пшеницы. Затем я продал несколько жестяных посудин, подробное описание которых навлечет на меня презрение всех немецких домохозяек любого сословия, за 24 кило ржаной муки. Далее, благодаря благосклонности правления эвакуационного комитета, в чьем ведении я находился как «бывший пленный империалистической войны», я стал обладателем комплекта зимнего белья и китайского ватного кафтана. Последний можно было считать роскошью, так как у меня была еще и австрийская шинель. Кафтан также был обращен в муку. Впоследствии мои покровители еще и подняли шумиху. Указывали на то, что я единственный специалист по первобытной истории от Урала до Иркутска, прежде всего в Енисейской губернии, и работаю ежедневно по 10–12 часов. Так что «профсоюз работников просвещения и социалистической культуры» наградил меня ежемесячной натуральной премией в размере 21 фунта муки, стольких же овощей, фунта соли и полутора — мяса. Я получал их шесть месяцев; впрочем, «овощи» лишь единожды в виде твердой, как кость, мерзлой картошки. Я был первым и в течение нескольких месяцев единственным в губернии получателем такого премиального пайка.

Законы и предписания центральных органов власти снова работали на то, чтобы образование во всех его формах заняло подобающее место, снискало понимание и уважение народа, но на практике профессиональные объединения работников физического труда находились в более выгодных условиях по сравнению с профсоюзом работников умственного труда. Рабочий, занятый на тяжелой работе, обоснованно получал дополнительное вознаграждение продуктами питания. Но не было ничего хорошего в том, если сельский учитель вынужден

просить милостыню или наниматься на заработки и не мог посещать столь необходимые при продолжающейся школьной реформе курсы повышения квалификации, потому что у него нет обуви. Так что и здесь мы сталкиваемся с одной из сложнейших проблем России. По букве закона работника просвещения должны во всем поддерживать по мере того, как улучшается материальное положение государства. Но наступит ли такое улучшение, если творческие работники с образованием голодают или даже умирают от голода и если те самые люди, перед которыми поставлена колоссальная задача — обучить 100 миллионов человек чтению и письму и воспитать сознательных граждан, — отданы на милость крестьянина, который, по сути, видит в них врага, как минимум — нечто ненужное?

Чтобы сохранить трудоспособность хотя бы части специалистов, систему обеспечения, которая львиную долю снабжения выделяет работникам физического труда, дополнили введением специального пайка. Прежде всего — это кремлевский паёк, который гарантирует руководящим лицам хотя и не роскошное, но довольно безбедное существование. Академический паёк отсрочил вымирание преподавателей высшей школы. Паёк «особо ответственных» и «ответственных» работников в первую очередь по понятным соображениям достается членам Коммунистической партии, так как именно они чаще всего занимают ответственные посты. Однако и заведующие отделами музея получали паёк ответственных работников, правда, в последние два месяца моего пребывания [в Красноярске]. Он включал в себя 34 фунта муки, 1–3 — масла, 1½ — сахара, ½ — табака, 1/32 — чая, кусочек мыла и две коробки спичек. Тем самым после долгих обсуждений была устранена нелепая ситуация, когда машинистка военной канцелярии или девочка, которая трижды в неделю пела в хоре какого-нибудь военного клуба, питалась как имеющая отношение к Красной Армии почти в три раза обильнее и лучше, чем директор музея или учитель средней школы.

Можно видеть: идеал, по которому все должны в равной мере работать на государство и в равной мере получать от него, был просто разрушен реальной жизнью. И это понимали и делали выводы. Если поначалу каждый человек определенного возраста, привлеченный на государственную службу, не мог зарабатывать в другом месте, то уже в 1921 году осознали, что при таком методе и с прежней аграрной политикой государство все менее было способно обеспечивать действующие и необходимые кадры. Тогда, недолго думая, половину служащих сократили и возвратили возможность зарабатывать средства к жизни личной инициативой. Люди, которые еще год назад охотились на «спекулянтов» и зависели от этой скудной добычи, сейчас

вполне комфортно вели образ жизни спекулянтов. Разве что сейчас они были коммерсантами и хотели так называться. Они требовали этого тоном глубочайшего убеждения. Убеждения? Ну да — если только тон убеждения был хорош.

III. Музей в Красноярске

Музей, в котором я служил, изначально находился на попечении географического общества[15] и города Красноярска. В соответствии с местоположением в столице губернии и значимостью географического общества этому учреждению полагался статус центрального ведомства, сфера деятельности которого охватывала всю губернию — от области истоков Енисея, находящегося под китайским протекторатом Урянхая[16], до побережья Северного Ледовитого океана, то есть территорию, многократно превосходящую по величине Германскую империю[17]. По содержанию фондов музей соответствовал нашим провинциальным музеям с коллекциями всех видов. Руководили им консерватор и его ассистент. Перед войной было возведено новое здание, большое, целесообразное и воистину эффектное, в прекрасном месте на берегу Енисея. Перед войной оно вчерне было закончено. Но работы были вынуждены прервать. В дальнейшем военное управление временно использовало здание под казармы, которые затем продолжили обустраивать чехи, заполнив постройку деревянными конструкциями. После переворота газеты писали, что наконец-то настало время привести в соответствие с истинным назначением этот важный институт народного образования, который был преступно использован реакционным колчаковским правительством для военных целей. Только тяжелая эпидемия сыпного тифа, которая протянулась через Красноярск вслед за армией, до поры до времени не позволяла отдать такое большое закрытое помещение. Когда наконец можно было приступить к эвакуации, нескольким людям было поручено заняться дезинфекцией. Они столь эффективно выполнили свою задачу, что

[15] Речь идет о Красноярском подотделе Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. См.: *Вдовин А. С., Гуляева Н. П., Макаров Н. П., Баташев М. С., Васильев А. Д., Выдрин Е. В.* Русское географическое общество в Красноярске (1901–1937 гг.). Красноярск: КГПУ, 2001. 120 с.

[16] Урянхай, или Урянхайский край — русское название Тувы в 1914–1921 гг.

[17] Площадь Германской империи к началу XX века составляла 540 858 кв. км (https://de.wikipedia.org/wiki/Deutsches_Kaiserreich), площадь Енисейской губернии — около 2297 тыс. кв. км (в 1913 году). См.: Енисейская губерния // Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. Новосибирск: Сиб. краев. изд-во, 1929. С. 887–888.

здание сгорело[18]. Главный виновник получил два года каторжных работ, но вскоре был амнистирован. Так как невозможно строить без цемента, извести, кирпичей и железа, а таковые материалы тогда полностью отсутствовали, музей остался стоять в виде закоптелых заброшенных руин. Разумеется, дефицит материалов также предотвратил запланированное сооружение искусственной мельницы в некогда «Институте народного образования».

В старом музее во время смены правительств музейные фонды оставались в ящиках. Оставались доступными только богатое орнитологическое собрание, с которым работал консерватор, военный и революционный архив, который постоянно пополнялся, и археологическая коллекция, которую я начал систематизировать по-новому. Один зал занимали солдаты, о которых уже шла речь. Беженцев и принудительно расквартированных размещалось, должно быть, человек пятнадцать. Для этого, помимо квартиры консерватора, также пришлось занять канцелярию и библиотеку. В других помещениях мы штабелями составили ящики, сдвинули вместе шкафы и сложили в кучу груды нераспакованных предметов. Чад хорошо натопленных солдатских помещений оседал слоем инея в 3–5 см на потолке.

При таких обстоятельствах кажется почти забавным, что советские власти вскоре после переворота отдали приказ о реорганизации музея. Нужно отметить размах, с которым большевистское правительство решало вопросы образования, когда одним росчерком пера были утверждены предложенный штат, состоящий из директора, семи заведующих отделами, 10 практикантов, персонала канцелярии и обслуживающего персонала, плюс ходатайство об окладах и не слишком скупо отмеренная бюджетная смета. Только изначально директор должен был довольствоваться титулом «смотритель музея», название заведующих отделами «консерваторами» также не вызвало одобрения. Этот отдающий реакционным душком титул был заменен на «смотритель… отдела». Вскоре после этого и предложенное увеличение штата на 10 научных сотрудников не встретило поддержки. Как общий дефицит квалифицированных кадров, так и значительно более неблагоприятное по сравнению с другими — в особенности с причисленными к армии — службами материальное обеспечение повлекли за собой то, что едва ли треть предусмотренных вакансий можно было заполнить.

Служили в музее, главным образом, как раз те люди, для которых дело было важнее, чем какой-либо материальный расчет; особенно не выигрывал ничего обслуживающий персонал. О том времени и текучести кадров свидетельствует то, что два военнопленных

[18] См. примеч. 16 на с. 46.

офицера — счетовод одного из банков и библиотекарь герцога[19] — в течение нескольких месяцев с болезненной добросовестностью исполняли обязанности дворника и истопника, и что ни до, ни после того, как срок их службы окончился, нельзя было найти русских работников на эти должности. При этом, например, топливо выделялось в виде плотов из больших стволов деревьев, лежащих либо в ста шагах от музея, либо на расстоянии четырех километров вниз по реке. И мы в полном составе отправлялись за ними, разбирали плоты, вытаскивали бревна на берег, распиливали их на чурки, тащили собственноручно в музей и кололи. Для доставки древесины издалека, которую выделили только после замерзания реки, транспортный отдел не дал лошадей, так как все владельцы телег должны были отрабатывать извозную повинность. Только неутомимости нашего завхоза мы обязаны счастливым случаем, что нашли одного извозчика, который привез древесину за плату в виде половины оной. Но так как само выделенное нам количество было недостаточно, то в наступившую зиму мы замерзали еще больше и были вынуждены сплотиться еще теснее.

Музей располагал прекрасными коллекциями. Имелся этнографический материал по старожильческому русскому населению, сойотам, татарам, тунгусам, остякам, енисейцам, гилякам[20] и т.д., частью в довольно полных собраниях. Уже одно это поглощало все внимание соответствующего специалиста, чтобы при постоянном упаковывании и распаковывании получать необходимое представление о фондах и проводить безотлагательную консервацию ценных меховых вещей, костюмов, вышивок. Геолог окопался за настоящими баррикадами из зубов, костей мамонта, черепов и частей скелета шерстистого носорога, тура и других интересных, но требующих места ископаемых и нуждался в отдельном складском помещении для перемещения своих ящиков с окаменелостями. Гербарий и ботанические экспонаты заполняли большие полки, образуя нагромождения. При работе с этой собранной за многие годы флорой китайских пограничных гор, степи, тайги (сибирского девственного леса) и тундры ботаник[21] тем не менее постоянно сталкивался с хранительницей военного и революционного архива[22],

[19] Возможно, подразумеваются И. Водрацка и Г. Пангерл, состоявшие на службе в музее в указанный период. См.: ГАКК. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

[20] Устаревшие названия сибирских народностей: тувинцев (сойоты), хакасов (минусинские или ачинские татары), эвенков (тунгусы). Под остяками и енисейцами в данном случае, возможно, подразумеваются селькупы, кеты или иные енисейско- или самодийскоязычные народности.

[21] В указанный период отделом ботаники заведовал А. Л. Яворский.

[22] Так как в указанный период историческим архивом заведовали С. Н. Мамеев, а позже В. А. Смирнов, то Г. Мергарт, скорее всего, имеет в виду М. В. Красноженову, которая заведовала отделом печати.

Группа сотрудников Музея Приенисейского края в 1923 г.
Фото А. В. Кудрявцева. *ККМ.*
Верхний ряд слева направо: В. Н. Башмаков, Н. К. Ауэрбах, А. Н. Соболев. Средний ряд: М. Д. Соловьёва, Н. А. Ставровский, А. Я. Тугаринов, А. Л. Яворский, М. В. Красножёнова, М. И. Пальмин. Нижний ряд: М. А. Дмитриев, А. Н. Широкова, Е. Л. Юдина

в чьем ведении находились тысячи газет, воззваний, плакатов, открыток, листовок и весь поступающий с поразительной быстротой агитационный материал центральных типографий. Картинная галерея располагалась в подвале, который в результате деятельности «компетентных» реквизиционных комиссий в безумном хаосе заполонился бронзовыми люстрами, трехногими стульями, завалами книг, фигурками неаполитанских рыбацких детей из гипса или глины и другими подобными ценностями. То, что в таких условиях вообще велась работа, является заслугой не исключительно задуманного, а именно чисто теоретического содействия властей. Доверчивая, непоколебимая даже в период самых тяжких разочарований преданность идее, терпение, которое нервные люди называют инертностью, и восточное не-учитывание[23] времени и сил — это то, что в сегодняшней России при отсутствии всяческих условий продолжает создавать ценности.

[23] Неологизм Г. Мергарта.

Письма Геро фон Мергарта в Музей Приенисейского края

I

Минусинск, 14.07.1920

Дорогой г-н Тугаринов!

Большое спасибо за Ваши дружеские письма, деньги и бродни. Первое письмо я получил после моего приезда сюда, второе уже на станции Абакан. Мы снова выполнили пункт программы и раскопали два кургана[1]. Размеры одного — 15×12 м, второй существенно меньше. Первый содержал 4 (или, может быть, 5?) более древних могил [и татарскую детскую могилу] с пятью погребениями и одним трупосожжением. То есть могилы трех различных периодов, так что этот курган, хотя он и был разграблен, все же очень интересен. Если Вы что-то будете печатать к зиме, я думаю, что самое подходящее, что я смогу сделать, — это отчет об этих раскопках, тем более все чертежи можно изготовить просто литографически. Несмотря на разграбление, нетронутыми все же остались несколько сосудов, так называемые «ножны кинжала» или «наконечник копья», бронзовые и стеклянные бусы, бронзовая выпуклая накладка и интересный костяной инструмент с украшением по окружности, а также игла; таким образом, достаточно материала для музея. Еще более ценным мне представляется само состояние раскопа, которое я не могу описать, так как это слишком долго. Я лишь замечу, что в одной разрушенной могиле встроена новая нетронутая могила. Второй курган, который мы раскапывали с большим трудом в мелкой обломочной породе, тоже был ограблен. Но думаю, смогу доказать, что на этот раз напрасно обвиняют русских

[1] См. примеч. 1 на с. 10 и 5 на с. 102.

курганщиков[2]. Оттуда мы извлекли три ножа и зеркало, фрагменты бронзовых бусин и накладок и обломки керамики. Надеюсь, что цель, которая была перед нами поставлена, выполнена, у нас есть возможность расположить погребальный инвентарь так, как этого требует современность, и дать отчеты, которые будут полезны науке.

Далее я планомерно измерил и нанес на карту соответствующее погребальное поле (около 70 курганов), чтобы тем самым дать небольшое введение к перечню доисторических остатков в Енисейской области.

Наконец, мы обошли участок железной дороги в 12 верст и установили наличие трех курганов, которые пересекались железной дорогой и раскопки которых непременно нужно провести в следующем году. Об этом, так же как и о состоянии самого по себе удивительного — чаатаса у Ташебы[3], — я буду особо говорить в моем отчете. Я бы охотно уступил различным попыткам Георгия Петровича[4] и совершил бы еще небольшую поездку в Уйбат, но, хотя у меня в руках и не было Вашего первого письма, я так и думал, что Вы считаете дни до нашего возвращения. И так как я, кроме научных и музейных вещей, которые надеюсь увидеть в Красноярском уезде, особенно радуюсь тому, что мы с Вами вместе отправимся на экскурсию, я подавил мои археолого-туристические желания, к огорчению Георгия Петровича, и вернулся сюда обратно. «Пешком» через Самохвал, где я обнаружил, правда, не городище, а стоянку[5], и дважды мог бы быть при этом арестован. Но я уже так наупражнялся в пребывании в качестве задержанного, что от каждого милиционера, которого нельзя опознать по знакам различия, сначала требую его удостоверение, прежде чем предъявить свое. Теперь я несколько дней хочу отдохнуть, так как участвовал во всех раскопках не только в качестве руководителя, но еще и рабочего, и это при непрекращающемся палящем зное. Это было возможным только лишь потому, что сейчас я все-таки хорошо питаюсь и достал приличное продовольствие (разумеется, за большие деньги). Мы работали до 9 часов в день, а земляные работы нелегки. Однако я доволен результатом, и для меня раскопки были более интересны, чем если это были бы нетронутые курганы.

Между тем сюда, в публичную библиотеку, поступила библиотека Савенкова[6], и я, к своей радости, нашел несколько новых хороших книг,

---

[2] Речь идет о так называемых бугровщиках.

[3] См. примеч. 6 на с. 104.

[4] Речь о Г. П. Сосновском. См. примеч. 28 на с. 60.

[5] В археологической карте Э. Б. Вадецкой в этом районе зафиксированы лишь погребальные памятники. См.: *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. С. 104, 112.

[6] В настоящее время фонд библиотеки музея им. Н. М. Мартьянова насчитывает 860 экземпляров книг универсальной библиотеки, принадлежавшей И. Т. Савенкову. Это

а также был счастлив встретить давно известные. Я планирую закончить мои исследования в музее и в библиотеке в эти выходные, потом на четыре-пять дней отправиться на Тубу, стоянки которой нужно непременно осмотреть[7]. А потом мы отправимся на север. Если бы мы смогли достать лодку, это было бы лучше, если нет — нужно комбинировать пароход, лошадей и ноги. В целом я хочу осмотреть две стоянки севернее и южнее Турана[8], изучить Батени[9], относительно стратиграфии которой я еще в полном неведении, и посетить стоянку у Новоселово[10]. Если мне удастся встретить Томскую экспедицию[11], то это будет для меня чрезвычайно приятно по многим причинам. Георгия Петровича я, конечно, возьму с собой. Он лично прекрасный человек, но что касается археологии, то ему должно быть ясно, что одного интереса недостаточно. Мне нужно было бы сказать ему несколько энергичных слов о сомнительной пользе, которую он приносил как помощник в музее, как собиратель информации о стоянках, которых я сам не видел, как наблюдатель на раскопках и, наконец, как рабочий. Ему нужно многому учиться, прежде чем позволить ему что-то делать самостоятельно, а он человек, который мало учится сам по себе и хочет иметь все сразу написанным, напечатанным или сказанным. На всем написанном, напечатанном или сказанном он готов

издания середины XIX — начала XX в. по всем отраслям знаний, по большей части фундаментальные труды на русском, английском, немецком, польском и французском языках, изданные в Лондоне, Берлине, Лейпциге, Варшаве, Санкт-Петербурге, Киеве, Москве. Среди них — книги по археологии: «Древности минусинского музея» и «Сборник трудов Орхонской экспедиции» Д. А. Клеменца, «Минусинские древности» И. П. Кузнецова-Красноярского, различные тома серий «Материалы по археологии России» и «Материалы по археологии Кавказа», «Сибирские древности» В. В. Радлова и др. См.: *Ермолаева Л. Н.* Научной библиотеке им. Н. М. Мартьянова — 125 лет // Мартьяновские краеведческие чтения (2003–2004 гг.): Сб. докл. и сообщ. Минусинск: Тип. «Светоч», 2005. Вып. III. С. 6–8.

7 На р. Тубе выявлена группа поселенческих памятников, но какие из них имел в виду Мергарт, выяснить не удалось. См.: *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. С. 14.

8 В карте Э. Б. Вадецкой отмечены лишь погребальные памятники в районе горы Туран. См.: *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. С. 119.

9 Возможно, речь идет о стоянках афанасьевской культуры под горой Тепсей и на краю надпойменной террасы Енисея (Мочеркина гора), раскопанных в начале 1920-х гг. С. А. Теплоуховым. См.: *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. С. 19.

10 В карте Э. Б. Вадецкой в районе Новоселово отмечены лишь погребальные памятники. См.: *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. С. 48, 102, 107.

11 Летом 1920 г. в Минусинской котловине одновременно с Красноярской работала Абакано-Минусинская комплексная экспедиция кафедры географии и антропологии Томского университета под руководством С. И. Руденко. См.: Томские музеи. Музеи университетов: Материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области» / Под ред. С. Ф. Фоминых, Э. И. Черняка. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2012. С. 22–23.
Одним из отрядов экспедиции руководил С. А. Теплоухов (см. примеч. 2 на с. 118).

поклясться и применить это в неправильном месте. Иными словами, ему нужна школа и практика под руководством, безусловно, не только пару месяцев.

Что мы будем делать в Красноярском округе? Прежде всего, я полагаю, нужны командировка и открытый лист, и работать нужно быстро, пока еще можно раздобыть что-то из местного питания, так как только теперь я вижу, как плохо нам было тогда. Я многое потерял из-за темных облаков в глазах. Ну, пока предоставляю это уладить Вам. У Вас уже определенно есть небольшая программа.

По поводу верно напророченного мной отъезда профессора[12], которого я, впрочем, всегда убеждал закончить как минимум одну группу[13], хочу доложить Вам о том, что намереваюсь выполнить прежде, чем попрошу облегчить мне путь домой. Итак, работы в уезде, для которых сначала нужно составить программу. Доработку нового материала я доведу до конца так, чтобы в первую очередь составить реестр, в котором будут учтены и наши находки. Консервация железных предметов будет во многом зависеть от того, получили ли Вы достаточно керосина. Систематизация бронзы, насколько это возможно сделать систематически, также должна быть проведена. Затем я должен написать отчет о новом распределении коллекций, в котором Вы одновременно получите и желаемую краткую характеристику таблиц. Я думаю, что выполнением этих работ я исполню свой долг. Что помимо этого еще нужно было бы сделать, так это подготовить что-то типа небольшой временной выставки или чего-то подобного — я охотно это сделаю, а также напишу статью, если Вы будете печатать доклад. Но сердечно прошу Вас иметь в виду, что самое позднее в конце октября, то есть спустя год службы, я хотел бы отправиться в путь — все равно, как осуществится отправка пленного, а по пути хочу изучить столько музеев, сколько это возможно, чтобы собрать материал, который нужен мне для разработки моих исследований.

Если понадобятся вспомогательные силы для механической работы, я прошу предоставить их мне, а относительно поездки прошу Вас, как Вы это делали и раньше, и дальше благосклонно заботиться и думать обо мне. Ящик еще не отправлен, потому что судовой агент больше не появлялся. Буду думать, как получить второй и отослать одновременно новые предметы, среди которых много скелетного материала. Большой ящик-шкаф готов? Если нет — как-нибудь поощрите конструкторов, так как когда мы прибудем с нашими пакетами, в этом

[12] Видимо, речь идет о С. А. Теплоухове (см. примеч. 2 на с. 118).

[13] Речь идет, вероятно, о призыве к С. А. Теплоухову раскопать полностью одну из курганных групп в археологическом микрорайоне близ с. Батени.

появится настоятельная необходимость. Также я никогда не забываю о даниловском реестре[14], который, по-моему, можно найти у коллеги, занимающегося современной археологией. Отсутствие этой тетради так затрудняло работу и сердило меня, когда я предварительно группировал бронзу, что я думал об этом всегда с неприятным чувством и каждый раз внутренне переживал из-за этого.

Что касается газет, то Георгий Петрович сделал все возможное. Г-н Кожанчиков[15] также наверняка что-нибудь найдет. Он страстно ждет иголок, о которых, я полагаю, он просил Вас, а также ожидает с некоторым трепетом подтверждение того, что шкуры к Вам прибыли. По меньшей мере, так он мне сказал, когда мы спрашивали насчет газет. В целом сейчас он несравнимо более сносен, чем зимой, и изо всех сил поддерживает мою работу.

Пожалуйста, передайте привет музею и всем его обитателям, а самый большой привет — Вам и Вашей супруге от Вашего искренне преданного Геро Мергарта.

II

Москва, 25.07.1921

Дорогая и уважаемая коллегия!

Не останавливаясь на подробностях путешествия, которые были решены удовлетворительно отчасти из-за энергичности моей спутницы[16], сообщаю лишь то, что на второй день мы были в Омске и оттуда поехали дальше в штабном вагоне. Спустя ровно четверо суток я был в Перми, где потерял целый день — к сожалению, не получив возможности использовать его на посещение музея. На восьмой день я был в Казани. В Омске масло можно купить за 5000 руб., здесь за 25 000 руб. Черный хлеб здесь 4000 руб. фунт, в Казани пуд черной муки сейчас стоит несколько меньше, недавно — по 360 000 руб., но достать трудно. В Казани — холера, ко времени моего приезда ежедневно 30–40 новых случаев, в среднем 400 больных. Я собирал материал в музее географического кабинета и в Центральном музее Татарской Республики[17] и доволен этим. Литература, напротив, представлена слабо. Проф. Адлер[18] радушно меня принял, устроил на квартиру и обеспечил

[14] О коллекции В. А. Данилова см. примеч. 23 на с. 53.
[15] См. примеч. 4 на с. 82.
[16] О подробностях авантюры с «мнимой невестой» см. на с. 218–231.
[17] Об этих музеях и обратном пути Г. Мергарта через Казань см. на с. 238–239.
[18] О пребывании у Б. Ф. Адлера см. на с. 239–240.

продовольствием. Мы много говорили о Кеше Тюшнякове[19], могилу которого я посетил. Очень приятный вечер я провел у проф. Катанова[20]. К сожалению, ему живется весьма трудно и он материально стеснен. Проф. Агабабов[21] оказал любезность и осмотрел мои глаза, а также дал мне рецепт и советы. Дома я должен сразу же пойти на лечение. Острой опасности не существует, но нужно прервать болезненный процесс, чтобы сохранить то, что еще можно сохранить. Так как у меня к тому же было в Казани три приступа малярии, один — по пути сюда, незадолго до приезда, и здесь уже пятый, то будет хорошо, если я немного потороплюсь и дома пойду на «капитальный ремонт». Со спешкой не так-то просто.

Сюда я ехал (26 часов) как сотрудник Татарского центрального музея. Хотя Татэвак изъявил готовность отправить меня домой, но для рабочего турне у них не было бумаг. Здесь мне отказали в регистрации моего мандата, так как у меня не было нужного удостоверения. В четверг (21.07) я приехал, в пятницу бегло поговорил с проф. Городцовым[22] и С. М. Сергеевым[23], в субботу в Главмузее[24] приема не было, в Бюро

---

19 *Тюшняков Иннокентий Васильевич* (1894–1921), зоолог, этнограф, географ, музеевед. Окончил кафедру географии, этнографии и антропологии Казанского университета (1918), ученик Б. Ф. Адлера. В 1918–1920 гг. сотрудник отдела этнографии красноярского музея. С 1920 г. вновь в Казани: профессор краеведения в Высшем институте народного образования, хранитель естественно-исторического отдела губернского музея, член коллегии губернского подотдела по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы; трагически погиб (17.03.1921), задохнувшись в фотографическом кабинете университета. См.: *Василевская А. В.* Иннокентий Васильевич Тюшняков // Мартьяновские краеведческие чтения (2014–2015 гг.): Сб. докл. и сообщ. Минусинск: Издат. решения, 2016. Вып. IX. С. 316–319.

20 О встрече Г. Мергарта с Н. Ф. Катановым см. на с. 242.

21 *Агабабов Александр Григорьевич* (1863–1922), офтальмолог, доктор медицины (1893), профессор (1905). С 1888 г. работал в глазной клинике Казанского университета, с 1902 г. зав. кафедрой офтальмологии, один из организаторов Трахоматозного института в Казани. См.: *Никитин С. К.* Профессор Александр Григорьевич Агабабов // Казан. мед. журнал. 1965. № 1. С. 156–159.

22 *Городцов Василий Алексеевич* (1860–1945), один из крупнейших российских археологов 1910–1940-х гг. Хранитель, затем заведующий археологическим отделом Государственного исторического музея (1903–1929). Преподавал в Московском археологическом институте (1907–1915), Народном университете им. А. Л. Шанявского (1915–1918), Московском университете (1918–1931). Создал в 1910–1920-е гг. одну из ведущих научных школ в российской археологии (В. В. Гольмстен, Д. Н. Эдинг, П. С. Рыков, А. В. Арциховский, А. Я. Брюсов, С. В. Киселев, М. Е. Фосс, А. П. Смирнов, Б. А. Рыбаков и др.). Организовал систему хранения археологического материала и построил первую научную археологическую экспозицию РИМ/ГИМ. Важнейшим вкладом в науку стали разработки стратиграфического и типологического методов, классификации археологических культур бронзового и железного веков Восточной Европы (ямная, катакомбная, срубная, волосовская, фатьяновская, сейминская, дьяковская и др.). См.: *Белозёрова И. В., Кузьминых С. В.* Жизненный и научный путь В. А. Городцова (по архивным документам и воспоминаниям) // *Городцов В. А.* Дневники (1928–1944). В 2-х кн. Кн. 1: 1928–1935. М.: Триумф принт, 2015. С. 14–85.

23 О знакомстве Г. Мергарта с С. М. Сергеевым см. на с. 210.

24 Главный комитет по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народ-

пропусков в регистрации мне отказали, и только благодаря милосердию женщины из Продкома в пятницу я получил три талона на питание на незарегистрированный мандат. Оставшуюся часть субботы (после двух часов стояния в очереди) я посвятил приступу малярии, который, к счастью, смог перенести не на улице, а в комнате одного моего знакомого венгерского коммуниста. Вечером я был в состоянии посетить другого венгерского товарища, который проживает в доме Коминтерна[25] и является секретарем бывшего венгерского наркома. Это было очень интересно. Мы говорили и о все еще существующих непродуктивных отношениях между рабочей интеллигенцией и трудящимися, в особенности партийными. Он показал мне высказывание Ленина о том, что один буржуазный специалист стоит 10 коммунистов, и привел много свидетельств искреннего стремления центра без колебаний всячески поддерживать готовых работать буржуазных интеллигентов. Нет сомнений, что центр никоим образом не проявляет симпатии к ходу мыслей фанатичных, но неинтеллигентных партийцев. Здесь вообще другой воздух, более свободный и здравый. Только бюрократизм процветает в старом добром величии и является тормозом для желающих работать специалистов не только моего рода.

В воскресенье канцелярии, разумеется, не работали, и я осмотрел Румянцевский музей с очень интересными предметами с Камчатки и от алеутов. Сегодня я несколько часов провел в Главмузее, где получил бумаги, которые подтверждают мое пребывание здесь с настоящими целями. Для этого завтра я начну хождение по мукам и очередям для регистрации. Главмузей («Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины», Пречистенка, Мертвый переулок, № 9), который процветает и развивается, впоследствии пошлет меня дальше, в Петербург, как только я через неделю беготни от учреждения к учреждению приобрету право на неделю работы. Проф. Городцов встретил меня с большой сердечностью и в первую очередь поздравил с тем, что я смог использовать свое время в Енисейской губернии без помех со стороны преемницы Петербургской археологической комиссии[26]. Мы сразу приступили к палеолиту, и когда я завтра принесу туда свои наброски, у нас будет первая дуэль. Это теплое чувство, когда тебя сердечно принимает такой компетентный старший зарубежный собрат

ного комиссариата просвещения РСФСР. В феврале 1921 г. музейный отдел НКП был реорганизован в Главмузей, его первым руководителем стала Н. И. Седова (Троцкая).

[25] С 1919 по 1924 г. Коминтерн располагался по адресу: Москва, Денежный пер., д. 5.

[26] Речь идет о Российской (с 1926 г. Государственной) академии истории материальной культуры. В 1919 г. Российская (ранее Императорская, с 1917 г. Государственная) археологическая комиссия была преобразована в РАИМК.

по профессии. Тальгрен[27] — профессор в Дерпте[28]. Гернес[29] (в Вене) умер. Здесь есть совсем новая работа Тальгрена об Ананьино[30], и «Архив антропологии, этнографии и древней истории»[31] до конца 1920 г. также останется здесь. В Кенигсберге, к примеру, советским правительством была закуплена целая книжная лавка, но все же приток иностранной литературы еще очень разрознен и опосредован. Напишите в Казань, в Центральный музей Татарской Республики, и попросите их о присылке «Вестника»[32], который содержит много интересного. Сошлитесь на меня и на то, что я уже выражал там такую просьбу. Проф. Адлер и Катанов попытались еще раз удержать меня там, но поняли, что я рвусь домой. К тому же я сказал, что охотнее стал бы губернским археологом в Красноярске, чем профессором в Казани.

В ящике «минусинская бронзовая культура» (в основном не аннотированный материал) есть скульптурка, что-то вроде дикой козы. Она, без сомнения, кавказская и относится к той же самой группе, что и фаллистическое карикатурное изображение человека (с желтым) в гадаловском шкафу для ружей, внизу (выдвижной ящик). Так как дата не установлена, то очень сомнительно, действительно ли она найдена в Минусинске. Может быть, лучше удалить ее из ящика и поместить на склад. На сегодня достаточно. По поручению Антона Антоновича[33] нельзя ничего сделать, так как на том месте — новый человек, а старый болен дизентерией. Наилучшие пожелания, дорогая коллегия, всем вам и каждому в отдельности, особый привет моей верной помощнице[34]. Всем знакомым — большой привет, не забудьте Эмилию Анцевну[35].

Всегда Ваш, старый Геро Мергарт

---

[27] О А. М. Тальгрене см. на с. 100 и с. 13 предисловия.

[28] Речь идет о Тартуском университете.

[29] *Морис Гёрнес* — один из учителей Г. Мергарта. Подробнее о нем см. во вступлении Э. Шпрокхофа к «Далёко» (с. 26).

[30] *Tallgren A. M.* L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale / SMYA. T. XXXI: 1. Helsinki, 1919. 203 p.

[31] Вероятно, подразумевается журнал по естествознанию и древней истории, печатный орган немецкого общества антропологии, этнологии и древней истории (Брауншвейг, с 1866 г.).

[32] *«Казанский музейный вестник»* — первый российский периодический журнал по музейному делу, издававшийся в 1920–1924 гг. НКП ТАССР по инициативе Б. Ф. Адлера и при активном участии П. М. Дульского (отв. редактор), К. В. Харламповича, Г. С. Губайдуллина, М. И. Лопаткина; в нем публиковались также статьи по вопросам истории, этнографии, археологии и т.д. См.: *Синицына К. Р.* «Казанский музейный вестник» (1920–1924 гг.). Казань: КГУ, 1963. 26 с.

[33] Об А. А. Савельеве см. примеч. 21 на с. 150.

[34] Речь о Марии Викторовне Новодворской (см. примеч. 12 на с. 204).

[35] Эмилия Анцевна Жураусская (см. примеч. 31 на с. 70).

III

Петербург, 24.08.1921

Дорогая и уважаемая коллегия!

Это письмо чуть было не осталось ненаписанным, потому что вчера меня непременно хотели посадить на судно и отправить домой. А так как я, как и все предыдущие дни, с 6 до 11 вечера был у Спицына[36], меня не нашли, и я здесь еще, вероятно, где-то на неделю. Мое путешествие проходило примерно так: 20.07 я ехал 26 часов до Москвы с командировкой от Казанского центрального музея. Городцов был в высшей степени любезен, и когда я, затратив много терпения, получил нужные бумаги, у меня еще осталось время для различных дел. Я работал главным образом в очень, конечно, богатом историческом музее, потом в Румянцевском и в музее Александра III[37]. Далее я выступал с докладом в обществе друзей исторического музея[38], членом которого был избран, и с подобным же, по просьбе, — в археологическом обществе, которое избрало меня своим членом-корреспондентом. В обоих случаях на повестке дня был палеолит. Городцов принимает это полностью, но видит здесь две эпохи — ориньякскую и мадленскую (только в Батени). Ефименко[39] пытался было сделать из этого неолит, на что я только коротко ответил, что даже если и можно в какой-то степени по своему усмотрению трактовать типы индустрии (в соответствии с его работой о каменном веке в Твери[40], которая также есть в Красноярске, — «Ежегодник»), то нельзя забывать о геологии и фауне. Кроме того, он полагал, что знаменитые резные звери с Базаихи[41] также относятся

---

[36] О встречах с А. А. Спицыным см. на с. 253.

[37] С 1894 г. Исторический музей именовался Императорским Российским историческим музеем Александра III.

[38] «Общество друзей Исторического музея» существовало в 1918–1929 гг. Первое собрание состоялось 6 октября 1918 г. Его председателем был избран Н. С. Щербатов — глава ученой коллегии РИМ, товарищем председателя — В. А. Городцов, который фактически возглавлял общество и направлял его работу до 1929 г.

[39] *Ефименко Петр Петрович* (1884–1969), археолог, академик АН УССР (1945). С 1915 г. работал в Российском историческом музее — сначала зав. отделом крестьянского быта, с 1922 г. зав. отделом славяно-финской археологии; с 1919 г. ассистент этнологического разряда Московской секции РАИМК. С 1923 г. жил и работал в Петрограде: в Эрмитаже, этнографическом отделе Русского музея, МАЭ, ГАИМК; в 1938–1950 г. зав. сектором палеолита и неолита ИИМК и ЛО ИИМК. В 1946–1954 гг. директор Института археологии АН УССР. Специалист по истории древних и средневековых обществ, один из создателей отечественной школы палеолитоведения. См.: *Формозов А. А.* О Петре Петровиче Ефименко (материалы к биографии) // Очерки истории отечественной археологии. М.: Наука, 2002. Вып. III. С. 73–126.

[40] *Ефименко П. П.* Некоторые находки каменных орудий в Тверской и Новгородских губерниях и их место в системе европейской палеоэтнологии // Русский антропологический журнал. 1916. № 1–2. С. 66–82.

[41] Имеются в виду сделанные из лосиного рога фигурки лосей, животного с подогну-

к Афонтовскому палеолиту. После заседания я обратил его внимание на то, что неолитические могилы Базаихи лежат не в культурном слое Афонтова и что его ошибка очень груба. Анучин[42], в университетской коллекции которого я тоже нашел кое-какой материал[43], согласен признать палеолит, но полагает, что он просто мог быть очень поздним и представлять собой переход к неолиту. Слабость всех в том, что они не обладают сведениями о местах находок, но хотят соотнести факты с теориями, тогда как можно и нужно оспаривать их неправоту вескими доказательствами и новыми наблюдениями. Во всяком случае, заседания были действительно интересными, и енисейский палеолит сейчас в мыслях людей. Когда-нибудь Городцов непременно приедет к Вам[44]. Определение эпохи как ориньякской я, впрочем, всегда делал с оговоркой, полагая, что сначала нужно провести сравнение с европейским материалом. Спицын согласен со мной, и палеолит им признаётся.

В Москве я в основном собирал материал для работы о енисейском северном типе бронзы[45] и думаю, что из этого можно кое-что сделать, к тому же я получил интересные сведения от Спицына из его удивительной коллекции заметок[46]. Эта коллекция — археологическое литературное сокровище России. Относительно археологии нужно еще сказать следующее: для андроновской культуры[47] прослеживаются поразительные параллели в Семипалатинске и Оренбургской области. Уже можно с уверенностью сказать, что она происходит именно оттуда и что я правильно определил путь ее распространения с севера в Ачинско-Минусинскую область, имея в качестве доказательства

тыми ногами и антропоморфная скульптурка с головой птицы, найденные в 1884 г. И. Т. Савенковым при раскопках неолитических погребений (№№ 4, 5) в могильнике Базаиха в урочище «Бор» под Красноярском. См.: *Савенков И. Т.* О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове. Т. 1. М., 1910. С. 15–76.

42 Об общении Г. Мергарта с Д. Н. Анучиным см. на с. 249.

43 Речь идет о коллекциях Музея антропологии МГУ.

44 Эта поездка состоялась в 1924 г.

45 Археологические древности красноярско-канской лесостепи и юга енисейской тайги Мергарт в культурном отношении отличал от минусинской степной курганной культуры (тагарская культура в современном понимании). Наиболее характерным типом северной бронзы он считал кельты красноярского типа (в дальнейшем за ними закрепилось название «кельты красноярско-ангарского типа»); подробнее см. в: *Кузьминых С. В., Детлова Е. В.* Проблемы бронзового и раннего железного веков Северной Евразии в трудах и переписке А. М. Тальгрена и Г. Мергарта // Эпоха бронзы и ранний железный век: Матер. III Междунар. конф. «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации» / Археология евразийских степей. № 3. Казань: ИА АН РТ, 2017. С. 37–62.

46 Речь о знаменитых «корочках» А. А. Спицына. См.: *Бич О. И.* Архив А. А. Спицына: (Крайние даты архивных материалов 1880–1931 гг.) // СА. 1948. Т. X. С. 21–52.

47 Впервые раскопки у д. Андроновой были проведены в 1914 г. А. Я. Тугариновым (*Тугаринов А. Я.* Андроновские могилы // СЖС. 1926. Вып. 1. С. 153–158). Мергарт одним из первых обратил внимание на своеобразие андроновской культуры.

только способ ее распространения и трансформации и мог при этом опереться лишь на маленькую заметку из Семипалатинска[48]. Об ее относительном возрасте достоверно пока не могу ничего сказать. Пресловутый медный топор из раскопок Савенкова на Базаихе я не нашел, и нет никаких сведений о его местонахождении. Это большая потеря, и мне очень жаль, потому что я возлагал на него большие надежды. Для северного неолита я также нашел некоторые параллели, а на мое разъяснение о «евразийском государстве гребенчатой керамики»[49] Спицын сказал с полным удовлетворением: «Это очень хорошее и правильное Ваше наблюдение». О господи, с точки зрения археологии в Красноярске я был изолирован и работал совершенно самостоятельно, почти не имея литературы. Теперь я могу облегченно вздохнуть — в целом я работал успешно, и, я полагаю, коллегия может быть довольна своим сотрудником.

Здесь я до сих пор был только в академии[50]. Но Спицын все же наметил мне программу нужных осмотров и исследований.

Трудностей с моим отъездом за границу, надеюсь, не будет. На корабле я поплыву в Штеттин. Луначарский[51] дал мне одно сопроводительное письмо относительно моих работ, другое — в здешний наробраз относительно пропуска книг, которых скоро снова наберется пуда два. Мне везде что-то дарят (попытайтесь получить в Академии истории материальной культуры Петербурга в Мраморном дворце их «Записки». Может, их удастся получить, сославшись на значимость такого учреждения, как красноярский музей. Возможно, поможет Козлов[52]. В Историческом музее Вы могли бы запросить отсутствующие «Отчеты [РИМ]». Прямо в канцелярии или у секретаря, а не у частных лиц. Нового почти ничего не печатается). Городцов дважды предлагал мне место в Историческом музее, но я отказался. Научному советнику Луначарского, Алейникову[53], в ответ на вопрос: готов ли я, возможно, поработать еще в России, ответил, что сейчас решить не могу, но должность губернского археолога Енисейской губернии, вероятнее всего, предпочел бы всем другим. Он попросил меня о прямой пересылке моих сибирских работ в печать и высказал мнение, что они тоже охотно предоставили бы мне широкие возможности для работы, по желанию также и в Сибири. Я доволен «широтой» заданий

[48] Среди бумаг Мергарта в архиве университета г. Марбурга-на-Ланне (Германия) хранится присланный в марте 1921 г. из Семипалатинского музея набросок рисунков двух кельтов и сопровождающее его небольшое письмо с их описанием.

[49] Свои научные наблюдения и выводы Мергарт позднее развил в работах «сибирского цикла» (см. список литературы).

[50] Речь идет о Российской академии истории материальной культуры.

[51] О встрече с А. В. Луначарским см. на с. 252.

[52] Козлов Петр Кузьмич. О его докладе в Красноярске см. на с. 210.

[53] Вероятно, речь идет о секретаре Совета Народных комиссаров РСФСР Ю. Алейникове.

в Енисейской губернии, а еще больше — «глубиной». И может случиться так, что однажды я появлюсь вновь и обеспокою уважаемую коллегию своей невоспитанностью.

В Москве г-н Сабо даром, по старому знакомству по музею, подбил мне заново сапоги. Быть сапожником сейчас — более сытно, чем художником, и за 4000 руб. в день я дважды питался у него и у товарищей. Из еды на четырех человек у нас был картофельный суп из 15 фунтов картофеля. Хлеб стоит 2500–3500 руб., к концу пребывания — уже 3500 руб.

Здесь товары не так дороги из-за того, что постоянно курсируют суда и многое ввозится контрабандой. Пиво на корабле стоит 1 марку, или 100 рублей кружечка. Я живу и питаюсь в «Немецком доме» — чисто, аккуратно, сносно. Правда, хлеба только по полфунта. В доме есть ванная. Дважды в день — пшено от местной администрации, бобы, горох, ячмень, мясные консервы из Германии. Меня тщательно проверили, не венгерский ли я офицер. Но договор заключен, теперь ожидается обмен. Книгу профессора Данкварта[54] я бегло читал в Москве, в Коминтерне, где нашел хорошего знакомого, с которым вел беседы о теории и практике социалистического правительства. Я говорю «социалистического», потому что о старом Коминтерне, как он часто понимается в провинции, не может быть больше речи. Да здравствует грядущее русско-немецкое взаимопонимание! Вы знаете, что я от всего сердца посылаю всем приветы. Письма в Германию отправляйте только заказными. То же буду делать в отношении Вас и я. Навечно преданный Вам, «бывший» член коллегии,

Геро Мергарт

IV

Мюнхен, 16.05.1922[55]

Нойгаузештрассе 51

Антропол[огическое] доисторическое государственное собрание

Дорогой музей!

Как радовался товарищ Мергарт, старый енисеец, когда восемь дней назад получил поздравление из Красноярска. Извещение я послал в качестве пробы, функционирует ли связь. А Вы думали, что я пропал?

[54] Возможно, речь идет о книге: *Danckwortt P. W.* Sibirien und seine wirtschaftliche Zukunft. Ein Rückblick und Ausblick auf Handel und Industrie Sibiriens. Leipzig, Berlin: Verlag von B. G. Teubner. 1921. X+271 S.

[55] Надпись в верхнем левом углу на русском языке: «Получено в Красноярске 12 июня 1922 года».

Нет, нет, я еще жив, женился, работаю и пока решительно набросился на Ен[исейскую] губ[ернию][56], отложив все иное. Потому что известный глаз становился все хуже и в конце концов почти совершенно отказывал при чтении и письме. Тогда я испугался, отказался от любой здешней полевой работы и почти полностью погрузился в Сибирь. Я лечу глаз, мне впрыскивали хлористый натрий (что вовсе не доставило удовольствия), но профессор полагает, что важнее всего — жить спокойно и отдыхать. Повинны во всем были, вероятно, недоедание и перенапряжение глаза. В остальном я как будто бы здоров. Больному человеку нужно прежде всего восстановить равновесие. Заботу о моем лечении и пропитании я предоставил супруге, а в остальном, по сути, работаю как в Красноярске и над теми же вещами.

Послушайте вкратце, как выживал Ваш коллега. В Петербурге я еще добрых две недели работал у А. А. Спицына и у Штернберга[57] в музее [антропологии и этнографии], затем миллион (да благословит Бог Всеволода Афанасьевича[58] за эту операцию) закончился, и я был вынужден взяться за сгребание угля, колку дров и переноску мебели, чтобы дожить до отъезда. Но не это было важно — главное было в моем блокноте, и у меня были бумаги от Луначарского[59], так что я упустил не так уж много. 27 сентября я прибыл в Брегенц, где меня встретили цветами и салютом. Меня считали мертвым. Вы знаете, что это неправда, я был жив все это время. Я никогда не был мертв. И пока не собираюсь. 01.01.1922 я снова поступил на службу, 14.02 состоялась свадьба, 10.03 у меня был первый доклад о работе в Сибири в [Мюнхенском] антропологическом обществе. Еще я пишу статью в газету[60], но до поры до времени не могу ее выслать.

Сегодня отослал первую рукопись «Палеолит Енисейского края». Она ушла в Мадрид к проф. Обермайеру[61], который обеспечит ее перевод на английский. Напечатана она будет предположительно в Нью-Йорке[62]. У меня лежит стопка отчетов арх[еологической] ком[иссии], записки, материалы[63] — литература, которую я получил из Исторического музея,

---

[56] Фраза написана по-русски.

[57] *Штернберг Лев (Хаим) Яковлевич* (1861–1927), революционер-народник, этнограф, лингвист, фольклорист, музеевед, журналист, общественный деятель, чл.-корр. АН СССР. С 1901 г. сотрудник Музея антропологии и этнографии, с 1918 г. его директор. См.: *Гаген-Торн Н. И.* Лев Яковлевич Штернберг. М.: Вост. лит., 1975. 237 с.

[58] Речь о В. А. Смирнове. Подробнее о его участии в жизни Г. Мергарта см. на с. 206. Имя написано по-русски.

[59] Имя и отчество написаны по-русски.

[60] Речь, скорее всего, идет о цикле статей «Воспоминания о Советской России», опубликованных в газете Münchener Neueste Nachrichten.

[61] См. вступление Э. Шпрокхофа к «Далёко».

[62] Статья Г. Мергарта о сибирском палеолите: *Merhart G.* The palaeolithic period in Siberia: contributions to the prehistory of the Yenisei region // American Anthropologist. 1923. Vol. 25:1. Pp. 23–55.

[63] Речь идет об изданиях: «Отчеты Императорской археологической комиссии» (СПб.,

Московского антропол[огического] общества за мой тамошний доклад и от Спицына. И теперь я прорабатываю все заново, прежде всего финскую литературу, и постепенно буду это издавать. Тальгрен мне поможет с публикацией в Финляндии. Сделать это сложно везде, потому что денег ни у кого нет. Но это будет сделано. И М[узей] П[риенисейского] к[рая][64] получит первые экземпляры. Очень досадно, что зап[иски] Вост[очно]-Сиб[ирского] отд[ела] Р. Г. О. в Германии не получить. Зап[иски] Сиб[ирского отдела Императорского Русского географического общества], [записки При]амур[ского отдела Русского географического общества] — здесь. Если бы вы смогли как-нибудь достать статьи по первобытной истории, вы бы очень мне помогли. В противном случае я буду вынужден оставить без внимания тамошние работы, что было бы для меня, например, в отношении Попова[65] жаль. Правда, кое-что я выписал, но теперь хотел бы иметь больше. Каждый день я готов плакать оттого, что у меня закончились тогда фотографические пластины (а Арк[адий] Яковлевич[66] еще и забрал у меня те, которые я долго копил!) и не было шесть глаз и восемь рук, чтобы зарисовать еще. Китайские зеркала, например, мне нужны все. И еще многие бронзовые предметы, за которые я как следует не брался. Если у вас есть пластинки, вы меня осчастливите каждым посланным снимком. И это пойдет на пользу археол[огии] Ен[исейской] губ[ернии][67]. При любой возможности я просил бы о конкретных изображениях, которые мне нужны безотлагательно. Очень скверно, что у меня нет ни одного хорошего снимка дюны со стоянкой[68]. Если бы Аркадий Яковл[евич Тугаринов] смог выслать Означенную[69], я бы гарантировал его авторское право как фотографа. Ныне я готов рвать на себе волосы и бессовестно клянчу об изображениях, пластинки которых остались там. Привезенные с собой я отдал увеличить, они вполне пригодны для использования. Но за пластинки и пересъемку я заплатил больше, поэтому прошу вас принять решение, можно ли отпечатки с них отдать в обмен музею. Не хочу заключать сделку, но за них я мог бы, например, получить снимки из Гельсингфорса, которые мне понадобятся

Пг.), «Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества» (СПб., Пг.), «Материалы по археологии России» или «Материалы по археологии восточных губерний России» (М.).

64 Аббревиатура М. П. К. написана по-русски.

65 Фамилия написана по-русски. *Попов Николай Иванович* (1831–1878), историк, краевед, автор ряда работ по археологии Сибири.

66 Имя и отчество А. Я. Тугаринова написаны по-русски.

67 Словосочетание написано по-русски.

68 Словосочетание написано по-русски. Вероятно, речь идет о памятнике близ д. Означенной.

69 Деревня Означенная на юге Енисейской губернии, где летом 1920 г. Мергарт и Сосновский проводили археологическую разведку.

для работы. Я тогда не смог попасть в Гельсингфорс, в этом году тоже не получится.

Из видовых открыток, которые послали мне музейные дамы (Мария Васильевна[70] — ангел!), я сделал слайды, для докладов они совершенно изумительны. Ну и у меня целая куча вопросов. Все за один раз — невозможно! Я с радостью узнал из поздравления, что коллегия еще существует и работает. Какая радость! Мне не хватает Марии Викторовны[71], Дараган[72], Николая Александровича[73], Верыванны[74], Миронова[75]. Что они делают? Вераванна просто не попала в перечень. Но прошу поприветствовать ее особо, хотя она не входит в коллегию. Я не могу спросить о каждом в отдельности — не позволяет место. Но приветствую всех-всех, и всё, что я только смогу услышать, меня радует и интересует. Моя жена не хочет в Сибирь. Жаль. Однако я не совсем оставил надежду приехать еще раз. Степь меня очаровала, и река, и богатство древностей. Но сначала я должен все напечатать. Все работы, которые у меня в папке, и еще сверх того.

Некоторые вопросы я должен задать особо. Как прошла экспедиция на Подк[аменную] Тунгуску[76]? От Душа[77] я еще не получил ни строчки. Вероятно, он вернулся?![78] Что нашел Теплоухов[79], что Георгий Петрович[80]? Покорнейше прошу как можно точнее написать мне, что нового в археологии. Лучше печатать на машинке. Рукописный текст мне читать все труднее. Публиковал ли Петри[81] что-либо новое?

---

70 Имя и отчество М. В. Красноженовой написаны по-русски.

71 Новодворская Мария Викторовна. См. примеч. 12 на с. 204.

72 *Дараган Сергей Иннокентьевич* — в указанные годы заведующий отделом искусства в Музее Приенисейского края.

73 Ставровский Николай Александрович. См. примеч. 7 на с. 263.

74 Имеется в виду *Вера Ивановна Тугаринова* — супруга А. Я. Тугаринова. Ее имя и отчество в тексте написаны по-русски, по ошибке слитно.

75 Фамилия написана по-русски. *Миронов Иннокентий Яковлевич* — сотрудник Музея Приенисейского края.

76 Топоним приведен по-русски. Экспедиция на Подкаменную Тунгуску и Ангару состоялась весной-летом 1921 г. А. Я. Тугаринов и его спутники открыли ряд стоянок древнего человека. См.: *Макаров Н. П.* Археологические исследования А. Я. Тугаринова // Аркадию Яковлевичу Тугаринову посвящается: Сб. науч. ст. Красноярск: КККМ, 2011. С. 13.

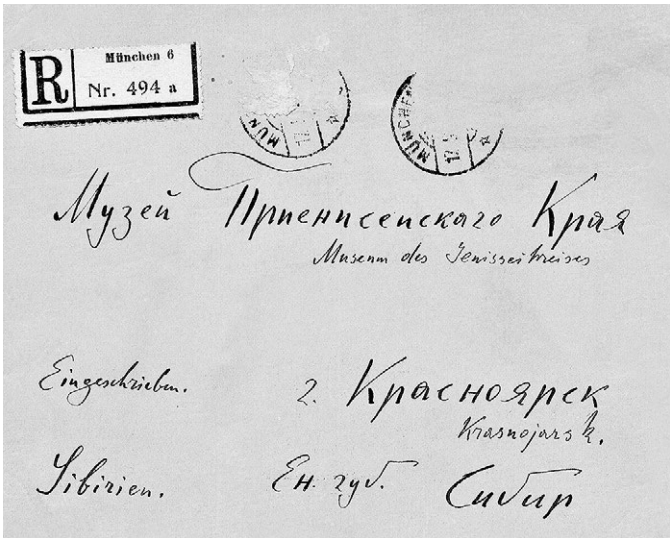
77 Ференц Душ. См. примеч. 18 на с. 208.

78 Непонятно из контекста, имел ли в виду Мергарт его отъезд на родину или возвращение из экспедиции.

79 Фамилия написана по-русски. С. А. Теплоухов в 1920-х гг. продолжил исследования в Минусинской котловине.

80 Имя и отчество написаны по-русски. Г. П. Сосновский вел в 1921 г. разведки памятников эпох неолита и бронзы на Ангаре.

81 *Петри Бернгард Эдуардович* (1884–1937), археолог, антрополог, этнограф. С 1918 г. приват-доцент, профессор Иркутского университета, возглавлял единственную в Сибири кафедру истории первобытной культуры. Основоположник иркутской палеоэтнологической школы (М. М. Герасимов, Г. Ф. Дебец, И. В. Аремовский, А. П. Окладников, П. П. Хороших и др.). Репрессирован в 1937 г. См.: *Сирина А. А.* Забытые страницы сибирской этногра-



Конверт одного из мюнхенских писем Геро фон Мергарта в красноярский музей. *ККМ*

Что делает Константин Николаевич[82], который, вероятно, все-таки стал моим преемником? Он должен все-таки изучить стоянки №№ 220–225, 565 и 603 (старая опись) между Коркина и Тетерина[83]. Если он там найдет подтверждение (литейную форму, готовое изделие) тому, что там производились северные топоры, было бы чудесно. Я был крайне разочарован, когда узнал, что топора, который Савенков раскопал на Базаихе, в Петербурге не существует. Его там никогда не было, сказали мне!!! Никто его не видел, никто не знает, что это был за топор. Я очень сильно ругался. А не хочется раскопать на горе Туран несколько курганов? Восточнее, под вершиной. Высокие курганы, может быть, уже переходные к железному веку. Но они могут быть и старше. И нужно срочно обследовать стоянку в Ново-Селово[84]. Могильник вроде бы залегает под стоянкой железного века, я еще видел плиты.

Андроновская культура действительно пришла с запада![85] У меня есть заметки из областей вплоть до Урала. Погребальный инвентарь

фии: Б. Э. Петри // Репрессированные этнографы. 2-е изд. М.: Вост. лит., 2002. Вып. 1. С. 57–80.

82 Речь идет о Николае Константиновиче Ауэрбахе. Имя и отчество автором письма перепутаны.

83 Верно: Коркино, Тетерино. Топонимы написаны по-русски.

84 Верно: Новоселово. Речь идет, вероятно, о могильнике Новоселово 2. См.: *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. С. 107.

85 См. подробнее об этой теме в переписке Мергарта и Тальгрена. См.: *Кузьминых С. В., Детлова Е. В.* Проблемы бронзового и раннего железного веков Северной Евразии в трудах и переписке А. М. Тальгрена и Г. Мергарта // Эпоха бронзы и ранний железный век: Матер. III Междунар. конф. «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации» / Археология евразийских степей. № 3. Казань: ИА АН РТ, 2017. С. 41–43.

почти сплошь плохой. В Ново-Селово! Там в земской[86] или советской квартире[87] можно получить лишь самовар. Я тут вспомнил: если бы я смог получить фотографии моих настенных таблиц, я переосмыслил бы их заново. Для нашего сегодняшнего знания они хороши. Несомненно. Что делал музей этим летом? Прилежно собирайте палеолит. Этот шкаф будет кладом для музея. Не подпускайте иркутян к этому. Пусть копают дома. Или забирайте находки себе. Черт побери[88] (говорит Антон Антонович), если бы я только знал, что нашел Теплоухов. Я все еще не верю, что это неолит. Или, во всяком случае, другой, нежели у нас в Красноярске. И когда эта авиапочта в конце концов дойдет до Иркутска! До Москвы этого недостаточно. Я сегодня напишу Городцову авиапочтой. А Александр Николаевич[89] новый вид быка[90] уже обработал? Что при этом получилось? О музей, напишите мне большое-пребольшое письмо, я жажду знать, что у вас произошло. Теперь у меня есть связь, она больше не оборвется. И у меня нет покоя и не будет до тех пор, пока мои сибирские работы лежат на столе. Я слишком дорого за это заплатил, чтобы сейчас их забросить. Что делает Кожанчиков[91], что мой малярийный доктор, что Тюнин[92]? Как дела у Викторовича[93]? Пусть Косованов[94] передает всем приветы, я прошу его об этом.

Я вынужден закругляться. Бумаги не хватает, и письмо не должно быть слишком плотным. Тогда оно дойдет вернее и скорее. Но я ждал и буду ждать каждый день ответа от музея (моего музея!). Бедный г-н Ауэрбах, который, вероятно, будет переводить это письмо. Хотя его тете уже знаком мой почерк! Все же заведите человека в коллегии[95], который знает немецкий язык. И больше, чем Димитриев[96].

Шлю тысячу приветов старому музею и всем-всем сотрудникам. Эмилия Анцевна, вероятно, еще там? От Водрацки я получил длинное

---

86 Слово написано по-русски.

87 Словосочетание написано по-русски.

88 Словосочетание написано по-русски.

89 Соболев Александр Николаевич, заведующий геологическим отделом. См. примеч. 26 на с. 211.

90 В тексте фраза написана по-латыни: *bos spec. nov (Bos species nova)*. Имеется в виду ископаемый бык.

91 Фамилия написана по-русски.

92 С этими людьми Мергарт встречался на юге края, в ходе экспедиции. *Тюнин Михаил Семенович* (1865 — после 1942), заведующий енисейским музеем в 1920–1923 гг. Информации о «малярийном докторе» найти не удалось.

93 Неясно, о ком идет речь. В списке сотрудников Музея Приенисейского края за 1920 г. данная фамилия не фигурирует. Может быть, это отчество одного из коллег Мергарта.

94 *Косованов Вячеслав Петрович* (1880–1938), геолог, библиограф, краевед, первый профессор Красноярского края.

95 Слово написано по-русски.

96 *Дмитриев Михаил Александрович*, в 1920–1930-е гг. сотрудник-практикант, позже этнограф, заведующий этнографическим отделом Музея Приенисейского края.

письмо. У него все хорошо. От Пангерла[97] я еще ничего не слышал. Привет за приветом вам. Там было часто трудно и тягостно, но это было славное время!

Геро Вальтерович[98], которого, увы, теперь так никто не называет. А впрочем, по-немецки меня зовут Геро, а не Герой

V

Мюнхен, 22.04.23

Дорогой музей!

14 дней назад я получил письмо от Марии Васильевны и Александра Николаевича[99]. Большое, большое спасибо за него, оно доставило мне огромную радость. Я уж думал, что Музей Приенисейского края забыл своего старого сотрудника, потому что после свадебных поздравлений я больше не получал вестей. Ну а теперь, надеюсь, в конце июня смогу известить музей о рождении юного археолога[100]. Теперь ясно, что письмо потерялось.

Но сначала о науке. Еще не напечатан, но я каждый день ожидаю вторую корректуру «Отчета о вскрытии двух курганов в Абаканской степи»[101], который я увеличил из-за обзора литературы. Он содержит примерно 40 машинописных страниц и ряд иллюстраций, среди них — исполинский курган с видовой открытки[102]. К сожалению, я сразу не спросил о разрешении на печатание, так как даже не знаю имени фотографа. Работа выйдет в журнале Финского общества древностей в Гельсингфорсе, там специально собирали деньги на издание. «Палеолит»[103] — у директора музея в Нью-Хейвене в Америке, для перевода и издания. Еще не знаю, когда он появится, но Обермайер[104], ныне профессор в Мадриде, который очень интересовался этой работой, позаботился, чтобы она вышла. В настоящее время я занимаюсь исследованиями о сибирском бронзовом веке, который может исходить

[97] Об этих людях см. примеч. 19 на с. 274.
[98] Имя и отчество написаны по-русски.
[99] Речь идет о М. В. Красноженовой и А. Н. Соболеве.
[100] В 1923 г. родился сын Г. Мергарта Ульрих.
[101] *Merhart G.* 1) Beiträge zur Urgeschichte der Jenissei-Gubernie. Bericht über die Öffnung zweier Kurgane in der Abakansteppe // SMYA. 1923. T. XXXIV: 1. S. 2–46; 2) Beiträge II. Die Gruppe der Kurgane mit Platten-Einzelngrab // SMYA. 1924. T. XXXV: 2. S. 3–19.
[102] Речь об известном изображении Большого Салбыкского кургана — «царского» кургана тагарской культуры.
[103] См. примеч. 62 на с. 288.
[104] См. примеч. 2 на с. 26.

от топоров «красноярского типа»[105], и хочу сделать обзор культурных отношений и наших знаний о возрасте сибирских бронзовых культур. Если все пойдет хорошо, я буду защищаться с этой работой[106], а затем, через год, буду читать лекции о сибирском бронзовом веке. Я бы охотно читал и об истории археологического изучения Сибири, но это будет только тогда, когда музей или Иркутск смогут раздобыть для меня различные здешние работы Попова[107], Овчинникова[108], Петри[109], в первую очередь — более ранних местных исследователей, а то без них получается так, будто участие русских не было весомым, как это может вообразить тот, кто располагает только западной литературой. Таким образом, от вас во многом зависит, состоится ли такая лекция в одном из немецких университетов. Следующая работа из моего материала — о стоянках, для которой я постоянно изучаю литературу[110], — будет самой объемной. Айлио[111] написал книгу о русском неолите[112], но по сибирской части можно лишь сказать, что он

---

105 Топоры красноярского типа (по Г. Мергарту) или кельты красноярско-ангарского типа (по Г. А. Максименкову) — тип бронзовых орудий, который впервые описал и ввел в научный оборот австрийский ученый. См.: *Merhart G. von.* Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien: Anton Schroll & Co, 1926. S. 42–45.

106 В 1924 г. Мергарт защитил диссертацию в Инсбрукском университете. Впоследствии эта работа легла в основу его самого известного труда — монографии «Бронзовый век на Енисее»: *Merhart G. von.* Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien: Anton Schroll & Co, 1926. 189 s.

107 *Попов Н.* Остатки доисторического человека около села Бадай // СЖС. 1925. Вып. 3–4. С. 181–184.

108 В письме речь идет, вероятно, о статье: *Овчинников М. П.* Материалы для изучения памятников древностей в окрестностях Иркутска // ИВост-СибОРГО. 1908. Т. 35. № 3. С. 62–76.

109 *Петри Б. Э.* 1) Вторая поездка в Предбайкалье // Известия Рус. комитета для изучения Сред. и Вост. Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Сер. II. СПб., 1914. № 3. С. 89–106; 2) Неолитические находки на берегу Байкала: Предварит. сообщение о раскопках стоянки «Улан-Хода» // Сб. МАЭ при Имп. академии наук. Т. III. Пг.: Изд. Академии наук, 1916. С. 118–132; 3) Сибирский палеолит // Сб. трудов профессоров и преподавателей Гос. Иркутск. ун-та. Иркутск, 1923. Вып. 5. С. 209–253 и др.

110 Из данного контекста можно заключить, что Мергарт намеревался написать работу о сибирском неолите. Этот план остался нереализованным, но в кратком виде взгляды ученого изложены в статье для энциклопедии Макса Эберта: *Merhart G.* Sibirien, B: Neolithikum // Reallexikon der Vorgeschichte. Berlin: Walter de Gruyter, 1928. Bd. 12. S. 57–70.

111 *Айлио (Ailio) Юлиус Эдвард* (1872–1933), финский археолог и политический деятель. Ассистент Государственного исторического музея Финляндии (1915), консерватор (1916), руководитель отдела доистории Национального музея Финляндии (1920). Доцент Хельсинкского университета (1910–1926). Видный деятель социал-демократической партии, сенатор (1917), член парламента (1919–1921, 1924–1933), министр образования (1926–1927) Финляндии. Вел раскопки стоянок каменного века в Карелии и Приладожье, исследовал геологическую историю Ладожского озера. Разработал метод датировки археологических памятников по расположению на высотных отметках геологически датированных террас. См.: *Tallgren A. M.* Geschichte der antiquarischen Forschung in Finnland // ESA. 1936. T. X. S. 239–242.

112 *Ailio J.* Fragen der russischen Steinzeit / SMYA. Vol. 29: 1. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 1922. 110 S.

46 „11"

München, 22.IV.23.

Liebes Museum!

Vor 14 Tagen erhielt ich den Brief von Maria Wassilijewna und Alexander Nikolajewitsch. Vielen, vielen Dank dafür, er hat mir eine riesengrosse Freude gemacht. Ich dachte schon, das Museum des Jenisseikreises habe seinen alten Mitarbeiter vergessen, weil ich seit dem Hochzeitsglückwunsch nie mehr eine Nachricht bekommen hatte. Und nun hoffe ich doch schon, dass ich Ende Juni dem Museum die Geburt eines jungen Archäologen anzeigen kann. Nun ist es ja klar, dass ein Brief verloren gegangen ist.
Also zuerst von der Wissenschaft. Es ist noch nichts gedruckt, aber ich erwarte täglich die 2. Korrektur des Berichtes über die Oeffnung zweier Kurgane in der Abakansteppe, den ich um einige Literaturstudien vergrössert habe. Er hat etwa 40 Maschinenseiten und eine Reihe Abbildungen, darunter den Riesenkurgan von der Ansichtskarte. Leider konnte ich nicht erst um Erlaubnis zum Druck bitten, ja ich kenne nicht einmal den Namen des Photographen. Die Arbeit erscheint in der Zeitschrift des Finnischen Altertumsvereines in Helsingfors und man hat dort eigens Geld gesammelt, um den Druck zu ermöglichen. Das ‚Paläolith' hat der Direktor des Museums in New Haven in Amerika zur Uebersetzung und zum Druck. Noch weiss ich nicht, wann es erscheint, aber Obermaier, jetzt Professor in Madrid, den diese Arbeit sehr interessiert, wird schon sorgen, dass sie herauskommt. Derzeit arbeite ich an Studien zur sibirischen Bronzezeit, die von den Beilen vom ‚Krasnojarsktypus' ausgehen und eine Uebersicht über die Kulturbeziehungen und unser Wissen vom Alter der sibirischen Bronzekulturen geben sollen. Wenn es gut geht, willl ich mich mit dieser Arbeit habilitieren und dann lese ich in einem Jahre über sib. Bronzezeit. Gerne läse ich auch über die Geschichte der archäologischen Erforschung Sibiriens, aber das geht nur dann, wenn mir das Museum oder Irkutsk die verschiedenen Lokalarbeiten von Popoff, Owtschinikoff, Petri und vor allem den älteren Lokalforschern verschaffen kann, denn ohne diese käme es so heraus, als ob Russen gar nicht ernsthaft beteiligt wären, wie der glauben könnte, der nur die westliche Literatur zur Verfügung hat. Hier also liegt es hauptsächlich an Euch, ob so eine Vorlesung an einer deutschen Universität zu stande kommt. Als nächste Arbeit aus meinem Material soll dann die grösste über die Stojanki geschrieben werden, zu der ich immerzu Literatur studiere. Ailio hat ein Buch über russisches Neolith geschrieben, aber zum sibirischen Teil kann man nur sagen, dass er niemals da war, und dass man eben das Material Sibiriens im Westen noch nicht kennt. Uebrigens wird es für mich äusserst wichtig sein, die neuen Arbeiten von Petri zu bekommen, und ich bitte dringend, alles zu tun, damit ich sie bekomme. Ich werde Petri auch noch selbst schreiben.
Es freut mich sehr, dass Georgii Petrowitsch noch bei der Archäologie ist. Er wird es sicher zu etwas bringen. Wenn er doch nur einmal hier im Westen das Material und eine grössere Uebersicht und unsere Methoden studieren könnte. Ich beneide ihn, dass er in Sibirien arbeiten kann und ich sehe voraus, dass es noch ein paar Jahre dauert, ehe ich wieder hinkomme, jedenfalls solange, bis man aus meinen Arbeiten weiss, dass ich dort etwas Nützliches für die Wissenschaft leisten kann. Auch wäre es mir am liebsten, wenn ich dann wieder im russischen Dienste, etwa zur Erfüllung eines bestimmten Aufgabe arbeiten könnte, doch mit der grösseren Unterstützung eines Ausländers, da ich ja doch nur eine beschränkte Zeit habe und möglichst viel leisten möchte. Es gibt ja noch soviele Probleme zu lösen. Wenn Al. Nik. inzwischen recht viele Löss- und Diluvialstudien machen kann, wird die Arbeit über Fragen des Paläolith eine bessere Basis bekommen. Die Erforschung des Paläolith in streng wissenschaftlicher Methode ist eine der wichtigsten Aufgaben dort und sobald meine Studie erscheint, wird ein grosser Disput angehen, denn diese vorläufigen Resultate sind aufsehenerregend, wie Obermaier sofort erkannt hat. Aber die Nachprüfung liegt zunächst bei Petri und Euch. Wir Europäer, das heisst also auch die Moskauer, können nur unfruchtbare Meinungen äussern
Neues und Entscheidendes zu finden ist Sache der Leute am Platze. Und [illegible]e
Frage selbst ist für die erste Menschheitsgeschichte ausserordentlich [illegible]ch-
tig. Bayer hat während des Krieges in Palästina arbeiten können und se
Resultate werden durch meine einigermassen gestört. Nun sollen sich di
Sibiriaken zum Wort melden und neue, einwandfrei beobachtete Funde bri
Dazu muss in erster Linie der geschulte Geologe reden. Er kann seinen
für ewig in die Geschichte der Wissenschaft schreiben.
Von Maria Viktorowna habe ich gute Nachricht. Sie studiert in Warscha

Первая страница машинописного письма Геро фон Мергарта в красноярский музей. 22 апреля 1923 г. *КККМ*

никогда там не был[113] и что материал Сибири на Западе еще не знают. Кстати, для меня будет крайне важным получить новые работы Петри, и я прошу безотлагательно сделать все для того, чтобы я их получил. Я еще и сам напишу Петри.

Меня очень радует, что Георгий Петрович еще в археологии. Он точно приведет ее к чему-то. Если бы он еще смог когда-нибудь изучить здесь, на Западе, материал, еще больший его охват, и наши методы. Завидую ему, что он может работать в Сибири; а я предвижу, что пройдет еще несколько лет, прежде чем я сюда приеду, в любом случае в то время, пока по моим работам узнают, что полезного для науки я смог там сделать. Самым дорогим для меня было бы снова потрудиться на русской службе, скажем, выполняя определенное задание, но располагая, как иностранец, большей поддержкой, так как в моем распоряжении будет лишь ограниченное время, а достичь хотелось бы как можно большего. Ведь придется решить так много проблем. Если Ал[ександр] Ник[олаевич][114] тем временем сможет сделать монографии по лессу и дилювию, работа по вопросам палеолита получит лучший базис. Изучение палеолита строго научным методом — одна из важнейших задач там, и как только появится мое исследование, завяжется большая дискуссия, так как эти предварительные результаты — сенсационны, как сразу же признал Обермайер. Но перепроверка лежит прежде всего на Петри и вас. Мы, европейцы, это значит, и москвичи, можем высказывать лишь неплодотворные мнения. Находить новое и решающее — дело людей на местах. А сам вопрос чрезвычайно важен для первобытной истории человечества. Байер[115] смог во время войны поработать в Палестине, и мои результаты в некоторой степени нарушили его выводы. Теперь сибиряки должны сказать свое слово и дать новые, безупречно зафиксированные находки. Здесь в первую очередь должен высказаться профессиональный геолог. Он сможет свое <...>[116] навечно вписать в историю науки.

От Марии Викторовны у меня хорошие новости. Она изучает археологию в Варшаве и в качестве практикантки будет одновременно работать в музее. К сожалению, она не помнит, что за открытия сделал Теплоухов[117] в 1921 году. А они, понятно, крайне меня интересуют,

---

[113] Материалы рабочего архива Айлио в Музейном ведомстве Финляндии свидетельствуют о том, что финский ученый работал с археологическими коллекциями не только европейской России, но и Урала и Сибири. Другое дело, что они не нашли отражения в его обобщающих трудах по неолиту и эпохе раннего металла.

[114] Речь идет об А. Н. Соболеве.

[115] *Байер Йозеф* (*Bayer Josef*) (1882–1931), австрийский археолог и антрополог, директор доисторического и антропологического собрания Музея естественной истории в Вене.

[116] Слово закрыто бумажным фрагментом; возможно, «имя».

[117] Уже раскопки 1920 г. близ с. Батени позволили С. А. Теплоухову выделить в этом археологическом микрорегионе четыре хронологически различные группы памятников. Исследования 1921 г. только укрепили его в верности намеченной периодизации.

и я был бы очень благодарен, если бы музей сделал мне отчет об этом. Где он сам? Его адрес? Руденко[118] — профессор в Питере.

Я безмерно рад, что музей еще работает и, по крайней мере, все еще обладает совершенно замечательным статусом. Я многое бы отдал за то, чтобы снова быть на заседании и пожать всем руки. Один глаз, правда, остается наполовину слепым, но, чтобы различать, его еще хватает. Другую половину с богом поглотили Сибирь и археология. Его можно было спасти, если бы я вернулся раньше. Черт побери[119], как говорит Антон Антонович. Где он? А где Всеволод Афанасьевич? Я тысячекратно благодарен ему, что он так облегчил жизнь и еще и снабдил деньгами, без которых я никогда не смог бы провести свои исследования на обратном пути. А как дела у Аркадия Яковлевича и Веры Ивановны? Вообще у всех друзей и знакомых? Я должен когда-нибудь снова увидеть всех! Часто-часто смотрю на снимок. А что делает моя, пожалуй, самая большая подруга Энрика Павловна[120]? Я хочу что-то узнать обо всех, но письма не хватит, чтобы обо всем расспросить. У меня самого все складывается благополучно, но все еще нет места. Я работаю лишь немногим меньше, чем в Красноярске. А здесь одни только препятствия. Но я думаю, что все-таки заслужу свое место под солнцем. Здесь о должностях своевременно похлопотали люди, которые не были на войне или раньше вернулись обратно. А меня упрекнули, что я добровольно там остался. Ну так я докажу им, если только выдержу, что это было сделано во имя науки.

У меня есть письмо от Василия Дмитриевича[121] из Минусинска. Какую большую пользу мне принесли книги, которые он мне дал с собой. Очень, очень нужны были бы мне мои карты из отдела[122]. Мне их недостает во стократ. Но за десять лет, я надеюсь, у меня найдется все необходимое, чтобы основательно подготовиться к сибирским исследованиям. В Германии должна быть создана возможность для этого. И если я только буду здоров, то поучаствую в ее создании.

Конечно, я сразу буду высылать музею каждую работу по мере их печатания. Археологический институт в Берлине обещал позаботиться

См.: *Теплоухов С. А.* Этнологические исследования в Сибири (1919–1922) // Наука и ее работники. 1922. № 3–4. С. 46–47.

118 *Руденко Сергей Иванович* (1885–1969), археолог, антрополог, этнограф, гидролог. В 1918–1921 гг. профессор по кафедре географии, декан физико-математического факультета Томского университета. С 1921 г. профессор кафедры антропологии и этнографии Петроградского университета, одновременно зав. этнографическим отделом Русского музея. См.: *Решетов А. М.* С. И. Руденко — антрополог, этнограф, археолог // С. И. Руденко и башкиры. Уфа: Гилем, 1998. С. 5–25.

119 Русское выражение написано латиницей.

120 Миклашевская Генрика Павловна. См. примеч. 21 на с. 48.

121 Речь идет о В. Д. Кожанчикове.

122 В тексте русское слово «отдела» написано латиницей.

о пересылке. Отыскать сюда путь из Сибири хотел г-н Вайс[123], но я больше ничего о нем не слышал и не знаю, наладил ли он нужные связи с Наркомпросом. Я так был бы рад и журналу, который издает географическое общество[124]. Не знает ли Руденко из Питера надежный путь? Или С. М. Сергеев из Москвы, если он еще там. Именно из Москвы я ни разу не получал писем, хотя и писал, и посылал туда книги. Не знаю, передал ли их профессор Богоявленский[125], который был у меня и взял их с собой.

На сей раз достаточно. Будем надеяться, что наша переписка теперь будет более регулярной. Я извещу еще и почтовой карточкой, чтобы сообщение прибыло наверняка.

Был и остаюсь старым сотрудником музея, который мне дорог так же, как если бы я был там, и пока воспоминание о том трудном, прекрасном времени живет во мне, остаюсь хорошим другом моих сибирских друзей. Да здравствует Музей Приенисейского края![126]

Всех-всех сердечно приветствую[127].

Геро Вальтерович, т.н. «Доктор»[128]

VI

Майнц, Римско-Германский центральный музей, 31.08.1927

Геро фон Мергарт

Мюнхен, Нойхаузештр 51

Антроп[ологическое] доистор[ическое] госуд[арственное] собрание

Дорогой старый музей! Теперь я получил это место — хорошо оплачиваемое, много работы, и тоже интересной. У нас есть даже коллекция «сибирской бронзы». Множество приветов всем старым друзьям и знакомым.

«Доктор»

---

123 Возможно, речь идет об энтомологе А. Вайсе из Берлина, который состоял в переписке с В. Д. Кожанчиковым.

124 Речь идет о журнале «Известия Русского географического общества», издающемся с 1865 г. по наши дни.

125 *Богоявленский Сергей Константинович* (1871–1947), историк, археограф, археолог, чл.-корр. АН СССР (1929). В 1922–1924 гг. профессор кафедры архивоведения (археографии) МГУ. Одновременно в 1922–1926 гг. эксперт Народного комиссариата иностранных дел СССР, участвовал в подготовке Рижского мирного договора. См.: *Дмитриева И. А.* Богоявленский Сергей Константинович (1872–1947) // Историки России: Биографии. М.: РОССПЭН, 2001. С. 502–509.

126 Русские слова в предложении написаны латиницей.

127 Подпись сделана от руки в конце машинописного текста письма.

128 Слово написано кириллицей.

Minussinsk 14. VII. 20 36

Lieber Herr Tugarinov!

Vielen Dank für Ihre freundlichen Briefe, das Schaf und die Brodni. Den ersten Brief erhielt ich erst nach meiner Ankunft hier, den zweiten schon auf der Station Abakan. Wir haben wieder einen Programmpunkt durchgeführt und zwei Kurgane ausgegraben. Einer mass 15 × 12 m, der zweite ist wesentlich kleiner. Der erste enthielt 4 (oder vielleicht 5?) Gräber alter Zeit [und ein tatarisches Kindergrab] mit 5 Bestattungen und einer verbrannten Leiche. Also Gräber aus drei verschiedenen Zeiten, so dass dieser Kurgan, obwohl er ausgeraubt war, doch sehr interessant ist. Falls Sie zum Winter etwas drucken lassen wollen, glaube ich, den Bericht über diese Ausgrabungen als das geeignetste bezeichnen zu können, was ich im Augenblicke beisteuern kann, zumal man alle Zeichnungen in einfachem Steindruck herstellen kann. Trotz der Beraubung haben sich immerhin noch einige Gefässe, ein sogenannter „Dolchscheiden- oder Lanzenschuh" [Abb.] Bronze- und Glasperlen, Bronzeknöpfe und ein interessantes Knocheninstrument mit Kreisverzierungen sowie eine Nadel bergen lassen, also genug Material für das Museum. Wertvoller noch scheint mir der eigentliche Grabungsbefund zu sein, den ich nicht schildern kann, da er zu lange ist. Ich bemerke nur, dass in einem zerstörten Grabe

Письмо Геро фон Мергарта А. Я. Тугаринову из летней экспедиции в Минусинскую котловину. 1920 г. *ККМ*

Листовки Енисейской губернии

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОТЪ

ЕНИСЕЙСКАГО ГУБЕРНСКАГО КОМИССАРА.

Для осуществленія переписи военно-плѣнныхъ предлагаю всѣмъ лицамъ и предпріятіямъ гор. Красноярска, имѣющимъ у себя военно-плѣнныхъ, прислать таковыхъ 10 сего Октября къ 3 часамъ дня въ Военный Городокъ.

По окончаніи переписи военно-плѣнные могутъ быть отпущены обратно, для чего всѣ лица и предпріятія, имѣющія у себя военно-плѣнныхъ,

ДОЛЖНЫ ЛИЧНО ЯВИТЬСЯ 11 сего Октября

съ 9 часовъ утра съ имѣющимися у нихъ списками военно-плѣнныхъ **ТАКЖЕ ВЪ ВОЕННЫЙ ГОРОДОКЪ.**

Объ изложенномъ объявляется къ исполненію.

9 Октября 1917 года.

И. д. Губернскаго Комиссара **Козловъ.**

Енисейская губ. эл.-типогр.

Объявление Енисейского губернского комиссара о проведении переписи военнопленных. 1917 г. *ККМ*

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Для борьбы съ большевиками, грабителями и хулиганами, для обезпеченія въ губерніи спокойствія и безопасности мирнаго населенія ФОРМИРУЕТСЯ въ гор. Красноярскѣ

отрядъ милиціи особаго назначенія

въ тысячу человѣкъ.

Въ отрядъ принимаются преимущественно бывшіе на военной службѣ, въ возрастѣ отъ 20 до 50 лѣтъ. Предпочтеніе отдается георгіевскимъ кавалерамъ, унтеръ-офицерамъ и казакамъ.

Служба по милиціи освобождаетъ отъ военной службы.

Жалованье старшимъ стражникамъ конным 451 р. и пѣшимъ 435 р. и младшимъ конным 411 руб. и пѣшимъ 395 руб. Обмундированіе казенное. За безпорочную службу выдаются наградныя.

Обращаться въ г. Красноярскъ, къ начальнику городской милиціи. Кромѣ паспорта и воинскихъ документовъ, желательно имѣть удостовѣренія отъ властей (старостъ, волостныхъ земскихъ управъ и начальниковъ милиціи) о безпорочномъ поведеніи и благонадежности просителей.

Въ виду высокой задачи возлагаемой на отрядъ, желательно привлеченіе въ него лучшихъ, наиболѣе осмысленныхъ элементовъ населенія.

Сельскія общества и земскія организаціи одинаково заинтересованы, чтобы въ милицію поступали только достойные люди, и поэтому должны выдавать рекомендаціи и удостовѣренія только вполнѣ надежнымъ гражданамъ.

Помощникъ Управляющаго Енисейской губерніи Завѣдывающій дѣлами милиціи Гр. Бондарь.

Красноярскъ.
31 марта 1919 г.

Енис. Губ. Тип.

Объявление помощника управляющего Енисейской губернией Г. Бондаря о формировании в Красноярске отряда милиции особого назначения. 1918 г. *РНБ*

ПРИКАЗЪ № 16

Начальника гарнизона г. Красноярска

18 іюля 1918 г., гор. Красноярскъ.

Въ дополненіе приказа по гарнизону отъ 28 іюля с. г. за № 7, приказываю съ 19 по 23 сего іюля всѣмъ военно-плѣннымъ, проживающимъ въ г. Красноярскѣ, согласно выданныхъ удостовѣреній, явиться лично съ имѣющимися удостовѣреніями въ канцелярію коменданта военнаго городка (военный городокъ оцѣплѣніе) для повѣрки.

Всѣмъ лицамъ, учрежденіямъ и заведеніямъ къ 25 сего іюля представить въ канцелярію Коменданта военнаго городка точныя списки находящихся на работахъ военно-плѣнныхъ офицеровъ и солдатъ, съ указаніемъ: званія, имя, фамиліи, національности, часть войскъ военно-плѣннаго, занимаемую должность, какую получаетъ плату, адресъ и № удостовѣренія.

Всѣ удостовѣренія, выданныя на право жительства въ городѣ военно плѣннымъ, должны быть подписаны Комендантомъ военнаго городка и Завѣдывающимъ охраной чехо-словацкаго караула въ лагерѣ военноплѣнныхъ съ должными печатями и явлены Коменданту города; всѣ же другіе удостовѣренія и постоянныя пропуска безъ должныхъ печатей и подписи упомянутыхъ лицъ, считаются недѣйствительными.

Всѣ военно-плѣнные, не явившіеся для повѣрки въ назначенный срокъ, будутъ подвергаться самымъ строгимъ наказаніямъ военнаго времени.

Всѣмъ военно-плѣннымъ хожденіе по г. Красноярску разрѣшается только до 8-ми часовъ вечера и только по дѣламъ службы.

Военно-плѣннымъ строжайшимъ образомъ воспрещается посѣщеніе желѣзно-дорожной ст. Красноярскъ и увеселительныхъ мѣстъ: кофеенъ, ресторановъ, гостинницъ, театровъ, цирковъ и т. п. Выполненіе выше указаннаго пункта приказа возлагается на администрацію перечисленныхъ учрежденій.

Лицамъ и учрежденіямъ, имѣющимъ военно-плѣнныхъ, снабдить ихъ бѣлыми повязками съ буквами В. П., въ случаѣ нарушенія такіе военно-плѣнные будутъ задерживаться и отправляться въ военный городокъ.

Во всѣ праздничные дни военно-плѣннымъ, находящимся въ городѣ хожденіе по улицамъ воспрещается.

Всѣ лица и учрежденія находящіеся въ г. Красноярскѣ, у которыхъ будутъ обнаружены проживающіе военно-плѣнные безъ разрѣшенія или нарушающіе настоящій приказъ, будутъ подвергаться заключенію въ тюрьму до 3-хъ мѣсяцевъ или денежному штрафу до 3000 рублей.

За полученіемъ справокъ, регистраціи военно-плѣнныхъ и отпуска ихъ обращаться въ канцелярію Коменданта въ военномъ городкѣ съ 9 часовъ утра до 2-хъ часовъ дня.

Общее наблюденіе за выполненіемъ настоящаго приказа возлагаю на Коменданта города и Начальника милиціи

Начальникъ гарнизона, Полковникъ **Гулидовъ**.

Начальникъ Штаба, Военный Инженеръ
Полковникъ **Березкинъ**.

Приказ начальника гарнизона Красноярска полковника Гулидова о поверке военнопленных. 1918 г. *РНБ*

Ко всему населенію г. Красноярска.

от Командующаго войсками и губернскаго Исполнительнаго Комитета.

Сибирская магистраль в ряде пунктов занята иноземными войсками. На обоих фронтах к западу и к востоку от Красноярска войска вынуждены были отступить и в данное время находятся с одной стороны на Маріинском фронтеу Боготола, а с другой стороны на Канскомъ—возле ст. Камарчага. Красноярску угрожает очень серьезная опасность.

В виду этого, Красноярск вчера был объявлен на положеніи осажденной крепости. Вся власть переходит к военному командованію. Все преступные деянія, клонещіеся к ослабленію сопротивляемости Красноярска, непріятельским войскам, переходят в веденіе военно-революціоннаго суда.

Исполнительный Комитет будет принимать все меры к обороне города и призывает все населеніе приникнуться сознаніем ответственности и грозности положенія.

Каждый работник находится теперь в положеніи часового на посту. Работа всех учрежденій, поскольку она не будет прекращена по военным соображеніям, должна продолжаться.

Всякое уклоненіе от работы в эту трудную минуту является пособничеством непріятелю и поэтому будет преследоваться безпощадно.

В связи с погрузкой муки и зерна на суда, темные личности распространяют по городу нелепые слухи, что город оставляется без продовольствія. Очевидная цель этой клеветы создать панику и таким путем способствовать врагу.

Исполнительный Комитет заявляет что город обезпечен продовольствіем до августа месяца, Погрузка на суда с мельницы Абакан производится для того, что-бы во всякое время иметь возможность доставить муку в продовольственные лавки, так как мельница Абакан находится на другом берегу Енисея, находящемуся под угрозой со стороны чехословаков. Кроме того, часть продовольствія должна быть отправлена в низовое к Енисейску и Туруханскому краю.

Исполнительный Комитетъ доводит до сведенія всех граждан, что распространеніе ложныхъ слухов и ложное толкованіе меропріятій как военной, так и гражданской власти будет пресекаться самыми безпощадными мерами.

Командующій войсками **Марковскій**.
Председатель Исполнительнаго Комитета **Вейнбаумъ**.

Воззвание к населению Красноярска командующего войсками и губернского исполкома. 1918 г. *ГУНБ КК*

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Объявляю городъ Краснoярскъ со слободами и пригородами и военный городокъ НА ОСАДНОМЪ ПОЛОЖЕНІИ **съ 12 часовъ дня 8 ноября с. г.**

Всякія попытки и призывъ къ мятежу, погромамъ и преступнымъ дѣйствіямъ злонамѣренныхъ лицъ будутъ подавляться оружіемъ.

Жителей города прошу сохранять спокойствіе, такъ какъ осадное положеніе вводится временно въ видахъ безопасности гражданъ.

Воспрещаются на время осаднаго положенія всякія собранія и скопленія публики, какъ на улицахъ, такъ и въ закрытыхъ помѣщеніяхъ.

Движеніе по улицамъ и площадямъ **должно прекращаться послѣ 8-ми часовъ вечера до 6 часовъ утра.**

Разрѣшенія на выходъ на улицу будутъ выдаваться въ штабѣ гарнизона.

Все оружіе, независимо отъ образцовъ и калибровъ, на которое не имѣется разрѣшеній Комендантскаго управленія или моего штаба, сдать въ теченіе 24 часовъ.

Сдавать оружіе надлежитъ:

1) Чешскій эшелонъ (ж.-д. вокзалъ).
2) Комендантское Управленіе города.
3) Артиллерійскій складъ (уг. Гостинской ул. и Плацъ-Пар. пер.)

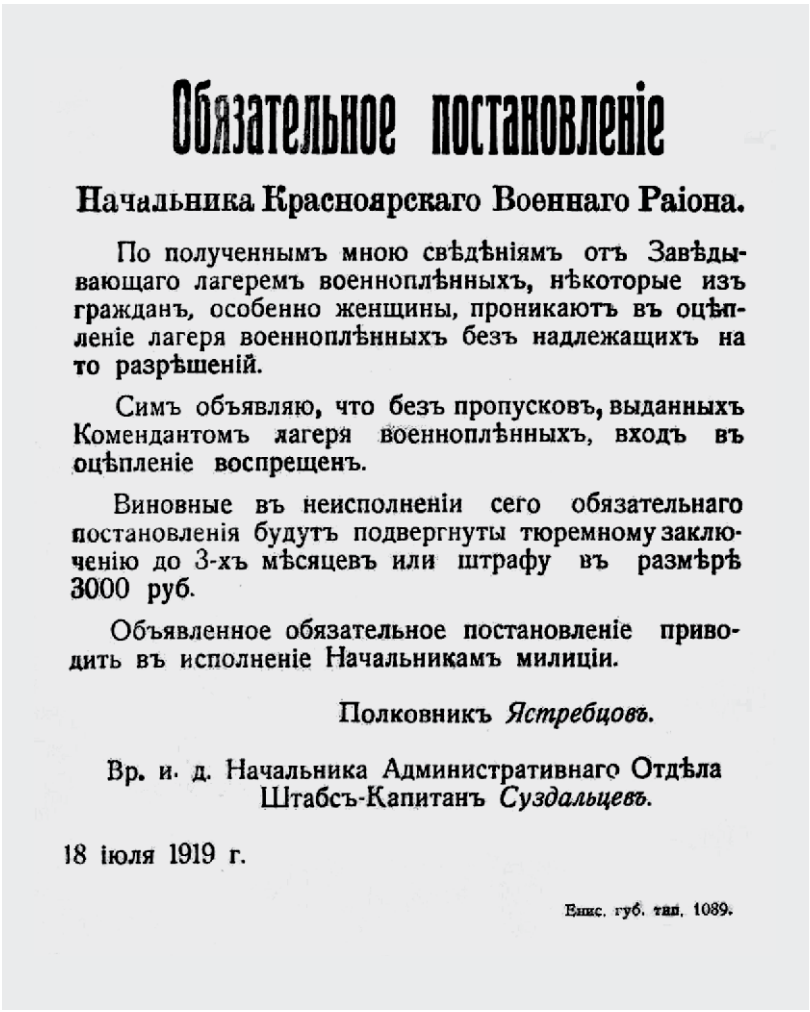
Не исполнившіе сего обязательнаго постановленія и хранящіе оружіе при себѣ будутъ разстрѣливаться на мѣстахъ безъ суда.

ПОДПИСАЛЪ: Начальникъ гарнизона города Красноярска, Полковникъ Федоровичъ. Начальникъ Штаба, Подполковникъ Ясенскій. Старшій адъютантъ, Подпоручикъ Арбузовъ.—7 ноября 1918 года. Городъ Красноярскъ.

Съ подлиннымъ вѣрно:
Старшій адъютантъ штаба гарнизона гор. Красноярска,
Подпоручикъ Арбузовъ.

Енисейская губернская типографія.

Приказ военных властей Красноярска об объявлении в городе осадного положения. 1918 г. *РНБ*



Обязательное постановленіе

Начальника Красноярскаго Военнаго Раіона.

По полученнымъ мною свѣдѣніямъ отъ Завѣдывающаго лагеремъ военноплѣнныхъ, нѣкоторые изъ гражданъ, особенно женщины, проникаютъ въ оцѣпленіе лагеря военноплѣнныхъ безъ надлежащихъ на то разрѣшеній.

Симъ объявляю, что безъ пропусковъ, выданныхъ Комендантомъ лагеря военноплѣнныхъ, входъ въ оцѣпленіе воспрещенъ.

Виновные въ неисполненіи сего обязательнаго постановленія будутъ подвергнуты тюремному заключенію до 3-хъ мѣсяцевъ или штрафу въ размѣрѣ 3000 руб.

Объявленное обязательное постановленіе приводить въ исполненіе Начальникамъ милиціи.

Полковникъ *Ястребцовъ.*

Вр. и. д. Начальника Административнаго Отдѣла
Штабсъ-Капитанъ *Суздальцевъ.*

18 іюля 1919 г.

Енис. губ. тип. 1089.

Постановление начальника Красноярского военного района. 1919 г. *ГУНБ КК*

ТОВАРИЩИ МИНУСИНЦЫ,

Поднявшіе красное знамя борьбы за свободу!

Мы обращаемся къ Вамъ, какъ къ своимъ братьямъ единомышленникамъ, которые откликнулись на нашъ призывъ и пришли къ намъ съ одной мыслью: „умереть или побѣдить".

Вы слышали, вѣроятно, что та армія, въ ряды которой Вы пришли обзывается ея врагами шайкой грабителей... Это—ложь! Мы такіе же крестьяне, какъ и Вы, такъ же какъ и Вы терпѣли на своихъ спинахъ всю прелесть казачьей нагайки и шомпола. Мы боремся за Совѣтскую власть, когда трудящіеся возьмутъ въ свои руки все и не позволятъ насильникамъ топтать въ грязь свою личность. Вотъ уже 10-й мѣсяцъ пошелъ съ той поры, когда мы впервые возстали противъ насилія и гнета. И мы не сложимъ оружія до тѣхъ поръ, пока жрецы капитала не будутъ окончательно сломлены.

Для этого намъ необходимо, чтобы наша армія была боеспособной, готовой во всякое время дать нужный отпоръ врагу. Съ этой цѣлью у насъ на послѣднемъ Армейскомъ Съѣздѣ были выработаны правила товарищеской дисциплины, построенныя на взаимномъ уваженіи членовъ арміи и свободѣ личности каждаго члена. Каждый солдатъ нашей Арміи долженъ вести себя корректно и благопристойно, памятуя, что онъ—борецъ за лучшую долю, себя и своихъ братьевъ. Во время военныхъ дѣйствій всѣ распоряженія и приказанія начальниковъ (которыхъ выбираютъ сами товарищи солдаты) должны исполняться безпрекословно. Въ мирной обстановкѣ—всѣ равны. Мародерство, какъ явленіе, вредящее нашему великому дѣлу, наказывается самымъ безпощаднымъ образомъ. Поэтому, кто пришелъ къ намъ съ цѣлью наживы, тотъ пусть немедленно уходитъ домой, ибо рано или поздно онъ попадется—и пощады ему не будетъ! Всѣ же честные борцы, всѣ истинные сторонники наши, пойдутъ на поля битвы и тамъ, въ кровавой схваткѣ съ врагами, докажутъ какъ добываетъ свободу русскій крестьянинъ, котораго буржуа считали чуть ли не истуканомъ.

Желаемъ Вамъ, товарищи, успѣха въ Вашей борьбѣ и посылаемъ Вамъ свой братскій привѣтъ!

Въ добрый часъ, товарищи! Подъ звуки „Марсельезы" идите въ смертный бой съ врагами!

„Это будетъ послѣдній
И рѣшительный бой".

Главнокомандующій Крестьянской Арміи КРАВЧЕНКО.

Помощникъ Главнокомандующаго ЩЕТИНКИНЪ.

Воззвание к минусинцам командующих крестьянской армией А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. 1919 г. *ККМ*

Къ населенію Енисейской губерніи.

Въ послѣдніе дни среди населенія усиленно распространяются самые нелѣпые и тревожные слухи.

Кто пускаетъ эти слухи, тотъ знаетъ, что онъ дѣлаетъ; это вѣдь тѣ, кому не нужна и страшна наша единая Великая Россія; это тѣ, кто боится возстановленія правопорядка и гражданственности въ странѣ.

Помните Граждане, что тотъ, кто легкомысленно принимаетъ такіе слухи и распространяетъ ихъ, тотъ дѣлается игрушкой врага; тотъ не уважаетъ себя; тотъ совершаетъ преступленіе передъ Родиной.

Всѣ, кто желаетъ возрожденія Родины, помогайте возрождающейся власти, довѣряйте ей; ложными и нелѣпыми слухами не сѣйте въ массахъ недовѣрія; не вызывайте напрасной тревоги.

Всѣ, кто не можетъ удержать себя отъ такой болтовни, пусть помнятъ, что виновные въ распространеніи ложныхъ и тревожныхъ слуховъ будутъ преслѣдоваться и караться.

Управляющій губерніей *Троицкій.*

Енисейская Губернская Типографія № 323.

Обращение управляющего Енисейской губернией П. С. Троицкого к населению. [1919 г.]. *РНБ*

ПРИКАЗ

№ 4

Енисейского Губернского Военно-Революционного Комитета.

От 11-го Января 1920 года
Гор. Красноярск.

На основании декрета Совета Народных Комиссаров все денежные знаки **низложенного, объявленного вне закона** Сибирского Временнаго Правительства с сего числа—**аннулируются**.

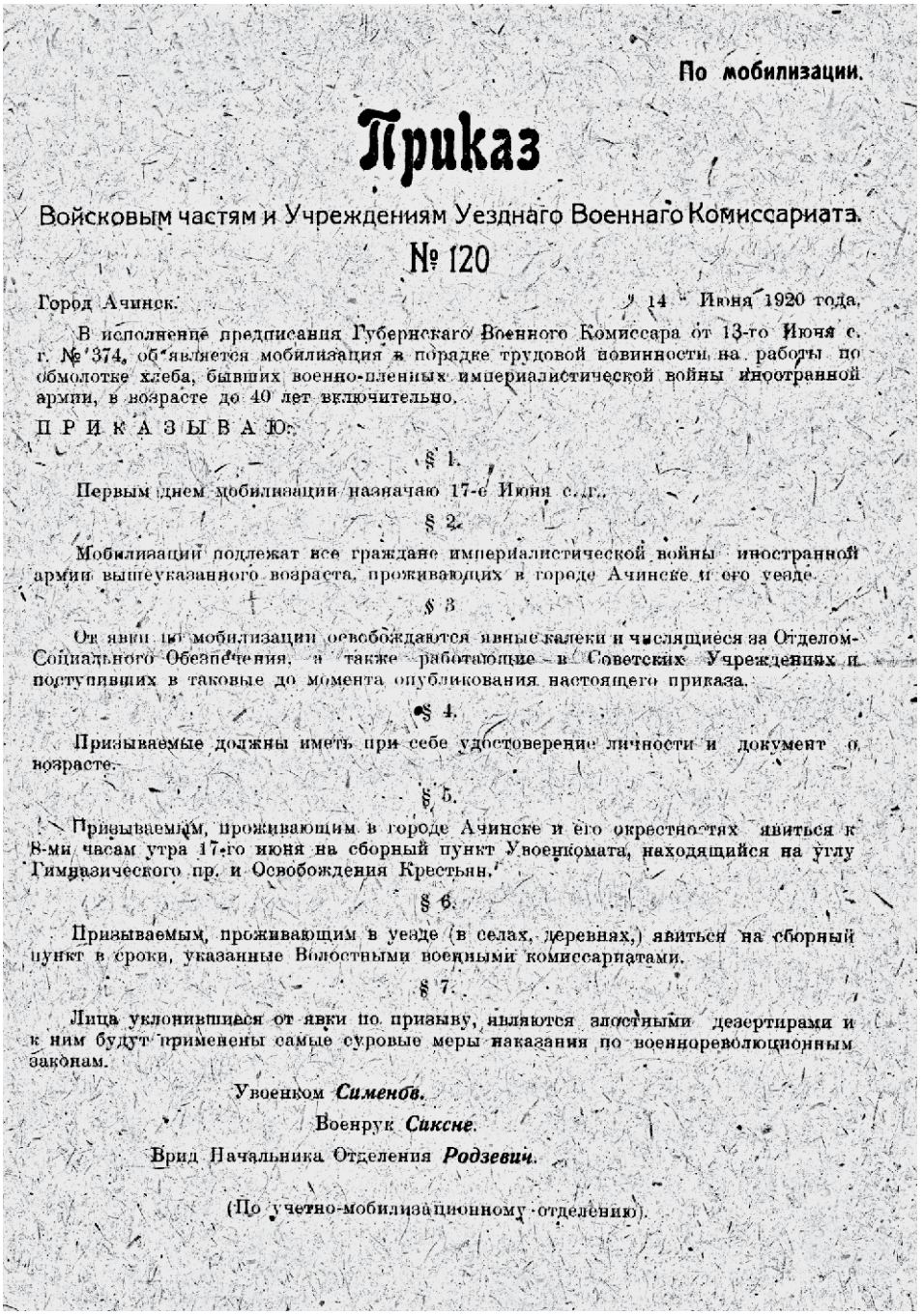
Правом обращения пользуются денежные знаки: 50 коп., 1-го, 3-хъ, 5-ти, 10-ти, 20-ти, 25-ти, 40, 50-ти, 100, 250, 500 и 1000 рублевого достоинства—„Керенки", „Романовские" и Советского Рабоче-Крестьянского Правительства.

Все рабочие и служащие удовлетворяются единовременным пособием в размере двухнедельного заработка выше указанными денежными знаками, принятыми в обращении в Р. С. Ф. С. Р., согласно представленных списков организациями, учреждениями и предприятиями теми с указанием, в них получаемых окладов—в Военно-Революционный Комитет.

Енисейский Губвоенревком.

Отделение Енисейской Губ. Типогр.

Приказ Енисейского губвоенревкома об аннулировании колчаковских денежных знаков. 1920 г. *ККМ*



По мобилизации.

Приказ

Войсковым частям и Учреждениям Уезднаго Военнаго Комиссариата.

№ 120

Город Ачинск. 14 Июня 1920 года.

В исполнение предписания Губернскаго Военного Комиссара от 13-го Июня с. г. № 374, об'является мобилизация в порядке трудовой повинности на работы по обмолотке хлеба, бывших военно-пленных империалистической войны иностранной армии, в возрасте до 40 лет включительно.

П Р И К А З Ы В А Ю:

§ 1.

Первым днем мобилизации назначаю 17-е Июня с. г.

§ 2.

Мобилизации подлежат все граждане империалистической войны иностранной армии вышеуказанного возраста, проживающих в городе Ачинске и его уезде.

§ 3

От явки по мобилизации освобождаются явные калеки и числящиеся за Отделом Социальнаго Обеспечения, а также работающие в Советских Учреждениях и поступивших в таковые до момента опубликования настоящего приказа.

§ 4.

Призываемые должны иметь при себе удостоверение личности и документ о возрасте.

§ 5.

Призываемым, проживающим в городе Ачинске и его окрестностях явиться к 8-ми часам утра 17-го июня на сборный пункт Увоенкомата, находящийся на углу Гимназическаго пр. и Освобождения Крестьян.

§ 6.

Призываемым, проживающим в уезде (в селах, деревнях,) явиться на сборный пункт в сроки, указанные Волостными военными комиссариатами.

§ 7.

Лица уклонившиеся от явки по призыву, являются злостными дезертирами и к ним будут применены самые суровые меры наказания по военнореволюционным законам.

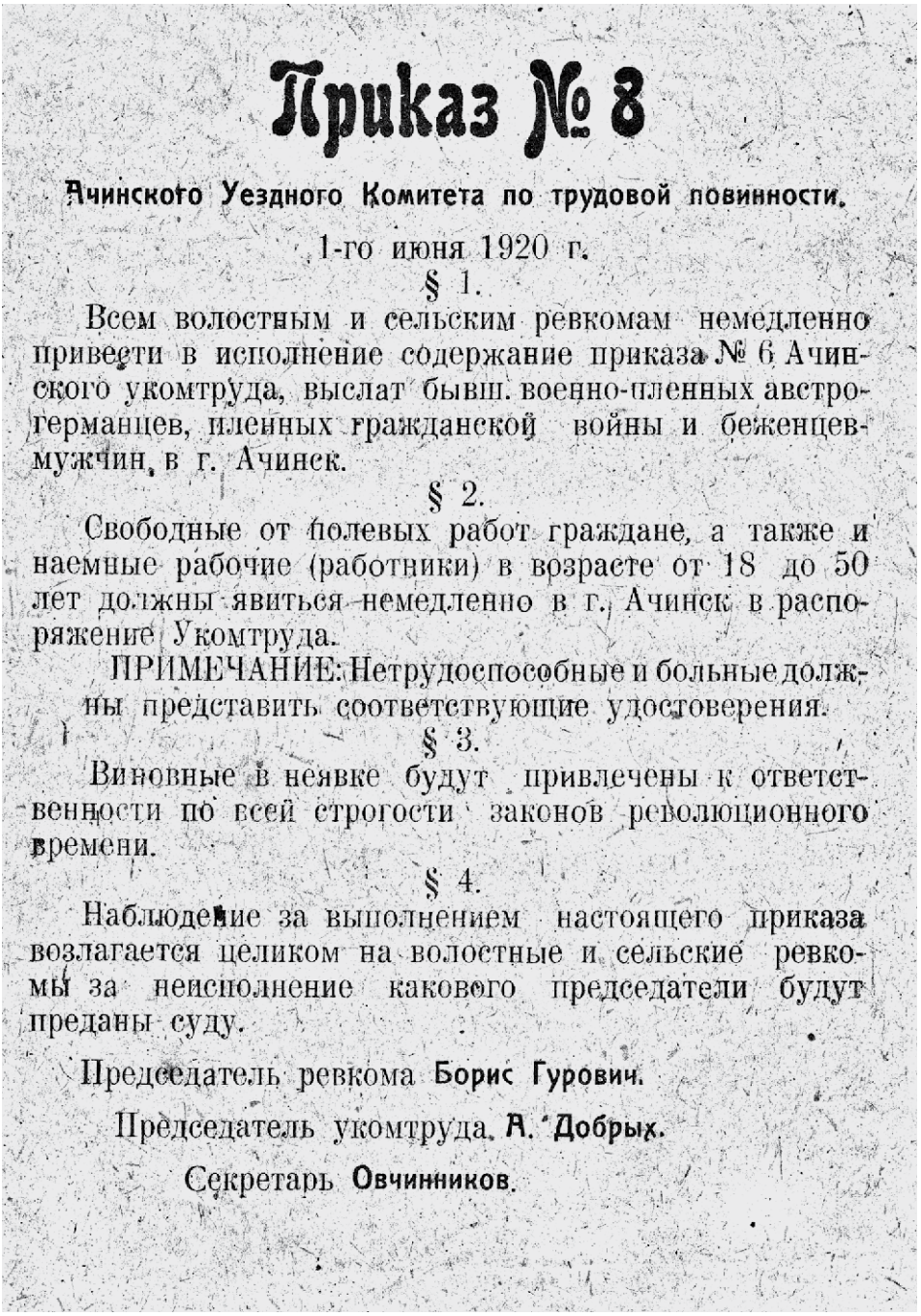
Увоенком *Сименов.*

Военрук *Сиксне.*

Врид Начальника Отделения *Родзевич.*

(По учетно-мобилизационному отделению).

Приказ Ачинского уездного военного комиссариата о мобилизации на сельхозработы бывших военнопленных. 1920 г. *ККМ*



Приказ № 8

Ачинского Уездного Комитета по трудовой повинности.

1-го июня 1920 г.

§ 1.

Всем волостным и сельским ревкомам немедленно привести в исполнение содержание приказа № 6 Ачинского укомтруда, выслат бывш. военно-пленных австро-германцев, пленных гражданской войны и беженцев-мужчин, в г. Ачинск.

§ 2.

Свободные от полевых работ граждане, а также и наемные рабочие (работники) в возрасте от 18 до 50 лет должны явиться немедленно в г. Ачинск в распоряжение Укомтруда.

ПРИМЕЧАНИЕ: Нетрудоспособные и больные должны представить соответствующие удостоверения.

§ 3.

Виновные в неявке будут привлечены к ответственности по всей строгости законов революционного времени.

§ 4.

Наблюдение за выполнением настоящего приказа возлагается целиком на волостные и сельские ревкомы за неисполнение какового председатели будут преданы суду.

Председатель ревкома **Борис Гурович.**

Председатель укомтруда. **А. Добрых.**

Секретарь **Овчинников.**

Приказ Ачинского уездного комитета по трудовой повинности о высылке бывших военнопленных и беженцев в Ачинск. 1920 г. *ККМ*

ПРИКАЗ № 3.

Енисейской Уездной Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией, спекуляцией, и преступлением по должности по городу Енисейску и его Уезда.

18 Июня 1920 г. гор. Енисейск.

§ 1.

В двухдневный срок с 19 по 20 Июня включительно все военно-пленные как рядовые так и командный состав офицеры мадьяры должны явиться на регистрацию в Енисейскую УЧЕКА.

§ 2.

Регистрация будет производится в Комендантском отделе при Енисейской Уездной Чрезвычайной Комиссии.

§ 3.

Явка всем мадьярам обязательна не смотря по его занимаемой должности и обстоятельствам.

§ 4.

Все мадьяры явившиеся на регистрацию должны имет при себе все документы каковые находятся у него на руках или учреждении где таковой служит.

§ 5.

Всем Советским и частным учреждениям и предприятиям выдать документы и удостоверения на время регистрации лицам мадьярского происхождения состоящих на службе в данном учреждении или предприятии.

§ 6.

Все военно-пленные мадьяры не явившиеся, и почему либо уклонившиеся от регистрации будут преследоваться, как контр-революционеры и подвергаться вплоть до высшей меры наказания.

Зампредучека *В. КРЕНЦ.*

Секретарь *К. МАКСИМОВ.*

Енисейская Государственная Типография.

Приказ Енисейской уездной ЧК о явке бывших военнопленных венгров для регистрации. 1920 г. *КККМ*

Об'явление.

Всем военно-пленным Германской национальности и военно-пленным Полякам Гражданской войны предлагается явиться в недельный со дня опубликования сего срок, в 1-й район Уездной Милиции для регистрации.

Основание Предписание: Енисейского Уисполкома от 5/IV с/г. № 2476/2479.

Начальник 1 района Енисейской
Уездной Совет. Р. Кр. Милиции *Булевский.*

11 Апреля 1921 г.

Тираж 15 экз. Р. В. Ц. г. Енисейск Енисейск. губ. Уездная Государствен. Типограф.

Объявление начальника района Енисейской уездной милиции о регистрации военнопленных. 1921 г. *ГУНБ КК*

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Все германские подданные проживающие в г. Енисейске и его уезде должны явиться в 2-х дневный срок со дня опубликования настоящего об'явления, в Отдел Управления Уисполкома за получением пропуска на пароход, на предмет эвакуации на родину.

Все учреждения и предприятия имеющие таковых на службе обязаны уволить последних и не задерживать ни одной минуты.

Мая 20 дня 1921 г.

Зав. От. Управления Уисполкома Рутковский.
Делопроизводитель Симонов.

Тираж 50 экз. Р. В. Ц. г. Енисейск, Енисейск губ., Уезд. Государств. Типография.

Объявление Енисейского уездного исполкома об эвакуации военнопленных. 1921 г. *ГУНБ КК*

Об'явление.

Все проживающие в городе Енисейске и Енисейском уезде мадьяры венгерские офицеры обязываются в трехдневный срок явиться на учет. Проживающие в городе к Начальнику 1 района Уездной Советской Р.-К. Милиции, а в уезде и Горных районах к подлежащему Начальнику района или ближайшему милиционеру.

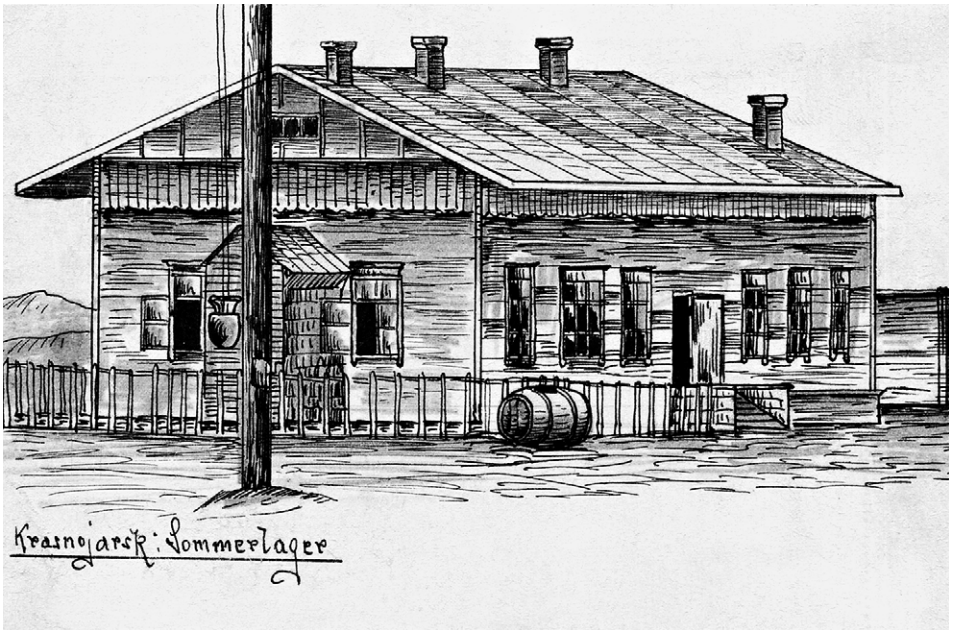
8 Апреля 1921 года.

Начальник Енисейской Уездной Советской
Р.-К. Милиции Д. Скурихин

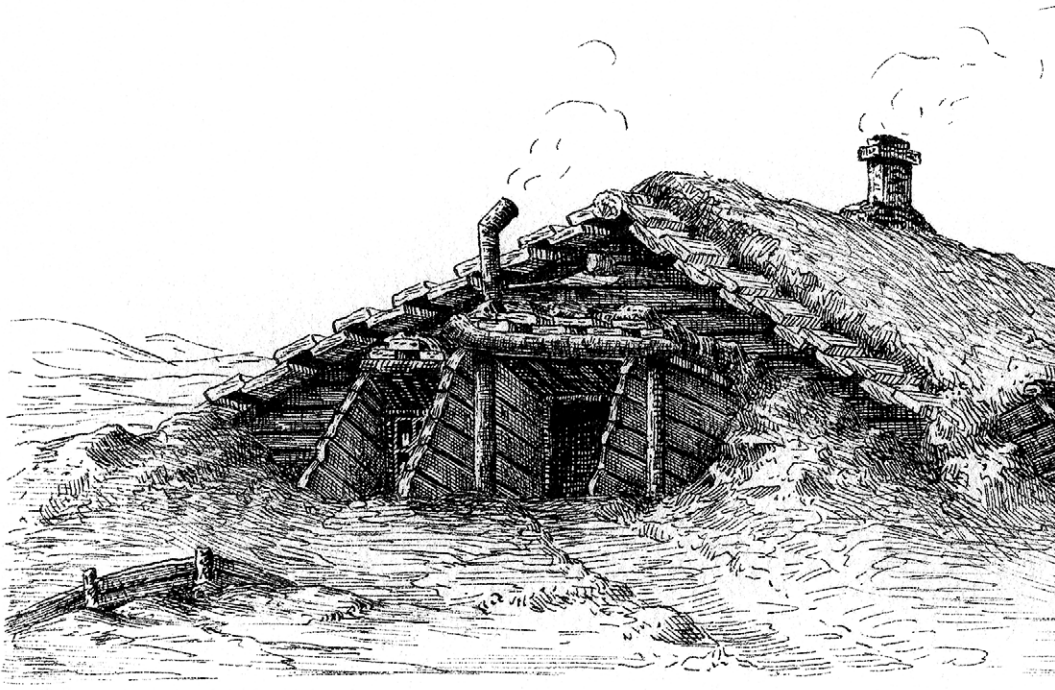
Тираж 60 экз. Р. В. Ц. г. Енисейск, Енисейск. губ., Уездная Государств. Типография.

Объявление начальника Енисейской уездной милиции о регистрации военнопленных венгерских офицеров. 1921 г. *ГУНБ КК*

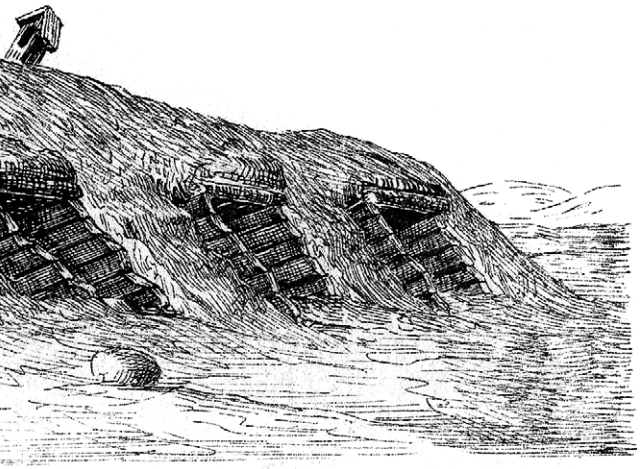
Работы военнопленных художников



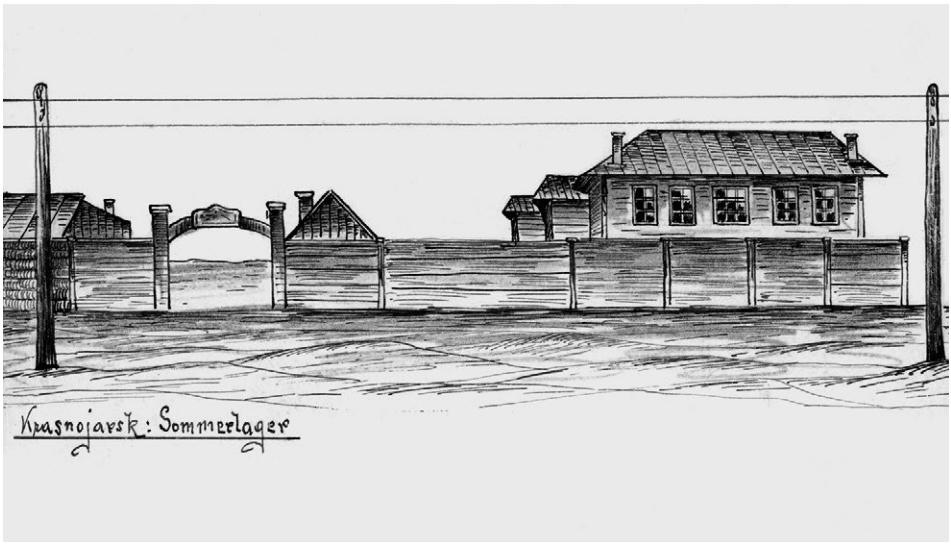
Красноярский лагерь для военнопленных. 1915–1920 гг.
Неизвестный художник. *ККХМ*

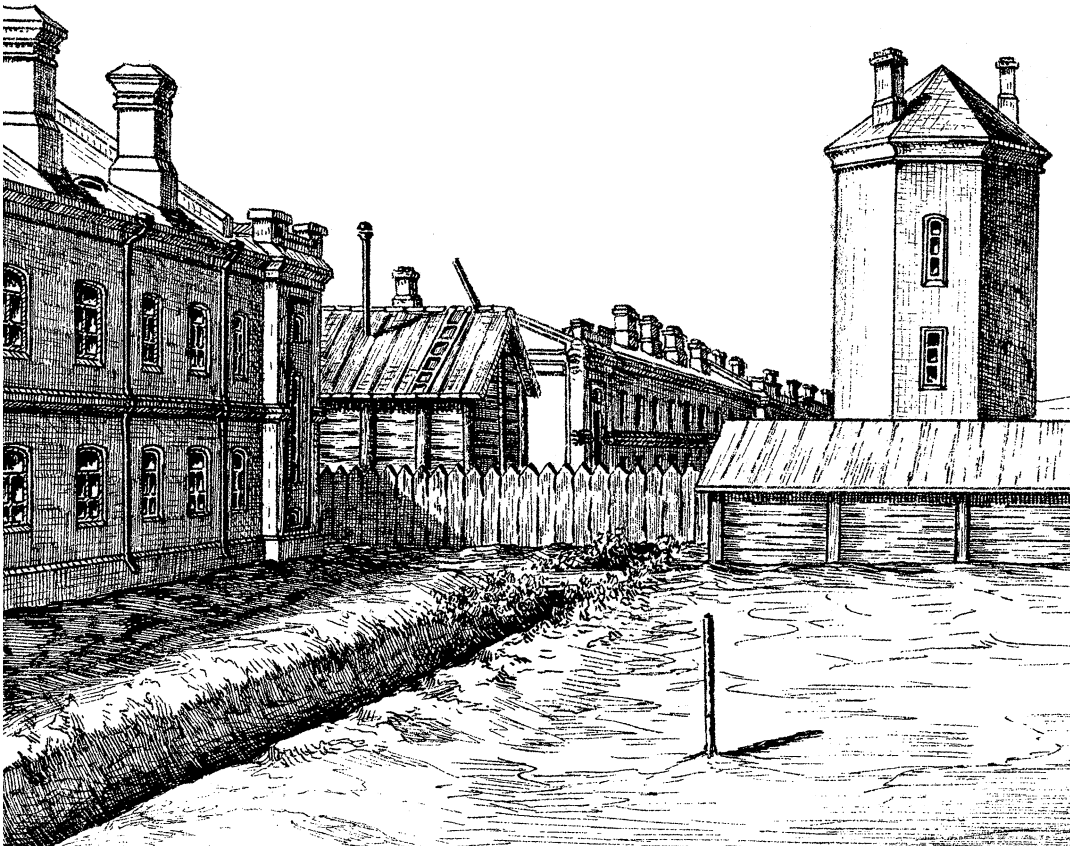


Землянка
в Красноярском
военном городке.
1915–1917 гг.
Неизвестный
художник. *ККХМ*



Землянка в Красноярском военном городке. 1915–1917 гг. Неизвестный художник. *ККХМ*

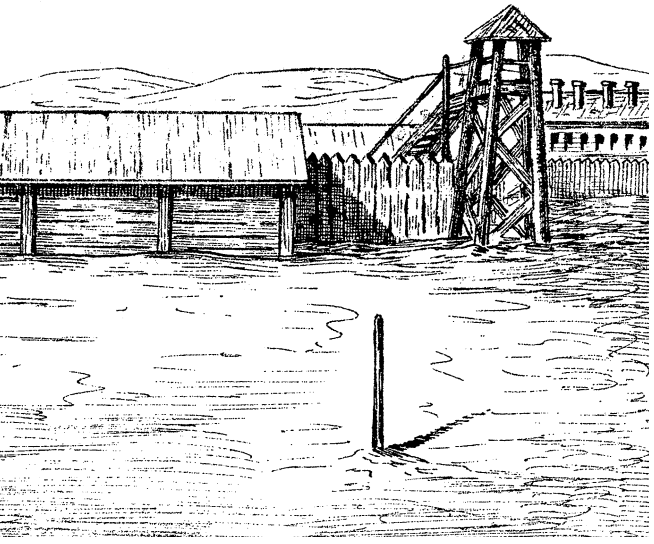

Krasnojarsk: Sommerlager



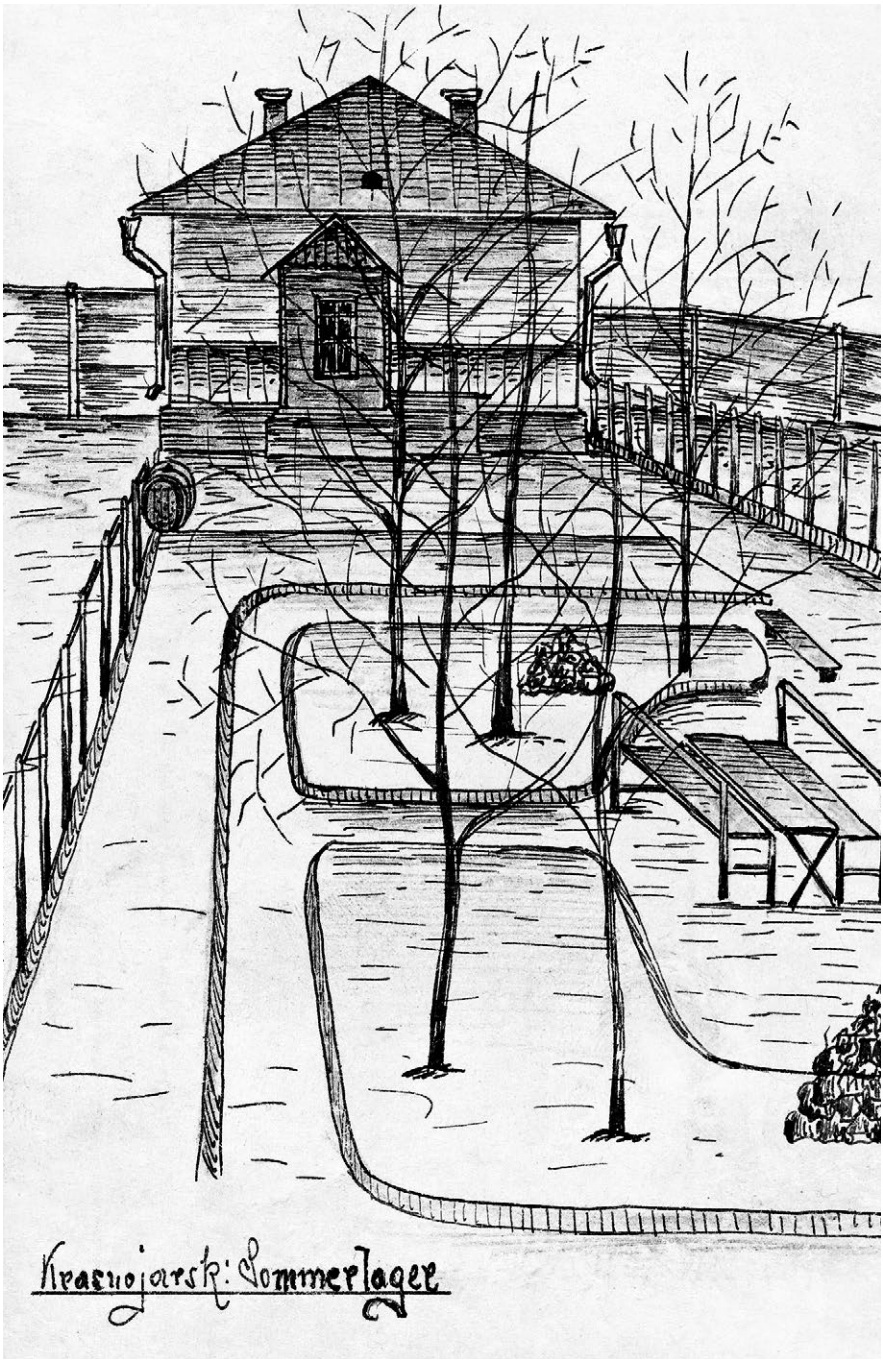
<
Красноярский лагерь для военнопленных. 1915–1920 гг. Неизвестный художник. *ККККМ*

>
На рынке. 1915–1921 гг. Неизвестный художник. *ККККМ*

^
Казак. 1915–1921 гг. Неизвестный художник. *ККККМ*

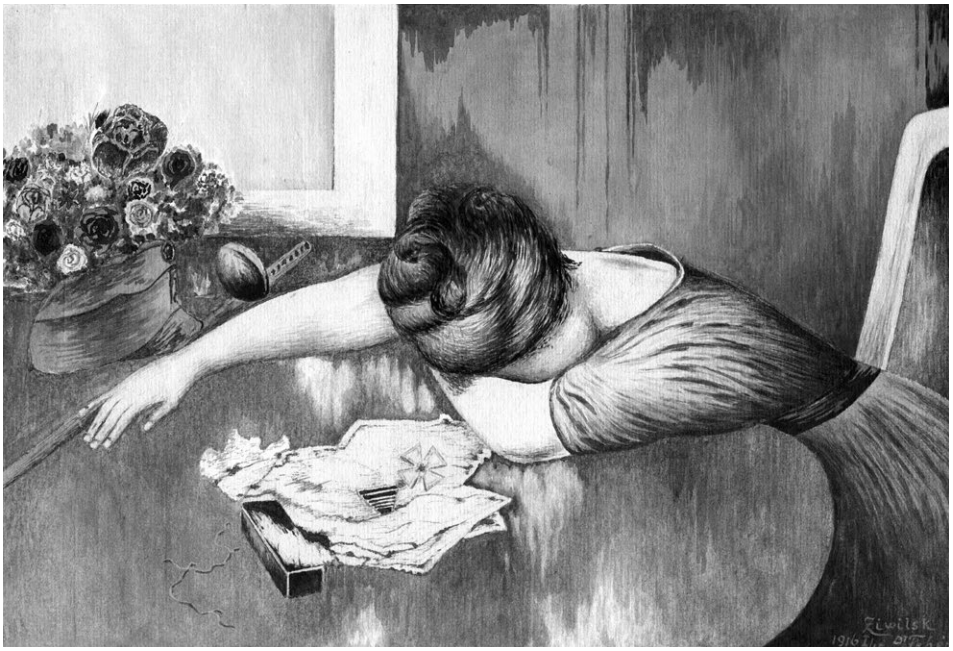


<
Лагерь в Красноярском военном городке. 1915–1917 гг. Неизвестный художник. *ККККМ*

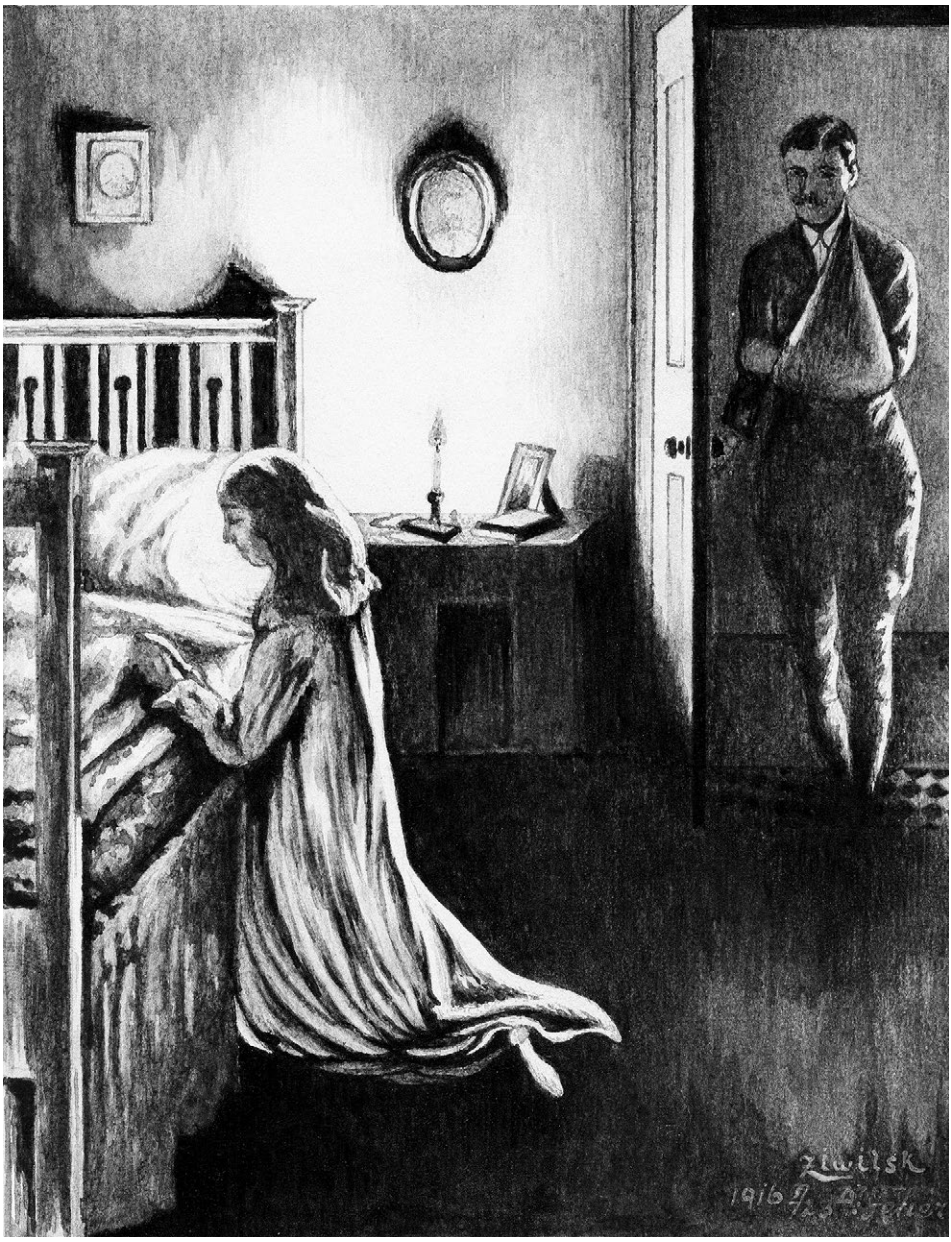


Красноярский лагерь для военнопленных. 1915–1920 гг.
Неизвестный художник. *ККМ*

Землянка в Красноярском военном городке. 1915–1917 гг. Неизвестный художник. *ККМ*



Похоронка. 1916 г. Художник Фехер. *ККМ*



Возвращение. 1916 г. Художник Фехер. *ККМ*

Основные даты биографии Геро фон Мергарта

1886 г., 17 октября — в семье офицера Вальтера Мергарта, урожденного Бернегга, и его супруги Каролины в фамильном владении на Боденском озере (на границе Австрии, Швейцарии, Германии) родился Геро Курт Карл Мария Мергарт фон Бернегг.

1907 г. — после окончания народной школы и гимназии сдает экзамен на аттестат зрелости, после чего добровольцем проходит службу в армии, в пехотном полку № 14.

1908 г. — начинает учебу в Мюнхенском университете, где изучает естественную историю и географию, специализируется по геологии.

1913 г. — защищает диссертацию «Меловой и третичный периоды между Хохбланкеном и Рейном». Работает ассистентом в Мюнхенском государственном антропологo-археологическом собрании под руководством известного антрополога, проф. И. Ранке.

1914 г. — с началом Первой мировой войны призван на службу старшим лейтенантом резерва австро-венгерской армии. 10 декабря в Галиции (Западная Украина) попадает в русский плен. Определен в офицерский лагерь в Чите, затем был переведен в Канск.

1919 г. — при посредничестве Эльзы Брендстрём, делегата Шведского Красного Креста, поступает на работу в Музей Приенисейского края в Красноярске в качестве реставратора. При советской власти был назначен заведующим археологическим отделом музея.

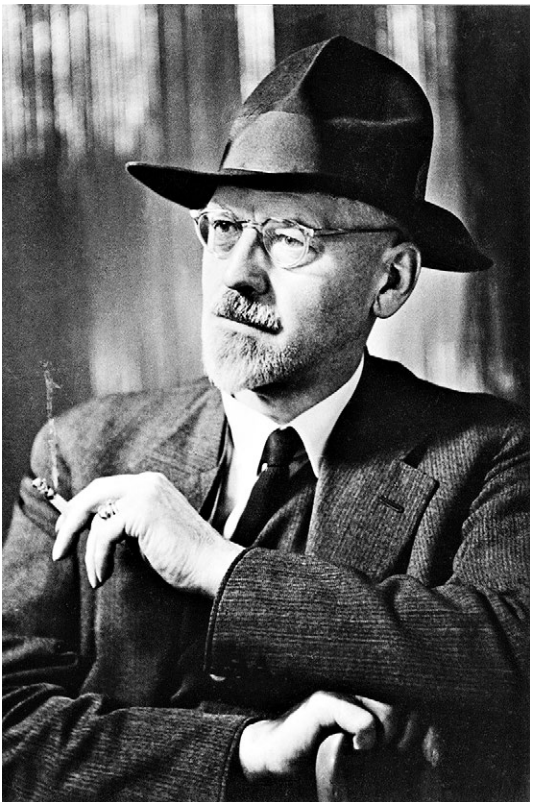
1920 г. — проводит исследования на обширной территории от д. Означенной на юге края до г. Енисейска — на севере. Результаты работ обобщены в многочисленных отчетах и публикациях.

1921 г., 29 июня — покидает Красноярск, несколько месяцев работает в музеях Казани, Москвы, Петрограда. Осенью возвращается на родину, в Австрию. Переезжает в Мюнхен, где живет в последующие годы.

1922 г. — женится на Барбаре Нюшелер (умерла в 1931 г.), в 1923 г. рождается сын Ульрих.

1924 г. — защищает диссертацию «Бронзовый век на Енисее». Работу в Музее Фердинанда в г. Инсбруке (Австрия) совмещает с преподаванием в Инсбрукском университете.

1926 г. — выходит в свет книга «Бронзовый век на Енисее». Руководит отделом древней истории Форарльбергского земельного музея.



Геро фон Мергарт, Марбург-на-Ланне. 1945 г. Фотограф В. Ден. *Архив Форарльбергского краеведческого музея*

1927 г. — приглашен на должность ассистента директора Римско-Германского музея в Майнце.

1928 г., 1 мая — становится первым штатным профессором древней истории Германии на впервые учрежденной кафедре древней истории г. Марбурга-на-Ланне (Германия). Одновременно является доверенным представителем общества охраны памятников в Гессене (округ Кассель, Германия).

1930 г. — вступает в конфликт с Гансом Райнертом, руководителем Государственного союза немецкой древней истории; это противостояние к 1933 г. перерастает в общий конфликт с нацистским режимом.

1938 г. — отстранен от преподавания.

1942 г. — отправлен на пенсию.

1945 г. — возобновляет преподавательскую деятельность в Марбурге-на-Ланне.

1949 г. — покидает Марбург, уезжает в фамильный майорат в Швейцарию, где продолжает вести научную работу.

1957 г., 15 июня — на праздновании 100-летия Форарльбергского краеведческого союза в г. Брегенце (Австрия) выступает с последним в своей жизни публичным докладом об истории исследования Альп.

1959 г., 4 марта — умирает в Кройцлинге (кантон Тургау, Швейцария). Похоронен на фамильном кладбище близ церкви Бернрэйн.

Литература

Алымов С. С. Дмитрий Николаевич Анучин: «Естественная история человека в обширном смысле этого слова» // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М.: Наука, 2004. С. 7–48.

Баташев М. С. Коллекция А. А. Савельева с верховьев р. Кеть в фондах КККМ // Археология и этнография Приобья: Материалы и исследования. Сб. трудов кафедры археологии и этнологии ТГПУ. Вып. 4. Томск: ТГПУ, 2011. С. 225–248.

Белозерова И. В., Кузьминых С. В. Жизненный и научный путь В. А. Городцова (по архивным документам и воспоминаниям) // *Городцов В. А.* Дневники (1928–1944). В 2-х кн. Кн. 1: 1928–1935. М.: Триумф принт, 2015. С. 14–85.

Белозерова И. В. Князь Н. С. Щербатов (1853–1929). Материалы к биографии // Забелинские научные чтения — год 2002-й. Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры / Труды ГИМ. Вып. 136. М., 2003. С. 478–500.

Бич О. И. Архив А. А. Спицына: (Крайние даты архивных материалов 1880–1931 гг.) // СА. 1948. Т. X. С. 21–52.

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2005. 270 с.

Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 179 с.

Василевская А. В. Иннокентий Васильевич Тюшняков // Мартьяновские краеведческие чтения (2014–2015 гг.): Сб. докл. и сообщ. Минусинск: Издател. решения, 2016. Вып. IX. С. 316–319.

Вдовин А. С., Гуляева Н. П., Макаров Н. П., Баташев М. С., Васильев А. Д., Выдрин Е. В. Русское географическое общество в Красноярске (1901–1937 гг.). Красноярск: КГПУ, 2001. 120 с.

Вдовин А. С., Кузьминых С. В. Сергеев Сергей Михайлович (1879–1947): начало научной деятельности // Археология Южной Сибири. Вып. 24. Сб. науч. тр., посвященный 30-летию кафедры археологии КемГ У. Кемерово: Летопись, 2006. С. 168–174.

Вдовин А. С., Кузьминых С. В. Археология и Ачинско-Минусинская железная дорога // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: история, современное состояние, перспективы. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2009. Т. 1. С. 62–64.

Вдовин А. С., Кузьминых С. В. Частные археологические коллекции из Енисейского округа // Енисейский Север: история и современность: Сб. науч. ст. Красноярск: КГПУ, 2011. Вып. 1. С. 96–108.

Вдовин А. С., Макаров Н. П. Н. К. Ауэрбах — ученый и организатор науки в Сибири // Уральский исторический вестник. 2015. № 3. С. 16–25.

Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922 гг. К истории советско-венгерских интернациональных связей. М.: Наука, 1980. 300 с.

Гаген-Торн Н. И. Лев Яковлевич Штернберг. М.: Вост. лит., 1975. 237 с.

Гринберг Ю. Г. Л. А. Чернышев — архитектор и строитель здания красноярского музея // Век подвижничества. Красноярск: Красноярск. кн. изд-во, 1989. С. 16–23.

Гущина Е. Г. Этнографический музей Казанского университета: история формирования и основные этапы развития. Казань: Отечество, 2013. 108 с.

Грязнов М. П., Комарова М. Н. Раскопки у горы Тепсей на Енисее // Археологические открытия 1968 года. М.: Наука, 1969. С. 176–179.

Двадцатипятилетие Красноярского городского музея (1889–1914). Красноярск: Красноярск. подотдел ВСО ИРГО, Енисейская губ. эл.-тип., 1915. 166 с.

Декреты Советской власти. Т. I: 25 октября 1917 — 16 марта 1918 г. / Сост. С. Н. Валк и др. М.: Госполитиздат, 1957. 624 с.

Декреты Советской власти. Т. II: 17 марта 1918 — 2 июля 1918 г. / Сост. С. Н. Валк и др. М.: Госполитиздат, 1959. 699 с.

Документы героической борьбы. Сборник документальных материалов, посвященных борьбе против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции на территории Енисейской губернии (1918–1920 гг.). Красноярск: Красноярск. кн. изд-во, 1959. 560 с.

Детлова Е. В. Письма Геро Мергарта в красноярский музей // Енисейская провинция. Красноярск: КГПУ, 2007. Вып. 7. С. 76–87.

Детлова Е. В. Встреча в Казани (к биографии Н. Ф. Катанова) // Енисейская провинция. Альманах. Вып. 4. Красноярск: КККМ, 2009. С. 352–354.

Детлова Е. В. «Глава и вождь» музейного дела в Красноярске // Аркадию Яковлевичу Тугаринову посвящается: Сб. науч. ст. Красноярск: КККМ, 2011. С. 92–128.

Детлова Е. В. В. Д. Кожанчиков и Геро фон Мергарт: штрихи к портрету // Мартьяновские краеведческие чтения (2014–2015 гг.): Сборник докладов и сообщений. Минусинск: Издательские решения, 2016. Вып. IX. С. 323–326.

Дмитриева И. А. Богоявленский Сергей Константинович (1872–1947) // Историки России: Биографии. М.: РОССПЭН, 2001. С. 502–509.

Доннер К. У самоедов в Сибири. Томск: Ветер, 2008. С. 163–165.

Дэвлет М. А. Д. А. Клеменц как археолог // СА. 1963. № 4. С. 3–9.

Дэвлет М. А. Александр Васильевич Адрианов. К 150-летию со дня рождения. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 68 с.

Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск: Русская энциклопедия, 1998. 735 с.

Ермолаева Л. Н. Научной библиотеке им. Н. М. Мартьянова — 125 лет // Мартьяновские краеведческие чтения (2003–2004 гг.): Сб. докл. и сообщ. Минусинск: Тип. «Светоч», 2005. Вып. III. С. 6–8.

Ефименко П. П. Некоторые находки каменных орудий в Тверской и Новгородской губерниях и их место в системе европейской палеоэтнологии // Русский антропологический журнал. 1916. № 1–2. С. 66–82.

Интернационалисты. Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России. М.: Наука, 1987. 450 с.

Китова Л. Ю. Сергей Александрович Теплоухов // РА. 2010. № 2. С. 166–173.

Кузьминых С. В., Детлова Е. В. Проблемы бронзового и раннего железного веков Северной Евразии в трудах и переписке А. М. Тальгрена и Г. Мергарта // Эпоха бронзы и ранний железный век: Матер. III Междунар. конф. «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации» / Археология евразийских степей. № 3. Казань: ИА АН РТ, 2017. С. 37–62.

Кузьминых С. В., Детлова Е. В., Салминен Т. Геро фон Мергарт и его последнее воспоминание о Сибири // Археологические материалы и исследования Северной Азии древности и средневековья. Томск: ТГУ, 2007. С. 160–173.

Кызласов Л. Р. Чаатасы Хакасии // Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980. С. 108–114.

Макаров Н. П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. Красноярск: Красноярск. кн. изд-во, 1989. С. 131–189.

Макаров Н. П. Археологические исследования А. Я. Тугаринова // Аркадию Яковлевичу Тугаринову посвящается: Сб. науч. ст. Красноярск: КККМ, 2011. С. 9–19.

Мергарт Г. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае (автореферат) // Известия Красноярского отдела Русского географического общества. Т. III. Вып. 1. Красноярск, 1923. С. 29–36.

Мергарт Г. «Воспоминания о Советской России». Письма / Сост. Е. В. Детлова, С. В. Кузьминых. Красноярск: КККМ, 2019. 100 с.

Нансен Ф. В страну будущего: Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Пер. А. и П. Ганзен. Пг.: Изд. К. И. Ксидо, 1915. 454 с.

Никитин С. К. Профессор Александр Григорьевич Агабабов // Казан. мед. журнал. 1965. № 1. С. 156–159.

Овчинников М. П. Материалы для изучения памятников древностей в окрестностях Иркутска // ИВост-СибОРГО. 1908. Т. 35. № 3. С. 62–76.

Петри Б. Э. Вторая поездка в Предбайкалье // Известия Рус. комитета для изучения Сред. и Вост. Азии в историч., археолог., лингвист. и этнограф. отношениях. Сер. II. СПб., 1914. № 3. С. 89–106.

Петри Б. Э. Неолитические находки на берегу Байкала: Предварит. сообщение о раскопках стоянки «Улан-Хода» // Сб. МАЭ при Имп. академии наук. Т. III. Пг.: Изд. Академии наук, 1916. С. 118–132.

Петри Б. Э. Сибирский палеолит // Сб. трудов профессоров и преподавателей Гос. Иркут. ун-та. Иркутск, 1923. Вып. 5. С. 209–253.

Полгода советской власти в Енисейской губернии. Обзор деятельности советских учреждений с января по 1 августа 1920 года. Красноярск: Енисейское губ. гос. изд-во, 1920. 227 с.

Попов Н. Остатки доисторического человека около села Бадай // СЖС. 1925. Вып. 3–4. С. 181–184.

Решетов А. М. Василий Васильевич Радлов // Курьер Петровской кунсткамеры. СПб., 1995. Вып. 1. С. 75–85.

Решетов А. М. С. И. Руденко — антрополог, этнограф, археолог // С. И. Руденко и башкиры / Отв. ред. Р. М. Юсупов, М. В. Мурзабулатов. Уфа: Гилем, 1998. С. 5–25.

Решетов А. М., Кузьминых С. В. Кастрен Матиас Александр // Большая российская энциклопедия. 2009. Т. 13. С. 300.

Руденко К. А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X — начало XIII в.). Казань: Школа, 2014. 768 с.

Салчак Л. М. В. П. Ермолаев — организатор музейного дела в Туве // Мартьяновские краеведческие чтения (2010 г.): Сб. докл. и сооб. Минусинск: Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова. 2010. Вып. VI. С. 61–63.

Савенков И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове. Т. 1. М., 1910. С. 15–76.

Савенкова Т. М., Ковач Л., Вандор А. Ференц Душ (1888–1945) — венгерский военнопленный, антрополог, педагог // Социокультурное освоение Сибири. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 2–5 декабря 2014 г. Красноярск: Резонанс, 2014. С. 267–272.

Семенова Н. Ю. Румянцевский музей // Российская музейная энциклопедия. М.: Прогресс; РИПОЛ классик, 2005. С. 563–565.

Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. Новосибирск: Сиб. краев. изд-во, 1929.

Сибирская советская энциклопедия. Т. 3. Новосибирск: Зап.-сиб. отд-е ОГИЗ, 1932.

Синицына К. Р. «Казанский музейный вестник» (1920–1924 гг.). Казань: КГУ, 1963. 26 с.

Сирина А. А. Забытые страницы сибирской этнографии: Б. Э. Петри // Репрессированные этнографы. 2-е изд. М.: Вост. лит., 2002. Вып. 1. С. 57–80.

Теплоухов С. А. Этнологические исследования в Сибири (1919–1922) // Наука и ее работники. 1922. № 3–4. С. 46–47.

Тихонов И. Л. «Интерес к археологии появился у меня в университете». А. А. Спицын // Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского ун-та. СПб, 2003. Т. 21. С. 91–111.

Томские музеи. Музеи университетов: Материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области». Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 388 с.

Тугаринов А. Я. Андроновские могилы // СЖС. 1926. Вып. 1. С. 153–158.

Уйно П. Исследования финских археологов на территории Минусинской котловины в XIX — начале XX в. // Мартьяновские краеведческие чтения (2003–2004 гг.). Сборник докладов и сообщений. Вып. III. Минусинск, 2005. С. 80–84.

Федосеева И. В. Исторический музей // Российская музейная энциклопедия. М.: Прогресс; РИПОЛ классик, 2005. С. 237–241.

Формозов А. А. О Петре Петровиче Ефименко (материалы к биографии) // Очерки истории отечественной археологии. М.: Наука, 2002. Вып. III. С. 73–126.

Энциклопедический словарь. В 86 т. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб.: Тип. акц. об-ва «Издательское дело», Брокгауз-Ефрон, 1890–1907.

Энциклопедия Красноярского края. Юг. Красноярск: Буква С, 2008. 592 с.

Яворский А. Л., Макаров Н. П. Двадцать лет во главе музея // Век подвижничества. Красноярск: Красноярск. кн. изд-во, 1989. С. 24–42.

Ailio J. Fragen der russischen Steinzeit / SMYA. Vol. 29: 1. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 1922. 110 p.

Brändström E. Unter Kriegsgefangenen in Rußland und Sibirien. 1914–1920. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1922. 134 S.

Detlova K., Swozilek H. Briefe des Gero v. Merhart nach Krasnээojarsk und ein „Vorschlag betreffs der Organisation der archäologischen Erforschung des Jenissei – Gebiets“ // Jahrbuch der Vorarlberger Landesmuseumsvereins – Freunde der Landeskunde 2005. Bregenz, 2006. S. 7–45.

Danckwortt P. W. Sibirien und seine wirtschaftliche Zukunft. Ein Rückblick und Ausblick auf Handel und Industrie Sibiriens. Leipzig, Berlin: Verlag von B. G. Teubner, 1921. X+271 S.

Filip Jan. Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. T. 1. Prag: Academia, 1966. 664 S.+40 taf.

Filip Jan. Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. T. 2. Prag: Academia, 1969. 1758 S.+42 taf.

Glowatzki G. Zur Geschichte der Anthropologischen Staatssammlung München // Festschrift 75 Jahre Anthropologischen Staatssammlung. München, 1977. 319 S.

Heidenreich H. Die sibirische Tagar-Kultur. Ein Beitrag zu den Minusinsk-Bronzen // Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg. Heft 32. Marburg: Philipps-Universität Marburg, 1990. 134 S.

Kai Donner – Linguist, ethnographer, photographer. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2014. 175 p.

Kossak G. Prähistorische Archäologie in Deutschland im Wandel der geistigen und politischen Situation. München. 1999. 134 S.

Krämer W. Fünfundsiebzig Jahre Römisch-Germanische Kommission. Vortrag bei der Festsitzung des Deutschen Archäologischen Institutes in Frankfurt am 13. April 1977 // Festschrift zum 75-jährigen Bestehen der Römisch-Germanische Kommission. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 1979. S. 5–23.

Merhart G. Erinnerungen an Räte-Rußland // Münchener Neueste Nachrichten von 4/25.12.1921, 31.12.1921, 21/22.1.1922.

Merhart G. The palaeolithic period in Siberia: contributions to the prehistory of the Yenisei region // American Anthropologist. 1923. Vol. 25:1. Pp. 23–55.

Merhart G. Beiträge zur Urgeschichte der Jenissei-Gubernie. Bericht über die Öffnung zweier Kurgane in der Abakansteppe // SMYA. 1923. T. XXXIV: 1. S. 2–46.

Merhart G. Beiträge II. Die Gruppe der Kurgane mit Platten-Einzelngrab // SMYA. 1924. T. XXXV: 2. S. 3–19.

Merhart G. Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien: Anton Schroll & Co., 1926. 189 s.

Merhart G. Sibirien, B: Neolithikum // Reallexikon der Vorgeschichte. Berlin: Walter de Gruyter, 1928. Bd. 12. S. 57–70.

Merhart G. Ein Eisenschmelzofen am Jenissei // ESA. T. IV. 1929. S. 189–193.

Merhart G. Der neue Lehrstuhl für Prähistorie an der Universität Marburg // Nachrichtenblatt für deutsche Vorzeit. 4. Jahrgang. Heft 10. 1928. S. 145–149.

Merhart G. Friedrich Holste // Nachrichtenblatt für Deutsche Vorzeit. 18. Jahrgang. Heft 5–6. 1942. S. 113–115.

Merhart G. Das Römisch-Germanische Zentralmuseum, Rückblick und Ausblick. Festvortrag zur Hundertjahrfeier am 30. September 1952 // Festschrift Römisch-Germanisches Zentralmuseums. Mainz, 1952. Bd. 3 (1953). S. 194–200.

Merhart G. Die urgeschichtliche Erschließung der Alpen und der Vorarlberger Landesmuseumsverein // Jahrbuch des Vorarlberger Landesmuseumsvereins 1958/59. Bregenz: Selbstverlag vom Vorarlberger Landesmuseumsverein, 1959/60. S. 177–184.

Merhart G. Einige Erinnerungen an Sibirien // Palaeologia. Osaka: Kodaigaku Kyōkai, 1958. № 7. S. 227–229.

Merhart G. Daljoko: Bilder aus sibirischen Arbeitstagen. Innsbruck: Privatdruck, 1960. 208 S.

Merhart G. Daljoko: Bilder aus sibirischen Arbeitstagen. Wien-Köln-Weimar: Böhlau-Verlag, 2008. 287 S.

Merhart G. Erinnerungen an Räte-Rußland // Gero von Merhart: Ein deutscher Archäologe in Sibirien 1914–1921/ Deutsch-Russisches Symposium 4–7. Juni 2009, Marburg. Marburg, 2010. S. 29–37. (Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg. Heft 59.)

Sangmeister E. 50 Jahre Vorgeschichtliches Seminar des Philipps-Universität Marburg // Festschrift zum 50jährigen Bestehen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Marburger Studien zu Vor- und Frühgeschichte. Gladenbach: Verlag Kempkes, 1977. Bd. 1. S. 1–44.

Swozilek H. Zum Büchergeschenk des Prähistorikers Gero von Merhart (Bregenz 1886 — Kreuzlingen 1959) im Vorarlberger Landesmuseum // Vierteljahresschrift für Geschichte und Gegenwart Vorarlbergs. Monrfort. 60. Jahrgang, 2008. Heft 4. S. 297–316.

Tallgren A. M. Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conserves chez le Dr Karl Hedman a Vasa. Chapitres d'archéologie sibérienne. Helsingfors, 1917. Pp. 14–17.

Tallgren A. M. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale / SMYA. T. XXXI: 1. Helsinki, 1919. 203 p.

Tallgren A. M. Geschichte der antiquarischen Forschung in Finnland // ESA. 1936. T. X. S. 199–261.

Zur Geschichte des Innsbrucker Institutes für Ur- und Frühgeschichte // Festschrift zum 50jährigen Bestehen des Institutes für Ur- und Frühgeschichte der Leopold-Franzens-Universität Innsbruck (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie). Bd. 8. Bonn: In commission bei Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1992. 627 S.

Список сокращений

АлтГУ — Алтайский государственный университет
АН РТ — Академия наук Республики Татарстан
АН СССР — Академия наук СССР
АН УССР — Академия наук УССР
БРЭ — Большая российская энциклопедия
ВСОРГО — Восточно-Сибирский отдел РГО
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ГУНБ КК — Государственная универсальная библиотека Красноярского края
ИВост-СибОРГО — Известия Восточно-Сибирского отдела РГО
ЗСемипалПЗап-СибОРГО — Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела РГО
ИА АН РТ — Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ
ИА РАН — Институт археологии РАН
ИАЭ СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
КГУ — Казанский государственный университет
КемГУ — Кемеровский государственный университет
КГПУ — Красноярский государственный педагогический университет
КККМ — Красноярский краевой краеведческий музей
МАО — Московское археологическое общество
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
МГУ — Московский государственный университет
НА КККМ — научный архив КККМ
НКП — Народный комиссариат просвещения
ОмГУ — Омский государственный университет
РАН — Российская академия наук
РНБ — Российская национальная библиотека
РИМ — Российский исторический музей
СА — Советская археология
СЖС — Сибирская живая старина

СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
РА — Российская археология
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
РГО — Русское географическое общество
ТГУ — Томский государственный университет
ТГПУ — Томский государственный педагогический университет
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
SMYA — Suomen Muinais-muistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki

Список иллюстраций

Обложка

Деревня на берегу реки. Художник Д. И. Каратанов. 1921 г. *КККМ.*

Брегенц, Верхний город. Художник Бартл Клебер. 1953 г. *Public domain.*

Форзац

Вид на мост через реку Енисей. 1899 г. *КККМ.*

Нахзац

Вид на город Брегенц. Художник Хуберт Заттлер. До 1904 г. *Public domain. Wikimedia.org.*

13 Геро фон Мергарт в Марбурге. 1945 г. Фотограф В. Ден. *Архив Форарльбергского краеведческого музея.*

21 Геро фон Мергарт за работой, Марбург-на-Ланне. 1947 г. *Архив Марбургского университета.*

24 Лодки остяков. Туруханский край. Художник Д. И. Каратанов. [1920 г.]. *КККМ.*

24 Лодки остяков. Туруханский край. Художник Д. И. Каратанов. [1920 г.]. *Частная коллекция семьи Мергарт фон Бернегг.*

33 Экслибрис военнопленного австро-венгерской армии Геро фон Мергарта. [1920 г.]. *КККМ*

34 Геро фон Мергарт. 1930-е гг. *Архив Марбургского университета.*

41 Вид на Красноярск с северо-востока. Конец XIX — начало XX в. *КККМ.*

45 Геро фон Мергарт в день мобилизации перед отправкой на фронт. 1914 г. *Архив семьи Мергарт фон Бернегг.*

49 Военнопленные на демонстрации в Красноярске. 1917 г. *КККМ.*

51 Выступление Я. Е. Бограда на первомайской демонстрации в Красноярске. 1918 г. *КККМ.*

51 Первомайская демонстрация в Красноярске. 1918 г. *КККМ.*

53 Военнопленные на митинге в Красноярском военном городке. 1917 г. *КККМ.*

54 Казначейский знак Сибирского Временного правительства. 1920 г. *КККМ.*

57 Группа австро-венгерских военнослужащих. 1913–1915 гг. *КККМ.*

57 Оркестр военнопленных австрийцев в Красноярске. 1916 г. *КККМ.*

59 Дом купца И. Т. Савельева в Красноярске, в котором находился Енисейский губернский отдел ГПУ. 1920 г. *КККМ.*

59 У здания казарм в Красноярском военном городке. 1915–1920 гг. *КККМ.*

61 Окрестности Красноярска, вид на железнодорожный мост. 1927 г. Фотограф А. С. Сыромятников. *КККМ.*

61 Завершение строительства здания красноярского музея. 1929 г. *КККМ.*

63 Лагерь для военнопленных в Красноярском военном городке. 1916 г. *Частная коллекция А. Ульверта (г. Красноярск).*

63 Первомайское шествие рабочих союзов в Красноярске. 1918 г. *ККККМ.*
65 Консерватор Красноярского городского музея А. Я. Тугаринов за работой. 1908 г. *ККККМ.*
65 А. Я. Тугаринов с супругой в экспозиции красноярского музея. 1905–1910 гг. *ККККМ.*
66 Пропуск на право передвижения по Красноярску. 1920-е гг. *ККККМ.*
67 Археологический отдел и склад газет красноярского музея. 1920 г. *ККККМ.*
67 Сотрудники красноярского музея братья А. П. и В. П. Ермолаевы. 1914 г. *ККККМ.*
68 Пропуск, выданный Г. Мергарту и В. П. Ермолаеву для свободного передвижения по Красноярску. 1920 г. *ККККМ.*
69 Сотрудник красноярского музея Г. П. Миклашевская за работой. 1925 г. Фотограф А. В. Кудрявцев. *ККККМ.*
69 Сотрудник красноярского музея М. В. Красноженова. 1936 г. *ККККМ.*
70 Уборка снега в помещении красноярского музея. 1920 г. Фотограф В. П. Ермолаев. *ККККМ.*
71 Сотрудник красноярского музея Н. К. Ауэрбах на раскопках. 1920-е гг. Фотограф А. В. Кудрявцев. *ККККМ.*
72 Черепки сосудов с Батеневской стоянки. 1921 г. Фотограф В. П. Ермолаев. *ККККМ.*
74 Археологические коллекции красноярского музея: сборы со стоянок у деревни Означенной и села Лугавского. 1921 г. Фотограф В. П. Ермолаев. *ККККМ.*
75 Военнопленные Первой мировой войны на строительстве Ачинско-Минусинской железной дороги. 1915 г. Фотограф Н. В. Федоров. *МКМ*
75 Письмо, полученное Г. Мергартом от знакомого военнопленного. 1918 г. *ККККМ.*
76 Объяснительная записка военнопленного германской армии Макса Лука коменданту Красноярского военного городка о своем необоснованном аресте. 21 августа 1917 года. *ККККМ.*
85 После ледохода на пристани у Красноярска. 1921 г. Фотограф В. П. Ермолаев. *ККККМ.*
85 Плашкоутная переправа через Енисей в Красноярске. 1913 г. Фотограф Л. Ю. Вонаго. *ККККМ.*
87 Енисей в окрестностях Минусинска. 1910-е гг. *ККККМ.*
87 Пристань Батени. 1924 г. Фотограф Л. Ю. Вонаго. *ККККМ.*
89 Прибытие парохода «Сокол» на пристань Батени. 23 июля 1908 г. Фотограф Л. Ю. Вонаго. *ККККМ.*
91 Команда конных разведчиков в лесу. 1917 г. *ККККМ.*
91 Командный состав партизанской армии Степного Баджея, в центре — А. Д. Кравченко. 1919 г. *ККККМ.*
97 Г. П. Сосновский и Н. К. Ауэрбах в экспозиции Музея Приенисейского края. 1924 г. Фотограф А. В. Кудрявцев. *ККККМ.*
101 А. М. Тальгрен. 1930-е гг. *Музейное ведомство Финляндии.*
105 Дюны близ села Батени. 1913 г. *ККККМ.*
105 Полынная степь в долине реки Уйбат. Конец XIX — начало XX в. *ККККМ.*
107 Здание минусинского музея. После 1904 г. *ККККМ.*
109 Курган близ озера Шира в Хакасии. 1910-е гг. *ККККМ.*
111 У каменной бабы в ширинской степи. 1910–1920-е гг. Фотограф Л. Ю. Вонаго. *ККККМ.*
116 Железнодорожная станция Шира. 1924 г. Фотограф Л. Ю. Вонаго. *ККККМ.*

117 Экспедиция А. Я. Тугаринова в д. Означенную. 1913 г. *ККККМ.*
117 Группа минусинских татар (хакасов). До 1910 г. *ККККМ.*
119 Группа минусинских татар (хакасов). До 1910 г. *ККККМ.*
119 Хакасская юрта. 1920 г. Фотограф В. П. Ермолаев. *ККККМ.*
120 Хакасская свадьба. 1914 г. *ККККМ.*
123 Хакасы в улусе. Начало XX в. *ККККМ.*
123 Группа хакасских женщин и детей в районе озера Шира (фрагмент фотографии). [1908 г.]. Фотограф Л. Ю. Вонаго. *ККККМ.*
127 Майнский порог на Енисее близ деревни Означенной. 1913 г. *ККККМ.*
127 Казачинский порог на Енисее. 1931 г. Фотограф Л. А. Сыдинский. *ККККМ.*
129 Река Енисей от устья реки Кемчика до Минусинска. 1910-е гг. *ККККМ.*
133 Песок Зверевский, рыбак Краснопеев с нельмой. 1927 г. Фотограф П. В. Тюрин. *ККККМ.*
135 На лодке в порогах. Начало XX в. *ККККМ.*
137 Землечерпалка на Енисее. 1920-е гг. *ККККМ.*
139 Женщина-рыбак на шитике с сетью на реке Чуне. Фотограф В. С. Кузьмин. *ККККМ.*
139 Молотьба в деревне Воронинской. 1914 г. *ККККМ.*
142 Енисейский остяк. Первая треть XX в. *ККККМ.*
143 Группа енисейских остяков на становище у костра. Первая треть XX в. *ККККМ.*
147 Большая улица в Енисейске. 1880-е гг. *ККККМ.*
147 Вид на Енисейск. Конец XIX в. *ККККМ.*
148 Здание Енисейского городского музея имени А. И. Кытманова. 1914 г. *ККККМ.*
151 Подворье И. Г. Гадалова в Енисейске. Конец XIX в. *ККККМ.*
153 Экспозиция отдела этнографии в Енисейском городском музее. 1914 г. *ККККМ.*
153 Экспозиция отдела этнографии в Енисейском городском музее. 1914 г. *ККККМ.*
159 Крестьянская усадьба в селе Анцирском. 1911 г. *ККККМ.*
159 Старинный тип крыльца в селе Анцирском. 1912 г. *ККККМ.*
161 Крестьянская кошевка с грузом. 1900–1910-е гг. *ККККМ.*
161 Крестьянка-водовоз в Сухобузимском районе. 1928 г. Фотограф Б. И. Шангин. *ККККМ.*
165 Крестьянские телеги в селе Богучаны. 1911 г. *ККККМ.*
165 Семья старовера Зайкова из деревни Выезжий Лог. 1913 г. Фотограф А. Я. Тугаринов. *ККККМ.*
167 Тройка на Сибирском тракте. Начало XX в. *ККККМ.*
171 Зажиточный крестьянский дом в деревне Ловать Канского уезда. 1900-е гг. Фотограф Г. М. Ковтунов. *ККККМ.*
171 Церковь в деревне Кубеково. 1910-е гг. *ККККМ.*
173 Крестьянки за жатвой. 1920-е гг. Фотограф А. В. Кудрявцев. *ККККМ.*
173 Зимняя дорога в кемчугской тайге. 1907 г. Фотограф Л. Ю. Вонаго. *ККККМ.*
175 Крестьянин за сохой-рогалюхой, деревня Гавриловская Пинчугской волости. 1908 г. Фотограф Н. В. Благовещенский. *ККККМ.*
175 Амбар в деревне Кондратьевой на реке Чуне. 1916 г. *ККККМ.*
177 Перевозка сена. 1920 г. *ККККМ.*
179 Крестьянская семья. Начало XX в. *ККККМ.*
179 За чаепитием в Канске. 1905 г. Фотограф Г. М. Ковтунов. *ККККМ.*
181 Семья за чаепитием. 1905–1910 гг. *ККККМ.*

181 Крестьянская семья в селе Есаулово. 1928 г. Фотограф Б. И. Шангин. *ККККМ.*
183 Крестьянская старожильческая семья в деревне Енисейка Канского уезда. 1911 г. *ККККМ.*
183 Крестьянское подворье в сибирской деревне. 1920-е гг. *ККККМ.*
185 Крестьянин-охотник из деревни Означенной. 1913 г. *ККККМ.*
187 Охотник-сибиряк. 1925 г. Фотограф П. В. Тюрин. *ККККМ.*
189 Казаки в Урянхае. 1918 г. *ККККМ.*
189 Казаки. Конец XIX — начало XX в. *ККККМ.*
197 А. Я. Тугаринов со своим помощником А. П. Ермолаевым. Начало XX в. *ККККМ.*
197 Коллегия Музея Приенисейского края. Во втором ряду третий слева — Г. Мергарт. 1920 г. *ККККМ.*
199 Заиндевелое помещение Музея Приенисейского края. 1920 г. *ККККМ.*
199 Сотрудники Музея Приенисейского края за работой. 1920-е гг. *ККККМ.*
201 Группа сотрудников Государственного музея Приенисейского края в 1924 г. Фото А. В. Кудрявцева. *ККККМ.*
203 Фрагмент археологической экспозиции красноярского музея. 1920-е гг. *ККККМ.*
203 Фрагмент археологической экспозиции красноярского музея. 1920-е гг. *ККККМ.*
205 Фрагмент экспозиции красноярского музея в старом здании. Начало XX в. *ККККМ.*
207 Торговля на Новобазарной площади. 1915 г. Фотограф А. Я. Тугаринов. *ККККМ.*
209 Новобазарная площадь. 1915 г. Фотограф А. Я. Тугаринов. *ККККМ.*
213 Объявление об эвакуации бывших военнопленных на родину. [1920 г.]. *ККККМ.*
215 Геро фон Мергарт в день возвращения на родину. 1921 г. *Архив семьи Мергарт фон Бернегг.*
217 Открытка на тему борьбы с тифом. 1920-е гг. *ККККМ.*
219 Продовольственная карточка Г. Мергарта. 1920 г. *Марбургский университет.*
219 Хлебная карточка Г. Мергарта. 1920 г. *Марбургский университет.*
221 Талон на посещение кафе для военнопленных офицеров. 1920 г. *ККККМ.*
227 Железнодорожный вокзал в Красноярске. Конец XIX — начало XX в. *ККККМ.*
229 Удостоверения Г. Мергарта и А. Я. Тугаринова на право проезда по железной дороге. 1920 г. *ККККМ.*
241 Казанский Кремль и река Казанка. Начало XX в. *ККККМ.*
241 Казенная пристань на Волге. Начало XX в. *ККККМ.*
243 Н. Ф. Катанов с сибирячками. 1901 г. *ККККМ.*
245 Москва, памятник Александру II в Кремле. Начало XX в. *ККККМ.*
257 Казанский собор в Санкт-Петербурге. Начало XX в. *ККККМ.*
257 Невский проспект в Санкт-Петербурге. Начало XX в. *ККККМ.*
259 Экслибрис Тирольско-Форарльбергского землячества военнопленных Красноярского лагеря. [1918 г.]. *ККККМ.*
275 Группа сотрудников Музея Приенисейского края в 1923 г. Фото А. В. Кудрявцева. *ККККМ.*
291 Конверт одного из мюнхенских писем Геро фон Мергарта в красноярский музей. *ККККМ.*
295 Первая страница машинописного письма Геро фон Мергарта в красноярский музей. 22 апреля 1923 г. *ККККМ.*
299 Письмо Геро фон Мергарта А. Я. Тугаринову из летней экспедиции в Минусинскую котловину. 1920 г. *ККККМ.*
300 Объявление Енисейского губернского комиссара о проведении переписи военнопленных. 1917 г. *ККККМ.*

301 Объявление помощника управляющего Енисейской губернией Г. Бондаря о формировании в Красноярске отряда милиции особого назначения. 1918 г. *РНБ.*

302 Приказ начальника гарнизона Красноярска полковника Гулидова о поверке военнопленных. 1918 г. *РНБ.*

303 Воззвание к населению Красноярска командующего войсками и губернского исполкома. 1918 г. *ГУНБ КК.*

304 Приказ военных властей Красноярска об объявлении в городе осадного положения. 1918 г. *РНБ.*

305 Постановление начальника Красноярского военного района. 1919 г. *ГУНБ КК.*

306 Воззвание к минусинцам командующих крестьянской армией А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. 1919 г. *КККМ.*

307 Обращение управляющего Енисейской губернией П. С. Троицкого к населению. [1919 г.]. *РНБ.*

308 Приказ Енисейского губвоенревкома об аннулировании колчаковских денежных знаков. 1920 г. *КККМ.*

309 Приказ Ачинского уездного военного комиссариата о мобилизации на сельхозработы бывших военнопленных. 1920 г. *КККМ.*

310 Приказ Ачинского уездного комитета по трудовой повинности о высылке бывших военнопленных и беженцев в Ачинск. 1920 г. *КККМ.*

311 Приказ Енисейской уездной ЧК о явке бывших военнопленных венгров для регистрации. 1920 г. *КККМ.*

312 Объявление начальника района Енисейской уездной милиции о регистрации военнопленных. 1921 г. *ГУНБ КК.*

312 Объявление Енисейского уездного исполкома об эвакуации военнопленных. 1921 г. *ГУНБ КК.*

312 Объявление начальника Енисейской уездной милиции о регистрации военнопленных венгерских офицеров. 1921 г. *ГУНБ КК.*

313 Красноярский лагерь для военнопленных. 1915–1920 гг. Неизвестный художник. *КККМ.*

315 Землянка в Красноярском военном городке. 1915–1917 гг. Неизвестный художник. *КККМ.*

315 Землянка в Красноярском военном городке. 1915–1917 гг. Неизвестный художник. *КККМ.*

316 Красноярский лагерь для военнопленных. 1915–1920 гг. Неизвестный художник. *КККМ.*

316 Лагерь в Красноярском военном городке. 1915–1917 гг. Неизвестный художник. *КККМ.*

317 На рынке. 1915–1921 гг. Неизвестный художник. *КККМ.*

317 Казак. 1915–1921 гг. Неизвестный художник. *КККМ.*

318 Красноярский лагерь для военнопленных. 1915–1920 гг. Неизвестный художник. *КККМ.*

319 Землянка в Красноярском военном городке. 1915–1917 гг. Неизвестный художник. *КККМ.*

319 Похоронка. 1916 г. Художник Фехер. *КККМ.*

320 Возвращение. 1916 г. Художник Фехер. *КККМ.*

322 Геро фон Мергарт, Марбург-на-Ланне. 1945 г. Фотограф В. Ден. *Архив Форарльбергского краеведческого музея.*

Геро фон МЕРГАРТ

Далёко: картины из сибирских будней

Составление и перевод:
Екатерина Детлова

Примечания и комментарии:
Екатерина Детлова, Сергей Кузьминых

Литературное редактирование, корректура:
Евлалия Мазаник

Верстка, допечатная подготовка:
Александр Ульверт

Подписано в печать 21.09.2023.
Заказ № 47051.
Формат 100 × 70/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ООО «Полихром».
Россия, 660049, г. Красноярск,
ул. Дубровинского, 58,
тел. (391) 227-77-53

ISBN 978-5-6049181-5-9

Мемуары «Далёко: картины из сибирских будней» принадлежат перу известного европейского археолога Геро фон Мергарта (1886–1959), который попал в Сибирь как военнопленный офицер Первой мировой войны и провел здесь почти 7 лет. Последние два года он возглавлял отдел археологии Красноярского краеведческого музея. Эта книга — своего рода путевой дневник, серия очерков о нашем крае, людях, условиях жизни и работы в самое непростое для страны время Гражданской войны. На русском языке мемуары публикуются впервые. Повествование органично дополняют «Воспоминания о Советской России» Геро фон Мергарта, а также его письма в красноярский музей.